**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

М. К. Айдем

"Испытание Джасинды"

Серия: *Высшие (книга 3)*

Автор: М. К. Айдем
Название на русском: Испытание Джасинды
Серия: Высшие (книга 3)
Перевод: Танюшка Баюр, Mari, Mila Rush
Редактор: Mari, Eva_Ber
Обложка: Таня Медведева
Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Джотэм — король Дома Защиты. Он — самый молодой король в истории Кириниана, занявший эту должность на своем двадцатом цикле из-за внезапной смерти отца. Через сорок циклов после принятия королевского статуса он встретил свою спутницу жизни, Лату, и женился на ней. Но транспортная катастрофа забрала жизнь его возлюбленной, которая подарила ему двух сыновей. Его младший сын, Дадриан, в попытке захватить трон отца, погиб по нелепой случайности, упав с лестницы при побеге. Теперь же его первенец, Барек, интересуется женщиной, и Джотэм собирается узнать о ней все, что сможет.

Джасинда — подданная Дома Исцеления и вдова члена Ассамблеи Дома Защиты. Стефан был ее спутником жизни, и она была счастлива с ним, несмотря на их разницу в возрасте в двадцать циклов. Его внезапная смерть опустошила женщину, и лишь забота о трех их детях, дала желание и силы выжить. В циклах, последовавших за смертью Стефана, Джасинда научилась жить со своей потерей и, что более важно, узнала, что жизнь все же может еще принести радость и стать полноценной.

Джотэм вызвал Джасинду во дворец с единственным намерением попросить о помощи в сборе информации об Амине, ее внучатой племяннице. Но его план тут же провалился, едва Джасинда узнала о цели приглашения. Она категорически отказалась участвовать в этом, по ее мнению, беспринципном действии. Женщина оспорила не только его право вмешиваться в личные планы Барека, но и поставила под сомнение его благочестивую жизнь после смерти Латы.

Две сильные, волевые и влиятельные личности объединяются после тяжелейшего жизненного опыта — встретив и полюбив свою половинку, пережить потерю любимого человека и прожить мучительные годы одиночества.

Смогут ли они найти общий язык и достаточно мужества, чтобы рискнуть открыться новым чувствам? Или же им суждено прожить остаток жизни в горьком одиночестве?

ПРОЛОГ

— Брач, прикажи подать мой личный транспорт, — обратилась Лата к начальнику своей охраны.

— Королева Лата, приближается буря, — попытался отговорить ее Брач.

— Мне все равно. Я хочу выйти на некоторое время. Сообщи остальным стражникам, и пусть его доставят. Я зайду к Бареку, а потом спущусь вниз, — Лата направилась к сыну, зная, что ее приказ будет в точности выполнен.

— Я не хочу! — гневные слова сына Лата услышала еще до того, как увидела его. Она мягко улыбнулась: ее сын был так же упрям, как и его отец. Барек очень похож на Джотэма.

— И чего именно ты не хочешь, молодой человек? — спросила она, входя в комнату.

— Мама! — при появлении матери сердитое выражение тут же исчезло с мальчишеского лица. Пробежав через всю комнату, он прыгнул в ее объятия, зная, что она всегда будет рядом и всегда поймает его.

— Привет, детка, — Лата обняла маленькое тельце сына, поцеловала его в макушку и с любовью заглянула ему в глаза. — Так чего же ты не хочешь делать?

— Я не хочу учиться, мама! Я хочу играть! Я хочу поиграть с тобой! — он заерзал в ее руках в попытке освободиться, пока мать не поставила его на пол. Взяв ее за руку, мальчик потянул ее вглубь комнаты. — Поиграй со мной, мама! — его голосок умолял.

— О, Барек, мне бы очень хотелось, но мне нужно уйти.

— Можно мне пойти с тобой, мама? С тобой я всегда узнаю гораздо больше, — его фиалковые глаза умоляли, а от его улыбки, так похожей на отцовскую, у нее таяло сердце. Эта магическая улыбка безошибочно действовала на женщину, помогая сыну выпутаться из большего количества заварушек и избежать наказания. Она просто не могла сказать ему «нет», и этот маленький негодник прекрасно знал это и умело пользовался ее расположением.

Лата почти сдалась. Ей нравилось проводить время с сыном. С ним даже самый тяжелый день становился терпимым, но сегодня ей нужно было побыть одной, не королевой, не женой, не матерью, а просто самой собой. Женщиной. Латой.

Она не смогла бы этого сделать, если бы с ней был Барек.

— Ваши доводы очень убедительны, молодой человек, и когда-нибудь ты станешь потрясающим консулом, но сегодня ты останешься здесь с Наной.

— Но, мама, ты всегда говоришь, что тебе веселее, когда я рядом, — продолжал уговаривать мальчик.

— Так и есть. Вот что я тебе скажу, — быстро проговорила она, останавливая взглядом его сопротивление. — Ты останешься здесь с Наной и будешь хорошим мальчиком, а когда я вернусь, мы тотчас пойдем играть в сад.

— Но, мама...

— Хватит, Барек! — Лата поежилась от резкости своих слов. — Мне очень жаль, малыш, но я должна идти, — она бережно оторвала его пальчики от своей руки и мысленно улыбнулась, когда он скрестил свои маленькие ручки на груди, упрямо поджал губы и впился в нее недовольным взглядом. — Делай, как я говорю, молодой человек, или я не вернусь к тебе сегодня, — развернувшись, она вышла из комнаты.

* * *

Лата проклинала себя, продираясь сквозь усиливающуюся бурю. Ну, почему она не послушалась Брача? Почему не осталась поиграть с Бареком? Джотэм очень рассердится, когда узнает, что она настояла на этой опасной поездке, и он имел на это полное право.

Это была совсем необычная буря. Небеса в мгновение ока почернели и разом выплеснули на землю все свои осадки. Теперь все дороги были затоплены, что осложнило вождение настолько, что сделало его очень опасным и почти невозможным. Осложняла ситуацию узкая дорога, не позволяющая остановиться и посадить за руль одного из своих охранников, которые двигались позади. Придется самостоятельно выбираться из этой передряги. Лата заставила себя сконцентрироваться на вождении и сосредоточилась на том, чтобы благополучно добраться домой, к своей семье. Она, наконец, расслабилась, когда обогнула последний поворот у подножия холма.

Внезапный неимоверный грохот застал женщину врасплох и вынудил вздрогнуть от ужаса всем телом; ее глаза расширились, когда она увидела, что склон холма перед ней начал сдвигаться. Ударив по тормозам, Лата попыталась замедлить движение транспорта, но было уже поздно. Дорога исчезла, и оползень затянул ее в бездну.

— Джотэм! Барек! — в полном бессилии кричала она. Ее последние мысли были о дорогих сердцу людях — муже и сыне.

Глава 1

Джотэм вошел в царскую гробницу и удивленно замер, обнаружив Барека, сидящего на скамье, которую король поставил перед местом упокоения Латы вскоре после того, как она встретила предков. Он уже собирался заговорить, когда Барек почтительно провел пальцем по губам матери на портрете, вырезанном Джотэмом на могильном камне. Видимо, он издал какой-то звук, потому что сын внезапно напрягся и посмотрел в его сторону.

— Отец, — удивился он и убрал руку от надгробья.

— Барек, я не знал, что ты вернулся во дворец. Я думал, что ты задержишься подольше в Доме Знаний.

— Виктория и Лукас жаждали отправиться в медовый месяц — я не могу винить их, не сейчас, когда «Хранитель» скоро уйдет в рейд. Так что причин оставаться не было.

— А Амина? — Джотэм внимательно следил за реакцией сына.

— Амина? О чем ты говоришь? — Барек удивленно поднял бровь.

— Ты, кажется, заинтересовался?

— Амина еще ребенок, — его взгляд вернулся к портрету матери.

— У меня сложилось впечатление, что она ровесница Виктории.

— Да, но у нее не было такого жизненного опыта, как у Тори.

— Нет, но ее первые девять циклов проходили на «Возмездии», а затем она работала со своим отцом над циклотронной двигательной установкой. Я бы сказал, что она очень зрелая для своего возраста.

— Что же тебя так заинтересовало в ней, отец?

— Ты мгновенно оказался рядом с ней, когда появился Станник, — Джотэм оценивающе посмотрел на сына.

— Она нуждалась в защите, а я был ближе всех к ней, — пожал тот плечами.

— Понимаю. Мои извинения. Я, должно быть, неправильно понял, — король перевел взгляд на могилу жены. — Почему ты здесь? — когда сын не ответил, Джотэм бросил на него острый взгляд. — Барек?

— Я обнаружил, что не могу вспомнить ее улыбку, — наконец, тихо признался он.

— Что? — Джотэм не смог скрыть своего потрясения.

— У Тори были зрительные образы ее семьи, и я понял, что она похожа на свою мать. Когда Чемберленов спасли, даже с такой больной Синди, сходство было неоспоримым. А сегодня на церемонии союза я понял, что у ее брата, Бретта, тоже улыбка Синди. Что пока он ее сын — часть ее живет в нем. Это заставило меня задуматься о маминой улыбке. Если бы хоть что-то от нее жило во мне. Это единственное место, куда я могу прийти и увидеть ее.

— Ты знаешь, что ее королевский портрет находится в моем личном кабинете.

— Да, но, как ты сам сказал, это твой личный кабинет, и я никогда не войду в него без твоего ведома. Здесь, — Барек указал на гробницу, — единственное место, кроме архива, где есть ее изображение, а я не мог вспомнить...

Джотэм не знал, что сказать сыну. Когда Лата погибла в транспортной катастрофе, Бареку было всего пять циклов, а сам он был полностью опустошен. Боль, которую он испытывал каждый раз, видя ее образ где-нибудь во дворце, была невыносимой. И тогда он приказал убрать их все, кроме того, что находился в его личном кабинете. Но и его он накрыл. Ему потребовался почти цикл, прежде чем он смог, наконец, раскрыть его. Но Джотэм не мог даже предположить, что Бареку необходимо видеть образ матери.

— Мне очень жаль, сын. Ты должен был что-нибудь сказать. Я никогда не думал, что это так важно для тебя.

— Ты делал то, что должен был делать, — встав, Барек повернулся к нему лицом. — Я знал, как ты расстроишься, услышав ее имя, поэтому просто прокрался сюда, чтобы увидеть ее.

— Тебе не следовало этого делать.

Барек только пожал плечами.

— Сейчас это уже не имеет значения, отец. У меня уже есть ответ.

— Какой именно?

— Я сын своего отца. Во мне нет ничего от матери — это то, чего я и заслуживаю.

Развернувшись на каблуках, он быстро покинул гробницу.

Джотэм молча смотрел ему в след, слишком ошеломленный его словами, чтобы попытаться остановить. «*Что он имел в виду, говоря: «чего я и заслуживаю»*? — собственное бессилие потрясло короля. Он сел на скамейку и посмотрел на образ любимой женщины. — *Что я наделал, Лата*? — сокрушалось его сердце. — *Как я мог настолько подвести не только тебя, но и нашего сына*?»

* * *

Джотэм мысленно вернулся к тому времени, когда впервые встретил Лату. Это было в начале его четвертого цикла в Академии. Они шли в класс с Уильямом Зафаром и громко шутили. Уилл неожиданно толкнул его в тот момент, когда темноволосая девушка, бурно обсуждавшая что-то со своей подругой, вышла из аудитории. Парень, не удержав равновесия, налетел на нее и сбил с ног: ее книги полетели в одну сторон, а сама девушка — в другую. Это и была Лата. Он едва успел подхватить ее, не дав упасть на пол. И в этот момент Лата очаровала его своими невероятными карими глазами.

Джотэм поблагодарил предков, когда узнал, что она из Дома Защиты, ибо отец никогда не позволил бы ему встречаться с кем-то из другого Дома. Наследнику же престола не разрешалось вступать в союз за пределами своего Дома, а юноша быстро понял, что Лата — его спутница жизни.

Джотэм ухаживал за девушкой два цикла. Его чуть не убила их разлука, когда, закончив последний цикл в Академии, он должен был отслужить на флоте. Обязательный срок службы на флоте королевской семьи ограничивался одним циклом. Но, не прерывая связи с Латой, он получил от нее поддержку на еще один цикл службы — ему очень нравились его обязанности. У нее остался еще один цикл в Академии, а потом она могла присоединиться к нему на флоте.

Лата мечтала попасть в космос — хотела, чтобы там были только «они», подальше от всех любопытных глаз. И Джотэм разделял ее стремление. Но, похоже, у предков были другие планы. Вернувшись на Кариниан на выпускной вечер Латы, и готовясь отправиться в совместный рейд, он получил трагическое известие о гибели родителей. Его отец и мать, король Кадо и королева Джоанна, погибли в результате несчастного случая. Джотэм и вся планета были в шоке. После внезапной смерти короля Кадо он стал самым молодым правителем в истории Кариниана. С этого момента его мир навсегда изменился. Он уже не мог вернуться на флот и ни за что не позволил бы Лате уйти без него. Через двадцать дней после того, как его родимое пятно наполнилось краской, он занял трон и стал королем Дома Защиты.

На следующий день он сделал Лату своей королевой.

* * *

Лата была его опорой на протяжении всего Испытания. Ни разу она не дрогнула и не пожаловалась. Она полностью поддерживала мужа, когда он брал на себя ответственность, которая поглощала все его свободное время и разлучала возлюбленных.

Даже в моменты, когда девушка изо всех сил пыталась понять свою собственную ответственность, она продолжала считать минуты до их встречи наедине.

Молодые люди верили, что у них будут циклы, чтобы разобраться в этих обязанностях, но они ошибались. Им казалось, что пока они вместе, они смогут справиться с чем угодно. Они решили, что подождут несколько циклов, прежде чем увеличат свою семью, давая себе необходимое для адаптации к новой жизни время. Но Лата неожиданно зачала.

Это было радостное время в Доме, но также и напряженное, так как она настаивала на выполнении своих обязанностей королевы. Однако ей стало так плохо, что королевский лекарь прописал ей постельный режим. Джотэм старался проводить с ней как можно больше времени, но тогда такая возможность выпадала крайне редко.

Рождение Барека далось Лате нелегко, и Джотэм тут же решил, что никогда больше не забудет выпить сок оллали, пока любимая не будет готова к рождению второго ребенка. Она погибла, не подарив мужу второго ребенка.

* * *

После рождения сына Лата стала беспокойной и вернулась к обязанностям королевы. Но энтузиазм, с которым она к ним относилась раньше, уже не был таким, как до зачатия. Одноклассники, возвращающиеся из своих военных рейдов, делились историями о своих приключениях, и Лата чувствовала, что это должен был быть их совместный с Джотэмом тур. Она ощутила себя обманутой: это были их приключения, они должны были пережить их вместе. Но вместо этого она стала матерью и королевой — в двадцать циклов.

Джотэм старался быть понимающим мужем. Он знал, что девушка мечтала путешествовать к звездам и добровольно отказалась от всего ради него. Она, казалось, успокоилась, словно вернулась в прежнее свое состояние, но лишь после того, как он все же позволил ей покидать дворец на собственном транспорте. Это таило в себе некоторую угрозу, и королю это не нравилось, но, казалось, это дало Лате необходимую ей свободу — она снова стала той нежной, любящей женщиной, в которую он влюбился.

— Я не должен был этого допустить, Лата, — тихо проговорил Джотэм, подняв на ее образ измученные глаза. — Если бы я этого не сделал, ты бы не сидела за рулем в тот день. Ты бы не потеряла контроль. Ты бы не умерла, и тогда Барек знал бы, что, хотя у него нет твоей улыбки, у него есть твой смех и твои мягкие манеры. Не то чтобы он раскрывал их очень часто… — протянув руку, он нежно погладил ее по щеке. — Что же мне делать, Лата? Я знаю, что видел сегодня. Барек заинтересован в этой девушке, но сможет ли она справиться и стать его королевой? Мне нужна твоя помощь, Лата. Нашему сыну нужна твоя помощь.

Теплый ветерок коснулся его щеки. Это был ему единственный ответ, и он бессильно опустил голову. Через несколько мгновений король поднялся, поцеловал свои пальцы и приложил их к ее губам.

— Я поговорю с тобой позже, любовь моя.

* * *

Джотэм вошел в свой кабинет. Его личный помощник, Чесни, сидел за своим рабочим столом и тотчас встал, приветствуя своего короля.

— Ваше величество, я составил для вас список членов Ассамблеи, которые будут присутствовать на ежегодном Балу на следующей неделе.

— Список? — Джотэм недоуменно нахмурился. — Чесни, я знаю, кто мои Советники.

— Да, ваше величество, но если вы помните, есть несколько новых членов с недавних выборов. Я составил биографию о каждом, чтобы вы могли с ними познакомиться.

— Да, конечно. Спасибо, Чесни, — взяв папку, он вошел в свой кабинет и начал читать.

Открыв последнюю папку и увидев фотографию, король нахмурился. Почему этот человек показался ему таким знакомым? Но узнав его имя, он нахмурился еще сильнее. Дантон Мичелакакис? Читая дальше, он широко раскрыл глаза.

Возможно ли это?

Может ли сын Стефана Мичелакакиса быть достаточно взрослым, чтобы стать членом Ассамблеи? Внезапно он понял, что оценивает молодого человека, как Барек Амину — Дантон родился всего на цикл раньше его первенца. Он вспомнил, с какой гордостью Стефан объявил о рождении первого сына, а затем показывал всем его первую фотографию.

Куда ушло время?

Откинувшись на спинку стула, Джотэм начал вспоминать человека, который внезапно умер десять циклов назад. Стефан был искренним членом Ассамблеи со стойкими убеждениями и страстной речью. У него были четкие представления о роли Дома Защиты в жизни Коалиции. С некоторыми король соглашался, с другими — нет, но все они были хорошо аргументированы и всегда преподносились с уважением к оппонентам.

Он также вспомнил жену Стефана... *как же ее звали?..*

Оглянувшись на папку в своей руке, он нашел ее имя.

Джасинда...

Да, так оно и было. Это была потрясающе красивая женщина. Намного моложе Стефана, если он правильно помнил. Она была из Дома Исцеления, а ее отец был там влиятельным членом Ассамблеи. Это вызвало некоторые споры в Ассамблее, так как некоторые считали, что жена члена Совета должна быть из того же Дома. Но это было нереальным ожиданием. Быстро все взвесив, король заставил замолчать критиков Стефана.

Это оказалось правильным выбором, потому что Стефан стал членом Ассамблеи, на чье мнение Джотэм мог положиться. Его смерть, незадолго до разрушения Земли, оставила высокую планку, которой никто не смог достигнуть. Возможно, его сын сможет!

После смерти Стефана Джасинда исчезла с публичной арены, и Джотэм так и не смог припомнить, чтобы видел ее где-нибудь после сочрайда. Это было потерей, потому что грация и красота Джасинды Мичелакакис всегда украшали любую компанию.

Мичелакакис... Джасинда Мичелакакис… Амина Мичелакакис…

Наклонившись вперед, он нажал кнопку на своем столе.

— Чесни, пожалуйста, подойди сюда. У меня есть для тебя работа.

* * *

Джасинда присела на корточки в своем саду, подставляя лицо теплым лучам трех солнц Кариниана. Они всегда успокаивали ее. Уход за последними сезонными цветами наполнял чувством удовлетворения, которое она не испытывала циклами.

Джес любила своих внуков, уехавших несколько часов назад — любила их жизнерадостность и энергию, которые они привносили в ее одинокую жизнь, но чаще ей нравилась тишина — она чувствовала потребность находиться в уединении. Ее дети беспокоились о ней и боялись, что она проводит слишком много времени в одиночестве, поэтому старались посылать к ней внуков хотя бы раз в лунный цикл.

Вздохнув, она оглянулась на дом. Он действительно был слишком велик для нее одной, и пора было передать его Дантону. Как новоизбранный член Совета он нуждался в

такой резиденции в Печоре для отдыха, но женщина обнаружила, что пока не в силах оставить дом, где она познала свою любовь и провела счастливые супружеские циклы.

Этот дом хранил слишком много воспоминаний. Сюда Стефан привел ее после церемонии союза. Это был дом, где родились все ее дети. В этом саду, чуть дальше по тропинке, умер ее спутник жизни, собирая ее любимые цветы.

Наклонившись, она с наслаждением понюхала один из них.

* * *

Ее жизнь не стала той, что Джасинда планировала. У нее были грандиозные планы, но ни один из них не предполагал участие в политике и дебатах. Ее родители вели активную общественную жизнь — они были ревностными членами Ассамблеи. Джес выросла в этом: видела мать, стоявшую рядом с отцом и разделявшую его ответственность, наблюдала, как та поддерживает его во всех аспектах его жизни и в деятельности члена Ассамблеи Дома Исцеления. Она знала, что это была их жизнь — жизнь, которую они оба выбрали и которую оба любили. Но это была совсем не та жизнь, о которой мечтала сама Джасинда.

Девушка мечтала о путешествиях, в которых не придется заботиться о внешнем лоске. Она хотела быть просто еще одним гражданином, а не дочерью могущественного члена Ассамблеи. Она знала, что никогда не согласится стать женой одного из них. Нужно быть осторожным в том, чего они хотят… и против чего они будут.

* * *

Окрыленная Джес вернулась домой после своего первого дежурства, возбужденная и готовая войти в следующий этап своей жизни. За столом в гостиной, рядом с ее родителями, сидел незнакомец, Стефан Мичелакакис, и ее сердце было потеряно.

Стефан был удивительно красив, и не только в физическом смысле. Хотя он действительно был таковым, но это был человек, знающий свое место в этой жизни. Именно это, в первую очередь, и привлекло ее внимание. Он знал, чего хочет от жизни, и был абсолютно уверен, что сможет этого добиться. Он был так не похож на тех парней, с которыми Джасинда имела дело последние два цикла. Они уже считали себя мужчинами, но все еще не определились с ответственностью.

Мужчина слушал ее, действительно слушал. Он всерьез обдумывал то, что она говорит, и не для того, чтобы затащить ее к себе в постель. Кстати, там он заставил ее почувствовать непередаваемые ощущения. Он всегда обращался с ней как с равной, как со взрослой. Он был таким неотразимым и сексуальным! Они были настоящими партнерами, друзьями и спутниками жизни.

* * *

Их мгновенное влечение друг к другу застало обоих врасплох. Ни один из них не искал спутника жизни, и оба знали, что будут препятствия, которые им придется преодолеть. Первым оказались ее родители, которые были потрясены, узнав об их отношениях. Ее отец, хотя и был старше Стефана, но считал его современником, а не тем, кто должен интересоваться его дочерью. Это заняло некоторое время, но, в конце концов, ее отец смирился, благодаря ее матери, и однажды принял их реальную заботу друг о друге.

Следующим препятствием, стали члены Ассамблеи Дома Защиты, считавшие, что Стефан не может им служить, если его жена из другого Дома. Это было трудное время, пока король Джотэм не подтвердил их право, прекратив дебаты по этому поводу. Но даже вмешательство самого короля не изменило неприязненного отношения некоторых. Тогда

Джес стала просто игнорировать осуждающие взгляды и ехидные замечания их жен. Со временем, когда Стефан стал более влиятельным, а Джасинда доказала свою способность быть достойной женой члена Ассамблеи, комментарии прекратились.

* * *

— Мадам Мичелакакис?

Голос экономки вывел Джасинду из задумчивости, и она с недоумением обнаружила, что стоит всего в нескольких футах от нее.

— В чем дело, Маиша?

— Мадам, у дверей стоит посыльный от короля.

Она нахмурилась. Что могло заставить королевского посланца постучать в ее двери? Внезапно ее озарила догадка.

— Должно быть, он ищет Дантона! Скажи посыльному его адрес.

— Да, мадам, я тоже так думала, но капитан Деффонд заверил меня, что его послание адресовано вам.

— Капитан Деффонд? — Джес не пыталась скрыть своего удивления.

Это был начальник охраны короля Джотэма, и был он им последние пятнадцать циклов. И он не был посыльным. *Что вообще происходит?*

Поднявшись, женщина отряхнула грязь с колен брюк, сняла перчатки и бросила их в корзину с цветами, которые только что срезала. Она протянула корзину экономке.

— Пожалуйста, займись этим для меня, Маиша, а я выясню, что случилось.

— Да, мэм.

Джасинда рассеянно подняла руку к волосам и убедилась, что они по-прежнему зачесаны назад, как она сделала это еще утром. Она вспомнила капитана Деффонда. Он всегда присутствовал, когда король обращался к Совету. Это был высокий красивый мужчина, очень серьезно относившийся к своим обязанностям. Он не собирался жениться, по крайней мере, когда Стефан был жив, но за последние десять циклов все могло измениться.

Войдя в прихожую, Джес убедилась, что время совсем не коснулось капитана. Он был все так же красив, хотя чуть постарел, как и все они, но это лишь придало ему легкий шарм. По его глазам было видно, что он по-прежнему очень серьезно относится к своим обязанностям.

* * *

— Капитан Деффонд, рада снова видеть вас, — Джасинда протянула ему руку, и после небольшого колебания он пожал ее.

— Мадам Мичелакакис, я тоже рад снова вас видеть, — галантно поклонился он.

— Не хотите ли присесть? — Джес указала на комнату позади себя.

— Спасибо, но нет. Король Джотэм просил передать вам это, — капитан протянул ей запечатанный конверт.

— Король Джотэм? — женщина снова нахмурилась, беря конверт и пытаясь понять, зачем король послал ей сообщение. Почему письмо доставил сам капитан?

— Да, мадам. Он также просил меня дождаться вашего ответа.

— Неужели? — она подняла изящную бровь, переворачивая конверт. Увидев, что королевская печать цела, она, ломая, поддела ее ногтем. Вытянув лист, отвернулась от Деффонда и прочитала послание.

«*Почему Джотэм хочет поговорить со мной? О чем? Почему лично?*» — мысли роем закружились в голове, мешая думать о том, как перестроить планы на следующий день.

Она посмотрела на капитана.

— Передайте королю Джотэму, что я буду во дворце завтра в час дня.

— Я передам, мадам Мичелакакис. Лимизин прибудет за вами в двенадцать тридцать.

— Нет, капитан. Завтра у меня есть еще кое-какие дела, и я сама доберусь до дворца.

— Но, мадам Мичелакакис, король...

— Я приду вовремя, капитан. Я помню, что королю всегда не хватает времени.

— Да, мадам Мичелакакис, — поклонившись, Деффонд повернулся и вышел из дома.

Глава 2

На следующий день Джасинда неторопливо прогуливалась по общественному крылу Дома Защиты. В последний раз она проходила здесь более десяти циклов назад.

Неожиданно на нее нахлынули воспоминания.

Очередной ежегодный бал, на котором по традиции приветствовали новых членов Ассамблеи Дома Защиты. Она со своим супругом, Стефаном, как обычно присутствовала на церемонии и приятно проводила время, получая истинное наслаждение от общения с близкими друзьями. На балу можно было отведать новые изысканные блюда и танцевать всю ночь напролет, что они с превеликим удовольствием и делали.

Это был невероятный вечер...

Но затем череда горьких событий омрачила и коренным образом изменила весь уклад ее жизни. Меньше чем через лунный цикл Джасинда похоронила своего спутника жизни и больше никогда не появлялась во дворце.

До сегодняшнего дня.

* * *

Кабинеты всех членов Ассамблеи, в том числе и Стефана, находились в Зале Собраний в Печоре, в большом здании в центре города, в котором во время открытых заседаний могли разместиться члены Совета со всех Домов Кариниана. В самом конце общественного крыла находились двери, отделяющие королевское крыло. Подойдя к ним, женщина остановилась.

— Джасинда Мичелокакис, — представилась она охраннику возле двери. — У меня назначена встреча с королем Джотэмом.

Охранник заглянул в коммуникатор для подтверждения назначенной аудиенции и через мгновение дверь позади него распахнулась, пропуская капитана Деффонда.

— Мадам Мичелокакис, — с почтением кивнул он.

— Капитан Деффонд, — ответила Джасинда, слегка улыбнувшись в ответ. — Как видите, я пришла вовремя.

— Я ни минуты не сомневался в вас, мадам. Прошу следовать за мной, — он жестом пригласил ее в закрытый для обычных посетителей коридор. — Король ждет вас в своем кабинете.

Джасинда удивленно приподняла бровь: «*Почему король захотел говорить со мной в личном кабинете?*» — и двинулась вслед за капитаном.

Несколько минут они шли молча. Джасинда с интересом осматривалась, заново знакомясь с окружающей обстановкой. Раньше ей доводилось бывать здесь. Если повернуть в конце коридора налево, то попадаешь в гостевое крыло для высокопоставленных представителей других планет. Однажды она сопровождала Стефана на встречу с послом и составила компанию жене этого инопланетянина.

Поворот направо вел в крыло прислуги. Там обитал весь обслуживающий персонал дворца. У каждого была своя личная комната.

Деффонд провел Джес в правый коридор мимо служебного крыла к другим охраняемым дверям, за которыми находилось королевское крыло и резиденция короля. Свернув в правый проход, если она правильно помнила, попадаешь в королевское крыло. Именно там много циклов назад проживала королева Кассандра из Дома Знаний, прибывшая на Кариниан с далекой планеты Земля. Она находилась здесь до тех пор, пока не бросила вызов королеве Якире, претендуя на трон Дома Знаний.

Это были удивительные события для всего Кариниана. Просто чудо, что прямой потомок, внучка давно исчезнувшей принцессы, не только вернулась в отчий дом, но и отвоевала свой трон. Стефан был бы счастлив стать свидетелем такого важнейшего исторического события. К сожалению, он умер за два лунных цикла до всего этого.

— Мадам Мичелокакис? — вопрос Деффонда выдернул ее из воспоминаний и вернул к реальности. Женщина осознала, что уже какое-то время стояла, глядя в сторону королевского крыла. — С вами все в порядке?

— Да, капитан, простите, я просто вспомнила, как здесь проживала королева Кассандра, — она кивнула в сторону королевского крыла. — Стефан был бы рад оказаться свидетелем возвращения истинной королевы.

— Он был хорошим советником, мадам, и замечательным человеком.

От искренних слов капитана у Джасинды защипало глаза. Ей пришлось бороться со слезами, готовыми пролиться в любую минуту в неподходящем для них месте.

— Благодарю, капитан, за добрые слова.

— Мадам, это чистейшая правда. Ваш супруг приобрел безупречную репутацию. Его многие уважали. Его заслуги в руководстве дел Ассамблеи иногда значительно преуменьшают, — он указал на коридор слева от себя, и они двинулись в резиденцию короля.

— Спасибо. К сожалению, теперь я далека от деятельности Совета, — она улыбнулась краешком губ. — Но даже я кое-что слышала. Говорят, у вас в последнее время было очень много дел.

— Вы правы, мадам, — уклончиво ответил мужчина.

— Простите за личный вопрос, капитан, вы нашли свою спутницу жизни?

— Я... мою… кого? — Деффонд сбился с шага.

— Вашу спутницу жизни. В нашу последнюю встречу вы были еще одиноки.

— Я… да… был и остаюсь.

— О… мне так жаль, капитан.

— Вам жаль, мадам? — он удивленно поднял бровь. Прозвучавшая в ее голосе искренность немного сбила его с толку.

— Да. Никто не должен проходить свою жизнь в одиночку. Особенно такой мужчина, как вы — посвятивший всю свою жизнь защите нашего короля и нашего народа.

— Именно это и побуждает меня оставаться холостяком, мадам.

— Я не понимаю вас, — нахмурилась Джес.

— И не только вы. Другие женщины крайне солидарны с вами.

— Нет, капитан, вы меня неправильно поняли. Меня удивляет ваша убежденность, что жена не сможет принять и поддержать вашу преданность королю.

— Еще в самом начале своей карьеры, мадам, я обнаружил, что женщинам не нравится, когда ее неожиданно покидают без объяснения причины.

— Но ведь они не были вашей спутницей жизни.

— Вы хотите сказать, мадам, что не разочаровывались в своем муже, когда его внезапно вызывали по службе? — тон Деффонда был не верящим и слегка ироничным.

— Да, иногда действительно так и было, — призналась она. — Но это вовсе не означает, что я ничего не понимала его. Я знала, кем был Стефан еще до вступления в союз с ним. Я отлично понимала, что это будет значить для меня. Мой отец в то время

был членом Ассамблеи, капитан. Я выросла среди постоянных внезапных служебных вызовов отца, но мы со Стефаном сели и открыто обсудили это. Если бы я не смогла принять эту часть его жизни, то наш союз был бы не возможен.

— Хочу выразить вам свое восхищение, мадам. Немногие женщины способны на такое понимание, — тихо сказал Деффонд.

— О, благодарю вас, и все же не могу с вами согласиться. Я убеждена, что подходящая женщина где-то есть и ожидает вас, капитан. Вы просто еще не встретились. Возможно, я смогу помочь вам в этом, — Джес улыбнулась ему, а ее взгляд непроизвольно переместился на портреты, висящие вдоль стен.

Это были портреты всех предыдущих верховных правителей Дома Защиты. Со временем их перемещали вниз, чтобы портреты царствующих ныне монархов занимали почетное место рядом со входом в резиденцию короля.

Приблизившись к дверям, Джасинда с грустью отметила, что рядом с портретом Джотэма не было портрета королевы Латы. Место, где когда-то он висел, пустовало с самого дня ее трагической гибели.

Джес никак не могла взять в толк, почему король его снял. Возможно, этот поступок был бы оправдан, если бы он вступил в союз с другой женщиной. Но он этого не сделал, поэтому все казалось еще более странным.

«*Интересно, где сейчас тот прекрасный портрет?*»

Деффонд обратил внимание, что взгляд мадам Мичелокакис остановился на том месте, где когда-то висел портрет королевы Латы, но ничего не сказал. Трагическая гибель королевы произошла еще до того, как он поступил в Академию. Но он до сих пор помнил свой шок в первый день службы в охране резиденции короля при виде пустующего на стене места. Ему доверили охранять эти двери, а портрета там уже не было.

Он кивнул стоящим у дверей охранникам, и те, не говоря ни слова, открыли их.

Джасинда шла за капитаном, ощущая легкую грусть в своем сердце. При жизни Латы она довольно часто приезжала сюда, чтобы навестить королеву. Они любили вместе гулять по саду и много разговаривали. В то непростое для них обеих время у них было много общего. Это были первые циклы их взрослой жизни — начало трудного этапа их жизненного пути — они обе были новичками в семейных делах и доставшихся по совокупности с этим общественных обязанностях.

* * *

Джасинда была в союзе со Стефаном всего шесть лунных циклов, когда Джотэм взошел на трон и сделал Лату своей королевой. Многие члены Совета были против союза Джес и Стефана, и отец Джотэма, король Кадо, не поддержал молодую пару. Джотэм же, едва вступив на престол, немедленно принял меры для узаконивания их отношений. Он доказал, что супруга члена Ассамблеи может происходить из другого Дома. Что этот древний закон распространялся только на наследников престола.

Все это стало большим облегчением и для нее, и для Стефана.

Хотя Джасинда выросла в среде политиков, она ничего не знала о внутренней стороне придворной жизни жен членов Ассамблеи. Все эти светские дамы старались стать приближенными королевы, чтобы посодействовать своим мужьям. Королева Джоанна, жена короля Кадо, уже разделила придворных дам на тех, кого любила, и тех, кого просто терпела. Она еще не определилась с Джасиндой, но внезапно погибла.

Когда Лата стала королевой, между женами началась неистовая борьба. Каждая старалась войти в ее «внутренний круг». Многие надеялись воспользоваться молодостью и неопытностью юной королевы, чтобы влиять на ее решения и устанавливать свои правила.

Джасинда была одной из немногих, кто не участвовал в этой битве. Она молча наблюдала, как Лата спокойно и осторожно справлялась со шквалом комментариев и

советов, которые вываливали на нее зрелые дамы. Королева, несмотря на свою молодость, никогда не выглядела взволнованной или нервной, а во всякое время выказывала несвойственную молодым мудрость. Выслушав внимательно чей-либо совет, она всегда благодарила за него, обещала все обдумать, а затем отмечала какое-либо достоинство этой активной дамы или ее мужа. Лишь после этого она переходила к следующему вопросу. Она всегда вела себя как настоящая королева.

Но однажды Джасинда обнаружила в саду удрученную Лату. Девушка сидела с безвольно опущенными плечами и закрывала лицо ладонями, чтобы никто не увидел ее горьких слез. Лишь тогда Джес осознала, какое тяжкое бремя несла на своих пока еще хрупких плечах юная королева.

В Академии ее младшая сестра, Палма, считалась лучшей подругой Латы. Джес была старше их на несколько циклов, но помнила, как будущая королева приходила к ним домой во время каникул. Лата была улыбчивой и общительной девушкой, всегда готовой оказать поддержку добрым словом или нежным прикосновением. При виде несчастной Латы, сердце Джасинда болезненно сжалось и ей захотелось ободрить девушку.

Сначала Лата решила, что Джес тоже чего-то от нее хочет, и их отношения были довольно натянутыми. Но со временем королева поняла, что Джес просто предлагает ей свою дружбу, без всяких условий. И они сблизились. К большому ужасу старших жен.

* * *

— Мадам Мичелокакис? — тихий вопрос Деффонда вновь вывел Джасинду из задумчивости. Она осознала, что ее мысли вновь вернулись в прошлое, когда она проходила мимо знакомых комнат. Но теперь она стояла перед дверями королевского кабинета, в котором ей раньше не доводилось бывать. Пришло время сосредоточиться на настоящем, на причине, по которой ее пригласили на аудиенцию.

Своей улыбкой она дала понять капитану, что с ней все в порядке, и он учтиво открыл перед ней дверь.

В приемной сидел личный помощник короля. Джасинда знала его как Чесни. При ее появлении, мужчина тут же встал.

— Мадам Мичелокакис, — поприветствовал он ее. — Рад снова видеть вас.

— Мистер Чесни, как же давно это было, — голос Джасинды был таким же теплым, как и ее улыбка. — Как поживает ваша семья?

— Благодарю, они здоровы. Спасибо, что спросили. Я дам знать королю Джотэму, что вы здесь, — повернувшись, он направился к дверям, расположенным прямиком за его спиной. Казалось, его стол стоял на страже не только дверей в кабинет короля, но и самого короля. Это выглядело немного забавно.

— Мадам Мичелокакис, — капитан Деффонд повернулся к ней лицом. — Мне было очень приятно сопровождать вас сегодня, — он слегка поклонился.

— Взаимно, капитан. Прошло достаточно много времени с тех пор, как я прогуливалась по этому коридору с красивым молодым человеком. Но, несмотря на это, я по-прежнему все очень хорошо помню, — Джасинда тихо рассмеялась, когда Деффонд покраснел. Она не смогла удержаться, чтобы не поддразнить его. — Я буду следить за вами, капитан. Всего вам доброго.

* * *

Король Джотэм читал отчет, но тут же оторвался от него, как только дверь его личного кабинета открылась, и вошел Чесни.

— Король Джотэм, мадам Мичелокакис ожидает в приемной.

— Замечательно, — закрыв папку, король встал и, обойдя стол, направился к двери, чем несказанно удивил своего секретаря. За все время его службы в приемной Джотэм ни

разу никого лично не приветствовал. Почтение проявляли, как правило, посетители этого кабинета. — Ты уже заказал напитки? — спросил он.

— Да, ваше величество.

— Хорошо, — пройдя мимо Чесни, Джотэм вышел в приемную, чтобы встретить Джасинду. Он замолчал, услышав ее слова: «Я буду следить за вами», и увидел, как щеки его капитана слегка покраснели.

— Мадам Мичелокакис, — произнес Джотэм, привлекая к себе ее внимание.

Голос Джотэма заставил Джасинду отвернуться от Деффонда и обернуться к королю. На мгновение она потеряла дар речи. Она совсем забыла, насколько был великолепен Джотэм Тибулл. Стефан был ее спутником жизни и единственным мужчиной, с которым она хотела провести всю свою жизнь. Но ведь это не могло помешать ей при встрече с красивым мужчиной оценить его привлекательность, не так ли? А Джотэм всегда был неподражаемым.

Король был выше Стефана на добрых три дюйма. Как можно было забыть об этом? Она спокойно могла заглянуть мужу в глаза при двухдюймовых каблуках, поэтому всегда носила обувь лишь на невысоком каблучке. Это даже стало ее привычкой. Но с Джотэмом, чтобы посмотреть ему в глаза, ей пришлось запрокинуть голову.

У короля по-прежнему были непослушные густые темные волосы его юности, хотя, присмотревшись, можно было увидеть слегка проступившую седину. В таком возрасте Стефан уже был полностью седым. А фиолетовые глаза Джотэма, свидетельствовавшие о его королевской крови, сильно отличались от теплых янтарных глаз ее супруга.

Стиль одежды Джотэма подчеркивал лишь одно — время никак не отразилось на телосложении короля. Он по-прежнему был широк в плечах, подтянут в талии, а покрой рубашки, заправленной в брюки, не скрывал мощные мускулы его груди и пресса.

— Король Джотэм, — наконец, пришла в себя Джасинда и слегка склонила перед ним голову.

— Приятно снова тебя видеть, — Джотэм жестом пригласил ее пройти в свой кабинет и неожиданно для самого себя осознал, что ведет себя довольно необычно.

* * *

Джасинда Мичелокакис оказалась выше, чем он помнил, — ее макушка была на уровне его подбородка. Лата едва доставала ему до плеча, и ее миниатюрность всегда вызывала желание защищать ее. От Джасинды же исходила аура сильной, уверенной в себе женщины, способной при случае постоять за себя. Ее волевой характер проявился в том, как она справилась с внезапной смертью своего супруга.

Джотэм хорошо помнил сочрайд Стефана.

Храм был заполнен до отказа желающими попрощаться с умершим — представителями всех Домов — Стефана Мичелокакиса любили и очень уважали далеко за пределами его Дома.

В тот день Джасинде и ее детям было нелегко, но они стойко поддерживали друг друга. Это была сплоченная семья. Горе лишь еще больше сблизило их.

Джасинда с достоинством и уважением принимала все соболезнования, не зависимо от социального положения людей и их статуса. Хотя ей это давалось нелегко. Ее прекрасная золотистая кожа стала бледной, а обычно яркие и искрящиеся изумрудные глаза были тусклыми и безжизненными, наполненные безграничной печалью. Могилу своего спутника жизни она покинула последней, и то только под давлением ее старшего сына, Дантона. Ему пришлось настойчиво убеждать ее уйти.

Джотэм тогда чувствовал необходимость навестить вдову и видел в этом свой долг. И это было самое малое, что он мог сделать в память о Стефане, своем верном соратнике. Но череда сложных и порой мрачных событий отвлекла его.

Дадриан восстал против короля Джотэма, своего отца, пытаясь захватить трон, и был объявлен пропавшим. На Кариниан вернулась давно потерянная принцесса Кассандра. Были раскрыты предательство Дадриана и все его преступления. Кассандра боролась за трон и с честью заняла его…

Джотэму было стыдно признаться, что он совсем забыл о вдове и семье Стефана до вчерашнего дня. И сейчас ему оставалось лишь удивляться: как это могло случиться? Ведь Джасинда Мичелокакис была необыкновенно красивой и достойнейшей из женщин. Он не знал точного ее возраста, но был в курсе, что она намного моложе Стефана. Его до сих пор удивляло, что именно это для многих в Совете стало поводом опротестовать их союз. И было абсолютно очевидным, что дело совсем не в принадлежности Джасинды к другому Дому. Главная причина — многие жены завидовали ее красоте и уверенности в себе. Они боялись, что девушка затмит их и отдалит от королевы.

Джотэм был убежден, что его отцу следовало немедленно положить конец этой вражде, и осуждал его за бездействие, никогда не понимая причины этого. Но как только сам стал королем, то тут же прекратил эту травлю. Стефан выразил ему свою благодарность, но поддержка короля не сделала его подхалимом. Он всегда открыто выражал свое мнение или имеющиеся несогласия с действиями Джотэма. Это было то, что король Джотэм очень уважал в советниках и чего ему так не хватало сегодня.

И вот теперь он почувствовал себя предателем по отношению к этому достойнейшему человеку — он подвел его, не позаботившись о благополучии его семьи.

* * *

— Присаживайся, пожалуйста, — Джотэм указал на роскошный диван в дальнем углу комнаты.

Джасинда оглядела комнату и не спеша подошла к дивану. Очевидно, именно здесь король проводил большую часть своего рабочего времени.

На большом столе прямо перед дверью внушительной стопкой были сложены папки с документами. Большое окно за письменным столом пропускало много солнечного света и тепла. Ароматы экзотических растений из Королевского сада, раскинувшегося под окнами резиденции, проникали в комнату и наполняли ее свежестью и благоуханием. Напротив дивана, на котором она сидела, вдоль стены — от пола до самого потолка — возвышались полки, заполненные книгами и различными сувенирами, подаренными королю другими Домами и послами с других планет.

— Прошу закуски, ваше величество, — объявил Чесни, ставя поднос на маленький столик между диваном и креслом, в которое сел король.

— Спасибо, Чесни, больше ничего не нужно, — нетерпеливо отмахнулся Джотэм.

— Хорошо, ваше величество. Мадам, — Чесни слегка поклонился каждому и вышел из комнаты.

— Вы позволите, ваше величество, налить вам чая? — Джасинда выжидающе посмотрела на мужчину. Без его позволения она не решалась сделать это.

— Буду признателен, — мягко сказал Джотэм, наблюдая, как она изящно налила две чашки горячего чая.

— Вам все также три подсластителя? — спросила она, держа руку над заменителем сахара.

— Я… да, — он нахмурился. — «*Она догадалась? Но как?*» — Откуда?..

— Я знала, что вы любите сладкий чай? — Джасинда закончила за него фразу и улыбнулась, протягивая ему чашку на блюдце.

— Да, я несколько удивлен, — король выглядел заинтересованным.

— Лата как-то упомянула об этом, когда мы с ней чаевничали. Она не могла понять, как вы можете пить такую приторную сладость, — Джасинда пожала плечами. — Вероятно, я это хорошо запомнила, потому что Стефан тоже так любил.

— Понимаю, — Джотэм сделал глоток превосходного, хорошо подслащенного чая и откинулся на спинку кресла. Он был слегка обескуражен. О чем это она? Он не знал, что его Лата была так близка с мадам Мичелокакис.

Джасинда взяла свою чашку совершенно несладкого чая и сделала глоток.

— Не любишь сладкий чай?

— Иногда я добавляю мед, но, как правило, пью чай несладким.

— Я попрошу Чесни принести немного меда, — Джотэм потянулся, чтобы поставить чашку на столик, но остановился от ее слов.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Все в порядке. Как я уже сказала, я лишь изредка подслащиваю чай.

— Хорошо. Уверена?

— Так и есть, — Джасинда продолжала пить чай, ожидая объяснений причины своего появления здесь.

— Полагаю, тебя интересует, зачем я сегодня пригласил тебя.

— Да, хотелось бы знать.

— Отлично. Но начать хочу с извинений. Мне очень жаль, что я ни разу не навестил вашу семью после смерти Стефана.

Джасинда нахмурилась и осторожно поставила чашку на стол.

— Почему Вы извиняетесь, ваше величество? Разве это входит в Ваши обязанности? — тихо спросила она, глядя на него немного удивленно.

— Почему? — недоумение отразилось на лице Джотэма. — Во-первых, Стефан почти сорок циклов был лучшим советником в моем Доме. А ты все это время была не просто его женщиной, но и верной помощницей. Я должен был убедиться, что с тобой все в порядке. Что ты ни в чем не нуждаешься.

— Благодарю Вас за эти слова, ваше величество. Уверена, Стефан оценил бы Вашу признательность. Но хочу уверить Вас, что все это время у меня было все необходимое. Мои дети, мои внуки, да и вся моя семья помогали мне пережить эти мрачные времена. Лишь благодаря им я выздоровела и продолжила жить так, как хотел бы этого Стефан. И мне не терпится узнать причину нашей встречи, ваше величество.

* * *

Джотэм поставил чашку на стол, сбитый с толку прямотой этой сильной и волевой женщины. Но стоило ли удивляться? Стефан вел себя точно так же. Особенно наедине.

— Я надеюсь, что ты сможешь мне помочь с непростой для меня ситуацией.

— Ситуацией? — Джасинда была потрясена. Чем обычная вдова могла помочь королю Джотэму? Ничего вразумительного не приходило ей в голову.

— Ты, вероятно, еще не слышала, но я совсем недавно вернулся из Дома Знаний, где проводил церемонию союза Лукаса Зафара и Виктории Чемберлен.

— Это правда? — Джасинда даже не пыталась скрыть своего удивления. Почему она ничего не знала об этом? Ведь должна была. Не могла же она пропустить такое событие? О королевской свадьбе заговорил бы весь Кариниан. — Я думала, что королева Кассандра хотела пышно отпраздновать столь радостное событие, устроив несколько балов для своей племянницы. Особенно после всего, что они пережили вместе.

— Скорее всего, Кэсси так бы и сделала. Но Виктория и Лукас хотели провести церемонию до первого рейда «Хранителя».

— Лукас Зафар — его первый капитан? До его отлета меньше лунного цикла? Я права?

— Все верно.

— Но ведь королева все же могла организовать более публичную церемонию.

— К сожалению, это не входило в планы молодой пары.

— Неужели королева позволила кому-то собой командовать и поменять ее планы? — Джасинде с трудном могла в это поверить. В ее представлении — все ранее слышанное и виденное ею — королева Кассандра была женщиной, которая всегда точно знала, чего хочет. Она не пасовала ни при каких обстоятельствах и всегда достигала поставленных целей. Это была одна из причин, благодаря которой они с племянницей смогли пережить разрушение своего мира.

— Не думаю, что у Кассандры действительно был выбор. Особенно после того, как Синди Чемберлен обсудила с ней этот вопрос. Если верить Бареку, то мадам Чемберлен способна без колебаний осадить королеву, когда та переступает границы.

— Разве такое возможно? — Джасинда не верила собственным ушам. Весь Кариниан был в курсе невероятного спасения с Земли семьи королевы, Чемберленов. Они продержались целых десять циклов на разрушенной мятежниками планете. До сих пор эта семья так и не появилась на публике. Не было выпущено ни одного ее визуального изображения. Поэтому некоторые считали, что это просто сенсационная выдумка. Особенно это утверждали имеющиеся до сих пор недоброжелатели королевы. — Если слова принца Барека верны, то мне бы очень хотелось встретиться с этим Титаном.

Джотэм был очарован улыбкой, появившейся на лице Джасинды при ее последних словах. Казалось, вся она засветилась, особенно ее глаза.

— Она больше похожа на фею, чем на Титана, — улыбнулся король.

— Что? — Джасинда неверяще смотрела на него.

— Она еще меньше своей дочери. Ты ведь знакома с Викторией?

— Нет, но я видела ее изображение. Она совсем маленькая.

— Да, но лишь по каринианским стандартам. По меркам Земли Виктория примерно среднего роста, по крайней мере, так мне сказали. А ее мама на несколько дюймов ниже.

— Еще ниже? И она не боится противостоять королеве? — глаза Джасинды сверкнули.

— Я думаю, Синди видит в Кассандре не королеву, а младшую сестру своего мужа.

Джасинда на мгновение задумалась, а затем спокойно сказала:

— Уверена, что королева дорожит тем, что ее ценят как личность, а не за титул.

— Я в этом не сомневаюсь, — Джотэм помолчал, а потом высказал промелькнувшую в голове мысль: — Ты говоришь так, будто у тебя есть подобный опыт.

— Когда игнорируют твою личность, а видят только социальный статус? — Джасинда с интересом посмотрела на Джотэма. Он действительно заинтересован или просто ведет вежливую беседу? Прежде он никогда не выходил за рамки этикета.

— Пожалуйста, мне действительно интересно, — Джотэм заметил ее колебания и с удивлением обнаружил, что ему важен ее ответ. — Я только сейчас осознал, что мы виделись с момента твоего появления в Доме Защиты, но близко знакомы не были.

— На самом деле мы встречались задолго до этого, ваше величество. Мы вместе учились в Академии.

— Прошу прощения? — шок Джотэма был подлинным.

— Мы вместе учились в Академии, ваше величество, — повторила она. — И даже вместе посещали несколько занятий, хотя я опережала вас на целый цикл.

— У нас были совместные занятия? — шок Джотэма возрос. — Почему я ничего не помню об этом?

— Полагаю, что во время занятий вы с Верховным адмиралом все внимание уделяли сестрам Хекст, сидящим перед вами. Казалось, других вы вообще не замечали.

— Сестры Хекст? — Джотэм не смог сдержать промелькнувшую на лице задорную улыбку и вырвавшийся помимо его воли простодушный смех. — Хвала предкам! А ведь я даже не подумал об этих двух циклах.

— Ох, и веселые же догонялки вам устроили! Вы с таким трудом их поймали…

— Поймал их? — Джотэм прочистил горло и нарочито сжал губы в тонкую линию. Веселые искорки продолжали плясать в его глазах. — Боюсь, что не смогу припомнить, что «ловил» их.

— Верю, верю, — губы Джасинды дрогнули в ответ на откровенную ложь короля. — Ни один приличный джентльмен не припомнил бы такого.

— Мне все еще трудно поверить, что я не помню тебя в Академии.

— А мне ничуть, — без всякого осуждения ответила Джасинда. — Все девушки в Академии из кожи вон лезли, пытаясь привлечь ваше внимание. У вас не было причин смотреть на кого-то столь незаметного.

— Но почему ты хотела быть незаметной? — слова вырвались у Джотэма прежде, чем он успел их остановить. Он даже слегка поежился от того, как это прозвучало. Но Джасинда лишь тихо рассмеялась.

— Отчасти потому, что я из Дома Исцеления. Я знала, что у наших отношений не было бы будущего. А стать одним из «особых друзей» принца Джотэма, у меня не было никакого желания, — она сделала воздушные кавычки. — Но главная причина не в этом. Все дело в том, что у меня были особые планы, ваше величество. И в эти планы политика не вписывалась ни в каком виде. Я выросла среди нее и хотела иметь свой вес и свою ценность, а не просто числиться дочерью члена Ассамблеи. И у меня не было ни малейшего желания провести свою жизнь в светском серпентарии.

Когда Джотэм промолчал, подняв в недоумении брови, Джес снова рассмеялась.

— Да уж, моим планам не суждено было сбыться. Все вышло наоборот. Чувство юмора у предков бывает очень странным.

— Ты сожалеешь об этом? — спросил он.

— Нет. Стефан стоил каждой минуты этих неудобств.

— Мне все же трудно поверить, что я не замечал тебя.

— Как я уже сказала, ваше величество, я опережала вас на целый цикл. Но я уверена, что вы знали мою сестру. Они с Латой жили вместе в Академии.

— Твоя сестра? — Джотэм порылся в памяти, пытаясь вспомнить соседку Латы по комнате. — Палма? Палма Крочетти твоя сестра?

— Да. Это моя сестра. Сейчас она Палма Метаксас и живет в Кисурри. Лата часто заходила к нам домой отдохнуть во время перерывов.

— Да, я помню, но просто… раньше я никогда не видел этой связи. Прости.

— Тут не за что извиняться. В этом вообще нет вашей вины. Мы с Латой уже были знакомы, и это помогло нам обеим в те сложные для нас времена.

Джотэм вспомнил те первые циклы. Вспомнил, как противостояла Лата более зрелым женам членов Совета. Вспомнил, как она плакала, закрывшись в ванной комнате, уверенная, что он не слышит. Вспомнил, как страдал от того, что подвел ее: не мог защитить от свалившихся на их юные плечи трудности, не мог осуществить ее мечты.

* * *

Оторвавшись от болезненных воспоминаний, Джотэм бросил на Джасинду острый взгляд. Почему их разговор затронул столь болезненные вопросы? Все они были так далеки от темы, которую он собирался обсудить с ней…

«*Пора возвращаться к насущным проблемам*».

— Думаю, пора оставить эти воспоминания. Все это не имеет никакого отношения к тому, о чем я хотел с тобой поговорить, — холодно сказал Джотэм.

Джес некоторое время молча смотрела на мужчину, задетая его внезапной переменой, а потом поняла. Он всегда замыкался и отстранялся от собеседника, если разговор заходил о Лате. Не многие рисковали говорить с ним о его погибшей супруге, но если это происходило, Джотэм всегда резко обрывал разговор.

Джасинда никогда этого не понимала, но каждый горевал по-своему.

— Как скажете, ваше величество, — сдержанно ответила она. — Так, может, Вы расскажете, зачем вызвали меня сюда?

Джотэм слегка откинулся назад. Он был удивлен не только ее словами, но и холодностью тона. Тем, какими бесстрастными вдруг стали ее глаза, хотя всего несколько мгновений назад они сверкали живостью и задором. Он понимал, что виноваты в этом его реакция на воспоминания о Лате и его резкость, но никто не был так смел, чтобы выражать свое недовольство им так вежливо и в то же время так красноречиво.

— Вызвал? Вас не вызывали, мадам Мичелокакис. Я пригласил вас сюда.

— Когда король «просит», это приказ, ваше величество, — Джасинда не собиралась отступать. Джотэм первый перешел от дружелюбия к холодной вежливости. Значит, так тому и быть. — Я больше не жена члена Ассамблеи, так в какой же «ситуации» я могу помочь?

— Хорошо, — Джотэм поднялся с кресла и сел за свой стол.

Именно на этом месте он и должен был сидеть все это время. Он жестом указал на стул перед своим столом, выказывая ей свое желание — король хочет, чтобы она села там. Открыв просматриваемую им ранее папку, он вытащил изображение и подвинул его к ней через стол.

Джасинда спокойно села на указанное ей место и подняла снимок. На нем были отображены четыре человека, которых она либо знала лично, либо что-то слышала о них.

В центре стоял Лукас Зафар в парадной форме Коалиции. Высокий и гордый. Фиолетовые брюки, символизирующие его принадлежность к Дому Защиты, были идеально отглажены. На левой стороне белого мундира красовались честно заработанные в боях медали. На воротнике поблескивали недавно приобретенные капитанские знаки отличия.

Рядом с Лукасом стояла Виктория. Она обнимала за талию своего горячо любимого мужа и буквально светилась. И причиной было вовсе не божественное платье на ней — хотя оно было великолепным — одно из творений гения Киа. Джасинда ни на минуту не усомнилась в этом. Сюрпризом стал фиолетовый пояс на талии девушки, который сообщал всем о ее верности своему супругу и его Дому, Дому Защиты, а не Дому Знаний своей семьи.

С одной стороны от пары стоял в парадной форме принц Барек. С другой — в лиловом платье, упрощенной версии платья Виктории, — ее внучатая племянница Амина.

Джасинда непроизвольно улыбнулась. У нее дома было изображение, очень похожее на это. Снимок был сделан в день церемонии их со Стефаном союза и стоял на комоде вместе с изображениями их детей и внуков. Джес каждый день смотрела на них и понимала, сколько счастья обрела в своей жизни. Она надеялась, что и эти молодые люди будут столь же благословенны.

— Прекрасное изображение, — наконец, сказала она, возвращая его на стол.

— Полностью с тобой согласен. Поэтому я и пригласил тебя, — заявил Джотэм.

— Но я не понимаю, — Джасинда проигнорировала его попытку снова вести себя по-дружески.

— Думаю, мой сын заинтересовался твоей племянницей, Аминой.

— Внучатой племянницей, — рассеянно поправила его Джасинда, снова глядя на изображение. — И почему Вы так считаете?

— Просто я хорошо знаю своего сына. Я видел, как он ведет себя рядом с ней.

— Он что-то говорил? — вновь подняв изображение, она взглянула на него более критичным взглядом, уделив особое внимание Амине и Бареку: выражению их лиц и языку их тел. Но ничто на снимке не давало права утверждать, что их интересует что-то, кроме новобрачных.

— Нет.

— Тогда почему вы думаете, что он заинтересовался? — Джес вопросительно посмотрела на собеседника.

— Как я и сказал ранее. Я знаю. Своего. Сына.

— И зачем же Вы мне все это рассказали? — у нее закралось смутное подозрение, но она все еще надеялась, что ошибается.

— Я хочу побольше узнать об этой молодой женщине, — король указал на Амину, — прежде чем дело зайдет слишком далеко. Она из Дома Защиты и здесь не живет. Кассандра считает Амину членом своей семьи и будет крайне недовольна, если я стану расспрашивать о ней.

— И я прекрасно понимаю почему, — Джасинда почувствовала, как в ней нарастает гнев. — Это беспринципно!

— Ты не права. Это мой долг, если Барек действительно заинтересован в ней. Именно поэтому я и встретился с тобой.

— Со мной?

— Да, Амина — член твоей семьи. У тебя есть необходимая мне информация, или ты сможешь легко ее получить. Я должен понять, достойна ли эта женщина моего сына.

Несколько мгновений Джес ошарашенно смотрела на него. Она была не в силах поверить в происходящее. Как он мог? Кто дал ему такое право? Вскочив на ноги, она бросила на него яростный взгляд.

— Да как Вы смеете?!

— Я смею! Эта женщина может однажды стать королевой этого Дома, — он медленно начал подниматься. — Я смею! Потому что я король, и мой долг — позаботиться о том, чтобы она была достойна этого звания! Я смею! Потому что Барек — мой *сын*!

— Ничто из этого не дает Вам право судить о ценности того или иного человека! Подходят ли Амина и Барек друг другу? Это только им решать!

— Наследник престола...

— Должен выбирать себе королеву из собственного Дома?! Да, да, я в курсе! Архаичный закон, который давно уже пора отменить. Еще несколько циклов назад. Я разочарована! Я была о Вас лучшего мнения, король Джотэм, — Джасинда не стала скрывать своего презрения. — Тем более, Верховный адмирал для вас не только родственник, но и друг. Он из Дома Защиты, но он также и король Дома Знаний.

— Благодаря тому, что Кассандра была королевой еще до их союза.

— Так Вы хотите сказать, что если бы Барек влюбился в кого-то из другого Дома, то ему пришлось бы ждать Вашей смерти, чтобы сделать ее своей спутницей жизни?

— Не говори глупостей. Барек не стал бы откладывать свой долг.

— Долг?! — Джасинда отвернулась, не в силах слышать вырвавшиеся из уст Джотэма слова. Как такое мог говорить человек, которого они со Стефаном так уважали? Человек, которого они поддерживали и которому оказывали честь, служа столько циклов.

Она замерла, когда ее сердитый взгляд задержался на портрете Латы. Тот самый, о котором она недавно вспоминала. И все эти циклы он был спрятан в углу? Лата, казалось, пристально смотрела на нее. Ее глаза взывали к ней, требовали чего-то. Но чего?

— Так Лата была для Вас просто долгом, ваше величество? — Джес повернулась к нему, и ее голос был тихим, но не менее настойчивым. — Так вот почему Вы ее спрятали? Поэтому никогда не говорите о ней? Она *любила* Вас! *Вас*! Не принца, которым Вы были, и не короля, которым Вы стали. Просто Джотэма Кадо Тибулла!

— Не смей!! — лицо Джотэма налилось и стало темно-красным от ее обвинений. — Ты ничего *не знаешь* ни обо мне, ни о Лате! У тебя нет права подвергать сомнениям мои решения.

— Ошибаетесь, ваше величество! Я имею на это полное право! И не только потому, что я подданная этого Дома. Лата была моей подругой, а Вы уничтожили ее, стерли всю память о ней. Не просто в этом Доме, но и на всем Кариниане! Есть такие, кто даже не знает ее *имени*! — Джасинда была удивлена вспыхнувшим в ней безудержным гневом. — Королева Лата заслуживает лучшего!! Особенно от того, кого *любила*. Ради которого

отказалась от всех своих мечтаний! А теперь ты намерен вести себя, как *твой отец*?! С собственным *сыном*?! Ей было бы стыдно за тебя! — развернувшись на каблуках, Джасинда вылетела из кабинета, не заботясь ни об этикете, ни о протоколе.

Глава 3

— Спасибо, мам, такого подарка я не ожидал, — Дантон заинтересованно посмотрел на сувенир, который Джасинда поставила на угол его стола. Они были в его служебном кабинете в новом офисе Зала Совета.

Дантон попросил свою мать помочь с организацией рабочего пространства в своем кабинете. Джасинда была тем близким ему человеком, который не только лучше других знал его, но и имел представление о том, как обустроить помещение, чтобы оно отражало характер своего хозяина и отстаиваемые им принципы. Ей уже приходилось принимать дизайнерские решения при создании деловой обстановки в кабинете его отца. Стефан всегда гордился талантами своей супруги и с гордостью рассказывал об этом сыновьям.

Несколько циклов назад, когда Дантон впервые поделился с отцом своим планами и намерениями стать членом Ассамблеи, Стефан провел с ним долгую беседу. Он попытался раскрыть сыну всю правду о трудностях этой политической деятельности.

Он поведал сыну, что без помощи и поддержки Джасинды никогда бы не смог занять такое высокое положение в политике Кариниана. Его супруга была его зеркалом. Она всегда честно высказывала свое мнение, даже если оно значительно расходилось с его собственным. И она все годы его нелегкой службы непоколебимо стояла рядом с ним.

Отец также признался Дантону, что его мама не желала заниматься политикой, мечтая о скромной жизни обыкновенного человека. Но приняв выбор своего супруга, полностью посвятила себя и свои интересы его общественной деятельности. Стефан надеялся, что предки благословят Дантона такой же любящей и беззаветно преданной супругой, как благословили его самого.

Этими аргументами мужчина руководствовался, когда обратился за советом к своей матери, так как еще не нашел спутницу жизни, но верил, что его время еще придет.

Сувенир, который Джасинда поставила сейчас перед ним, не представлял материальной ценности, но был значимым для Дантона, потому что всегда стоял на том же месте — сколько он себя помнил — на столе его отца.

Отец всегда разрешал ему играть со сферическими шарами, расположенными в одну линию и передающими свою энергию от одного к другому. Стоило толкнуть первый шар, как начиналось последовательное движение остальных. Затем последний шар возвращал удар предыдущему, и движение по цепочке шло в обратном направлении. Процесс продолжался до тех пор, пока энергия шаров не ослабевала, и они полностью не останавливались. Можно было начинать все сначала.

Когда Дантон повзрослел, отец признался ему, что всякий раз при необходимости принять важное решение, он отправлял шары в путь. Наблюдение за их ритмичным движением помогало успокоиться, сосредоточиться и прояснить мысли. К тому времени, когда они переставали двигаться, Стефан уже знал, какое решение примет.

И теперь память об отце всегда будет стоять на его столе...

* * *

— Это всегда принадлежало тебе, Дантон, — Джасинда окинула взглядом своего старшего сына. Он был точной копией Стефана, вплоть до его желания ревностно и самоотверженно служить своему народу. Дантону предстояло еще многому научиться, и ей — как любящей матери — хотелось бы, чтобы супруг был сейчас с ними и направлял бы сына в новой должности члена Совета. И, тем не менее, она верила в своего первенца.

— Ты идешь по стопам своего отца не из-за долга, а потому, что это твое призвание. Это то, что сделает тебя цельным, даст полноту жизни. Отец бы так тобой гордился.

— Мне всегда было важно, чтобы отец гордился мной. Но, мама, я также хочу, чтобы ты была уверена, что твой сын делает правильные вещи.

— Тебе надо просто быть собой, Дантон. Следуй своим инстинктам и делай то, что подсказывает тебе совесть. А я всегда буду гордиться тобой. Многие люди теряют себя, как только занимают этот пост, заботясь лишь о собственных интересах, успехе и власти. Как правило, в таких случаях они забывают о людях, которым должны служить.

— Со мной это никогда не произойдет.

— Я знаю, Дантон, что сейчас ты уверен в этом, но впереди много испытаний — будет много попыток со стороны наделенных властью людей подмять тебя под себя, повлиять на твои решения. Жизнь не всегда либо черная, либо белая, Дантон. Имея в своих руках власть и привилегии, легко навредить кому-то. Ты будешь часто стоять перед выбором, чьи интересы поставить в приоритет. И эта задача еще больше усложнится, когда кто-либо попытается использовать свой авторитет. И я имею в виду не только других членов Ассамблеи. Король будет также давить своим мнением на тебя. Просто помни, что даже если ты кому-то уступишь, это все равно останется твоим выбором. И это тебе придется жить с его последствиями.

— Даже король? — Дантон даже не пытался скрыть свое потрясение. — Мама, но ведь вы с отцом всегда поддерживали короля Джотэма.

— Мы поддерживали только его правление, Дантон. Ведь король Джотэм всегда был честным и справедливым королем. Но мы никогда не делали это вслепую, не беря на себя ответственности за общие решения, — Джасинда подумала о предложении короля, озвученном в его рабочем кабинете несколько дней назад. — В конце концов, он всего лишь человек. И может совершать ошибки так же, как и все прочие люди.

— Мне ты раньше никогда такого не говорила.

— Вероятно, лишь потому, что мы с тобой никогда не обсуждали такие темы. Если бы твой отец был жив, он сам рассказал бы тебе обо всем. Но, к моему сожалению, его нет с нами, и этот разговор перешел под мою ответственность, — Джасинда обратила внимание на задумчивый хмурый взгляд сына, понимая причины его беспокойства. — Не волнуйся так, Дантон. Ты найдешь свой путь, как когда-то нашли и мы с твоим отцом. Так было всегда. Просто знай, что тебе не нужно никому поклоняться в Доме Защиты. Но это не означает, что ты не должен быть почтительным. Я просто хочу сказать, что все каринианцы равны в правах, будь то подданные, члены Ассамблеи или король. У всех одни чаяния и надежды, и никто не может брать на себя ответственность за чью-то жизнь — лишая возможности принять самостоятельное решение и сделать шаг — оправдываясь своим высоким положением.

— Конечно, нет, но все же...

— Дантон, — Джасинда, подойдя к сыну, нежно обхватила его лицо руками. — Ты считаешь, что мужчина или женщина, которые готовят еду и подают ее к столу, не заслуживают такого же уважения, как член Ассамблеи?

— Конечно, нет!

— Ты считаешь, что твои интересы важнее?

— Нет.

— Почему же?

— Потому что мы все равны.

— Именно! Не имеет никакого значения, кто стоит перед тобой: король Джотэм, любой член Ассамблеи или обыкновенный служащий. Они не лучше и не хуже всех нас. Да, — сын хотел возразить, но она опередила его, догадавшись о его сомнениях. — Король Джотэм заслуживает твоего уважения, потому что несет тяжелое бремя, заботясь о благополучии своего народа, и все же он остается человеком.

* * *

Джасинда продолжала улыбаться, когда, оставив сына обустраиваться, вышла из его кабинета. Это был радостный день — Дантон приступил к новым обязанностям, к которым стремился все последнее время. И все же, идя сюда, она боялась боли, которую может вызвать это место, хранившее столько и добрых, и болезненных воспоминаний. Ей пришлось вернуться туда, где в последний раз она собирала личные вещи Стефана, освобождая кабинет после смерти супруга для сменившего его советника.

Это был день, полный отчаяния: душа разрывалась на части, а слезы лились не переставая. Ее дети пытались ей помочь, но она позволила им лишь вынести коробки. Вещи она укладывала в одиночку. Ей нужно было остаться наедине со своими воспоминаниями и оплакать ту жизнь, с которой ей приходилось расставаться. Джасинда не хотела добавлять детям лишних переживаний. Они страдали от потери отца не меньше, чем она от смерти супруга.

Сегодня не было никаких слез, по крайней мере, внешне. Возможно, где-то глубоко в сердце и пролилось немного, но это были слезы облегчения и гордости. Ее первенец продолжит дело своего отца. Вот он, сидит так прямо и гордо за своим рабочим столом, как две капли похожий на Стефана. Жизнь продолжалась. Пришел черед Дантона вложить свою лепту в процветание Дома Защиты.

Джасинда так глубоко ушла в свои мысли, что, свернув за угол, с кем-то неожиданно столкнулась и начала падать. Она испуганно вскрикнула, но сильные руки обхватили ее плечи и удержали от падения.

* * *

Барек быстро шел по коридорам зала Совета. Его стремительная походка предупреждала всех встречных, что не стоит его задерживать. Он хотел как можно быстрее вернуться на Беринг, но предстояло еще немало дел, которые он не мог оставить без внимания.

Принц был убежден, что Гэд что-то скрывал от них. Присутствие его отца на союзе Виктории и Лукаса доказывало это. Барек многое бы отдал за возможность встретиться с Роугом Станником, но так как советник был членом Ассамблеи Дома Знаний, только Кассандра имела право допрашивать его. Оставалось довольствоваться сведениями, полученными от сына. Но поскольку Гэд входил в Коалицию, то это давало Бареку надежду, что он обязательно со всем разберется.

Он так погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как повернул за угол и с кем-то столкнулся. Услышав тихий женский вскрик, он инстинктивно протянул руки.

— Вы в порядке? — спросил он, заглядывая в широко распахнутые зеленые глаза, которые по непонятной причине показались ему слишком знакомыми.

Приятный мужской голос заставил Джасинду поднять голову и увидеть принца Барека, смотревшего на нее глазами — так похожими на глаза его отца, короля Джотэма — полными беспокойства за нее.

— Благодарю, я в порядке, — выпрямившись, она сделала маленький шаг назад, и мужчина отпустил ее руки. — Простите, принц Барек, я не хотела вас беспокоить.

— Это все моя вина, мадам, — Барек перебирал в памяти всех придворных дам, пытаясь понять, кто эта женщина. — Я слишком торопился и не смотрел перед собой.

— Думаю, тогда мы можем признать, что оба виноваты, и мирно разойтись по своим делам, — предложила Джасинда, улыбнувшись ему.

— Возможно, вы и правы, — ответил Барек и поймал себя на том, что улыбается в ответ. — Хотя я никогда бы не стал возмущаться, держа в руках красивую женщину.

Глаза Джасинды на мгновение расширились, а затем она слегка откинула голову назад, и коридор наполнился серебристым заразительным смехом.

— О, принц Барек, — она снова посмотрела на него. — Вы можете выглядеть как ваш отец, но у вас определенно имеется дар вашей матушки делать комплименты.

— Ну, да... — начал было Барек, намереваясь продолжить свой путь, но замер, когда до него дошел смысл ее слов. — Моей мамы?

— Да, я никогда не встречала никого подобного ей, кто мог бы сделать довольно сомнительный комплимент и оставаться при этом абсолютно искренним.

— И почему это мой комплимент сомнительный? Вы действительно красивая женщина.

— Которая старше, принц Барек, вашей мамы. Но все равно спасибо, вы добавили в мой день щепотку радости.

Джасинда повернулась, чтобы уйти, но слова мужчины остановили ее.

— Вы знали мою маму?

— Безусловно, — она нахмурилась, увидев в глазах принца промелькнувшее смущение и неловкое любопытство. Этого она никак не могла понять.

— Извините, я просто... — Барек пристально смотрел на нее, все еще пытаясь понять, кто она такая.

Джасинда, наконец, поняла причину его неуверенности.

— Простите, принц Барек, мне следовало представиться. Я — Джасинда Мичелокакис. Советник Стефан Мичелокакис был моим мужем.

— Ну, конечно! — Бареку захотелось дать себе подзатыльник. Как он мог забыть? — Прошу прощения, мадам Мичелокакис, меня слишком увлекли насущные проблемы.

— Не нужно извиняться, принц. Стефан умер почти десять циклов назад, и у вас нет причин помнить меня. Да, и, пожалуйста, называйте меня Джасиндой.

— Мадам... Джасинда… я все же должен был помнить вас хотя бы из-за вашей красоты.

Кто-то прошел мимо, задев ее плечом, и Джасинда почувствовала, что краснеет.

— Определенно сын своей матери, — пожурила она.

— Так вы знали мою маму через своего супруга? — Барек бросил мрачный взгляд на удаляющуюся спину мужчины, который не соизволил даже извиниться. Он обнял женщину за плечи и вывел ее из движущегося потока в маленькую нишу, выходившую в атриум зала заседаний.

— Нет, мы с вашей мамой вместе учились в Академии, — Джасинда была согласна продолжить беседу, почувствовав желание еще поговорить с Бареком о его матери. Похоже, ему это было просто необходимо. Возможно, она все еще сердилась на Джотэма за его оскорбительное поведение, но она не собиралась вымещать это на его сыне, в память о Лате. — Она жила в одной комнате с моей младшей сестрой.

— Неужели? В Академии? Никогда не знал.

— Я опережала Лату на три цикла, но мы общались с ней во время каникул, когда она приезжала в наш дом. Хотя я бы с удовольствием избежала некоторых горячо любимых ею шалостей, — улыбнулась женщина воспоминаниям.

— Шалостей? — глаза Барека расширились от удивления.

— Да, ваша мама любила пошалить. Разве вы этого не знали? — Барек медленно покачал головой. — Ну, ее любимое время баловства, это когда ты еще не совсем проснулся. Я до сих пор по утрам иногда проверяю солонку. Лучше заранее убедиться, что она плотно закрыта.

— Она раскручивала ее?!

— О да, — Джасинда широко улыбнулась. — Признаюсь, обычно это было в отместку за то, что я укорачивала покрывала на их с сестрой постелях, но все же...

— Я никогда не слышал об этом.

— Да, у нас, матерей, должна быть определенная репутация, которую мы всеми силами обязаны поддерживать. Но иногда нашим детям приходится узнавать о нас совсем непривычные для них вещи... — Джасинда благодушно пожала плечами, а ее улыбка не потускнела. — Она также любила фотографировать, когда ты выглядел не лучшим образом.

— Она что? — Барек не смог скрыть своего потрясения.

— О, нет, нет, ничего страшного, — быстро успокоила его женщина. — Однажды я пробовала новую косметическую процедуру, — она проигнорировала потрясенный взгляд Барека, — грязевую маску для волос, — Джасинда усмехнулась и покачала головой. — Мои волосы были покрыты грязно-зеленым маслом, и Лата тут же сделала этот ужасный снимок. Мне пришлось заплатить ей 100 кредитов, чтобы заполучить его обратно.

— Она шантажировала вас?!! — Барек не мог в это поверить.

— Разумеется, она так и сделала. Причем с самой милой и очаровательной улыбкой на лице. Ваша мама умела держать марку. Вы сомневались в этом? — женщина бросила на него любопытный взгляд. — Вы же знаете, она была лучшей выпускницей в Академии. Она могла выглядеть милой и невинной, но была весьма сильной и мудрой женщиной.

— Я так мало о ней знаю, — слова непроизвольно слетели с его губ. — Я всегда думал, что...

— Что? — спросила Джасинда, склонив голову набок.

— Это из-за моего отца...

— Что все это досталось ей даром? — Джасинда вдруг почувствовала, что злится на то, как мало Барек знает о своей матери. — *Что* было жизнью подарено вам, принц Барек? Вы просто номинальный глава или истинно Верховный Консул Коалиции?

«*Она оскорбила меня прямо в лицо?*»

Принц напрягся.

— Все занимаемые мной должности я заслужил своей преданностью делу, мадам Мичелокакис, — голос Барека был таким холодным и по-королевски твердым, что Джасинда невольно поставила его рядом с королем, который значительно проигрывал в этом сравнении.

— И все же вы сомневаетесь, что вашей маме пришлось много добиваться самой? Задолго до того, как она стала королевой... до того, как ее причислили к «королевской крови»? Ведь она была простой девушкой, когда ей заинтересовался принц Джотэм.

— Я... я никогда не думал об этом в таком ключе.

— Скорее всего, в своей жизни ей пришлось бороться даже больше, чем вам. И не потому, что она стала королевской особой, а потому, что когда-то не была ей. Ваша мама в очень юном возрасте справлялась со всем этим давлением без поддержки Дворца. У нее была прирожденная грация, которой я до сих пор завидую. Когда она неожиданно для себя приняла роль королевы… она продолжала оставаться в любых обстоятельствах доброй и изысканной. Она всегда была настоящей королевой, — от воспоминаний о подруге глаза Джасинды погрустнели. — Не только я, но и весь Дом Защиты до сих пор печалится о ее мягком правлении и о ее преждевременной гибели.

Несколько мгновений Барек молчал. У него перехватило дыхание от проникновенных слов Джасинды. Он никогда не задумывался, каково это внезапно, без специальных знаний оказаться в роли, к которой он готовился всю свою жизнь. А он даже сейчас не был уверен, что готов к этому. Его же мама была так молода...

— Всего восемнадцать. Она только-только окончила Академию и готовилась ко вступлению в Коалицию, — Джасинда ответила на его вопрос, и Барек понял, что последние слова произнес вслух.

— Я не могу себе это представить. Я так многого не знаю о маме, многого не помню. — Барек был удивлен своей откровенности с совершенно посторонним человеком.

— А как насчет ее альбомов с фотографиями?

— Каких альбомов? — требовательно спросил он.

— У Латы было несколько альбомов, полных снимков дорогих ей людей. Она постоянно делала их в Академии и во время путешествий со своей семьей. Она, казалось, постоянно фотографировала вашего отца, а уже позже запечатлевала для семейной истории и вас.

— Меня?

— О, да! Но, конечно, были и ваши «официальные» изображения. И в то же время у Латы был свой собственный альбом близких ей людей. Однажды она привезла его с собой, когда приехала к нам в гости. Это были очень милые снимки. На одном вы принимали ванну, на другом спали в своей кроватке. У нее даже было одно эксклюзивное фото — она засняла вас бегающим по Королевскому саду с голым задом, — Джасинда рассмеялась от его ошеломленного взгляда.

— Моя мама навещала вас? В вашем доме? — Барек закашлялся, пытаясь скрыть смущение и шок.

— Да, вместе с вами. Вы не помните?

— К сожалению, нет.

— Ну, вы были еще малышом. Мой первый сын, Дантон, лишь на цикл старше вас, и мы с вашей мамой часто встречались, чтобы обсудить насущные проблемы и поделиться опытом. В то время мы с ней были молодыми мамами, абсолютно ничего не знавшими о воспитании детей, и поначалу полагались лишь друг на друга.

— Почему только поначалу?

Джасинда внимательно посмотрела на мужчину.

— Думаю, вы прекрасно знаете, как члены Ассамблеи всеми силами стараются, — Джасинда запнулась на следующем слове, — окружить вас и вашего отца своей заботой и вниманием. Каждый из них надеется обрести непререкаемый авторитет и право на неограниченное влияние на ваши решения.

— Да.

— Ну, их жены ведут себя с королевой точно так же. Когда некоторые из них узнали, сколько времени мы проводим вместе, это вызвало… напряженность.

— Но моя мама имела право проводить свое личное время по своему усмотрению.

— Да, но вы же понимаете, что это приемлемо лишь до определенного момента? Особенно, если вопрос касается жены члена Ассамблеи, — Джасинда увидела понимание в его глазах. — Мы были вынуждены сократить наши встречи. К тому времени из первого рейда Коалиции вернулись друзья вашей мамы по Академии, и она стала общаться с некоторыми из них. Ей приходилось искать различные способы для снятия напряжения и стресса.

— За рулем, — резко сказал Барек.

— Да.

— Но это убило ее!

— Это был лишь несчастный случай, Барек, — Джасинда не заметила, что опустила его титул. — Этого никто не мог ни предвидеть, ни предотвратить, — заметив, что Барек упрямо поджал губы, ничего не сказав, она поняла, что лучше не затрагивать эту тему. — Выходит, вы никогда не видели тех фотографий?

— Нет, — наконец, признался он.

— Но вам бы хотелось?

— Что?

— У моей сестры Палмы есть альбом со снимками того времени. Уверена, что она с удовольствием поделиться ими. У нее есть несколько фото, сделанных в день союза ваших родителей. Палма помогала Лате в подготовке к церемонии.

— Я...

— Палма сейчас живет в Кисурри, и я планировала через несколько дней навестить ее. Если вам интересно, я могу спросить, — Джасинда с легкостью солгала Бареку. Она не собиралась навещать сестру, но… планы меняются.

— Кисурри?

— Да, — Джасинда прислушалась к своей интуиции, — надеюсь, пока буду там, смогу навестить остальных моих родственников. Прошло слишком много времени с тех пор, как я виделась с Жавьерой и Леандером в последний раз.

— Мичелокакис? Леандер и Жавьера Мичелокакис ваши родственники?

— Да, конечно. Леандер — сын брата Стефана. Я так давно их не видела. К сожалению, я пропустила выпускной Амины из Академии, но надеюсь, что она все еще живет там, — Джасинда успела заметить, что глаза Барека на мгновение вспыхнули, когда она упомянула племянницу. Но они так же быстро погасли. Возможно, Джотэм прав в отношении чувств Барека к девушке, но то, что он сделал, было неправильно.

— Так и есть, — подтвердил ее догадку Барек, показав, что интересовался Аминой.

— Замечательно. Это сделает мое путешествие более приятным, — она не стала расспрашивать принца, откуда он знает это. Ей не хотелось вызывать его подозрения. Она посмотрела на часы у себя на запястье. — Простите, принц Барек, но мне пора идти, иначе я опоздаю на следующую встречу.

— Конечно, мадам... Джасинда. Было приятно поговорить с вами.

— О, я тоже получила огромное удовольствие. Как только я получу альбомы, они тут же будут доставлены вам во дворец.

— Спасибо вам. Я буду на Кариниане до отлета «Хранителя».

Глава 4

— Как же я рада, сестренка, что ты наконец-то к нам приехала, — Палма, младшая сестра Джасинды, улыбнулась ей, когда они расположились за небольшим столиком уличного кафе в самом центре Кисурри. Они выпили по чашечке кофе и нежились под теплыми лучами полуденных солнц.

— Мне тоже так хорошо здесь, Палма. Постараюсь приезжать почаще.

— Конечно, приезжай. Ты же знаешь, как мы всегда тебе рады, — Палма, наклонившись через столик, слегка пожала руку Джасинды.

— Я знаю, — ответила та на пожатие, положив свою ладонь поверх руки Палмы. — Спасибо тебе за все, милая. Думаю, для тебя эта встреча была крайне неожиданной.

— Так и есть, но как же мило, спустя столько циклов, пробежаться по тропинке воспоминаний. Я уверена, Лата непременно оценила бы то, что ты делаешь для ее сына.

— Я просто никак не могу в это поверить, Палма, — Джасинда сделала глоток кофе, наслаждаясь его богатым насыщенным вкусом, а затем продолжила. — Я имею в виду, что всегда знала, что Джотэм не любил на публике говорить о Лате, но не могла даже предположить, что он ничего не рассказывал о ней своему сыну. Я не могу себе представить, что вообще бы не говорила о Стефане с нашими детьми. А убрать все его фотографии из нашего дома? Я согласна, что некоторое время было достаточно болезненно смотреть на них, зная, что его никогда больше не будет рядом, — голос Джасинды на мгновение сорвался, — но теперь я нахожу большое утешение, глядя на них и вспоминая, как была счастлива с мужем.

— Ты сильная женщина, Джасинда. Я всегда восхищалась тобой. Но говорила ли я тебе когда-нибудь об этом? — Палма смотрела на сестру с обожанием и легкой грустью. — Я очень сожалею, что не смогла в свое время оказать тебе достойную поддержку, когда ты выходила замуж за Стефана.

— Палма...

— Нет, позволь мне наконец-то сказать это. Я считала, что Стефан слишком стар для тебя. Я немного злилась, что из-за него ты пожертвовала всеми своими мечтами, которыми делилась со мной. Внезапно ты стала слишком похожа на нашу маму.

Джасинда, вероятно, была единственным человеком, который полностью понимал, о чем говорит ее сестра. Нельзя сказать, что они обе не любили свою мать. Она была поистине удивительной женщиной. Всегда безупречная, всегда вежливая, всегда готовая все бросить ради своего мужа. При этом она неустанно заботилась о своих детях. Их мама самоотверженно любила своих дочерей, но всегда жестко требовала, чтобы их поведение никоим образом не отразилось на положении их отца. Она строго следила за тем, чтобы девочки не испортили его репутацию. Хотя обе сестры ценили тот образ жизни, который имели благодаря их социальному положению, но обе не могли дождаться возможности вырваться из-под чрезмерного контроля.

— Но, к счастью, я довольно быстро поняла, что глубоко ошибалась. Стефан любил тебя, а не просто искал женщину, способствующую его продвижению по карьерной лестнице.

— Отнюдь. Наш союз едва не разрушил его карьеру.

— Я знаю. Именно тогда я и поняла, что ты для него важнее всего на свете.

— Да. Он действительно любил меня.

— Жизнь порой удивительна, не так ли? Если бы ты не влюбилась в Стефана, то не оказалась бы в Доме Защиты и не смогла бы помочь Лате.

— Знаешь, я не уверена, что сделала все возможное.

— Прекрати, Джасинда. Ты сделала намного больше, чем думаешь. Лата рассказала мне о том дне в саду. Как ты нашла ее плачущей. Я понимаю, что это неправильно с моей стороны, но мне так хотелось свернуть шею королеве Джоанне за ее отношение к жене своего сына.

— Отношение? О чем ты говоришь, Палма? Ведь Джотэм ясно дал понять, что Лата — его избранница.

— Королева Джоанна не верила в это и не собиралась считаться с чьим-то мнением. Она была убеждена, что Джотэм после своего тура в Коалиции оставит эту безумную, по ее мнению, затею.

— Почему безумную?

— Ну, ты ведь понимаешь, что хотя Лата и была из Дома Защиты, но ее семья не имела должного социального статуса. Они были «простолюдинами». По мнению королевы, Лата никогда бы не стала достойной королевского трона.

— Я всегда знала, что у Джоанны были крайне… жесткие… убеждения в том, кого следует пускать в «ее» Дом. В этом я убедилась на собственном опыте. Но я и подумать не могла, что это распространяется и на подданных Дома Защиты.

— О, именно так все и было. И по этой причине Джоанна отказала Лате в поддержке и содействии в обретении статуса принцессы. Она не дала ей дополнительного внимания, которое получали все наследники трона. Королева лишила Лату и обучения, и наставлений.

— Совсем ничего?! — Джасинда была в шоке.

— Ни-че-го. И это действительно беспокоило Лату. Но она, как и все остальные, думала, что пройдет достаточно циклов, прежде чем ей придется столкнуться с королевскими обязанностями. Когда же король с королевой внезапно погибли… Лата была в оцепенении.

— Она никогда этого открыто не показывала.

— Зато однажды призналась мне, что твоя искренняя дружба очень много значила для нее. Что лишь благодаря твоей поддержке она пережила те трудные времена. Особенно она дорожила часами, проведенными с Бареком в твоем доме.

— Да. Это были чудесные времена. Мне было так жаль, когда они закончились. Хотя я и понимала причины этого.

— Но я до сих пор уверена, что это была ее самая большая ошибка. Лате не стоило уступать давлению придворных дам.

— Палма, их опасения можно понять. Мы с Латой провели очень много времени вместе. Все испугались, что королева может расположить Джотэма в пользу Стефана.

— Ну, и что? Можно подумать, Джоанна не делала этого со своими «любимчиками».

— Все верно, но Лата была не такой. Она никогда не играла в такие игры.

— Я знаю и, тем не менее, считаю, что если бы она продолжала навещать тебя, то не нуждалась бы в этих побегах из дворца в одиночку. Я разговаривала с ней, Джасинда, за день до ее смерти, — Палма понизила голос, чтобы никто ее не услышал. — Ее что-то беспокоило, и я не имею в виду повседневные вещи. Я думаю, что это было связано с нашими общими друзьями по Академии. Все они последовали за своими мечтами и получили желаемое. Лата завидовала им. Их путешествиям. Их свободе от регламента и церемоний. Их возможности приходить и уходить в любое угодное им время. Она всегда страдала, что постоянно была окружена большим количеством людей.

— Она сама тебе это сказала?

— Нет, это было скорее на уровне ощущений. Я это чувствовала, находясь рядом с ней. Она утверждала, что вождение помогает ей очистить голову и позволяет быть просто Латой. Не королевой. Не женой. И не матерью.

— Жаль, что я ничего не знала о такой ее внутренней борьбе. Мне тоже было нелегко, но у меня, по крайней мере, была мама, с которой можно было все обсудить.

— Знаешь, я всегда винила себя за то, что не рассказала тебе об этом. Но это была не моя тайна. Думаю, Лата перестала бы тогда со мной откровенничать.

— Она была так молода.

— В двадцать четыре цикла она уже встретила предков. Ты можешь себе это представить, Джасинда? Наши дети теперь старше, чем она была, когда погибла.

* * *

— Джасинда?! — обе женщины резко обернулись.

— Жавьера, — улыбнулась Джасинда и встала, чтобы обнять жену своего племянника. — Я собиралась позвонить тебе сегодня.

— Ну, конечно, — в голосе Жавьеры звучала ирония и легкий скептицизм.

— Правда, правда! — Джасинда рассмеялась. Эту женщину она считала своей племянницей. — Проходи и садись, не стесняйся. Будем очень рады, если ты присоединишься к нам. Ты помнишь мою сестру Палму Метаксас.

— Конечно. Приятно снова видеть тебя, Палма. Как поживает твоя семья? — когда Жавьера села, Джасинда жестом велела официанту принести еще одну чашку кофе.

— Спасибо, все здоровы. Донау и его семья сейчас на флоте, а Тоша с семьей здесь, в Кисурри. А как насчет твоих? Джасинда как раз рассказала мне, что Амина собирается в Монтре. Как это, должно быть, волнующе для тебя.

— Так и есть.

— Похоже, в последнее время у тебя было слишком много волнений. И с прибытием Чемберленов, и с преждевременными родами королевы, и с союзом Виктории и Лукаса. А у тебя есть какие-нибудь фотографии? — резко перевела тему Джасинда, вопросительно глядя на Жавьеру.

— Да, ты, несомненно, права, переживаний было немало, — слегка напряглась Жавьера, — но боюсь, что не смогу показать вам никаких дополнительных снимков, которые королева официально еще не выпустила.

— О, Жавьера, я совсем не это имела в виду, — Джасинда накрыла ее руку своей ладонью. — Я бы никогда не попросила тебя об этом! Я помню, как еще при жизни Стефана меня раздражало, когда ко мне обращались за неопубликованной информацией. Я имела в виду, что слышала о вашем присутствии на союзе Лукаса и Тори и хотела бы посмотреть фото вашей семьи. Последней вашей фотографии, имеющейся у меня, уже три цикла.

— О, Джасинда, — взгляд Жавьеры стал извиняющимся. — Прости, я должна была догадаться. Просто с тех пор, как родилась принцесса Сабах, все просто сошли с ума. Было так много запросов... — она тут же вытащила свой личный комм, отыскала в нем альбом и передала его Джасинде.

— О, как же я тебя понимаю, но мне следовало быть более конкретной, — Джасинда взяла коммуникатор, и они с Палмой, прижавшись друг к другу, стали просматривать снимки. — О боже, какой прекрасный вид! — взгляд Джасинды скользнул по экрану и задержался на Леандере и Жавьере, стоявших бок о бок в саду королевы. Перед ними расположились их дети. — Ваши деточки выглядят такими взрослыми.

Делл стоял перед матерью и выглядел таким юным и скованным, каким мог быть только юноша в одежде для официальных приемов. Амина же стояла перед отцом в великолепном фиолетовом платье, которое Джасинда уже видела на снимках Джотэма.

— О, новый шедевр Киа?! — восхитилась Палма, впервые увидев это платье.

— Так и есть. Это Виктория настояла. Она хотела, чтобы Амина была неотразимой. Боже, как же она очаровательна! А как повзрослела! Куда подевалась моя малышка? — от этой мысли у Жавьеры навернулись на глаза слезы.

— Она просто выросла, — Джасинда понимающе сжала ее руку. — Дети всегда так делают. Вырастают, уходят из дома и находят свой собственный путь. И никто не знает, куда приведет их дорога.

— Понимаю и так горжусь ею. Просто я думала, что готова к этому. Но, увидев ее радом с Викторией и поняв, что однажды на этом месте будет стоять уже она...

— К этому невозможно подготовиться, дорогая, — мягко сказала Палма. — До сих пор, глядя на Тошу, я вижу свою малышку, хотя она подарила мне уже двух внуков.

— Согласна, но пока я никак не могу с этим смириться, — засмеялась Жавьера. — Ни одна из вас не выглядит достаточно взрослой, чтобы быть бабушкой, — она перевела взгляд на Джасинду, у которой тоже уже было два внука от младшего сына, Итана.

— О, какие сладкие слова. Стоит почаще бывать в Кисурри, — рассмеялась Джасинда и покачала головой. — Мое эго просто счастливо.

* * *

Звонок личного комма привлек внимание Джасинды. Она взяла сумку и достала его. Ее губы тронула улыбка, когда на экране она увидела имя старшего сына.

— Привет, милый.

— Мама! Где ты? — требовательно спросил Дантон.

Джасинда нахмурилась, услышав его обеспокоенный тон.

— Я в Кисурри, навещаю Палму. А что? Что-то случилось?

— Нет, но почему ты никого не предупредила, куда направляешься? А если бы что-то случилось, и нам срочно понадобилось бы связаться с тобой?

— Ну, что ж, похоже, ты смог меня обличить. Так что же понадобилось тебе, Дантон? — ее ледяной тон заставил Палму и Жавьеру глянуть на нее с любопытством.

На другом конце связи воцарилась тишина.

Дантон откинулся на спинку кресла, чувствуя себя маленьким мальчиком, который только что разочаровал свою маму. Прошло уже немало циклов с тех пор, как он ощущал подобное. И сейчас он обнаружил, что ему это по-прежнему не нравится.

— Прости, мам. Я просто заволновался, когда оказался перед твоим закрытым на все замки домом. Маиши там не было, и даже мадам Ницшке не знала, где ты.

— Ты ходил к соседке Ницшке? — Джасинда, оперевшись локтем на стол, закрыла ладонью глаза и тяжело вздохнула. О боги, она никогда не услышит конца этой истории. Единственная цель всей жизни мадам Ницшке — узнать все и обо всех, а потом рассказать об этом всем остальным. Наверняка, к этому моменту уже половина Печоры в курсе, что

Дантон «потерял» свою мать. Нелепые слухи будут множиться и преувеличиваться. — О, Дантон...

— Я не подходил к ее двери, мама. Я спросил о тебе, когда она проходила мимо. Прости. Я знал, что она докучливая старая леди, но я запаниковал.

— Почему? С чего тебе паниковать? Я уже взрослая женщина, Дантон. Я приходила и уходила, когда считала нужным, еще до твоего рождения.

— Я знаю, но мама...

— Но что?

— Мы так внезапно потеряли отца... Я просто… я боюсь потерять и тебя.

— О, Дантон, — Джасинда откинулась на спинку стула, и ее раздражение вмиг растворилось. — Мне еще очень далеко до встречи с предками. Я еще многого не сделала. Итак, почему ты искал меня?

Почувствовав, что прощен, Дантон быстро все объяснил.

— Ты ведь понимаешь, что осталось всего три дня, верно? — раздраженно спросила Джасинда.

— Конечно.

— А то, что мне совершенно нечего надеть?

— Что ты имеешь в виду? В твоем шкафу полно платьев.

Если бы Дантон сидел рядом с ней, она бы от всего сердца шлепнула его.

— Но им уже больше десяти циклов!

— Ну, и что? — Дантон был сбит с толку. Любой мужчина мог испытать такое недоумение, когда дело касалось женской одежды.

— Знаешь, иногда ты вылитый отец, и это не комплимент, Дантон!

— Но...

— Сейчас я отключусь, а когда буду дома, сразу же дам тебе знать, — Джасинда раздраженно ткнула пальцем в кнопку разъединения. Ей нестерпимо хотелось, чтобы Дантон почувствовал, в какой заднице он сейчас находился.

— Проблемы?

Джасинда подняла глаза и увидела, что обе женщины озабоченно смотрят на нее.

— Дантон хочет, чтобы я вместе с ним посетила ежегодный бал во дворце.

— И он только сейчас сообщил об этом? — Жавьера недоверчиво посмотрела на нее.

— Как видишь. Ведь у меня есть «шкаф, полный платьев», которые мне подойдут.

Ее родственницы переглянулись и дружно расхохотались.

— О, Джасинда, мой племянник настоящий мужчина!

— Да, — хихикнула вместе с ними Джасинда, — это про него.

— Ну, ты же понимаешь, что это значит, не так ли? — поднимаясь, решительно сказала Жавьера. Она встретила вопросительные взгляды родственниц своим твердым и уверенным. — Мы срочно отправляемся к Киа.

* * *

— Он предупредил тебя всего за три дня?! — взвизгнула Киа, глядя недоверчиво на трех женщин перед собой. — К ежегодному балу у короля Джотэма?! Джасинда! Ты уронила этого мальчика на голову, когда он был младенцем? — пожав плечами, она развела руками, быстро развернулась и громко позвала своих помощниц.

Джасинда поймала себя на том, что вытирала слезы, стекавшие по ее щекам от шутливой тирады Киа. Она совсем забыла, как сильно любила эту женщину.

— Нет, Киа, ты не права, — возразила она, следуя за Киа вглубь магазина.

— Ну, возможно, и стоило бы! — бросила Киа через плечо. — Мужчины! Они что, думают, что «пуф»… и роскошные одеяния появляются из воздуха?!!

— В его защиту скажу, что Дантон — новый член Ассамблеи и холостяк. Он понятия не имеет, сколько времени женщины тратят на выбор своего наряда.

— И где же, по его мнению, ты бы его нашла?

— В… моем «шкафу, полном платьев», — не успев договорить, Джасинда отпрянула от резкого выкрика Киа.

— Серьезно?!! Он думал, что ты просто залезешь в шкаф и что-нибудь вытащишь оттуда? Ты?! Джасинда Мичелокакис, вдова члена Ассамблеи Стефана Мичелокакиса, установившая в свое время стандарт элегантности в Доме Защиты?! Все женщины тогда пытались превзойти тебя, но никто так и не смог! Дантон решил, что ты выйдешь в свет в наряде десятилетней давности? О, да у меня просто руки чешутся, так и хочется треснуть по шее этому мальчику!

— Я... — Джасинда потрясенно посмотрела на Киа. — Я… спасибо, Киа, но я не уверена, что все, что ты сейчас обо мне сказала, было правдой.

— Не спорь со мной, Джасинда Мичелокакис. Я дизайнер, и все происходило на моих глазах. И только я знаю, сколько этих несносных женщин приходило ко мне, чтобы выведать, что ты собиралась надеть. Им так хотелось переплюнуть тебя…

— Они это делали?

— Еще бы! Особенно эта несносная мадам Паяри. Она даже пыталась подкупить моего помощника, чтобы тот украл для нее эскиз.

— Серьезно? Аделаида Паяри? Пыталась это сделать? — Джасинда, хотя и удивилась, но догадывалась, на что была способна эта дама. Ее муж, Эллиот, никогда не был достаточно сильным и уважаемым членом Ассамблеи. Он всегда колебался в своих решениях и частенько играл на обе стороны. Он никогда не спешил определяться, не выяснив, кто на этот раз будет «популярным», чтобы отдать свой голос именно ему. Несколько циклов назад была угрожающая ситуация, когда Эллиот мог потерять свою должность. И, тем не менее, его до сих пор переизбирали.

— Да, и после этого я запретила Аделаиде посещать мой магазин, — Киа подошла к шкафу и достала оттуда невзрачный чехол для одежды. — Нам это теперь только на руку.

Когда же Киа сняла чехол, все три женщины разом затаили дыхание, в изумлении уставившись на наряд. Это было длинное черное платье в стиле русалки с глубоким вырезом, который был отделан лишь по краю фиолетовым плетением из бисера. Украшение выглядело массивным «ожерельем», а, спускаясь вниз по вырезу, собиралось в затейливый медальон, закрепленный между чашечками бюстгальтера.

— Я придумала это платье несколько циклов назад, пытаясь применить то, что рассказывала мне Кассандра о земной моде, в своих дизайнерских решениях. Я была в восторге от этого платья, но, приехав сюда, не нашла подходящего случая, чтобы подарить его Кассандре.

— Почему нет? — удивилась Палма.

— Потому что оно слишком сильно подчеркивает принадлежность к Дому Защиты. Кэсси никогда бы не смогла надеть его на официальное мероприятие, особенно теперь, когда стала королевой, — пояснила Киа.

— Боже, оно так прекрасно, — прошептала Джасинда, пока ее взгляд скользил по великолепному наряду, оценивая его детальную простоту.

— Благодарю. Думаю, с некоторыми изменениями оно идеально тебе подойдет.

— Мне?! — глаза Джасинды метнулись к Киа. — Оу, мне оно, безусловно, очень нравится. Оно необыкновенно красивое, но я не смогу его надеть. Я слишком стара для него.

— Да уж, вот только не надо мне ничего говорить, — Киа пренебрежительно махнула рукой. — Мне абсолютно все равно, сколько тебе стукнуло. Ты не выглядишь ни на день старше сорока циклов. А в свои сорок, ты бы легко надела его.

— Я бы так и сделала, но...

— Но что?

— Я же еду со своим сыном, Киа, а не со Стефаном.

— Ну, и что это меняет? Ты возвращаешься в свет, Джасинда, а я забочусь, чтобы ты сделала это с шиком. Тем более, там будет эта тупица Аделаида. Я бы многое отдала, чтобы увидеть ее лицо, когда ты появишься в этом.

— Я поддерживаю это решение, — Палма подошла к сестре и обняла ее за талию.

— Палма... — Джасинда бросила на сестру укоризненный взгляд.

— Ну, хотя бы примерь, Джасинда, — подбодрила ее та, заметив желание в ее глазах. — Ты же и сама хочешь. Если тебе не понравится, мы подберем что-то другое.

— Думаю, примерка никому не повредит, — сдалась Джасинда.

— Замечательно. Проходи в примерочную. Я помогу. Зи! Тома! Принесите напитки для дам и все необходимое для примерки.

— Да, мадам Джуруас! — обе помощницы, зашедшие в комнату, немедленно отправились выполнять ее поручения.

* * *

Джасинда медленно повернулась, чтобы рассмотреть в зеркале заднюю часть платья. Она не заметила, как Киа аккуратно пальчиками приподняла плетение из бисера, украшавшее горловину. О нет, такое «ожерелье» было бы слишком простым решением для эксклюзивного творения. От легкого движения Киа плетение упало Джасинде на спину и рассыпалось тонкими нитями из бисера. Они крепились к боковым швам, заставляя платье плотно прилегать к телу, а затем переходили в отделанный драгоценными камнями пояс.

— А теперь вот это....

Джасинда ухватилась за плечо Киа, когда та подняла ее ногу, чтобы надеть черные четырехдюймовые (*прим. ок. 10 см*) каблуки, которые идеально ей подошли.

— Откуда ты знаешь мой размер?

— Джасинда, я сохранила в личном файле всю твою информацию, — Киа на мгновение подняла на нее глаза. — Ты действительно думала, что я забуду о тебе? Об одном из наших первых клиентов?! А ведь ты не обязана была посещать нас. Никто из нас не имел к вам прямого отношения. У тебя не было объективных причин поддерживать нас.

— Конечно, были. Да, ты только начинала, Киа, и вы с Пазелом были очень молоды, но твой талант был неоспорим. Нельзя сказать, что я не извлекла из этой ситуации выгоду.

— Ты дала нам больше, чем это, — надев ей вторую туфлю, Киа поднялась. — Я в курсе, как ты нас возвысила. Как поощряла знакомых заходить в наш магазин. Твое положение в Доме Защиты принудило много женщин войти в нашу дверь.

— Но именно твой талант сохранил их, Киа. Ты мне ничего не должна.

— Мы обязаны тебе всем! — гнев в голосе Киа потряс Джасинду. — А теперь ты позволишь мне отплатить тебе. Пойдем и посмотрим, что об этом думают твои родственницы.

Джасинде ничего не оставалось, как последовать за Киа к ожидавшим ее женщинам.

* * *

— О, мои предки! — чашка Палмы звякнула о блюдце, когда она резко поставила их на маленький столик перед собой. — Джасинда...

— Что? — Джасинда замерла от внезапного окрика сестры. — Все так плохо? — она знала, что сестра всегда говорила ей только чистую правду.

— НЕТ! — воскликнула Палма, пробегая шокированным взглядом по наряду сестры. — Ты выглядишь потрясающе. Ну-ка, повернись!

Чуть повернувшись, Джасинда сделала несколько шагов, и высокий разрез юбки приоткрыл ее стройную ногу. Шлейф, прикрепленный к украшенному драгоценными камнями «поясу» на нижней части спины, изящно скользнул за ней. Она улыбнулась, услышав вздохи Палмы и Жавьеры, когда с вызовом развернулась к ним спиной.

— О, Джасинда, ты просто обязана купить это платье, — прошептала Жавьера.

— И туфли тоже. Мои предки, Джасинда, ты должна приобрести эти туфли!

— Тебе не кажется, что они делают меня слишком высокой? — она вытянула ногу, глядя на тонкий каблук. — Мне не хотелось бы превзойти Дантона.

— Ты не можешь быть слишком высокой, Джасинда, — рассеянно сказала Жавьера, все еще разглядывая платье.

— О да, еще как можешь, особенно когда танцуешь.

— Серьезно? — Палма бросила на нее раздраженный взгляд. — После стольких циклов пора уже отпустить это.

— О чем вы говорите? — Жавьера нахмурилась, глядя на сестер. Даже Киа заинтересовано посмотрела на Палму.

— Генри Езек и ежегодный праздничный бал для Дома Исцеления, когда мы еще учились в Академии. Отец Генри был членом Ассамблеи, и он настоял, чтобы его сын танцевал с Джасиндой. Думаю, он надеялся, что с этого момента у Генри с Джасиндой начнется бурный роман.

— Да уж, можно подумать, это могло когда-нибудь произойти, — усмехнулась Джасинда.

— Ну, после того танца… уж точно никогда, — согласилась с ней Палма.

— Почему? Что сделал этот Генри Езек?

— Во-первых, представь, что Генри Езек очень невысокого роста, а Джасинда надела те сказочные туфли, что выпросила у мамы.

— И ничего я не выпрашивала. Не выдумывай, Палма.

— *«О, мамочка, пожалуйста*, — запищала Палма высоким девичьим голосом, отчего Джасинда рассмеялась. — *Ну, пожалуйста... я обещаю, что не испорчу их! Они прекрасно сочетаются с моим платьем. Пожалуйста, мамочка!»* В тот день я была в шоке. Я до сих пор не могу поверить, но мама сдалась, — Палма с улыбкой покачала головой. — И все благодаря волшебному слову «мамочка».

— О, вот только не делай вид, что ты никогда не использовала на родителях свои приемчики, чтобы добиться своего. Ты всегда была «папиной девочкой». Все, что от тебя требовалось, — посмотреть на него своими невинными большими карими глазами, и он давал тебе все, что ты хотела.

— Это верно, — без капли раскаяния улыбнулась Палма.

— Ммм, простите, — прервала ее Жавьера. — Итак, Генри Езек…

— Ну, в туфлях, которые надела Джасинда, взгляд Генри доходил только до этого места, — Палма положила руку на грудь.

— И он всю вальсу смотрел прямо на них.

— Серьезно? — хихикнула Киа.

— Серьезно, но и это еще не самое худшее.

— А что? — подняла брови Жавьера.

— Он весь танец облизывал губы, словно жаждал попробовать их на вкус, — Джасинда содрогнулась от отвращения, вспомнив тот день.

— Ну, и фоабхор! Почему ты просто не ушла?

— В самый разгар ежегодного королевского бала?! Перед всеми собравшимися из Дома Исцеления?! Мама и папа никогда бы меня не простили. Всего-то одна вальса.

— Но ты все же позволила этой ситуации повлиять на себя. И именно поэтому всегда носила низкие каблуки рядом со Стефаном.

— Стефан никогда бы себе такого не позволил, — Джасинда была потрясена, что ее сестра могла предположить подобное. Стефан был абсолютно не похож на Генри.

— Конечно, нет, но ты всегда старалась выглядеть ниже него.

— Но ведь так оно и было.

— Было, но только без таких каблуков, — Палма указала на туфли, что были на ней сейчас.

— Да, — Джасинде вдруг стало грустно от этой мысли. Стефану понравилось бы это платье. — На таких каблуках я была бы выше него.

— О, мне так жаль, милая, — Палма мгновенно оказалась рядом с сестрой, и ее взгляд стал извиняющимся. — Прости, я не хотела тебя расстраивать.

— Ты этого и не делала, — Джасинда сжала ее руку. — Просто будет так… необычно оказаться там без Стефана. Не помогать ему в выборе костюма. Не стоять рядом с ним, напоминая имена жен, которые он забыл.

— Но Дантон будет рядом с тобой. А этому мальчику однозначно понадобится вся твоя сила и твой богатейший опыт светских балов. Женщины, которыми он когда-либо интересовался, были незамужние.

— Как же ты права! — рассмеялась Джасинда, и ее печаль мгновенно испарилась. — Нужно будет послать ему список имен, чтобы он все их выучил. Просто чтобы помучить его за то, что он так поздно сообщил мне о бале.

— Так ему и надо, — согласилась Палма.

* * *

Остаток дня Джасинда прошел в приятной беседе с родственницами, пока Киа подгоняла платье, чтобы оно идеально сидело на ней.

— Киа, я не смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделала это так быстро. Я знаю, как ты востребована.

— Ничего особенного, Джасинда, я была рада тебе помочь. Просто предупреди своего сына, что следующая женщина, с которой он вознамерится провернуть такое, может оказаться не такой понимающей, как его мать.

— Поверь, Киа, я сделаю все, чтобы он это понял.

— Дамы, к сожалению, мне пора, — Жавьера посмотрела на сообщение на своем коммуникаторе. — Я прекрасно провела с вами время. Палма, нам скоро вновь придется встретиться.

— С удовольствием, Жавьера.

— Джасинда, — Жавьера подошла и обняла ее. — Не избегай нас. Ты же знаешь, в нашем доме тебе всегда рады.

— Да, спасибо. И хочу напомнить, что твоей семье также всегда рады в моем доме. Монтре не так уж далеко от Печоры. Амина всегда будет желанной гостьей в моем доме, если ей нужно отдохнуть или просто побаловать себя домашней пищей.

— Спасибо, Джасинда. Я передам ей. Возможно, это убедит ее прогуляться.

— Что ты имеешь в виду? Я думала, она собиралась ехать. Есть проблемы? Мне бы хотелось ей помочь.

— Нет. Не совсем. Сейчас она работает над новым проектом со своим отцом. Я не могу говорить об этом, но она способна отложить поездку, пока все не закончит.

Джасинда посмотрела на Жавьеру и поняла, что та сожалеет, что при всех заговорила о дочери и ее секретной работе.

— Ну, ну, не беспокойся. От меня никто ничего не услышит. А что насчет вас? — Джасинда посмотрела на Киа и Палму, которые, без сомнений, умели хранить секреты.

— О, мы немы как рыбы, — немедленно заверили они.

— Просто передай Амине, что мое предложение не обсуждается. Всякий раз, когда она будет в наших краях, она желанна в моем доме.

— Спасибо, Джасинда. А теперь мне пора. О, чуть не забыла! Я обязательно пришлю тебе эти фотографии.

— Спасибо, Жавьера. Поцелуй за меня Леандера и Делла.

— Обязательно так и сделаю.

Глава 5

— Доброго дня, джентльмены, — улыбнулась Джасинда, подойдя к двум стражникам, одетым в форму цвета Дома Защиты. Они охраняли дверь, отделявшую общественное крыло от более уединенной части дворца. Джасинда остановилась в нескольких футах от них. — Я Джасинда Мичелокакис и хотела бы кое-что передать принцу Бареку.

Суровые взгляды воинов скользнули по ней и задержались на свертке, который она держала в руках. Один из них взглянул на комм, прикрепленный к его запястью.

— Мы не получали никакого уведомления, что вас кто-то ожидает, — сказал ей более крупный из них.

— Все верно. Просто я никому не сообщала о своем приезде.

— Мадам Мичелокакис, мы не можем пропустить вас.

— Конечно же, нет. Я прекрасно все понимаю, — пока она говорила, дверь позади стражников открылась, и оттуда вышел принц Барек в сопровождении капитана Деффонда.

— Мадам Мичелокакис! Как я рад снова увидеться с вами, — серьезное выражение лица Барека сменилось ослепительной улыбкой.

— Я тоже очень рада встретиться с вами, принц Барек. Но мне казалось, что мы с вами уже договорились и вы будете звать меня по имени.

— Конечно, Джасинда, простите меня, — Барек слегка покраснел, а Деффонд от его реакции пришел в изумление. — Что же привело вас сегодня во дворец?

— Думаю, вы знаете…

— Знаю?

— Да, — Джасинда рассмеялась, увидев замешательство на лице принца. — Вчера я вернулась из своей непродолжительной поездки к сестре. Я кое-что привезла для вас, — она протянула пакет, предназначенный ему, но в это мгновение оба охранника, оттолкнув ее, заслонили собой принца.

— И что же, по-вашему, вы делаете?!! — Барек сердито растолкал охранников, пытаясь пройти к Джасинде, стоявшей с бледным лицом в нескольких футах от него. Сверток, который она принесла ему, валялся на полу. — Джасинда, вы в порядке?

— Я... — с трудом сглотнув, она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотившееся сердце. — Да. Конечно же. Простите, не знаю, о чем я только думала.

Барек развернулся, чтобы разобраться с охранниками, но его опередил Деффонд.

— Они лишь выполняли свою работу, принц Барек.

— С каких это пор в их работу входит толкать женщин, капитан?! — возмутился принц. Его гнев был очевиден.

— Принц Барек, — мягкий, но твердый голос Джасинды прервал его и заставил оторвать от капитана яростный взгляд и обратить на нее внимание. — Капитан Деффонд прав. Это только моя вина. Я сожалею, что нарушила все протоколы, пытаясь передать лично вам пакет, который не был сначала проверен службой безопасности.

— Это не дает им никакого права...

— Это их неотъемлемое право, — вновь перебила его Джасинда. — Мало того, что они не знают меня, так это действительно их непосредственная обязанность — защищать своего будущего короля, — наклонившись, она подняла пакет с фотографиями, которые выпросила у Палмы, добавив к ним «случайно» еще одну, и протянула его Деффонду.

— Прошу, капитан.

— Благодарю вас, мадам Мичелокакис, — Деффонд взял протянутый ему пакет.

— Это те самые фотографии? — вопрос Барека был обращен к Джасинде, но его взгляд был прикован к свертку, который теперь находился в руках Деффонда.

— Да, и я должна поблагодарить вас, — на лице принца отразилось недоумение. — Мы с Палмой чудесно провели время, прогуливаясь по тропе воспоминаний. Мы хохотали до колик в животе. Для вас к каждому снимку мы прикрепили свои комментарии: чье это изображение, когда и где оно было сделано. Я взяла на себя смелость распечатать копии, но в пакете вы найдете также и карту памяти со всеми фотографиями. Если у вас возникнут какие-либо вопросы, просто свяжитесь со мной, и я сделаю все возможное.

— Я… я никогда не смогу отблагодарить вас за это, Джасинда, — голос Барека был крайне напряжен. — Вы даже не можете представить, что это значит для меня.

— Ваша мама была моей близкой подругой, принц Барек. В подобной ситуации она бы сделала то же самое для любого из моих друзей, — женщина тепло ему улыбнулась. — А теперь я уйду с вашего пути и не буду вам мешать, ведь вы, кажется, куда-то направлялись. Увидимся завтра вечером.

— Завтра вечером? — удивление Барека заставило ее приостановиться, хотя она уже почти отвернулась от мужчин.

— Да, на балу у членов Ассамблеи.

— Вы там будете?

— Да. Мой старший сын, Дантон, стал членом Ассамблеи и попросил меня сопровождать его.

— Тогда я приберегу для вас танец, — улыбнулся ей Барек.

— С нетерпением буду ждать этого, — кивнув, Джасинда повернулась и ушла.

* * *

Джасинда Мичелокакис удалялась с женственной грацией, а Деффонд не мог отвести взгляда от ее мягко покачивающихся при ходьбе бедер. Это была действительно красивая женщина, как внутри, так и снаружи. И капитан задался вопросом: сможет ли он когда-нибудь найти спутницу хотя бы наполовину столь же прекрасную и милую.

Он резко прервал ход своих мыслей, направленных на желание его сердца, и сконцентрировался на том, чем должен был заниматься в данный момент.

— Это фотографии королевы? — он перевел взгляд на принца и увидел, что тот тоже смотрел вслед удалявшейся женщины.

— Да, — Барек протянул руку. — Мы оба знаем, что Джасинда Мичелокакис никогда не причинит вреда Дому Защиты.

— Я знаю это, сир. Но, тем не менее, все же существуют определенные правила, которым мы обязаны следовать.

— Это частные снимки, Деффонд. Фото моей матери до того, как она стала королевой. Сестра Джасинды была так добра, что поделилась ими со мной. Я никому не позволю их увидеть, особенно до того, как сам их посмотрю.

Деффонд ощутил непреклонность Барека в этом вопросе и тяжело вздохнул. Принц никогда не требовал от подчиненных лишнего и всегда с уважением относился к вопросам безопасности в отличие от своего погибшего брата Дадриана, который всех подавлял своей властью. Для Барека такая настойчивость означала лишь одно — эти снимки были чрезвычайно важны для него. И все же капитан не мог без проверки отдать их ему.

— Я лично проведу этот пакет через охрану. Его можно сканировать и тестировать не вскрывая. Никто не увидит того, что принадлежит вам, сир. Это лучшее, что я могу сделать, — Деффонд наблюдал за внутренней борьбой Барека и видел, что тому хочется продолжить спор, несмотря на признание его правоты.

Наконец, Барек отрывисто кивнул.

— Хорошо, сделай так, как считаешь нужным. Но я хочу, чтобы этот пакет ожидал меня в моих личных покоях к тому времени, как я вернусь.

— Будет сделано, сир.

* * *

— Ю-ху… Джасинда... — раздался за спиной высокий скрипучий голос.

Джасинда слегка поежилась. Она хорошо понимала, что ее удача не могла длиться вечно. То, что ей накануне вечером удалось незаметно проникнуть в свой дом, а затем снова выйти сегодня утром, не попавшись на глаза мадам Нитцшке, было настоящим чудом. Теперь же, видимо, пришло время встретиться с недоброжелательной соседкой лицом к лицу.

Повернувшись, она заставила себя улыбнуться.

— Здравствуйте, мадам Нитцшке. Какой прекрасный день, не правда ли? Как ваше самочувствие? — Джасинда перевела взгляд на назойливую пожилую женщину, которая, слегка покачиваясь, шла по тротуару, и ей с трудом удалось не вздрогнуть при виде ее одежды.

Это был один из «фирменных» нарядов мадам Нитцшке, который никогда не был в моде, но, похоже, та считала иначе. Поверх леггинсов была надета аляпистая — если смотреть на нее слишком долго, то начиналось головокружение — с вертикальными полосками юбка до колен. Черно-белая рубашка пестрела горизонтальными полосками и разбрызганными между ними пятнами. К этому яркому костюму прилагалась широкополая соломенная шляпа с садиком искусственных цветов на нее полях и красные полусапожки на невысоком каблуке.

Мадам Нитцшке, единственный ребенок в семье, была неотъемлемой частью этого района еще до того, как Джасинда с мужем купила здесь свой дом. Ее отец, член Ассамблеи, встретился с предками задолго до того, как умер Стефан. Ходили слухи, что ее спутник жизни, служивший в Коалиции, погиб на границе во время внезапного нападения мятежников. После этого мадам Нитцшке не решилась обрести спутника и вступить в союз, а свою жизнь «посвятила» соседям — она знала все и обо всех в округе.

— Могло быть и лучше. Слишком уж облачно, — старушка, задрав голову и придерживая одной рукой свою шляпу, посмотрела вверх. Она, прищурившись, глядела на несколько плывущих по небу пушистых белых облаков. — Похоже, приближается гроза.

— Вы в этом уверены? — Джасинда посмотрела на небо, но не увидела ни единого грозового облачка.

— Несомненно. И я рада видеть, что ты в порядке, Джасинда.

— А что не так?

— Ну, твое внезапное исчезновение на несколько дней...

— Я никуда не исчезала, мадам Нитцшке. Я навещала свою сестру в Кисурри.

— Неужели? — тон мадам Нитцшке выдавал ее абсолютный скептицизм. — Никому ничего не сказав?

Джасинде хотелось одернуть старую склочницу, чтобы она не лезла не в свое дело, но ей все же удалось сдержаться. В глубине души она знала, что мадам Нитцшке действительно обеспокоена, а ее любопытство в какой-то мере вызвано многолетним одиночеством.

— Кое-кто действительно был в курсе моего отъезда. Я предупредила Маишу.

— Но не своего сына?

— Нет, мадам Нитцшке. Я не стала звонить сыну и сообщать ему, где нахожусь. Я взрослая женщина и не обязана никому отчитываться о своих передвижениях.

— Но он был в панике и как сумасшедший барабанил в мою дверь.

— Неправда, Дантон не делал ничего подобного! — хотя Джасинда была готова на некоторые уступки для мадам Нитцшке, но откровенную ложь терпеть не собиралась. — Вы лишь проходили мимо, когда Дантон был здесь. Он сообщил мне об этом, позвонив на мой комм.

— Послушай, он был в панике, и я даже догадываюсь, почему. Всему виной мужчины, которых ты «развлекаешь» в своем доме. Особенно этот последний. Боже мой, он едва ли выглядел старше Дантона. Тебе должно быть стыдно, Джасинда.

— Извините?!

— Ты слышала меня, юная леди. Ты была женой весьма уважаемого члена Ассамблеи и обязана ради него и тех, кто поддерживал его, следить за своим поведением. Прежде всего, убедись, что твои действия безупречны.

Джасинда почувствовала, как ее лицо вспыхнуло, а кровь закипела. Что эта самодовольная склочница себе позволяет?! Она считает себя вправе судить ее?

— Мадам Нитцшке, я сочувствую вашему одиночеству и сожалею, что у вас нет собственной семьи. Но неужели вам нечем больше заняться, кроме как вмешиваться в жизнь других людей? И кто дал вам право судить меня или кого бы то ни было еще? Я, разумеется, благодарна вам за заботу, но прошу меня извинить, я тороплюсь, — резко развернувшись, Джасинда вошла в дом, чтобы не сказать еще что-нибудь резкое, о чем потом могла пожалеть.

Она едва сдержалась, чтобы не хлопнуть входной дверью. Как смеет эта высокомерная старая карга думать, что имеет право указывать ей, кого «развлекать» в своем собственном доме? К тому же она никогда этого не делала. Прошло почти пять циклов после смерти Стефана, прежде чем она смогла допустить мысль о новых встречах с мужчинами, не говоря уже о том, чтобы «развлекать» кого-то. И вовсе не потому, что не было никаких предложений.

На самом деле было достаточно много мужчин, считавших, что вдова будет рада их утонченным и не столь утонченным ухаживаниям. Она вообще не думала об этом, пока ее не посетил Оран Холлоран, старый друг семьи из Дома Исцеления. Он был вдовцом и на несколько циклов старше ее. Их знакомство возобновилось, когда он приехал в Печору на деловую встречу, — его бизнес требовал его присутствия в городе каждые несколько недель. Постепенно они стали встречаться, хотя оба побаивались новых отношений.

Их связь продлилась недолго, всего лишь шесть лунных циклов. После всего одной ночи близости все закончилось. Джасинда чувствовала себя весьма неловко, хотя они по-прежнему обедали вместе. Ни один из них не хотел продолжения.

Ее вторая попытка продлилась чуть дольше. Это был мужчина, с которым, по ее мнению, она могла провести всю оставшуюся жизнь. Пол был тихим и скромным человеком, и после Стефана ей казалось, что именно такого мужчину она и хочет. К сожалению, ее прогнозы не оправдались. Спустя некоторое время, она с грустью обнаружила, что ей все это наскучило, а отношения не вызвали никаких чувств. Пол был достаточно приятным человеком, но стало очевидным, что ей не хотелось бы провести с ним остаток своей жизни.

Расставшись с Полом, она села на скамейку, которую Стефан поставил в «ее саду», так он любил называть их приусадебный участок, и серьезно задумалась о том, чего же ей хотелось на самом деле. Знакомство с Полом кое-чему научило ее — только тогда она полностью осознала, что многие ее желания и потребности стали отражением желаний Стефана.

Они были сплоченной парой единомышленников и делали все необходимое, чтобы достигнуть цели, к которым оба стремились. Но все ее воспоминания говорили о том, что потребности Стефана всегда были у нее на первом месте. Когда их дети выросли, Джасинде хотелось больше путешествовать и наслаждаться проведенным с мужем временем без каких-либо ограничений. Но он был членом Ассамблеи, и этим все сказано.

Стефан обещал, что еще немного и у него появится больше свободного времени, и тогда они смогут путешествовать вместе. Но что-то всегда шло вразрез с их планами. Голосование, которое он просто не мог пропустить. Комитет, который он просто обязан был возглавить. Бал, на который они просто не могли не пойти.

И, в конце концов, именно это «просто» настигло их.

Джасинда любила Стефана и свою жизнь с ним, и если бы в ее силах было что-то изменить, то она все оставила бы как прежде, кроме смерти мужа. Но сейчас… она не желала просто плыть по течению. Джасинда не собиралась быть чьей-то заменой, как это произошло бы в случае с Ораном, и не была согласна на невзрачную жизнь с Полом. Она собиралась провести остаток своей жизни активно, радуясь каждому мгновению.

Нахмурившись, она мысленно вернулась к последним словам мадам Нитцшке. Кто был тот «молодой» мужчина, о котором она говорила? Порывшись в своей памяти, она рассмеялась. Хвала предкам, старая сплетница имела в виду Деффонда, капитана королевской гвардии. Все еще смеясь, Джасинда прошла в дом.

* * *

Барек стремительно вошел в свои личные покои в Королевском крыле и сразу же увидел пакет, лежавший в центре стола. Бросив файлы с последним допросом Гэда Станника на угол, он обошел стол, не отрывая взгляда от свертка. Расположившись в кресле, он еще нескольких минут сверлил его взглядом, а затем медленно протянул руку и подтянул его к себе.

Перевернув пакет, он убедился в целости печати на нем. Деффонд как всегда сдержал свое слово, да и Барек никогда по-настоящему в этом не сомневался. Капитан всегда был человеком чести.

Потянувшись к ящику стола, принц вытащил тонкое лезвие. Медленно просунув его под печать, он легко сломал ее и, отложив лезвие в сторону, осторожно высыпал содержимое на стол.

Карта памяти, о которой говорила Джасинда, первой выскользнула из упаковки и немного пролетела по столу. За ней последовала целая стопка фотографий, которая была намного больше, чем ожидал мужчина. Бережно взяв большим и указательным пальцами карту памяти, Барек ненадолго задумался, пытаясь представить себе, какие сюрпризы она хранит. Затем осторожно убрал ее в ящик стола, на хранение. Собрав снимки в одну кучу, он медленно перевернул их и замер.

На него смотрела незнакомая девушка. На вид ей было около четырнадцати циклов, и она корчила смешные рожицы тому, кто ее фотографировал. Девушка, высунув язык, склонила голову набок, и хотя оба ее карих глаза смотрели на кончик носа, в них можно было разглядеть искорки смеха.

Изучив изображение поближе, Барек узнал место, где был сделан снимок — в комнате общежития Академии. Даже не читая подписи внизу, невозможно было ошибиться — тусклый серый цвет стен и маленький размер комнаты подтверждал очевидное.

«*Представилась новой соседке по комнате*», — прочитал Барек.

Осторожно отложив снимок в сторону, он взял следующий.

«*Первый день занятий*».

На этом фото были изображены две высокие молодые девушки, гордо стоявшие в своей академической форме. Было легко определить, кто есть кто, потому что более высокая справа очень походила на Джасинду, а та, что пониже, могла быть только его матерью.

Взгляд Барека с жадностью впился в ее образ. Прежде всего, его привлекли темные, едва доходившие до плеч волосы. Барек неосознанно провел рукой по своим. Они были густыми — немного длиннее, чем обычно, — здоровыми и волнистыми, и он точно знал, что если бы была возможность прикоснуться к матери на снимке, то под его пальцами заструился бы тот же шелк.

Легкая улыбка затронула уголки его губ, а в груди разлилось живительное тепло, едва он обнаружил между собой и своей матерью нечто-то общее. По мере изучения

других изображений его улыбка становилась все шире. Под каждым было подписано какое-нибудь шутливое замечание, сообщающее о том, почему этот снимок был сделан.

Для Барека эти фотографии были возможностью узнать свою мать как личность, проследить периоды ее взросления. И тут его рука замерла, а сердце забилось сильнее.

На этом снимке половину изображения занимало лицо его отца, но верхняя часть головы была срезана. Вторая половина принадлежала его матери, но и ее макушка тоже была срезана, вероятнее всего, фотографировал кто-то из них двоих.

В этот раз внимание мужчины привлекло выражение лица его отца — таким его Барек никогда раньше не видел — счастливая, беззаботная радость. Это было чувство, которое принц вряд ли когда-либо испытывал. Глаза отца так сияли, что ни у кого бы не возникло сомнений, что в этот момент он считал свой мир совершенным.

Барек заметил, что на снимках рядом с матерью стал чаще появляться его отец, и она так же казалась очень счастливой. Особенно это было заметно в том, как преображалось ее лицо, когда она смотрела на Джотэма. Невозможно было не увидеть любовь, сияющую в ее глазах. Она действительно любила его отца.

Последнее изображение заставило принца нахмуриться. Снимок не принадлежал его матери. Он пробежал глазами по аккуратно разложенным перед ним на столе в несколько рядов фотографиям, а затем вернулись к той, что держал в руке. На снимке, сделанном недавно на союзе Виктории и Лукаса, была запечатлена семья Мичелокакис, и он непроизвольно вспомнил, как прекрасно в тот день выглядела Амина.

Амина… он скользнул взглядом по ее улыбающемуся лицу. Она выглядела так молодо… слишком молодо.

* * *

— Барек?

Голос отца заставил его быстро убрать в ящик стола фотографию, которую он только что внимательно рассматривал, и только потом ответить:

— Я в кабинете.

Король вошел в комнату и замер. Он пришел поговорить с сыном, но все намерения мгновенно испарились у него из головы, едва он увидел на столе разложенные аккуратными рядами изображения. Джотэм медленно двинулся вперед, жадно вглядываясь в лицо своей покойной жены.

— Где ты их взял? — потрясенно прошептал он.

— У Джасинды Мичелокакис. Она попросила их у своей сестры...

— Палмы, — подсказал имя Джотэм.

— Да.

— Все шесть циклов, что она училась в Академии, твоя мама была ее соседкой по комнате в общежитии.

— Джасинда так и сказала.

— Джасинда? — Джотэм в недоумении оторвал взгляд от изображения и, слегка нахмурившись, взглянул на своего первенца. Когда это его сын успел настолько близко познакомиться с мадам Мичелокакис, чтобы называть ее по имени?

— Да. Я буквально столкнулся с ней у Зала Ассамблеи. Мы поговорили некоторое время, и она пообещала раздобыть их.

— Но почему?

— Что значит «почему»? — услышав вопрос отца, Барек тоже нахмурился.

— Почему она предложила сделать это для тебя? И что она хотела взамен?

— Ровным счетом ничего. Джасинда рассказала мне, что они с мамой были близкими подругами еще до того, как она стала женой члена Ассамблеи, а мама — королевой. Мадам Мичелокакис поведала о маминой любви фотографировать и сказала, что это самое меньшее, что она могла сделать в память о своей подруге. И что если бы мама была жива, то сама обязательно показала бы мне их.

Джотэм, ничего не сказав, просто наклонился и развернул фотографию с крупным планом их лиц так, чтобы она была прямо перед ним. Он помнил, когда был сделан этот снимок. В комнате Латы. Они были совершенно одни, что было крайне недопустимым, но Уильям помог ему проникнуть той ночью к любимой, а затем незаметно покинуть ее до рассвета. Он и не подозревал, что Лата дала Палме это фото.

— Ты пробрался в спальню девушки? — шокированный голос Барека выдернул мужчину из воспоминаний и заставил осознать, что последние слова были произнесены им вслух.

Джотэм почувствовал, как его лицо покраснело.

— Да, — признался он. — Я был на последнем курсе Академии. До окончания занятий оставалось всего несколько недель, а мне предстояла служба в Коалиции. Палма ненадолго уехала, а мы с твоей матерью не хотели расставаться.

— Ты и она...

— Это не твое дело, Барек, — хрипло сказал Джотэм и тут же смягчился. — Нет. Твоей матери тогда было всего шестнадцать циклов. Она была слишком молода, и я никогда бы не стал так давить на нее. У нас были планы... — он замолчал.

— И какими же они были?

Король улыбнулся сыну, но в его улыбке не было радости.

— Мы собирались вместе путешествовать по вселенной. Твоя мать не могла дождаться, когда сможет выйти в космос. Она всю жизнь мечтала увидеть другие миры. Увидеть, как Кариниан становится меньше, когда корабль отдаляется от него, а потом увеличивается в размерах, когда мы возвращаемся.

— А почему она так и не сделала это?

— Ты знаешь почему. Мои родители погибли, и...

— Но почему ей пришлось отказаться от своей мечты?

— Ты думаешь, я позволил бы твоей матери отправиться в космос без меня? Ты хоть понимаешь, что могло случиться с ней там? А меня бы не было рядом

— Да. Думаю, я понимаю тебя, но это не совсем то, что я имел в виду. Почему ты не позволил ей испытать все это, когда она уже стала королевой? Вы могли бы вместе отправиться в космос. Ты мог бы позволить ей обрести свою мечту.

— Разве я мог сделать это, не имея наследника? — взгляд Джотэма, обращенный на сына, стал жестче. — В то время в Доме Защиты были смутные времена. Мятежники готовили заговор, потому что мой отец не успел возложить на меня ответственность за престол, а твоя мать...

— И как же она? — потребовал Барек.

— Барек... ты должен понять... а, возможно, и нет. Я и сам никогда этого не понимал. Моя мать, королева Джоанна, так и не признала Лату своей преемницей. Она никогда ничего не делала, чтобы подготовить Лату к будущему правлению и облегчить этот переход для нее. Моя мать… не желала верить, что Лата была моей спутницей жизни, и ждала, что я выберу себе кого-нибудь из более знатного и сильного рода. Семья Латы... Они были… хорошими и сильными людьми, но они были слишком... обычными для моей матери. Она никогда в открытую не говорила об этом, но ты лучше, чем кто-либо другой, понимаешь, что именно так и обстоят дела.

Несколько мгновений Барек молчал, обдумывая откровения отца. Он задумался, а понимает ли тот, что сейчас между ними произошел самый интимный разговор, который они когда-либо вели о своей семье.

— А почему ты не сделал этого позже? После того, как я родился?

— Сначала Лата нуждалась в полном восстановлении. А потом она не захотела оставлять тебя, и тогда... — Джотэм задумчиво посмотрел на сына, оценив в нем человека, которым тот стал, и понял, что обязан сказать ему правду. — Потом пошли слухи об Испытании… из-за наследия Латы.

— Да кто бы посмел? — возмутился Барек, взбешенный этой мыслью.

— Это не имело значения. Мы заставили их замолчать.

— Тем, что мама снова отказалась от своей мечты?

— На тот момент — да. Я обещал Лате, что мы улетим с планеты, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы она осуществила свои мечты...

— А потом она погибла.

— Да, — слово с хрипом вырвалось из груди Джотэма, и Барек ощутил его истинные страдания.

Он принялся медленно собирать снимки со стола, глядя на них новыми глазами. А Джотэм смотрел, как его сын собирает кусочки непродолжительной жизни своей матери, и слова Джасинды внезапно нашли отклик в его сердце. А ведь она действительно была права. Попытками справиться с болью потери он сильно навредил не только памяти своей королевы, но и своему собственному сыну.

— Знаешь, у меня еще есть альбомы с фотографиями.

— Что ты имеешь в виду? — рука Барека замерла над последним снимком.

— Мадам Мичелокакис права. Лата очень любила снимать. Визуальный историк — то, чем она хотела заниматься для Коалиции. Это совсем не похоже на то, что делает Кайл Зафар. Но поскольку для королевы не считалось приемлемым делать снимки во время встреч с людьми, она стала снимать твою историю.

— Мою историю?

— Да. Мне кажется, не проходило и дня, чтобы она не запечатлела кусочек твоей жизни.

— Я никогда их не видел.

— Это моя вина, — Джотэм не стал отводить глаза, признавая свою ошибку. — Я плохо отреагировал на потерю твоей матери, Барек. Каждый снимок, который я видел… или о котором я знал, что она снимала...

— Я все понимаю.

— Нет. И я надеюсь, что ты никогда не испытаешь такой боли. Знать, что ты подвел самого дорогого тебе человека во многих отношениях… — Барек почувствовал боль, которая переполнила его отца, но не знал, что можно сказать, чтобы облегчить ее. — Я всегда считал, что у меня будет время загладить свою вину перед ней, — Джотэм медленно протянул сыну изображение, которое все еще держал в руках. — Мне хотелось показать ей, что я понимаю и ценю то, от чего она отказалась... ради меня. Но, к сожалению, я так и не успел сделать это.

— Ты поступил бы иначе? Если бы мог? — Барек взял изображение из рук отца. — Ты бы смог что-нибудь изменить?

— Только конец, — прошептал Джотэм. — Я найду для тебя альбомы. Твоя мать хотела бы, чтобы они были у тебя, — повернувшись, он вышел из комнаты.

Глава 6

За последние две недели Джасинда уже в третий раз оказалась в общественном крыле дворца. На этот раз она шла под руку со своим сыном. Они направлялись в бальный зал, и женщина остро чувствовала, как с каждым шагом напрягаются мышцы на его руке.

— Расслабься, Дантон. Ты прекрасно справляешься, — ее слова дошли до его ушей, когда она ободряюще сжала его руку. — Они всего лишь люди, как и ты.

— Я знаю, мама, спасибо, — Дантон с нежностью посмотрел на нее. — Я говорил тебе, что сегодня ты прекрасно выглядишь?

Джасинда усмехнулась, и ее глаза блеснули, когда она бросила на него лукавый взгляд.

— Мне кажется, ты просто пытаешься загладить свое неловкое замечание «у тебя полный шкаф платьев».

При этих словах Дантон, как глубоко тактичный человек, густо покраснел.

— Ну да, с моей стороны это было весьма неуместно. И мне очень жаль, — скользнув взглядом по ее одежде, он понял, что этот шикарный наряд уж точно не из ее гардероба. — Но ты и, правда, сегодня великолепна, мама.

— Спасибо, Дантон, — Джасинда видела его искренность и молча поблагодарила Стефана за то, что он подарил ей такого замечательного сына.

Она знала, что как член Ассамблеи Дантон намерен проделать фантастическую работу. И его нервозность лишь подтверждала это. Если бы он был доволен собой, едва приняв новые обязанности, то она уже начала бы беспокоиться.

Вдвоем они ненадолго задержались у входа в бальный зал, с интересом оглядывая помещение. Но испытывали они абсолютно разные чувства. Дантона впервые посетил мероприятие исключительно для членов Ассамблеи. Он и раньше бывал здесь на «семейных» и «общественных» встречах, но сегодня зал был украшен по-особенному.

Для Джасинды же это было все равно, что войти в старую, знакомую комнату. Здесь она провела в прошлом довольно много времени, и, похоже, в ее отсутствие мало что изменилось. Хорошо знакомые ей столы были накрыты, как и прежде: высокие для тех, кому было удобнее принимать пищу стоя, и обычные со стульями для тех, кто предпочитал делать это не спеша, совмещая с беседой. Зона для еды все еще располагалась вдоль той же стены, предлагая самый лучший ассортимент, имеющийся в Доме Защиты. Официанты скользили между собравшимися, предлагая уникальные домашние вина в хрустальных фужерах. Стены между балконными дверями, через которые проникал ароматный воздух из сада, украшали спускавшиеся с потолка до пола фиолетовые флаги. Хрустальные люстры были отполированы до блеска. Прямо сейчас они ярко горели, освещая все помещение, но Джасинда хорошо знала, что с наступлением темноты они потускнеют, и будут освещать разноцветными лучами танцующих.

— Я... — Дантон замолчал.

— Это удивительно, не правда ли? — улыбнулась ему Джасинда. — И теперь ты тоже в этом участвуешь, Дантон. Пойдем, выпьем чего-нибудь.

* * *

Они не успели поднять свои бокалы, как их прервал хорошо знакомый ей голос.

— Джасинда? Джасинда Мичелокакис? Неужели это ты? — обернувшись, они увидели приближающуюся к ним Эвадну Тервиллигер.

На лице Джасинды появилась улыбка. Эвадна была женой старейшего члена Ассамблеи Дома Защиты Эвандера Тервиллигера, считавшегося весьма могущественным и авторитетным человеком. Эвадну же почитали как правящую «королеву» жен. Раньше эта пара была очень дружна с Джасиндой и Стефаном.

— Эвадна, — Джасинда обняла свою давнюю подругу. — Как поживаешь?

— Я-то в порядке. А вот ты… дай-ка посмотреть на тебя, — Эвадна отступила назад, держа руки Джасинды так, чтобы иметь возможность критическим взглядом окинуть ее с головы до ног. — Хвала предкам, Джасинда! Как ты это делаешь? Чем старше ты становишься, тем выглядишь еще красивее? Если бы ты не была моей лучшей подругой, я бы непременно тебя возненавидела.

Откинув голову назад, Джасинда рассмеялась.

— Мне нужно почаще встречаться с тобой, Эвадна. Ты просто лакомый кусочек для моего самолюбия.

— Не наговаривай на себя, Джасинда. Ты никогда не была самолюбивой. И хочу заметить, что это как раз именно то, что я больше всего люблю в тебе.

— Еще как была. А сейчас я красива лишь благодаря этому платью.

— Оно просто потрясающее. Ну-ка, повернись, — приказала Эвадна.

Джасинда хорошо знала, что если у подруги появлялся такой взгляд, то с ней лучше не спорить. Поэтому она стала медленно поворачиваться, демонстрируя подол, усыпанный звездной россыпью.

— Скорее всего, это одно из творений Киа.

— Так и есть, — Джасинда, наконец, повернулась к Эвадне лицом. — Когда Дантон пригласил меня сопровождать его на этот бал, мне посчастливилось находиться в этот момент в Кисурри, — она повернулась к спокойно стоявшему позади нее сыну и положила руку ему на плечо, приглашая выйти вперед. — Эвадна, ты ведь помнишь моего старшего сына, Дантона?

— Да, конечно, — взгляд Эвадны скользнул по молодому мужчине. — Ты очень похож на своего отца, Дантон, — и наклонившись к нему, она громко прошептала: — Если бы здесь не было моего Эвандера и твоей матушки, я бы с удовольствием с тобой пофлиртовала.

Дантон слегка напрягся, не зная, как на это реагировать, но Джасинда лишь весело рассмеялась.

— Эвадна Тервиллигер, прекрати сейчас же, — предупредила она подругу, зная, что таким образом та проверяла многих новых членов Ассамблеи. — А если Дантон примет тебя всерьез, что тогда будешь делать?

— С двумя великолепными мужчинами? — поиграла та бровями.

— Эвадна, ты просто неисправима. Я не позволю тебе развращать моего сына.

— А что, если я хочу быть испорченным, мама? — Дантон плавно наклонился и поцеловал тыльную сторону кисти Эвадны.

Когда же он выпрямился, то увидел, что мадам Тервиллигер покраснела.

— Определенно сын своего отца, — ответила та, слегка задыхаясь. — Стефан проделал то же самое на своем первом балу Ассамблеи.

— Эвадна, неужели ты пытаешься заменить меня более молодой версией? — Эвандер Тервиллигер подошел к жене сзади, приобняв ее за талию собственническим жестом.

— Ты же знаешь, что я никогда не покину тебя, Эвандер, но если бы я была... — улыбнувшись мужу, она вновь посмотрела на Дантона.

— Я Дантон Мичелокакис, советник Тервиллигер, — представился тот, протягивая руку старшему члену Ассамблеи.

— Просто Эвандер. При общении, Дантон, нам не нужны титулы, поскольку мы равны.

— Нет, с этим я не могу согласиться, — почтительно возразил молодой мужчина. — Но, советник... Эвандер, я очень надеюсь, что когда-нибудь заслужу это.

Эвандер нескольких секунд молчал, оценивающе разглядывая Дантона, а затем одобрительно кивнул в ответ.

— Ничуть не сомневаюсь в этом, Дантон. Смотри, только не уведи у меня жену. Пока твой отец был одинок, мне приходилось постоянно присматривать за ней.

— О, Эвандер! — Эвадна игриво шлепнула мужа по руке. — Из-за твоих слов у Дантона обо мне сложится ужасное мнение.

— Вы ошибаетесь, мадам Тервиллигер. О такой красивой женщине, как вы, просто невозможно думать плохо.

Эваднер с умилением наблюдал, как его жена, прожившая более пятидесяти циклов, от такого искреннего комплимента покраснела как молодая девушка. И в этот момент он понял, что возвращение Мичелокакиса в Ассамблею будет весьма интересным.

— Определенно сын своего отца, — Эваднер перевел взгляд на его мать. — Джасинда, я очень рад снова видеть тебя здесь. Ты выглядишь просто потрясающе.

— Спасибо, Эвандер, — приблизившись к нему, она поцеловала своего старого друга в щеку. — Вернуться сюда… для меня это просто чудо. Пусть даже на один вечер.

— Хотелось бы, чтобы этого было намного больше. Вы со Стефаном всегда ухитрялись сделать это событие более оживленным.

— Ни за что не соглашусь, что мы делали это в одиночку, — когда Джасинда говорила, ее глаза сверкали. — Насколько я помню, именно на вас с Эвадной ответственность за невероятный танец советника Коута с его женой.

Эвандер расхохотался, привлекая внимание окружающих, но тут же выпрямился, и его лицо стало бесстрастным.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, мадам Мичелокакис. Насколько я помню, я разговаривал с королем Джотэмом, когда это все произошло.

— Конечно, конечно, Эвандер, — Джасинда даже не пыталась скрыть свою иронию.

* * *

— Джасинда? Что ты здесь делаешь?

Дантон увидел, как от прозвучавшего рядом с ними гнусавого голоса изменилась его мать. Весь юмор мгновенно исчез из ее глаз, а лицо застыло сплошной, ничего не выражающей маской. Взглянув на Тервиллигеров, он отметил, что с ними произошло то же самое. Он обернулся, и его внимание привлекла подошедшая к ним худая, очень похожая на хищную птицу женщина. Ее брови были так плотно сдвинуты, что почти соприкасались.

— Привет, Аделаида, — Джасинда повернулась лицом к жене одного из советников, которую она и раньше выносила с большим трудом.

— Что ты здесь делаешь, Джасинда? — снова спросила Аделаида, остановившись в нескольких шагах от них. Она даже не пыталась понизить голос. — Ты ведь уже не жена члена Ассамблеи.

— Да, уже не жена, — с готовностью согласилась Джасинда.

— Дорогая, какие-то проблемы? — советник Паяри подошел к своей жене.

В тех местах, где его жена была худой и угловатой, с резкими чертами лица, Эллиот был мягким и круглым. Но выражение его глаз, когда он оглядывал Джасинду с головы до ног, было таким же отвратительным, как и у его жены.

— Да. Я просто пытаюсь выяснить, каким образом «посторонний» проник на это уважаемое собрание для избранных.

— Сейчас, моя дорогая. Я уверен, что у мадам Мичелокакис имеется разумное объяснение, как она сюда попала.

— Советник Паяри, моя мама здесь лишь потому, что была достаточно любезна, чтобы сопровождать меня на этот бал, — Дантон сердито посмотрел на своего собеседника. Ему не понравился ни его тон, ни то, каким сальным взглядом тот уставился на грудь его матери.

— Твоя мать? — Эллиот нахмурился. Он несколько мгновений переводил недоуменный взгляд с Джасинды на Дантона и обратно. На его лице явно читалось замешательство.

— Да, Эллиот, — ответил Эвандер нейтральным тоном. — Похоже, ты забыл почитать о новых членах Ассамблеи. Снова. Дантон — старший сын Стефана и Джасинды. В Ассамблее он займет место Тернера.

— Должно быть, я пропустил это, — Эллиот окинул Дантона оценивающим взглядом, но не сделал ни малейшего движения, чтобы поприветствовать его как должно.

— Это не имеет никакого значения, — встряла Аделаида и с ехидством добавила: — Это бал для членов Ассамблеи и их жен, а не для матерей.

— Аделаида, каждый член Ассамблеи всегда имел право привести на этот бал любого, кого пожелает, — напомнила ей Эвадна жестким тоном.

— Конечно, так и есть. Но, тем не менее, даже новый член Ассамблеи должен понимать, что это означает кого-то действительно «значительного» в его жизни.

— Моя мама всегда играла значительную роль в моей жизни, мадам Паяри, — процедил сквозь зубы Дантон.

— Да, да, конечно. Но ты, очевидно, слишком молод, чтобы понять, что я имела в виду. Это право лишь для потенциальной жены члена Ассамблеи, а вовсе не для его матери. И она должна была объяснить тебе это. Но, полагаю, Джасинде так отчаянно хотелось, чтобы ее снова считали «важной персоной», что ей было наплевать, как это отразится на тебе.

— Для потенциальной жены? — наконец заговорила Джасинда, и хотя ее слова были вежливыми, в голосе слышался приторно-сладкий оттенок сарказма. — А как же Бебе Бушар? Разве она была потенциальной женой? — переведя взгляд на Эллиота, она отметила, что у того даже шея побагровела.

— Бебе Бушар? — задохнулась Аделаида, и ее лицо побледнело.

— Да, да, Бебе Бушар, — достаточно громко поддакнула Джасинда, привлекая внимание окружающих.

— Я понятия не имею, о ком ты говоришь, — скрепя зубами, ответила та.

— Нет? Как странно. А я была уверена, что Эллиот представил ее как твою племянницу, — Джасинда нахмурилась, словно в замешательстве. — Но подожди, должно быть, я просто что-то неправильно поняла. Ведь прошло уже больше двадцати циклов. Ты же единственный ребенок в семье? Не так ли, Аделаида?

— Да, — выдавила та сквозь сжатые губы. — Так ты видишь...

— Значит, это была твоя племянница, Эллиот. Это так? — взгляд Джасинды был настолько пронзительным, что советник не посмел отвести в сторону глаза.

— Хм... нет, я тоже единственный ребенок, — наконец, признался он.

Жена бросила на него сердитый взгляд.

— В самом деле? Тогда кто же она? И почему была с тобой?

— Как я уже сказала, Джасинда, ты ошиблась.

— О нет, Аделаида, этого не может быть, — уверенно возразила та. — Я слишком отчетливо помню ее. Мы все были удивлены, когда Эллиот пришел с ней, держа ее под руку вместо тебя. Он был настроен весьма игриво, и это сбивало с толку, так как до этого он сообщил, что ты находишься в Атрато, восстанавливаешься после какой-то болезни. Мы все были очень обеспокоены. Разве не так, Эвадна? — взглянув на подругу, Джасинда увидела, что та с трудом сдерживает улыбку.

— Да, — соглашаясь, кивнула Эвадна. — Я хорошо это помню.

Джасинда прекрасно понимала, что только что основательно пошатнула пьедестал почета, на который сама себя возвела Аделаида Паяри, и собиралась окончательно развенчать ее иллюзию. Но «маленькая» дурочка продолжала цепляться за нее.

— Вы абсолютно не знаете, о чем говорите! И я могу лишь надеяться, что у твоего сына память несколько лучше, чем у тебя, и он знает свое место в Совете. Иначе он там долго не задержится.

— Аделаида, ты, в самом деле, хочешь узнать об этом? — когда Джасинда вновь посмотрела на надоедливую собеседницу, ее глаза стали холодными, а голос жестким. Если эта вздорная баба осмелилась угрожать ее сыну, то не стоит жалеть ее чувства. — Потому что мне слишком хорошо запомнился именно тот бал. Даже гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Я помню, как Бебе танцевала с твоим мужем. Как она прижималась к нему так откровенно, что окружающие останавливались и с недоумением пялились на нее.

Аделаида вспыхнула как спичка, резко развернулась и пошла прочь. А мгновенно последовавший за ней Эллиот выглядел так, словно ему непременно хотелось заползти в какую-нибудь щель. Несколько мгновений стояла тишина, а потом Эвадна обняла подругу и расхохоталась.

— О, Джасинда, я действительно скучала по тебе. Это выражение лица Аделаиды… просто бесценно.

— Мне несколько циклов хотелось поставить на место эту самодовольную ничтожную склочницу... — Джасинда посмотрела на сына. — Прости меня, Дантон.

— Не стоит извиняться, мама. Похоже, это просто давно накопившееся.

— Да, но тебе придется работать с Эллиотом. А я только что усложнила тебе жизнь.

— Не беспокойся об этом, Джасинда, — успокоил ее Эвандер. — Я уверен, что твой сын сумеет с ним справиться.

* * *

Джотэм с Бареком молча следовали за своей охраной, когда вошли в общественное крыло Дома Защиты. Сегодня был ежегодный бал Членов Ассамблеи — событие, которое Джотэм в последнее время не любил, но обязан был посещать. Каждый раз ему приходилось выбирать жену одного из советников для первого танца. А после этого еще несколько недель выслушивать всевозможные сплетни о том, что он благоволит именно к этому члену Ассамблеи.

— Отец! — обратился Барек к королю, когда тот уже подошел к закрытой двери бального зала.

— Да?.. — Джотэм посмотрел на сына.

Прошло уже несколько циклов с тех пор, когда Барек последний раз был на планете и посещал этот бал. Обычно он сопровождал флот.

— Ты не будешь возражать, если сегодня я начну бал?

— Ты хочешь обратиться к собранию?

— Нет, это я оставлю тебе. Просто я подумал, что смогу отвести от тебя слухи, с которыми тебе всегда приходится иметь дело после бала, о новых фаворитах.

— Ты знал об этом? — Джотэм и не подозревал, что его сын был в курсе.

— Конечно, я не всегда бываю на планете, но это вовсе не означает, что я ничего не знаю о том, что здесь происходит.

— Нет. Конечно, я так не думаю, — Джотэм взглянул на сына совсем иными глазами. — Я был бы тебе очень признателен, если бы ты согласился на первый танец, — он улыбнулся. — Будет интересно посмотреть на реакцию советников. У тебя уже есть кто-то на примете?

— Да, — только и успел сказать Барек.

Деффонд открыл двери зала и объявил об их прибытии.

* * *

Все в комнате обернулись, когда тихо игравшая музыка резко изменилась. Двери в бальный зал — закрывшиеся сразу после прибытия последнего члена Ассамблеи — с шумом открылись, и пред присутствующими предстал не только король Джотэм, но и его сын, принц Барек. Оба мужчины были необыкновенно красивыми.

На Бареке была официальная форма Коалиции. Темно-фиолетовые брюки были украшены лампасами — узкой черной полосой, вшитой вдоль всей внешней стороны каждой брючины. Кипельно-белый китель подчеркивал его военный статус и выставлял на всеобщее обозрение его многочисленные награды.

Король Джотэм пришел без главных атрибутов королевского одеяния — короны и мантии. Джасинда знала, что он всегда надевал их при открытии Ассамблеи. Сейчас же на нем был более простой и удобный официальный вариант: плотно облегающий статную фигуру фиолетовый пиджак с королевским — в виде черной стрелы — гербом на груди, и в тон ему черные брюки. Эти цвета подчеркивали его мощную ауру силы и власти, которую, казалось, король, несмотря на свой возраст, продолжал носить с легкостью.

Джасинда не была уверена, что почувствует, когда снова увидит Джотэма после их последней встречи. Она все еще злилась на него за то, что он просил ее сделать. Но, оглядываясь назад и положа руку на сердце, она признавала, что именно это побудило ее предложить Бареку фотографии Латы. Увидев же Джотэма сейчас, она поймала себя на том, что изо всех сил старается сохранить прежний гнев.

* * *

Проходя через весь зал, Джотэм ненадолго останавливался то тут, то там, чтобы перекинуться парой слов с одним из советников и его женой. Он направлялся к ступеням, ведущим к стоявшим на небольшом возвышении креслам, где всегда сидела королевская чета. Приняв от слуги рифленый кубок с вином, король поднялся наверх и обратился к собравшимся:

— Приветствую всех вас, — начал он, — и добро пожаловать на бал Ассамблеи.

— Приветствуем, — прозвучал единодушный ответ.

— Сегодня для меня большая честь приветствовать тех из вас, кто так хорошо и верно служил мне и нашему народу все эти годы, — он слегка приподнял кубок. — А также рад поприветствовать новых членов нашей Ассамблеи, которые, я уверен, будут стремиться делать также. Советник Добос и мадам Добос, — Джотэм нашел глазами нового члена Ассамблеи и поднял кубок. — Добро пожаловать.

— Добро пожаловать, — поддержали короля присутствующие.

— Советник Галли и мадам Галли, — обратился Джотэм ко второй супружеской паре. — Добро пожаловать.

— Добро пожаловать, — вторили ему все члены Ассамблеи.

— Советник Дантон Мичелокакис, — Джотэм слегка подчеркнул первое имя и сделал паузу, когда понял, кто стоит рядом с Дантоном. — Добро пожаловать! — подняв на этот раз свой бокал, Джотэм выпил.

— Добро пожаловать! — и сейчас зал ответил более воодушевленно.

Это немного согрело сердце Джасинды, и она с удовольствием выпила за всех новых членов Ассамблеи.

Как правило, после приветствия Джотэм официально открывал бал, пригласив жену одного из советников на танец. Но на этот раз, к удивлению многих, он повернулся и, поднявшись по ступенькам, прошел к своему креслу. Барек же, передав бокал проходившему мимо него официанту, решительно двинулся через зал. Он улыбался и кивал всем, мимо кого проходил. Но не остановился, пока не подошел к Дантону и Джасинде Мичелокакис.

— Дантон? — протянул руку Барек.

— Да, это я, принц Барек, — Дантон с достоинством пожал руку принца. На его лице не отразилось ни удивление, ни смущение от того, что его выделили.

— Прошу разрешения украсть вашу матушку на первый танец, — Барек протянул руку Джасинде.

— Для меня это большая честь, принц Барек, — Джасинда вложила свою руку в его.

Барек повел ее в центр танцпола, и тут же заиграла музыка.

* * *

Откинувшись на спинку стула, Джотэм не сводил глаз с Джасинды, пока его сын уверенно вел ее по танцполу. Она была очень красивой — самой красивой женщиной в этом зале. Несмотря на свой возраст, а, возможно, и благодаря ему. Она широко улыбалась и весело смеялась, пока танцевала. Было видно, что она чувствует себя довольно комфортно и весьма уверенно в том, кем она была в этом мире и какое место в нем занимала. Большинство женщин, танцуя с ним или с Бареком, сразу же принимались

жеманно хихикать и флиртовать. И не только молодые. Некоторые зрелые и более опытные женщины пытались использовать это время как возможность продвинуть планы своего мужа. А сейчас Джотэм точно знал, что Джасинда, танцуя с Бареком, не делала ни того, ни другого. Она, как ни странно, просто наслаждалась обществом принца.

«А если бы она танцевала со мной? Было бы это тем же самым?»

* * *

Джасинда улыбнулась Бареку, когда он повел ее через зал для открывающего бал вальса.

— Так чем же я заслужила такую честь, принц Барек?

Принц улыбнулся в ответ, довольный тем, что она не побоялась задать этот вопрос.

— Хотел поговорить с вами наедине. И решил, что это самый лучший способ.

— Наедине? — Джасинда удивленно изогнула свою красивую бровь. — Вы считаете эту обстановку приватной? — намекнула она на то, что глаза всех присутствующих в зале сейчас устремлены на них.

— Да, — Барек ухмыльнулся ей. — Может, все и смотрят, но зато никто не слышит, о чем мы говорим.

Джасинда поймала себя на том, что ее рассмешила его логика.

— Это правда. Так о чем же вы хотели поговорить со мной «наедине»?

— Я хотел поблагодарить вас за фотографии.

— Они прошли проверку?

— Конечно, в этом не было никаких сомнений, но...

— Существуют протоколы. Я не оскорблена, принц Барек, — заверила его Джасинда. — На самом деле я испытываю большое облегчение, что ваша охрана так бдительна.

— Но почему?

— Потому что вы — будущий король. Но еще важнее то, что вы сын моей близкой подруги. Думаю, Лата хотела бы, чтобы я присматривала за вами.

— Вы действительно в это верите?

Джасинде стало интересно, понимал ли Барек, как много скрывалось за этим простым вопросом.

— Да, верю. Ваша мама очень любила вас, Барек. Каждый раз, когда она говорила о вас, она просто вся светилась. Клянусь, если бы она была жива, то проводила бы с вами каждую минуту своей жизни.

— Благодарю вас за эти слова.

— Вам не нужно благодарить кого-то за то, что он просто сказал правду.

— Конечно, нужно.

Джасинда немного помолчала, прежде чем продолжить.

— Итак, почему же сегодня вы открыли бал вместо своего отца?

— Кроме желания потанцевать с красивой женщиной? — Барек одарил ее ослепительной улыбкой.

— Я уверена, что это объяснение сработало бы лишь в адрес молодых женщин, принц Барек. Этим вы не сможете отвлечь меня от желания получить ответ на свой вопрос.

— Конечно, не смогу. Вы, мадам Мичелокакис, весьма отличаетесь от всех знакомых мне женщины, — его губы слегка изогнулись. — Полагаю, ответ довольно прост. Находясь здесь, я решил избавить отца от некоторых нелепых слухов, с которыми ему всегда приходится иметь дело после выбора партнерши на танец.

— Ах, да, конечно. О том, что он предпочитает одного члена Ассамблеи другому.

— Да, но, как я уже говорил, главная причина — это желание отблагодарить вас за фотографии. Я посмотрел их вчера вечером и...

— И что же?

— И это позволило мне увидеть мою мать в ином свете. Да и моего отца тоже.

— Увидеть в родителях нечто большее, чем просто официальные лица, какими вы их всегда считали?

— Да. Увидеть, что они побывали в тех же самых местах, что и я… Это то, о чем я раньше никогда не задумывался.

— Я рада, что они вам понравились.

— Очень. Впрочем, как и моему отцу.

— Король Джотэм тоже видел их? — Джасинда не была уверена, почему она удивилась, но она действительно была удивлена.

— Да, он вошел, когда я их рассматривал. И после этого он пообещал найти ее альбомы с фотографиями. Так что я благодарю вас и за это тоже.

— Я очень рада. Лата хотела бы, чтобы они были у вас. Семья была для нее всем.

— Кстати о семье… в пакете я обнаружил снимок, который, как я полагаю, попал туда по ошибке.

— Прошу прощения? — Джасинда нахмурилась, глядя на принца.

— Там было изображение семьи Мичелокакис... семьи Леандера Мичелокакиса, — пояснил он.

— Так вот куда оно исчезло, — невинно протянула она. — Мне очень жаль, принц Барек. Жавьера послала мне изображение на мой ком, и оно, вероятно, перепуталось с вашими.

— Я позабочусь, чтобы вам его вернули.

— О, в этом нет необходимости. Когда я не смогла найти его, я просто распечатала еще один. Он уже вставлен в рамку и висит у меня на стене.

Музыка закончилась прежде, чем Барек успел ответить. Он повел партнершу обратно к сыну.

— Спасибо за танец, мадам Мичелокакис, — отвесив легкий поклон, принц развернулся с намерением присоединиться к своему отцу.

— Боже, боже, боже! Джасинда, сегодня ты просто полна сюрпризов! — Эвадна окинула подругу оценивающим взглядом, как только принц Барек ушел.

— Почему, Эвадна? Что ты имеешь в виду? — спросила та, сверкнув глазами. Она повернулась к сыну и протянула ему руку. — Ну, что, Дантон? Пойдем?

— С удовольствием, мама, — взяв ее за руку, Дантон повел ее на танцпол.

* * *

Остаток вечера пролетел для Джасинды как одно мгновение. Она танцевала, радовалась встрече со старыми друзьями и заодно знакомила своего сына с самыми влиятельными людьми на Кариниане. В целом, если не обращать внимание на его начало, то это был прекрасный вечер. Джасинда видела, как Джотэм ходил по залу, стараясь не обделить вниманием ни одного советника с его супругой. Ее удивило, что он столько времени потратил на этот обход. Обычно он покидал бал задолго до последнего танца, когда его первые ноты еще даже не начинали звучать.

Джасинда уже собиралась пригласить сына на последний танец, когда вдруг поняла, что перед ней стоит король.

— Король Джотэм, — она слегка поклонилась.

— Мадам Мичелокакис. Не окажете ли мне честь? — Джотэм протянул руку ладонью вверх.

Помедлив лишь мгновение, та вложила ладошку в протянутую руку.

— Это честь для меня, ваше величество.

Взгляды присутствующих устремились на них, когда король повел Джасинду на середину зала. Все с интересом наблюдали за их парой. Вот Джотэм положил руку на ее

талию, и его пальцы слегка коснулись обнаженной кожи нижней части ее спины. А Джасинда мягко опустила ладонь на его широкое плечо. И уже через мгновение, соединив другие руки, они двинулись в такт музыке, словно слившись друг с другом.

Джасинда молчала, но позволила Джотэму уверенно вести ее в танце, не обращая внимания на взгляды, которыми их сопровождали. Она была удивлена, что король выбрал именно ее. Всем было известно, что на балу — после смерти Латы — он крайне редко танцевал больше, чем первый танец. И никогда — последний.

— Я хотел бы поблагодарить тебя, — слова Джотэма были произнесены так тихо, что никто из танцующих рядом с ними не мог их услышать.

— За что, ваше величество? — Джасинда обнаружила, что ей приходится поднимать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. А ведь она была на высоких каблуках.

— За то, что ты сделала для моего сына. Фотографии... — Джотэм сделал паузу, собираясь с мыслями, но Джасинда заговорила первой.

— Я сделала это не для вас. Это для Барека… и для Латы.

Глаза Джотэма потемнели от боли.

— Да, но все равно спасибо.

Несколько мгновений они танцевали молча.

— Откуда ты знала? — тихие вымученные слова заставили Джасинду поднять на мужчину взгляд.

— Знала что?

— Что ему нужно было их увидеть? Барек всегда скрывал свои чувства к матери, даже от меня. Он ни разу не спросил, есть ли у нас какие-нибудь снимки.

— Возможно, это потому, что вы совершенно ясно дали понять, что не хотите видеть никаких изображений. Барек всегда был чувствительным, как и его мать. Он просто боялся причинить вам еще больше боли.

— И все же он что-то сказал тебе.

Джасинда успела заметить промелькнувшую в глазах Джотэма вспышку боли. Она почувствовала, насколько для него болезненна эта тема. И насколько он разочарован в себе, считая, что подвел сына.

— На самом деле, ваше величество, принц ничего не говорил мне. Во время нашего разговора он сделал замечание, которое так напомнило мне Лату, что я упомянула о ней. Казалось, Барек был весьма удивлен, что чем-то похож на свою мать.

— Он говорил мне что-то в этом роде после союза Виктории и Лукаса.

— Да, это вполне логично.

— Но почему?

— Почему? — Джасинда нахмурилась, глядя на него. — Потому что союз — это семья. Это любовь и новые начинания. Сама суть союза заставляет нас задуматься о том, откуда мы пришли и кто мы такие. Я никогда не видела церемонии, где пара не задумалась бы о своих родителях. И совершенно естественно, что на союзе Виктории Барек вспомнил о своей матери. Особенно, когда мать Виктории чудесным образом воскресла из мертвых.

— Я никогда об этом не думал.

— Конечно, но Лата была вашей женой, ваше величество. А отношения между мужем и женой сильно отличаются от отношений между матерью и ребенком.

— Это правда, — услышав, что музыка начала меняться, Джотэм вдруг осознал, как быстро пролетело их время и что он не хочет, чтобы оно заканчивалось. Следующие слова сорвались с его губ прежде, чем он успел их остановить: — Пообедай со мной завтра.

— Я… что? — Джасинда не смогла скрыть своего удивления.

— Мне было очень приятно общаться с тобой, Джасинда. И это удивительно, учитывая то, как закончилась наша последняя встреча. Я хотел бы продолжить этот разговор, а так как мы оба нуждаемся в пище...

— Я... хорошо, — Джсинда не могла поверить, что согласилась. — В полдень?

— Это время для тебя будет удобным? Тогда я подкорректирую свое расписание.

— Отлично. Пусть будет так.

Танец закончился, и Джотэм сделал шаг назад. Зазвучала более тихая мелодия, ставшая ненавязчивым фоном для беседующих. Король уже повернулся, чтобы сопроводить Джасинду к сыну, когда вдруг резко остановился и посмотрел на нее.

— Что же такое сказал Барек, что напомнило тебе о Лате?

Женщина почувствовала, что краснеет.

— Вы же знаете, что мы буквально столкнулись, не так ли?

— Да...

— Ну, после того, как мы решили, что оба виноваты, потому что не смотрели, куда идем, Барек заявил, что не может винить себя за желание подержать в своих объятиях красивую женщину. Именно тогда я и сказала ему, что он определенно сын своей матери. Ведь только Лата могла сделать весьма неуместный комплимент и заставить вас поверить, что она абсолютно искренна.

Джотэм несколько мгновений молча смотрел на Джасинду, а затем, откинув голову назад, проникновенно рассмеялся. Такого смеха уже давно никто не слышал от своего короля.

— Вы правы, мадам Мичелокакис, моя Лата действительно знала, как сделать нужный комплимент, — развернувшись, он повел ее через зал. Когда они были всего в нескольких шагах от Дантона, он наклонился и прошептал ей на ухо: — Но в этом случае мой сын сказал чистую правду. Ты действительно красивая женщина, Джасинда.

* * *

Аделаида Паяри молча стояла рядом с мужем и кипела от злости. Она не сводила глаз с пары, уединившейся на танцполе. Джасинда Мичелокакис! Как же она презирала эту женщину! Ей здесь — не место. И никогда не было. Ни в роли матери члена Ассамблеи, и особенно ни в роли жены советника. Ведь это Дом Защиты, а оба родителя Джасинды были из Дома Исцеления.

Аделаида была убеждена, что самой большой ошибкой короля Джотэма, помимо союза с таким ничтожеством, как Лата, было одобрение союза Стефана и Джасинды. Он не должен был делать ни того, ни другого. Ведь Джотэм был прямым потомком короля Шеши и, безусловно, должен был заключить союз с кем-то, чье королевское происхождение было столь же явным, как и у нее. Именно этого хотела прежняя королева. Вот она, Аделаида Паяри, могла проследить свою родословную до дочери короля Шеши.

Отец Аделаиды, ее дед и даже прадед — все они были членами Ассамблеи Дома Защиты. А ее мать была в ближайшем окружении королевы Джоанны. Уже тогда было решено, что Джотэм женится на ней. Но король и королева внезапно погибли, а Джотэм женился на Лате. Аделаида была вынуждена вступить в союз с Эллиотом Паяри, чтобы сохранить положение своей семьи после того, как ее отец потерял свое место в Ассамблее.

Теперь же Джотэм открыто танцевал с женщиной, происходившей из более слабого Дома. Женщиной, которая ничего не могла ему предложить. Которая даже не могла повлиять на голосование в его пользу. А тут еще и принц танцевал с ней первый танец. Ну, что ж. Она не допустит, чтобы ее семья снова проиграла. Аделаида договорилась о назначении своей дочери, Шоши, на «Хранитель». Как только корабль уйдет в космос, Шоша обязательно завоюет расположение принца Барека. Ведь у нее прекрасное происхождение и великолепные манеры ее матери. И даже если это у нее не получится, то всегда есть вариант, который выбрала Рони, чтобы зачать Дадриана. Конечно, Джотэм отказался жениться на ней, но Аделаида позаботится, чтобы с ее дочерью этого не произошло.

Глава 7

Стоя перед зеркалом, Джасинда еще раз проверила прическу и, показав себе язык, направилась к входной двери. Почему она так суетится? Почему нервничает? Ведь с Джотэмом она встречалась и раньше. Почему же сейчас их встреча кажется такой особенной?

«*Потому что сейчас вы оба одиноки*», — прошелестел тихий голосок в ее голове.

«Но это же смешно!» — возразила сама себе Джасинда.

В Академии они оба тоже были одинокими, но раньше рядом с ним она никогда не испытывала таких чувств. Конечно, Джотэм уже в то время был очень красивым и весьма обаятельным. Девушки останавливались и провожали его взглядами, когда он с Уильямом Зафаром проходил мимо. Но тогда он олицетворял собой именно то, от чего Джасинда старалась убежать.

Политика. Публичность. Быть постоянно на виду.

Так зачем же она согласилась пообедать с ним? Ведь когда об этом узнают другие, непременно возникнут многочисленные слухи. Ну, что ж. Отступать было уже поздно. Да и в самом деле, чего ей бояться?

Проехав через внушительные ворота Дома Защиты, Джасинда уже выходила из своего транспорта, когда заметила приближающегося к ней капитана Деффонда.

— Капитан, — поздоровалась она.

— Мадам Мичелокакис, — Деффонд протянул ей руку и улыбнулся. — Если вы не возражаете, то я сам сяду за руль вашего транспорта и отвезу вас поближе к королевскому крылу. Это избавит вас от долгой прогулки.

Джасинда на мгновение задумалась, осмысливая то, о чем не сказал ей капитан. Он собирался подъехать ко входу личной охраняемой парковки королевского транспорта. Где любой прибывший мог сохранить полную конфиденциальность.

— Конечно, капитан, — протянув руку, она передала Деффонду право управления своим транспортом. А подойдя к пассажирскому сиденью, обнаружила, что мужчина оказался там первым и уже открыл для нее дверь. — Благодарю вас, капитан, — Джасинда легко проскользнула внутрь

— Мадам Мичелокакис.

Это была короткая и бесшумная поездка. Деффонд умело справлялся с вождением и сбросил скорость лишь для того, чтобы позволить стоявшим на посту вокруг дворца охранникам проверить водителя и убедиться в полной безопасности ее транспорта.

— Вы и ваши люди, капитан, очень бдительно охраняете короля.

— Благодарю вас, мадам Мичелокакис. Это наш главный приоритет.

* * *

Когда они подъехали ко входу, Чесни уже был там, чтобы встретить ее.

— Мадам Мичелокакис, добро пожаловать, — подошел он к ней с улыбкой на лице.

— Мистер Чесни, я рада снова видеть вас.

— Я вас тоже, мадам Мичелокакис. Прошу следовать за мной. В данный момент король Джотэм принимает вызов по коммуникатору. Но он просил заверить вас, что не заставит вас долго ждать. Позвольте проводить вас в Королевский сад.

— Конечно, — кивнула Джасинда, ни капельки не удивляясь тому, что Джотэм задерживается.

За время их союза со Стефаном было предостаточно случаев, когда ее муж опаздывал на обед только потому, что где-то что-то произошло. А ведь он был всего лишь членом Ассамблеи. Каково же тогда королю? Она ясно понимала, что, несомненно, во сто крат хуже.

Следуя за Чесни, Джасинда вдруг осознала, что на самом деле находится гораздо ближе к крылу короля, чем думала. На эти мысли ее натолкнул коридор, по которому сейчас вел ее королевский секретарь. Она ожидала, что им еще предстоит пройти соединяющий королевское крыло с крылом короля коридор, но вместо этого сразу же оказалась в королевской гостиной.

— Прошу сюда, в сад, — Чесни махнул рукой, приглашая ее пройти через открытые балконные двери на другой стороне комнаты.

Джасинда, не раздумывая, вышла из комнаты и оказалась в самом красивом саду, который когда-либо видела. В то время как почти все цветущие растения в ее саду уже отцвели, здесь сезон цветения, казалось, был в самом разгаре.

— Как же здесь прекрасно.

— Полностью с вами согласен. Здесь постоянно что-нибудь цветет.

— Да, я вижу, — она с вожделением посмотрела на тропинку. — Можно ли мне осмотреть сад, пока я буду ждать короля?

— Конечно, мадам Мичелокакис. Если вы пойдете в этом направлении, то придете прямо туда, где вы будете сегодня обедать.

— Мы будем обедать в саду? — эта мысль вызвала у нее ослепительную улыбку.

— Да, мадам, сегодня такой прекрасный день, что король Джотэм подумал, что вам обязательно понравится эта идея.

— О, это весьма верное решение. Спасибо, мистер Чесни, — повернувшись, она не спеша пошла вниз по тропинке.

* * *

— Советник Паяри, я одобрил полное финансирование совместного предприятия с Домом Знаний и уже говорил ранее, что не изменю своего решения. Мы — Дом Защиты, и эта новая система подпадает под юрисдикцию нашего Дома.

— Но, ваше величество, Дом Знаний более чем способен полностью покрыть всю стоимость этой программы. Они самые богатые среди всех Домов. А мы могли бы сэкономленные средства потратить на более важные дела.

— Нет ничего важнее защиты нашего народа, Паяри. А то, что Дом Знаний способен полностью профинансировать это, не имеет никакого значения. Дом Защиты с честью выполнит свой долг. Итак, наша дискуссия закончена. Хорошего дня, — Джотэм отключил связь и потер шею, пытаясь ослабить напряжение в мышцах.

Общение с Эллиотом Паяри всегда раздражало его. Король с большим трудом терпел этого советника, и если бы это было в его власти, то Эллиот давно бы лишился своего места. Но существовали очень специфические основания, по которым можно было сместить члена Ассамблеи. А раздражение короля, к сожалению, не входило в их число.

* * *

— Ваше величество! — голос Чесни заставил Джотэма поднять глаза на своего секретаря. Король был так погружен в свои мысли, что даже не заметил, как тот вошел в его кабинет. — Прибыла мадам Мичелокакис. В настоящее время она осматривает сад.

— Спасибо, Чесни, — повернувшись на стуле, Джотэм выглянул в выходившее в сад окно. Он сразу же увидел медленно идущую по дорожке Джасинду, которая то и дело останавливалась, чтобы понюхать какой-нибудь цветок. Поднявшись, он обошел вокруг стола. — Дай нам двадцать минут, а потом распорядись, чтобы принесли обед. И проследи, чтобы нас не беспокоили.

— Да, ваше величество.

* * *

Джасинда никак не могла поверить в нынешнюю красоту этого сада. Она хорошо помнила, в каком плачевном состоянии он был, когда Лата впервые привела ее сюда. Королева Джоанна не любила растения и считала ниже своего достоинства тратить на них свое драгоценное время. Она возложила всю заботу о Королевском саде на своих садовников и требовала от них лишь выращивание цветов, которые она желала видеть во дворце.

Зато Лата очень любила бывать в саду. Она всегда помогала матери Джасинды, когда приезжала к ним в гости. Лата поделилась с подругой, что среди растений чувствует себя очень умиротворенной, так как здесь никто не может ее потревожить.

Теперь сад превратился в место, о котором писали и говорили, восхищались и завидовали все, кто любил садоводство. Раз в цикл Джотэм приглашал в Королевский сад студентов последнего курса факультета цветоводства из Монтре. И Джасинда подумала, что Лате было бы очень приятно узнать, что созданный ею шедевр до сих пор продолжает оказывать влияние на целые поколения молодых умов.

Джасинда не спеша шла по тропинке, когда от развернувшейся перед ней картины у нее перехватило дыхание. Она находилась в центре сада. Посреди ухоженного участка, окруженного цветами, был расположен красивый стол. Но не это привлекло ее внимание. Когда она подошла еще ближе, ее глаза наполнились слезами. Там, в центре поляны, рос удивительный розовый куст.

— Это «Tausendjahriger Rosenstock» (*прим. лат. тысячелетний розовый куст*), — сказал Джотэм, тихо подойдя к ней сзади.

— Да, я знаю, — Джасинда слегка склонила голову набок, приветствуя его появление, но так и не оторвала взгляд от куста. Ибо он был не только красив, но и весьма массивен. Видимо, почва Дома Защиты была для него очень благодатной.

— Ты знаешь это?

— Да, — Джасинда осторожно обхватила бутон двумя пальцами и наклонилась, чтобы вдохнуть всей грудью его удивительный аромат. Этот запах напомнил ей о ее матери. — Я так рада, что он здесь процветает.

— Здесь? Что ты имеешь в виду? — Джотэм нахмурился, глядя на нее. — Ты видела это растение и раньше? Королевский садовник так и не смог выяснить, откуда оно появилось. Он так и не нашел никаких сведений о растении, которое имело бы такой ярко-фиолетовый цвет.

— Да, я хорошо знаю это растение, — Джасинда повернулась и посмотрела на Джотэма. — Так Лата вам ничего не сказала?

— Нет.

— Моя мать подарила его Лате после рождения принца Барека.

— Ничего не понимаю...

— Материнское растение, — если говорить проще, то «мать», — хранилось в моей семье на протяжении сотен поколений. При рождении ребенка женщина нашего рода получала свою долю от материнского куста. Лишь после смерти своего «опекуна» «мать» переходила к старшей дочери, и весь цикл повторялся заново.

— И почему же тогда это попало к Лате?

— Ну, если вы думаете, что «это» и есть «мать», то вы ошибаетесь. Этот куст вырос из отростка, который моя мама подарила Лате. А «мать» сейчас хранится в моем саду. Что же касается права Латы на получение этого черенка, то здесь все очень просто. Моя матушка всегда считала ее своей третьей дочерью.

— Лата никогда не говорила об этом, — Джотэм окинул растение новым взглядом.

— И это странно. Ведь мы очень часто говорили с ней о ее планах на возрождение Королевского сада. И она постоянно обращалась к моей матери с разными вопросами по его устройству. Ей всегда хотелось, чтобы ее сад был похож на наш семейный, где она очень любила гулять каждый раз, когда бывала у нас в гостях.

— Я не помню, чтобы она так часто бывала у вас.

— Потому что это было в основном в ее последние два цикла в Академии. Вы тогда уже служили во флоте. Это помогало Лате отдыхать от свалившегося на нее постоянного пристального внимания.

— Об этом она не сказала мне ни слова.

— Да, но ведь Лата была именно такой, не так ли? Она всегда была готова помочь любому, но сама так редко просила о помощи.

* * *

— Ваше величество.

Обернувшись, Джотэм увидел дошедшего до внутренней части сада секретаря, которого сопровождали несущие обед слуги.

— Вы готовы к ланчу, ваше величество?

Джотэм повернулся к Джасинде.

— Мадам Мичелокакис?

— Да, конечно, — Джасинда позволила Джотэму проводить себя к столу и села на своевременно отодвинутый для нее королем стул. — Пахнет замечательно, — улыбнулась она слугам, расставлявшим перед ними накрытые тарелки.

— Надеюсь, на вкус будет таким же. Я не был уверен, что ты любишь, поэтому попросил своего повара приготовить несколько разных блюд. Так что, если тебе что-то не понравится, не считай себя обязанной это есть.

— О, очень любезно с вашей стороны. Но хочу вас заверить, что в еде никогда не была привередливой. Я уверена, что мне понравится все, что было приготовлено.

— Надеюсь, мой шеф-повар угадал, что ты любишь горчичный соус.

Один из слуг снял колпак с маленькой тарелки, и Джасинда увидела прекрасный салат из нежной зелени и тонко нарезанных овощей.

— Да! Я его очень люблю. Так мило, что шеф Саффорд до сих пор помнит об этом, — она глянула на его тарелку. — А вы, похоже, предпочитаете сырный соус с бериллом.

— Да, он всегда был моей слабостью, — Джотэм улыбнулся ей, а затем кивнул слуге, чтобы тот показал главное блюдо — превосходно прожаренное мясо зебу, хорошо приправленное пратайским бруитом.

— Выглядит замечательно.

— Хорошо, — улыбнулся король и посмотрел на слуг. — Я дам вам знать, когда мы будем готовы к десерту.

— Конечно, ваше величество, — после нескольких поклонов слуги оставили их в покое.

* * *

Джотэм поднял вилку, зная, что Джасинда не начнет есть, пока он не сделает это первым. Это был один из тех протоколов для приема пищи на официальных мероприятиях, которые он считал абсолютно бессмысленными. Он отправил в рот порцию салата, позволив себе насладиться острым сливочным вкусом заправки.

Несколько минут они молча ели, наслаждаясь дивным вкусом поданных им блюд.

Джотэм обнаружил, что ему нравится, что во время еды Джасинда не испытывала никакой потребности вести пустую светскую беседу. Сколько раз он сталкивался с тем, что сидевшие рядом с ним за столом женщина... или мужчина чувствовали необходимость постоянно разговаривать с ним. Как он мог наслаждаться пищей, если ему непрерывно задавали вопросы? А как они это себе представляли?

И ему также понравилось, что Джасинда не скрывала получаемого от еды удовольствия. На ее тарелке уже не осталось ни одного кусочка салата, и она уже почти

расправилась с мясом. Было так много женщин, которые в его присутствии просто передвигали пищу по тарелке, делая вид, что уже наелись, хотя не съели ни кусочка. Неужели они действительно думали, что могли одурачить его? И как они могли бояться его неодобрения за то, что просто ели?

— Что-то не так?

Джотэм почувствовал, что краснеет, когда Джасинда заметила его взгляд. Только сейчас он понял, что пристально смотрит на нее.

— У меня что-то застряло между зубов?

— Нет, нет, — быстро возразил Джотэм. — Конечно, нет, просто я…

— Засмотрелся.

— Я… да, наверное, слишком засмотрелся. Извини. Просто залюбовался тем, как ты наслаждаешься пищей.

— А разве тут можно не наслаждаться? Шеф-повар Саффорд — настоящий кухонный гений.

— Да, но я обнаружил, что большинство женщин, находясь за одним столом со мной, вообще редко что-то едят.

— Неужели? — глаза Джасинды расширились от шока. — Тогда они действительно упустили редчайшую возможность получить несравненное удовольствие. Я никогда не забуду, что во время проходивших во дворце совещаний Ассамблеи я дома почти ничего не ела. Мне очень хотелось попробовать все блюда, приготовленные Саффордом.

Откинув голову назад, Джотэм рассмеялся, наслаждаясь ее честностью.

— Ты знаешь, никогда не думал, что у нас с тобой так много общего. Иногда я поступаю точно также. Особенно, если Саффорд готовит торт с помадкой.

— О, лучше не напоминайте мне об этом!

— Тебе не нравится его торт с помадкой? — нахмурился мужчина.

— Нет, совсем наоборот. Я его просто обожаю!

— Хорошо.

Джасинда не заметила, когда Джотэм подал знак секретарю, что они готовы к десерту. В одно мгновение появились слуги, так же быстро убрали пустые тарелки и поставили перед ними по одной накрытой. Они демонстративно сняли крышки, и Джасинда, ахнув, подняла взгляд на короля.

— Торт с помадкой, — с благоговением прошептала она.

— Когда шеф-повар узнал, с кем я буду обедать, то настоял на том, чтобы на десерт подали именно его.

— Предки… благословите его, — не дожидаясь Джотэма, она съела кусочек. — О-о-о, это божественно!

— Да, — согласился Джотэм, отправив в рот ложку с тортом.

— Знаете, — Джасинда слегка наклонилась к нему, словно собиралась поделиться с ним королевской тайной, — я должна вам кое в чем признаться.

— И в чем же? — король залюбовался задорным блеском в ее глазах.

— Стефан однажды пытался подкупить вашего шеф-повара...

— Он что? — король в шоке откинулся на спинку стула.

«*О чем она говорит? Никогда в жизни не поверю, что Стефан Мичелокакис был способен кого-то подкупить*».

— Он пытался подкупить Саффорда, чтобы тот выдал рецепт своего фирменного торта с помадкой.

— Его рецепт? — Джотэм с недоумением смотрел на нее.

— Да, видите ли, приближался мой сороковой день рождения, и Стефан хотел сделать мне сюрприз.

— Стефан мог испечь торт? — теперь Джотэм был по-настоящему потрясен.

— О, предки, нет! — Джасинда, рассмеявшись, махнула рукой. — На кухне Стефана можно было застать лишь в полночь, когда он из желания перекусить совершал на нее

свои ночные набеги. Нет, он собирался попросить об этом нашу экономку, Маишу. Но ничего не вышло, так как Саффорд отказался выдать свой «секретный» рецепт.

— Да, у хорошего мастера всегда есть свои тайны, — согласился Джотэм. — И, тем не менее, мне трудно поверить, что он не сделал для тебя исключение. Сегодня мне доложили, что Саффорд настоял на том, чтобы лично приготовить этот ланч, — он увидел, как Джасинда покраснела от удовольствия.

— О, он это сделал? Какой замечательный человек!

— И все же он не дал Стефану свой рецепт, — напомнил Джотэм, удивляясь, почему ее теплые слова в адрес шеф-повара так задели его.

— Да, не дал. Но зато он сам сделал торт и поручил доставить его к нам домой, — Джасинда мягко улыбнулась, вспоминая этот момент. — Вы бы только видели, что тогда было с нашими детьми. В тот вечер мы со Стефаном запланировали куда-нибудь сходить. А когда вернулись, то дети так объелись помадкой, что были в полусознательном состоянии.

— Неужели они столько съели?

— О да! К тому времени, как мы добрались до дома, исчезло больше половины.

— Надеюсь, подарок Саффорда был довольно большим?

— О да! Хвала предкам! Иначе мне бы не досталось даже крошечного кусочка.

* * *

Позже, полностью насытившись тортом, они решили прогуляться.

Джотэм шел по дорожке, заложив руки за спину, и наблюдал, как Джасинда то и дело наклонялась, чтобы понюхать цветы.

— О чем вы так напряженно думаете? — повернувшись к нему, она увидела, что король выглядит слегка удивленным.

— О тебе, — слова слетели с языка прежде, чем он успел их остановить.

— Обо мне? А что я?

— Я думал, что неплохо знаю тебя. Но каждый раз, когда мы разговариваем, я узнаю что-то абсолютно новое о тебе, о Лате или о своем доме, — он взглянул через ее плечо на розовый куст. — Наши жизни всегда были переплетены, а я даже не осознавал этого.

— Мне кажется, «переплетены» — это слишком сильно сказано.

— Думаешь? Не могу согласиться с тобой. Скажи мне еще раз, почему я не видел тебя в Академии?

— Потому что вы смотрели только на Лату, — улыбнувшись, Джасинда пошла дальше.

— До встречи с Латой я проучился в Академии уже два цикла. А ты была на класс впереди меня. Как такое возможно, чтобы мы ни разу не встретились?

— Вы хотите знать правду?

— Пожалуйста.

— Я избегала вас.

— Ты избегала меня? Но почему? Что же я такого сделал?

— Ничего! — быстро успокоила его Джасинда. — Вы ничего не сделали. Это из-за того, кем вы были. И что собой олицетворяли.

— И что же я олицетворял?

— Все, от чего я старалась убежать. Политика. Постоянно находиться на виду у публики. А каждый твой шаг тщательно изучают и анализируют.

— Ничего не понимаю...

Джасинда тяжело вздохнула. Она действительно не хотела такой жизни.

— Вы ведь знаете, кем были мои родители?

— Твой отец был весьма влиятельным членом Ассамблеи Дома Исцеления. Я знал людей, которые не боялись утверждать, что в свое время он был даже могущественнее короля Адона.

Джасинда лишь пожала плечами. Джотэм не сказал ничего нового, о чем бы она не слышала еще в детстве.

— Возможно, ведь он многому научился у своего отца. Тот тоже был членом Ассамблеи. Впрочем, как и отец моей матери. Они служили вместе.

— Этого я не знал.

— Но, тем не менее, я уверена, что вы сможете представить, каким значительным событием стал их союз. Сам король Адон присутствовал на нем.

Джотэм понимающе кивнул. Короли крайне редко присутствовали на союзах членов Ассамблеи. Чтобы не давать повода для обвинений в фаворизме. Посещение королем союза одного из детей члена Ассамблеи… повышало статус всей семьи.

— Вскоре после их союза папа сам стал членом Ассамблеи, а мама забеременела мной. С момента, как только я научилась ходить и говорить, я постоянно была у всех на виду. Каждую минуту меня учили тому, что я должна делать, а чего не имею права допускать. Поэтому я и решила поступить в Академию, а не в частную школу.

— Но я по-прежнему ничего не понимаю.

— На адептов Академии Дом Исцеления не имел такого сильного влияния, как другие Дома. Скажем, как Дом Защиты. Ведь дочери членов Ассамблеи находились под особым контролем. В Академии же я могла быть сама собой и не беспокоиться о том, что это отразится на репутации моих родителей. А попасться вам на глаза? При том, что все вокруг прекрасно понимали, что из этого ничего хорошего не выйдет? Ну… это бы перечеркнуло все, к чему я так усиленно стремилась.

— И почему же из этого ничего не могло выйти?

— Потому что я была из Дома Исцеления. А мы оба знаем, что в любом Доме наследник престола может вступить в союз лишь с кем-то из своего Дома.

— Понятно, — несколько минут Джотэм шел молча, о чем-то размышляя. — Но это никогда не мешало тебе дружить с Латой.

— Конечно, нет. Этот архаичный закон распространялся лишь на будущих правителей, а «простолюдины», как любила называть нас ваша мать, вступали в смешанные союзы на протяжении многих поколений.

— Моя мать действительно назвала тебя простолюдинкой? — король не хотел в это верить.

— Да. Королева была категорически против того, что член ее Совета вступил в союз с кем-то не из Дома Защиты.

— Никогда не понимал ее непримиримости в этом вопросе. Да и своего отца, если уж на то пошло, тоже.

— Да, я знаю, что в некоторой степени это прозвучит ужасно эгоистично. И мне совсем не хочется напоминать вам о том, через что вам пришлось тогда пройти. Но если бы вы не стали королем, то Стефану пришлось бы отказаться от места в Ассамблее.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь такую вероятность.

— Вовсе нет, — Джасинда пристально посмотрела на него. — Я прочла «официальное» письмо, которое Стефан получил от короля Кадо. В нем моего супруга обязали сделать выбор между службой в Доме Защиты и «внеклановой» женой.

— Я... — Джотэм не мог поверить своим ушам, но ни в коей мере не сомневался в правдивости ее слов. В свое время он видел, как его отец принимал подобные решения. К тому же это объясняло шок в глазах стольких людей, когда он заявил, что разрешает своим советникам иметь жен из других Домов. — Мне очень жаль, Джасинда. Я никогда не думал, что мой отец мог быть таким жестоким.

— Это не ваша вина, ваше величество. Да и после всех прошедших циклов я уже не должна позволять этим воспоминаниям так сильно меня волновать.

— Пожалуйста, Джасинда, мне кажется, мы слишком давно знаем друг друга, чтобы использовать титулы. Зови меня Джотэм.

— Я… хорошо… Джотэм, — она поймала себя на том, что слегка заикается.

— Ну, расскажи мне о других своих детях. Итан и Стефани, не так ли?

— Да, а у тебя хорошая память. Или стоит поблагодарить Чесни за напоминание? — от этих слов король смутился, но выглядел так мило и очаровательно, что Джасинде стало немного стыдно за себя. — Извини, мне не следовало этого говорить. Ведь ты не можешь помнить имена всех детей у каждого советника. Особенно тех, кто уже ушел с должности более десяти циклов назад.

— Ну, некоторые имена запоминаются намного легче других. Но, к сожалению, это не всегда радует.

— Ты же не имеешь в виду Шошу Паяри и ту истерику, которую она закатила на пикнике членов Ассамблеи?

— По правде говоря, я как раз об этом. Ты тоже это помнишь? — глаза Джотэма замерцали.

— Конечно, у меня тогда слух восстановился лишь через несколько дней. Кто бы мог подумать, что отсутствие второй порции торта могло настолько травмировать ребенка десяти циклов.

— Да, но, очевидно, ее мать пообещала ей это, если она будет хорошо себя вести.

— А-а, старый трюк с подкупом. И поэтому, естественно, не получив обещанной награды, она сделала то, чего Аделаида меньше всего от нее ожидала.

— Похоже.

— Итан с семьей живет в Коморине. Теперь он управляет бизнесом своего тестя, а Касмира занимается реставрацией произведений искусства. У них двое сыновей: Элирон и Роланд, — ответила Джасинда на первоначальный вопрос Джотэма. — Сейчас им одиннадцать и восемь.

— Мне так трудно поверить, что ты уже бабушка, — Джотэм оценивающе оглядел ее, отметив про себя, что ни одна из знакомых ему бабушек не выглядела так великолепно.

— Спасибо, — Джасинда слегка покраснела от комплимента. — Они для меня — настоящая радость. Стефани уехала с флотом. Надеюсь, что в следующем месяце она уже будет дома.

— И как давно она не была дома?

— Уже почти два цикла. Каждый раз, когда она собиралась вернуться домой, ей что-нибудь обязательно мешало.

— А чем она занимается?

— Работает в Службе Безопасности. Это все, что она мне сказала, — Джасинда увидела понимание в глазах Джотэма. — Поэтому я не задаю лишних вопросов. Успокаиваю себя пословицей «меньше знаешь — крепче спишь».

— Иногда это лучшее, что мы можем сделать, когда речь заходит о наших детях.

— Да.

Джотэм видел, что Джасинда хочет что-то сказать, но колеблется.

— Что ты хочешь сказать, Джасинда? Говори.

Она, кивнув, склонила слегка голову набок.

— Я просто хотела выразить свое сожаление о гибели Дадриана. Тогда я отправила записку с соболезнованиями, но... сейчас она мне кажется не вполне адекватной. Не знаю, что бы я делала, если бы потеряла хоть одного из своих детей. Ужасно понимать, что у них не будет будущего. Что все, что им было суждено сделать в жизни и чего они не успели достигнуть, отняла какая-то нелепая случайность. Обычный бег по лестнице. Да к тому же стать свидетелем всего этого… Я искренне сожалею, Джотэм.

От этих слов все тело Джотэма напряглось.

* * *

Дадриан.

Его второй сын, Дадриан.

Его сын, но рожден не Латой.

Джотэм резко отвернулся от Джасинды. Его грудь тяжело вздымалась, когда он пытался отбросить эти мысли… о предательстве. Как о своем, так и Дадриана. И чье же предательство было хуже? Джотэма? Ведь он допустил это зачатие. Из произошедшего тогда он многого не помнил, но, тем не менее, самим поступком изменил своей королеве, своей спутнице жизни, Лате. Или же Дадриана? Когда тот, вступив в сговор с мятежниками, попытался убить своего брата, Барека?

Джотэм всегда знал о проблемах Дадриана, но винил в них только себя. Каждый раз, глядя на младшего сына, он видел лишь свою собственную слабость. И каким-то образом Дадриан догадался об этом. Джотэм до сих пор был убежден, что именно это заставило его выдать мятежникам координаты их флота. Если бы они убили Барека, то Джотэм объявил бы Дадриана будущим королем Дома Защиты.

Как же много людей погибло из-за его предательства. Тысяча четыреста двадцать один, если быть точным, храбрый воин Коалиции, мужчины и женщины, включая весь экипаж «Когтя». Какое-то время Джотэм даже был уверен, что Барек находился среди мертвых. На флоте царил полнейший хаос. Никто не мог понять, каким образом мятежникам удалось с такой легкостью атаковать их флот. И как вообще они узнали его координаты.

Уильям Зафар — давний друг Джотэма, доверенное лицо и кровный родственник — был в то время адмиралом Флота. Он спас Кассандру и Викторию с Земли, которую уничтожили мятежники. Его поступок изменил всю историю Кариниана. Кассандра оказалась прямым потомком пропавшей принцессы Дома Знаний, его единственной настоящей наследницей. Но кто-то очень не хотел, чтобы она заняла трон. И именно этот кто-то приказал уничтожить Землю. Кассандра была решительно настроена выяснить, кто же стоял за всем этим.

Проведя расследование, она обнаружила, что пока Барек находился на корабле флота, Дадриан связывался с ним. Затем она смогла вычислить, когда Дадриан передал мятежникам информацию о местонахождении флота. Она выявила сразу двух предателей: одного из Дома Знаний и одного из Дома Защиты.

В день смерти Дадриана лучший друг и доверенное лицо Джотэма, а также горячо любимая им женщина, рассказали ему о результатах своего расследования. Но Джотэм все отрицал. Он не мог поверить, что его сын стал предателем. Когда же Дадриан увидел перед собой Барека, которого уже посчитал мертвецом, то попытался сам убить его. Джотэму пришлось принять эту горькую правду.

Поняв, что проиграл, Дадриан выскочил из комнаты. Теперь он понимал, что натворил, и попытался избежать наказания. Ему предстояло преодолеть лишь лестницу в Королевском крыле. Но споткнувшись о ковровую дорожку на верхней площадке, он разбился насмерть, слетев с высоты.

Следующие дни прошли для Джотэма как в тумане. Дом Защиты и вся планета погрузились в траур. Но ему некого было оплакивать. Только не Дадриана. Джотэм просто продолжал жить, пытаясь решить, что же делать дальше. Ему нужно было сообщить о предательстве сына Высшему Совету, который собирался обсудить брошенный Кассандрой вызов временно назначенной королеве Дома Знаний, Якире.

Джотэм отправился к Уильяму с Кассандрой с извинениями за поступок своего младшего сына. Особенно он чувствовал свою вину перед Кассандрой. Он знал, что предательство Дадриана будет стоить ему намного больше, чем просто трон. Он хорошо понимал, что ему придется расплатиться дружбой с Уильямом. Но в тот день и Уильям, и Кассандра очень сильно удивили его. Сначала Кассандра, уничтожившая все улики

против Дадриана, а затем и Уильям, заверивший его, что действия его сына никоим образом не повлияли на их дружбу.

Уильям с Кассандрой убедили его, что если он сообщит Высшему Совету о предательстве Дадриана, то в данной ситуации вреда будет слишком много. К тому же он превысит любую полученную от этого действия пользу. Дадриан уже мертв. И он больше не угроза для их флота. Единственный же, кто действительно пострадает, если все раскроется, — это Барек. И тогда Дадриан в любом случае победит. А это будет крайней несправедливостью.

* * *

— Мне очень жаль, Джотэм, — мягкий голос Джасинды и ее нежное прикосновение к его руке вернуло его в настоящее. — Я плохо знала Дадриана, но уверена, что ты, должно быть, очень любил его и до сих пор скучаешь по нему. И Барек тоже. Потерять родного брата...

Неожиданно Джотэм отдернул свою руку и резко повернулся к ней. Джасинда была потрясена. Его яростный взгляд заставил ее отступить на шаг.

— Вы ничего об этом не знаете, мадам Мичелокакис! — все тело Джотэма сотрясалось от гнева, с которым он никак не мог справиться. — Мне бы хотелось, чтобы вы оставили свои жалкие слова утешения при себе!

— Я...

— Ваше величество, — Чесни появился из ниоткуда, а его широко раскрытые глаза выдавали его шок от увиденного. — Простите, что прерываю вас, сир. Но на связи Верховный адмирал. Он говорит, что это срочно.

Джотэм обнаружил, что не может говорить. Стыд душил его, пока он прокручивал в голове все те слова, которые только что выплеснул на Джасинду. Как он мог сказать ей подобное? Ведь она просто пыталась помочь. И она понятия не имела о том, что сделал Дадриан. И именно он завел разговор о детях. Поэтому ничего удивительного в том, что она вспомнила о Дадриане.

Джасинда в страхе отшатнулась от него. Ни одна женщина прежде не испытывала рядом с ним такие чувства… Возможно, в Дадриане это было от него.

Джотэм хотел было извиниться, но обнаружил, что Джасинда уже повернулась к нему спиной и направляется к Чесни.

— Вы не могли бы проводить меня до моего транспорта, мистер Чесни? Я боюсь заблудиться в саду, а у меня назначена встреча, на которую я не могу опоздать.

Чесни взглянул на Джотэма и, получив его жесткий кивок, ответил:

— Конечно, мадам Мичелокакис.

— Спасибо. Таким образом, я больше не задержу Его величество от исполнения Его обязанностей, — она повернулась к Джотэму, но ее лицо оставалось совершенно бесстрастным. — Пожалуйста, поблагодарите Саффорда за чудесный обед, ваше величество. И до свидания.

Глава 8

— Чем могу быть полезен, Верховный адмирал? — спросил Джотэм, садясь за стол.

— Король Джотэм, я звоню, чтобы сообщить тебе кое-какую информацию, касающуюся Дома Защиты. Она стала известна при нашем последнем «интервью» с Гэдом Станником.

— Гэд Станник? Я считал, что он и его отец, бывший член Ассамблеи Роуг Станник, были проблемой Коалиции и Дома Знаний.

— Так и есть. Но теперь выяснилось, что бывший советник также регулярно общался с кем-то из Дома Защиты.

— С какой целью?

— На данный момент это не совсем ясно. Но, похоже, это каким-то образом связано с принцем Бареком.

— Барек в опасности? — потребовал Джотэм.

— Не думаю. Сообщения, похоже, больше связаны с вопросом, кто в будущем станет его королевой.

— Понятно, — король на мгновение замолчал, задаваясь вопросом, мог ли кто-то, кроме него, заметить интерес Барека к Амине. — Но почему это заинтересовало Станника?

— Это-то пока и неясно. Но я хотел сообщить тебе это, опередив Барека.

— Барек знает об этом?

— Он допрашивал Гэда, когда ему на это намекнули. Просматривая конфискованные файлы Роуга, мы нашли некоторые доказательства переписки, но еще не определили, кому в Доме Защиты она принадлежит. Они хорошо замели следы, прыгая с планеты на планету. Чтобы в этом разобраться, потребуется некоторое время.

— Даже для Кассандры?

Уильям на мгновение замолчал.

— Я еще не сообщал ей об этом. Я на «Беринге», а она ухаживает за Сабах.

— Сабах?! А что случилось с Сабах? — в беспокойстве выкрикнул Джотэм.

Дочке Кассандры и будущей королеве было всего несколько лунных циклов. Если бы с ней что-то случилось...

— С ней все в порядке. Просто небольшой насморк. Неужели ты думаешь, что я остался бы на «Беринге», если бы с моей дочерью что-то случилось?

— Нет. Конечно, нет. Ты бы никогда так не поступил. Прости. Похоже, сегодня не мой день. Слишком уж бурно я на все реагирую.

Тишина поприветствовала заявление Джотэма.

— Джотэм, мы находимся на абсолютно защищенной линии...

— Никогда не сомневался в этом.

— И ты не только мой король. Но и мой самый верный друг. Скажи, что случилось?

Джотэм поймал себя на том, что посмеивается над другом, который продолжает называть его своим королем. Ибо на самом деле Уильям теперь сам стал королем Дома Знаний.

— Так ли это, король Уильям? — смех Джотэма усилился, когда в ответ прозвучал страдальческий стон.

Его друг терпеть не мог, когда кто-то произносил в его адрес этот титул.

— Не пытайся сменить тему, Джотэм. Поговори со мной.

— Что ты знаешь о Джасинде Мичелокакис?

— Джасинда Мичелокакис?! — Уильям и предположить себе не мог, что из всех возможных причин беспокойства Джотэма, это могла быть женщина. — Ну, дай подумать. Она стала тетей Леандера Мичелокакиса благодаря своему союзу с братом его отца, Стефаном, который был весьма могущественным и плодотворным членом Ассамблеи Дома Защиты. До самой своей безвременной кончины. И все это происходило десять циклов назад?

— Да.

— Но ты же и сам все это хорошо знаешь. Так что тебя тогда интересует?

— Ты помнишь ее до этих событий? По Академии?

— Конечно, она была на целый цикл впереди нас.

— Ты серьезно это помнишь?

— Конечно. Она всегда была яркой и ошеломляющей.

— Она и сейчас такая, — сообщил ему Джотэм.

Уильям ошеломленно откинулся на спинку кресла на другом конце линии.

«*Джотэм проявил интерес к женщине? Спустя столько циклов?*»

— Мне так и сказали.

— Кто тебе это сказал? — вопрос вырвался у Джотэма непроизвольно: он не смог остановить себя.

— Я был с Кассандрой, когда Жавьера рассказывала ей, как на днях столкнулась с Джасиндой и ее сестрой Палмой, когда выходила по делам из Дворца. Очевидно, старший сын Джасинды пошел по стопам своего отца.

— Да, Дантон. Он — истинная копия своего отца.

— Ну, очевидно, ему еще многое предстоит узнать о женщинах.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что Жавьера с трудом дождалась возможности поделиться с Кассандрой своими впечатлениями. Очевидно, пока она пила кофе с Джасиндой и Палмой, позвонил Дантон и попросил свою мать пойти вместе с ним на бал Ассамблеи.

— Когда это было? — он порылся в своей памяти.

Всего неделю назад он впервые — после ее длительного отсутствия во дворце — встретился с Джасиндой. И за этот короткий срок она успела встретиться с Бареком, съездить в Кисурри и обратно, посетить бал и пообедать с ним.

— Четыре дня назад, — сообщил Уильям.

— Четыре?! — Джотэм не мог в это поверить.

Даже он знал, что женщине может понадобиться несколько месяцев, чтобы найти подходящий наряд. Предупредить собственную мать о бале всего за три дня?!.. Да, похоже, Дантон просто сошел с ума.

— Бал был вчера вечером, не так ли?

— Да. Джасинда выглядела… потрясающе.

— Даже сейчас?

«*Да, Джотэм явно заинтересовался этой женщиной*», — подумал Уильям.

— И что еще сказала Жавьера?

— Что из кафе они отправились прямиком к Киа, у которой, по словам Жавьеры, было самое восхитительное платье. Не просто фиолетовое, а идеально сидящее на великолепной фигуре Джасинды.

— Так и было. Я до сих пор не могу в это поверить.

— А я не могу поверить в то, что ее сын остался в живых после своего комментария.

— Какого комментария?

— Очевидно, когда Джасинда отругала его за то, что он не дал ей больше времени на поиски наряда, он возразил, что не предполагал, что это может стать проблемой, так как у нее полный шкаф платьев.

— И после этого она оставила мальчика в живых?!

— Мои слова были точно такими же. Кассандра же предупредила меня, что только материнская любовь к своему ребенку действительно не знает границ. Но если я попытаюсь провернуть с ней подобное, то мне придется опасаться за свою жизнь.

— Ты слишком мудр, Уилл, чтобы сказать что-то подобное. Подумать об этом? Да! Но сказать?! Никогда!

— Это точно! Итак, ты выбрал Джасинду для первого танца? — Уильям не собирался отвлекаться, чувствуя, что друг чем-то сильно расстроен.

— Нет. Это сделал Барек.

— Барек? Барек открыл бал? — Уильям был потрясен.

Джотэм никогда не перекладывал на сына свои королевские обязанности.

— Да. Он подумал, что это поможет нам избежать традиционных слухов, постоянно возникающих после бала. О том, что я предпочитаю одного члена Совета другому. Кроме того, у него были личные мотивы.

— Личные мотивы?! Джотэм, о чем ты говоришь?!

— Барек хотел поблагодарить Джасинду за то, что она нашла некоторые фотографии Латы, когда та училась в Академии. Джасинда взяла их у своей сестры, Палмы.

— Но почему ему пришлось получать их через Палму? Лата ведь всегда делала много снимков?

Уильям не упустил из виду, что Джотэм наконец-то без боли произнес имя своей погибшей супруги. Впервые за многие циклы он произнес его вслух.

— Да, но они все эти циклы лежали в хранилище. Мне и в голову не приходило, что Барек захочет их увидеть. Когда он и Джасинда буквально столкнулись друг с другом у зала Совета, они немного поговорили. Каким-то образом из всего сказанного Джасинда поняла, что Барек никогда не видел ни одной неофициальной фотографии своей матери. Да и то всего лишь ее портрет в моем личном кабинете.

— Джотэм... — Уильям не знал, что сказать.

Он никогда не думал, что друг зашел так далеко в своем горе. Особенно с Бареком.

— Я знаю, — Джотэм откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. — После гибели Латы я просто наглухо закрылся. И я не уверен, что когда-либо действительно осознавал, насколько. До недавнего времени, — он открыл глаза и резко выпрямился. — Так или иначе, но Джасинда передала ему снимки. И этим поступком показала, насколько она действительно хорошая женщина. Особенно после того, чем закончилась наша предыдущая встреча.

— Предыдущая встреча?

Адмирал поднял глаза, когда в кабинет бесшумно вошел его помощник на «Беринге» и постучал пальцем по своему запястью. Напомнив ему, что он опаздывает на очередную встречу. Уильям в ответ лишь покачал головой. Это был давно выработанный безмолвный сигнал о том, что все остальное может подождать. Сейчас они с Джотэмом разговаривали так откровенно, как не разговаривали с тех пор, как несколько циклов после окончания Академии вместе служили на флоте. С тех пор, как Джотэм стал королем, а ему пришлось пробивать себе путь наверх по служебной лестнице. Ничто, кроме атакующих мятежников, не окажется сейчас в приоритете и не отвлечет его от их беседы.

— На прошлой неделе я пригласил Джасинду во дворец. У меня была ситуация, в которой, как я думал, она могла бы мне помочь.

— И как? Помогла? — Уильям был заинтригован уклончивым пояснением.

— Нет. Вместо этого она разозлилась. И, если честно, разозлилась по-королевски. Она встала прямо передо мной, Уилл, и заявила, что я допустил серьезную ошибку. Я не могу припомнить, когда в последний раз кто-то вел себя со мной подобным образом. Чтобы кто-то общался со мной, как с обычным человеком... Ну, если только это не была Кассандра... или Синди Чемберлен.

— Да, Синди немного вспыльчива, — согласился Уильям. — Особенно теперь, когда она начала поправляться. Надеюсь, она всегда будет такой же.

— А есть проблемы? — Джотэм услышал прозвучавшую в голосе друга тревогу.

— Пока нет. Просто она еще не такая большая, чтобы Синди позволила своей семье догадаться о ней. Но, к сожалению, она все же продолжает расти.

— Я могу чем-то помочь?

— Я сразу же сообщу тебе. А теперь вернемся к Джасинде. Что ты ей сказал, Джотэм? Ты не… сделал ей предложение?

— О, предки, нет! — Джотэм вскочил со стула. — Я же впервые увидел эту женщину за последние десять циклов!

— Тогда что же это было?

— Ничего такого, о чем я хотел бы поговорить.

Уильям не стал настаивать. Он знал, что Джотэм, в конце концов, все расскажет. Как только будет готов.

— Неужели, Уилл, я снова опозорил память своей спутницы жизни? Своими действиями?

Уильям едва расслышал вопрос. Что уж говорить об ответе на него.

— Что?!

«Неужели я снова опозорил свою спутницу жизни?!»

— Джотэм! Ты никогда не позорил Лату!

— Разве нет? А что насчет Рани? А как же Дадриан?

— Джотэм... — Уильям с трудом подбирал слова. — Как твой друг, я могу честно сказать, что никогда не понимал, что именно произошло у тебя с Рани. К сожалению, меня там просто не было. Но относительно Дадриана — он был уже взрослым человеком. И сам сделал свой выбор.

— Он был так молод, Уилл.

— Джотэм, он был старше тебя, взошедшего на трон, — гнев Уильяма было легко услышать. — Ему жизнь дала исключительные возможности. И он все их использовал. Ты же знаешь! Ты не можешь считать себя ответственным за то, что он сделал!

— А если бы это был Кайден? Или Лукас? Разве бы ты не почувствовал себя так или иначе ответственным за их воспитание?

— Я не знаю, Джотэм, что почувствовал бы в такой ситуации. И, надеюсь, никогда этого не узнаю. Но, в конце-то концов, нельзя забывать, что они все же вполне самостоятельные личности.

— А что, если бы ты увидел себя в нем? Что, если ты вдруг поймал себя на том, что тебя мучает вопрос: а не унаследовал ли он это от тебя?

— Джотэм!! О чем ты, черт возьми, говоришь?!! — бушевал Уильям. — У тебя вообще нет ничего общего с Дадрианом! Что же заставило тебя думать, что ты мог ему передать что-то безноавственное?

— Прямо перед тем, как ты позвонил, я обедал с Джасиндой.

Пауза на другом конце линии была оглушительной. Уильям всеми силами старался не потерять главную нить разговора.

— Ну... и?..

— Вчера вечером на балу я не мог отвести от нее глаз. Казалось, каждый светильник в комнате сосредоточил на ней свое сияние, чтобы всем показывать, каким на самом деле удивительным существом она является. Она, Уилл, привлекала к себе людей своей теплотой и честностью.

— Это понятно...

— И я пригласил ее на последний танец.

— Ты… что?!.. — Уильям потерял дар речи.

В то время как король или королева всегда открывали мероприятие, танцуя либо со своим супругом, либо с кем-то еще, последний танец всегда предназначался только супругу. После смерти Латы, Джотэм никогда не танцевал, кроме вынужденного статусом первого танца.

— Я знаю, можешь мне ничего не говорить. Но я проходил по залу, уделяя внимание советникам и их женам. А с Дантоном я еще не общался. Честно говоря, я никогда этого прежде не делал.

— Значит, ты пригласил ее на ланч?

— Да. Слова сами сорвались с моих губ. Когда мы танцевали, то много разговаривали. Ты не поверишь, мы просто общались. И у нее на меня не было никаких видов. Она не пыталась привлечь мое внимание. Она просто получала его. И когда музыка начала затихать, я сразу же понял, что не хочу терять это общение. Что не хочу отпускать ее. Поэтому я пригласил ее на обед.

— Только ее?

— Да. Мы обедали в саду.

— В твоем саду?!

— Да.

— И я так понимаю, все прошло не очень гладко?

— Все прошло идеально. Погода была просто великолепна. А Саффорд очень кстати вспомнил о ее любви к торту с помадкой.

— Все любят его торт с помадкой, — пробормотал Уильям, вспоминая все, что ему пришлось предпринять, чтобы заставить этого темпераментного повара дать свой фирменный рецепт Хуту. И только после того, как Кассандра поведала тому, что всю свою беременность «жаждала» именно этого торта, несговорчивость этого упрямца поколебалась. — Так что же все-таки произошло?

— Я напугал ее, Уилл.

— Что?! — прозвучавшее в голосе Уильяма недоверие было хорошо слышно.

— Пообедав, мы прогуливались по саду. Мы болтали и смеялись, все больше узнавая друг о друге, — Джотэм замолчал, вспоминая, что он чувствовал в тот момент. Впервые после смерти Латы он ощутил, что может свободно дышать рядом с другой женщиной. Что она не старалась привлечь его внимание. Не пыталась стать его новой королевой. — Разговор, естественно, перешел на наших детей. Именно я его и начал. Джасинда вдруг попыталась выразить свои сожаления о гибели Дадриана. Она почувствовала, что посланная ею открытка с соболезнованиями была недостаточным утешением при потере любимого ребенка. И она высказала предположение, как ужасно, должно быть, чувствовал себя Барек, потеряв родного брата... И тут я вышел из себя.

— Но, Джотэм, ты же никогда не теряешь самообладания?

— Я сделал это, Уилл. Я был настолько взбешен тем, что эта замечательная женщина растрачивала свое сочувствие в адрес Дадриана, недостойного даже капли ее симпатии. Особенно после всего, что он натворил.

— Но она же понятия об этом не имела!

— Я знаю! — Джотэм уже почти кричал. — И все же это не помешало мне грубо отреагировать. Я набросился на нее, Уилл. Я набросился на нее с такой яростью, что она почувствовала необходимость отодвинуться от меня. Я только что убедил ее называть меня по имени… и вот… я сделал это.

Уильям хорошо понимал, о чем не договорил друг. Лишь немногие удостаивались чести называть его просто по имени. Эта возможность представлялась лишь тем, кто действительно имел для Джотэма особое значение. Всех остальных он держал на расстоянии, предлагая им пользоваться его титулом. То, что Джотэм предложил это Джасинде, означало лишь одно — его чувства были еще более интенсивными, чем Уильям предположил вначале.

— Она, Уилл, со мной попрощалась, — тихие слова Джотэма вернули Адмирала к их разговору.

— Как?

— Уходя, она попросила меня поблагодарить Саффорда за чудесный ланч. Назвала меня Величеством и сказала лишь одно-единственное слово «прощайте».

Уильям был в смятении, пытаясь переварить все, что только что услышал от друга. Он хорошо знал Джотэма. И как бы ему ни было больно признавать это, но его друг был абсолютно неопытен, когда дело касалось женщин.

Да, он был королем.

Да, он привык иметь дело с женщинами.

Но… не в личной жизни.

С тех пор, как Джотэму исполнилось шестнадцать, Лата стала всем его миром. Он больше никогда не смотрел в сторону других женщин. Поэтому и не помнил Джасинду по Академии. Он никогда не изменял Лате, избегая всех тех женщин, что мать периодически подсылала к нему во время их служения на флоте. Каждый вечер Уильям наблюдал, как друг с нетерпением бежал в свою каюту, чтобы поговорить с любимой или хотя бы оставить ей сообщение. В зависимости от того, возвращались ли они на Кариниан. Вот почему его неожиданная связь с Рани была настолько шокирующей.

— Ты должен связаться с ней, Джотэм, и все объяснить.

— Объяснить? Что объяснить? — возмутился тот. — Что сын, о котором, по ее мнению, я должен скорбеть, на самом деле был предателем?

— Нет, но ты мог бы объяснить, что не хотел ее напугать. Что тебя просто захлестнули воспоминания. Судя по тому, что ты о ней говорил, Джасинда Мичелокакис — очень заботливая женщина. Она обязательно все поймет.

— Зачем? Какой в этом смысл? Мы же не собираемся развивать наши отношения.

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — Джотэм не мог поверить, что правильно услышал его. — Уилл, я едва знаю эту женщину.

— Но ведь это не помешало тебе испытывать к ней сильные чувства? Джотэм, чтобы понять, что Лата — именно та женщина, которая тебе действительно была нужна, тебе понадобилось меньше суток. Почему ты думаешь, что сейчас все по-другому?

— Потому что у меня уже была спутница жизни.

— Да, и у Джасинды тоже. Но это вовсе не значит, что ты не можешь снова влюбиться. У вас обоих есть семьи, Джотэм. И у вас обоих есть прошлое. Но это совсем не значит, что у вас не может быть будущего... совместного.

— Но Лата...

— Хотела бы, чтобы ты был счастлив. Так же, как хочу я, чтобы была счастлива моя Кассандра. Если вдруг со мной что-нибудь случится. В этой жизни нет никаких гарантий, Джотэм. Особенно в наших с тобой. Это то, что заставляет меня ценить каждое мгновение, проведенное рядом с ней.

— А Кассандра согласилась бы с тобой, если бы услышала твои слова, Уилл?

— Она уже сделала это.

— Ты говорил с ней… — Джотэм не мог в это поверить, — об этом?

— Да, и она возненавидела этот разговор. Даже отказывалась слушать меня. Пока я не усадил ее в кресло и не заставил молча сидеть. Ведь я, Джотэм, намного старше ее. И это ни для кого не секрет. Велика вероятность, что я встречусь с предками намного раньше нее. И мне хорошо известна ее реакция на мою смерть. Она будет делать то, что делала во время Испытания. Она позаботится обо всех остальных — о нашей семье, наших друзьях, наших подданных — но обязательно забудет позаботиться о себе. Это моя ответственность — независимо от того, жив я или нет, — даже если это будет означать, что ее выполнит другой мужчина. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы она была счастлива.

— Точно так же, как ты был готов отказаться от нее, чтобы она стала королевой?

— Если бы это гарантировало ее счастье? Тогда это однозначно «да»! Но я безумно рад, что дело до этого не дошло.

— Мы с Латой никогда не обсуждали такие вопросы.

— А зачем вам это было нужно? Вы оба были так молоды. Только став старше, начинаешь понимать, что для тебя счастье любимого человека имеет б***о***льшее значение, чем твое собственное.

— Я бы все отдал, чтобы поговорить с Латой в последний раз. Чтобы иметь возможность уладить все, что осталось невысказанным.

— Тогда сделай это.

— Но как?

— Так ты действительно думаешь, что она не услышит тебя, Джотэм? Что Лата не присматривала за тобой все эти циклы?

— Что ты такое говоришь?!

— Я хочу сказать, что пришел к убеждению, что предки в нашей жизни играют куда б***о***льшую роль, чем мы когда-либо могли предположить. Я верю, что они наблюдают за нами и всегда готовы дать нам совет. Если, разумеется, у нас только есть желание его попросить. И выслушать, — Уильям на мгновение замолчал. — Знаешь, одно время мне постоянно снился Кайден.

— Он твой сын, Уильям. Это вполне естественно.

— Нет, речь не о моем Кайдене. Мне снился тот Кайден, что исчез вместе с принцессой из Дома Знаний. У нас с ним было несколько бесед, с которыми я никак не мог согласиться. Но, в конце концов, он сказал мне то, что я не смог опровергнуть.

— И что же это?

— Что я не смогу защитить принадлежащее мне. Если не буду рядом с тем, кто мне принадлежит. И ты тоже не сможешь. Если отпустишь Джасинду.

Глава 9

Всю дорогу до дома Джасинда ехала, вцепившись в руль своего транспорта. Во время движения она не позволяла себе думать о произошедшем во дворце. Если бы она только разрешила себе это, то пришлось бы сделать остановку.

И вот, наконец, прямо перед ней — ее подъездная дорожка. Медленно потянувшись, женщина ослабила хватку на руле и пошевелила каждым пальчиком. Заглушив двигатель, она расслабленно откинулась на спинку сиденья. Только теперь она позволила мыслям захватить свое внимание.

Джотэм был талантливым человеком. Разносторонней личностью с широким кругозором и незаурядным мышлением. Она всегда это знала. Чтобы стать королем, в совсем юном возрасте ему пришлось справиться со многими трудностями. И все же за все время их знакомства, Джасинда ни разу не слышала, чтобы он проявил такую гневливость.

По сути, сегодняшний день был действительно великолепным. Она побывала в чудесном, полном диковинных растений саду. Разделила с королем — к тому же великолепным мужчиной — замечательный обед. Джасинда не могла припомнить, когда в последний раз чувствовала себя так непринужденно наедине с представителем сильного пола. Оказывается, у них с Джотэмом было так много общего! Так много общих жизненных переживаний! Их беседа просто текла рекой. Ей даже показалось, что они начали сближаться, а их отношения из служебных перерастают в дружеские.

По крайней мере до тех пор, пока разговор не зашел о Дадриане.

Да, о Дадриане ходили слухи, что тот неоднократно проявлял жестокость. Но вот о Джотэме — никогда.

«Может, он просто это умело скрывал?»

— Нет! — от резкости собственного голоса, внезапно разорвавшего тишину, Джасинда даже слегка дернулась на сиденье.

Нет, это было просто невозможно! Она знала этого мужчину почти всю свою жизнь. Они вместе неоднократно попадали в весьма напряженные ситуации, и он ни разу не проявил агрессии. Это она как женщина и мать должна была понять, что король не захочет говорить о смерти сына. Он даже сейчас говорил о Лате крайне редко. Хотя прошло уже почти тридцать пять циклов с тех пор, как она ушла к предкам. А вот с момента гибели Дадриана — всего десять. Очевидно, она сама перешла черту, заговорив об этой, еще не зажившей, ране. Теперь-то Джасинда это хорошо понимала. Но в тот момент она почувствовала такую близость с Джотэмом... что он просто перестал быть для нее королем. Она видела в нем друга. Мужчину. И можно сказать даже больше — мужчину, к которому она начала испытывать довольно сильные чувства.

Джасинда с удивлением обнаружила, что постоянно думала о нем с той самой встречи, когда она выскочила из его кабинета. И если бы она была хоть немножечко честна с собой, то призналась бы себе, что позволила Киа уговорить себя надеть на бал то шикарное платье именно ради него.

«Ладно, уговаривали меня недолго, но все же!»

Тем вечером Джасинде хотелось выглядеть потрясающей не только для Дантона, но и для себя. И, возможно, хотя совсем чуть-чуть, она надеялась увидеть восхищение во взгляде Джотэма.

Когда они прошлой ночью танцевали, ей приходилось задирать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Даже несмотря на свои высоченные каблуки! И это казалось таким правильным!.. Джасинда была просто потрясена: чувство, которое она не испытывала уже долгие циклы, вдруг напомнило о себе. К тому же во время их сегодняшнего совместного обеда оно значительно возросло — по мере того, как они все больше и больше открывались друг другу. Прогулка с королем по саду казалась такой естественной, как если бы они делали это на протяжении нескольких циклов.

А потом все пошло наперекосяк.

И она никак не могла понять, ПОЧЕМУ?!

* * *

Выйдя из своего транспорта, Джасинда двинулась вверх по дорожке. Войдя в дом, и все еще кипя от раздражения, она едва сдержалась, чтобы не хлопнуть дверью. Джотэм не должен был так обращаться с ней! Какое право он имел так себя вести?! Король он или нет, никто не смеет так поступать с ней!

— Никто! — пробормотала она.

— Что «никто»?

Джасинда быстро оглядела гостиную в поисках говорившего.

— Стефания! — она с радостью бросилась через всю комнату, чтобы обнять дочь. — Я думала, ты не появишься на планете до следующего лунного цикла!

— Да, но планы, бывает, меняются, — Стефания с жаром ответила на объятия, а затем окинула Джасинду оценивающим взглядом. От нее не укрылся гневный румянец на щеках матери. — И кто же тебя так расстроил?

Кто бы это ни был, Стефания сделает все, чтобы этот человек больше никогда не решился на подобное. Ее мать уникальна и исключительна! Точнее сказать, драгоценнейшая женщина! Никому не позволено оскорблять ее! Особенно, когда рядом Стефания.

— Кто? О, нет-нет, никто, — Джасинда пренебрежительно махнула рукой. — Это не имеет значения. Главное, что ты снова дома! — она еще раз обняла дочь. — О, как же я скучала по тебе!

— Я тоже скучала по тебе, мам.

Они синхронно двинулись к дивану, чтобы присесть. Джасинда с нежностью в глазах рассматривала свое чадо и испытывала в этот момент довольно противоречивые чувства. В то время как часть ее сердца разрывалась от того, что ее малышка давно уже выросла и стала самостоятельной, другая переполнялась гордостью за эту сильную и независимую женщину, которой теперь та стала.

— Так когда ты приехала? Надолго? А твои братья знают, что ты вернулась?

Стефания поймала себя на мысли, что этот нескончаемый поток вопросов, которыми сейчас засыпала ее мать, вызывает у нее умиление.

«Как же хорошо снова оказаться дома!»

— Я приземлилась всего пару часов назад. На Кириниане пробуду несколько лунных циклов. И нет, я еще не связывалась ни с Дантоном, ни с Итаном.

— Несколько лунных циклов? — Джасинда даже не пыталась скрыть своего удивления. С тех пор как Стефания присоединилась к Коалиции, она никогда не бывала дома дольше трех недель. Стефан умер в ее отсутствие. — Что-то случилось? Ты в порядке? — она окинула дочь испытывающим взглядом, отметив по ходу темные круги под глазами и почти исчезнувший синяк на щеке. — Так что же произошло?

— Ничего не случилось, мама, — Стефания сразу поняла, что не сможет уйти от ответа, как только ее мама заметила синяк, и ее глаза подозрительно сузились. — Этот синяк я заработала во время тренировки. Ничего особенного, честно! Я в порядке!

— Тогда почему тебя отпустили на такой длительный срок? — надавила Джасинда.

— Ну и дела, мамочка! Похоже, ты не хочешь, чтобы я жила у тебя, — поддразнила ее дочь, стараясь отвлечь.

— О-о-о, прекрати! Ты же знаешь, что это неправда!

— Я знаю, мама, — быстро заверила ее Стефания. — Вообще-то в Печоре я пробуду всего неделю. Потом уеду в Кисурри.

— Кисурри?

— Да. Меня пригласили в новую программу для повышения квалификации. Ее будет вести Питер Чемберлен. Он проведет учебный курс в Доме Знаний.

— Учебный курс?

Джасинда нахмурилась. Она ничего об этом не слышала.

— Да, на Земле Питер Чемберлен был командиром ударного отряда.

— У них там были ударные войска?

— По-моему, на Земле их называли спецназом. Но по сути это одно и то же. Питер научил свою сестру и дочь кое-каким приемам, которые теперь входят в обязательный регламент Академии для каждого курсанта. Но учиться непосредственно у него… большая честь!

— Я уверена, что ты это заслужила. Ты всегда много работала, Стефания. И хотя я признаю, что твой выбор данной профессии всегда беспокоил меня… — Джасинда подняла руку, чтобы остановить готовое сорваться с губ дочери возмущение. — Я твоя мать! И беспокоиться о тебе — моя ответственность. Тем более я также прекрасно понимаю, что ты не продвинулась бы так далеко и так быстро, если бы не имела необходимых для выбранной тобой области способностей. Так что я ничуть не удивлена, что тебя приняли в эту новую программу.

— Спасибо, мамочка!

— Всегда пожалуйста. А теперь расскажи мне все, что ты делала.

* * *

— Ваше величество!

Король Джотэм оторвал взгляд от отчета, на который тупо смотрел последние тридцать минут.

— Да, Чесни?

— Сегодня вечером я еще буду вам нужен?

— Сегодня вечером? — повернувшись на стуле, Джотэм выглянул в окно и увидел залитый лунным светом сад. — *«Неужели уже так поздно?!»* — Мне очень жаль, Чесни. Я и не подозревал, что так задержался, — он снова повернулся лицом к секретарю. — Иди домой. Думаю, Хелен уже потеряла тебя и волнуется.

— Она привыкла к этому, ваше величество. Если вам нужно, чтобы я остался подольше, она поймет.

— Нет-нет. На сегодня мы сделали достаточно. Спасибо, Чесни, что ты высвободил в моем расписании время для ланча. Я знаю, что это было нелегко.

— Я был счастлив сделать это, ваше величество! — Чесни не покривил душой. Он действительно был рад этому. По его мнению, Джотэм слишком много работал. Единственной причиной для отмены какой-либо встречи — присутствие короля требовалось для решения более важного вопроса. И это никогда не было связано с личными причинами. А тем более ни разу не было связано с женщиной. По мнению Чесни, Джасинда была самой замечательной и достойной из представительниц слабого

пола. — Простите меня за мою дерзость, ваше величество, но вам следует делать это почаще. Мне очень жаль, что пришлось прервать вас. И что мадам Мичелокакис вынуждена была так быстро уйти.

— Да… ну… это было к лучшему.

— Простите? Я не понимаю, сир.

— Думаю, Чесни, ты кое-что слышал из нашего разговора, пока шел сюда.

— Да, ваше величество, — Чесни стыдливо опустил взгляд себе под ноги. — Простите, я не собирался подслушивать.

— Я знаю, Чесни. Ты всегда был предан и сдержан. Я не знаю, что бы делал без тебя все эти циклы. Уверяю, без твоей помощи и поддержки я бы ни за что не справился.

— Благодарю Вас, ваше величество, — секретарь радушно улыбнулся.

— Возвращайся домой к своей жене. Увидимся завтра!

— Хорошо, ваше величество, — Чесни повернулся, чтобы уйти, но неожиданно остановился. — Она замечательная женщина, сир.

— Ей пришлось терпеть тебя все эти циклы, не так ли? — Джотэм улыбнулся, решив поддразнить своего помощника.

— Да, ваше величество, моя Хелен — она такая! Но я имел в виду не ее. Я говорил о мадам Мичелокакис.

Чесни увидел, как улыбка его короля вмиг испарилась.

— Я знаю это, Чесни, — Джотэм надеялся, что обсуждение на этом и закончится.

Помимо многих достоинств своего секретаря король больше всего ценил в нем его мудрую сдержанность. Чесни никогда не говорил ничего лишнего. Очевидно, сейчас он посчитал этот разговор необходимым.

— Я никогда не забуду тот день, когда мадам Мичелокакис пришла на помощь моему младшему сыну, — продолжил Чесни.

— Ну и?.. — Джотэм бросил на него смущенный взгляд.

— Думаю, прошло уже больше двадцати циклов. Хелен тогда пришлось идти за покупками на рынок с нашими тремя детьми. А Тара отстала от нее и потерялась. Хелен была в ужасе. Она уже собиралась вызвать меня, когда к ней подошла мадам Мичелокакис с Тарой на руках. Похоже, мадам нашла плачущую Тару за какими-то ящиками и смогла уговорить ее выйти. Я даже не подозревал, что она знает, что у меня есть жена. Не говоря уже о детях! — Чесни вспомнил, как он был потрясен, когда жена рассказала ему, что Джасинда задержалась и успокаивала ее, пока не убедилась, что с Хелен все в порядке. А затем рассказала, что у нее была такая же ситуация с ее младшей дочерью Стефанией. И что такое происшествие вовсе не свидетельство материнской безответственности. — Большинство жен членов Ассамблеи склонны игнорировать семьи своей прислуги.

— О чем ты говоришь? — Джотэм раньше никогда не слышал о таком. Никогда не замечал подобного отношения к простым людям. — Почему ты мне ничего не говорил?

— Мне просто это и в голову не приходило, сир. Единственная причина, по которой я упоминаю об этом сейчас, — это чтобы вы знали, что мадам Мичелокакис не такая. Она очень замечательная, очень заботливая женщина. Она до сих пор расспрашивает меня о моей семье.

— Я все понял, Чесни. Спасибо тебе.

— Думаю, мадам Мичелокакис поймет и простит... резкость ваших слов, — продолжал настаивать тот.

— Спасибо, Чесни. Спокойной ночи, — на этот раз Джотэм сказал это таким тоном, чтобы у Чесни не возникло ни малейшего сомнения, что обсуждение закончилось.

— Да, ваше величество. И вам спокойной ночи.

* * *

— Ты готова выпить кофе? — повертев пакеты в руках, Джасинда взглянула на дочь.

Они все утро ходили по магазинам, сделав отличную попытку подчистить все торговые точки Печоры.

— Пить кофе я готова в любое время дня и ночи! — заявила Стефания, удивляясь про себя, откуда ее мама берет столько энергии.

Все это утро они находились в непрестанном движении, а у матери до сих пор ни единого признака усталости. Стефания даже во время тренировок не тратила столько сил.

— Идем к Питталуге? Вниз по улице? У него и сейчас есть торт, который ты очень любишь.

— Как ты умудряешься помнить такие незначительные вещи, мам?

— О, я думаю, у каждой матери есть что-то про ее детей, о чем она помнит вечно! Например, как ты каждый цикл умоляла провести там твой день рождения.

— Верно! Но ведь прошло уже так много времени с тех пор, как я последний раз приезжала домой на свой день рождения.

— Это так. Но я все равно каждый цикл прихожу в тот день сюда. И даже оставляю для тебя кусочек торта.

— Серьезно? — Стефания замерла посреди тротуара и в шоке уставилась на мать.

Такого она даже представить себе не могла.

— Я всегда чувствовала, что во мне есть частичка тебя. Как бы далеко от меня ты ни находилась, — с нежностью в голосе сказала Джасинда.

Но прежде чем Стефания успела хоть что-то сказать, ее толкнули в спину.

* * *

— Прошу прощения, — произнес мягкий бархатный голос, когда сильные мужские руки подхватили ее под локти.

— Капитан Деффонд? — приветливо обратилась к мужчине Джасинда.

— Мадам Мичелокакис? — Деффонд перевел взгляд с нее на девушку, которая поспешила вырваться из его объятий.

Прелестное создание, которое он до этого никогда не встречал.

— Как я рада снова вас видеть! Стефания, это капитан Деффонд! Капитан королевской гвардии! Капитан Деффонд, хочу представить вам мою дочь Стефанию…

— Капитан, — холодно кивнула Стефания, чертыхаясь про себя.

— Мисс Мичелокакис, — слегка кивнул ей тот.

— Вообще-то лейтенант!

— Прошу прощения? — глаза Деффонда округлились от удивления.

— Лейтенант Мичелокакис, сэр. Я служу Коалиции. Служба безопасности.

— Служба безопасности? А на каком корабле вы служите?

Стефания напряглась, когда мужчина недоверчиво оглядел ее.

— Я только что закончила свой тур на «Возмездии». Сейчас я изучаю другие возможности применения своих навыков.

— Похвально.

Джасинда подняла бровь, переводя взгляд с Деффонда на дочь.

— Капитан, мы как раз собирались пойти к Питталуге выпить кофе. Не хотите ли присоединиться к нам?

— Благодарю вас, мадам Мичелокакис. Но боюсь, что у меня нет времени… Возможно, в следующий раз? — он поклонился и повернулся, чтобы уйти.

— Я буду держать вас в курсе, Деффонд. И, капитан, — она подождала, пока мужчина посмотрит на нее. — Пожалуйста, зовите меня Джасинда.

Стефания заметила, как покраснел королевский гвардеец.

— Конечно. Прошу прощения… Джасинда. Но при одном условии! Если вы будете называть меня Николас, — Деффонд одарил ее мальчишеской полуулыбкой.

— Для меня это большая честь, Николас. Приглашение на кофе остается в силе!

— Лейтенант Мичелокакис, — Деффонд снова поклонился и ушел.

* * *

Джасинда окинула дочь пристальным взглядом, пока сам хозяин кофейни усаживал их за ее любимый столик. Они расположились в солнечном, но уединенном уголке заведения. С этого места, кстати, было очень удобно наблюдать за другими посетителями.

— Как чудесно, что вы снова с нами, мадам Мичелокакис. И вы тоже, мисс Стефания. Возможно, вы желаете насладиться моим фирменным тортом «Добос»?

Стефания поймала себя на мысли, что ее рассмешило обращение мистера Питталуге. Но она не стала поправлять мужчину, который каждый цикл угощал ее своим фирменным тортом, начиная с ее пятого дня рождения.

— Вы попали в точку, мистер Питталуге! Но как же давно мы не виделись!

— К моему большому сожалению, мисс Стефания. Если вы хотите, я мог бы убрать ваши сумки за стойку. Чтобы они не мешали вам, мадам Мичелокакис.

— Благодарю вас, мистер Питталуге, — Джасинда улыбнулась мужчине и протянула ему свои сумки. — Буду очень признательна!

— Для вас все, что угодно, мадам Мичелокакис. Я быстро вернусь и принесу вам кофе.

Джасинда поудобнее устроилась в кресле и посмотрела на дочь.

— Ну, и?.. Ты собираешься мне рассказать?

— И что именно я должна тебе рассказать, матушка?

Джасинда слегка улыбнулась от этого тона. Она прекрасно знала защитный механизм своей дочери. Лишь в особых случаях Стефания называла ее «матушка» вместо обычного «мама».

— Почему ты была так холодна с капитаном Деффондом? — Джасинда заметила, как Стефания отвела взгляд.

«А вот и еще один факт!»

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, матушка.

— Не называй меня так, Стефания Энн. Я очень хорошо тебя знаю. Я помню каждое произнесенное тобой слово, когда ты мне рассказывала о своем «Мужчине Мечты».

— Мама! — вскрикнула Стефания и тут же понизила голос, как только поняла, сколько внимания привлекла к ним. — Когда я тебе это говорила, мне было всего десять циклов! — прошипела она.

— Ну, ты хочешь сказать, что твои критерии изменились?

— Нет, но зато изменилась я!

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что выросла и поняла, что не всегда могу получить то, что хочу. Особенно если это мешает достижению моих главных жизненных целей!

— И что же это? — Джасинда нахмурилась, глядя на дочь.

— Мама... ты не понимаешь, — Стефания откинулась на спинку кресла и заставила себя улыбнуться хозяину кафетерия, когда тот принес им кофе. Затем сделала глубокий вдох. — Спасибо, мистер Питталуге! Пахнет просто замечательно! Никто не варит кофе лучше вас.

— Всегда пожалуйста, мисс Стефания. Ваш торт «Добос» скоро принесут. Когда я сообщил Луису, чей это заказ, он пообещал выполнить его идеально.

Джасинда сделала глоток изумительного кофе, подождав, когда мужчина отойдет подальше. Затем вновь повернулась к дочери.

— Объясни мне то, чего я, по твоему мнению, не понимаю, Стефания.

Девушка откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на мать. Она хорошо знала этот взгляд. Слишком часто ей приходилось сталкиваться с ним в своей жизни. Это был тот случай, когда у нее не получится обмануть столь мудрую женщину.

— Капитан Деффонд — глава королевской гвардии, — начала она.

— Да, я это знаю.

— А ты знаешь, что в истории Кариниана он самый молодой мужчина, вступивший на эту должность в таком возрасте?

— Нет. Этого я не знала.

— Кроме того, за всю историю Дома Защиты ни одна женщина не удостоилась чести охранять короля.

— Ну, и что? — Джасинда в недоумении посмотрела на дочь.

— Никогда еще женщине не позволялось быть членом королевской гвардии. Ни короля, ни королевы. Хотя больше трети профессионалов Службы безопасности Коалиции составляют женщины.

— Я... этого тоже не знала.

— Ну, в общем, я хочу коренным образом изменить эту ситуацию! Но не смогу этого добиться, если поступлю не профессионально. В данном случае, если вступлю в отношения с капитаном королевской гвардии.

— Стефания... — Джасинда накрыла ее руку своей.

— Я не такая, как ты, мама! Я не собираюсь отказываться от своей мечты! Не могу позволить себе стать тем, кем я никогда не хотела быть. Только не из-за мужчины.

Джасинда резко отдернула руку, услышав критику дочери в свой адрес. Она заставила себя улыбнуться, когда Питталуге подошел к ним с двумя порциями торта, который так любила Стефания.

— Благодарю вас, мистер Питталуге.

— Всегда пожалуйста, мадам Мичелокакис. Наслаждайтесь.

— Мама, я не хотела тебя обидеть. И вовсе не тебя имела в виду, — Стефания подождала, пока мужчина отойдет подальше, чтобы продолжить разговор.

Джасинда отломила маленький, теперь уже безвкусный кусочек торта, давая себе время обдумать то, в чем только что обвинила ее дочь. Неужели Стефания действительно думает, что ей пришлось «отказаться от своей мечты» ради связи со Стефаном? Что она стала тем, кем никогда не хотела быть? Конечно, в чем-то дочь была права… но только вот именно «в чем-то». Правда в том, что она действительно никогда не хотела заниматься политикой. Не хотела становиться публичной личностью. Если бы у нее был выбор, она никогда бы не пошла этим путем. Но Стефан служил их народу, и с ее стороны не было никаких затруднений и никаких жертв, чтобы помочь ему осуществить свою мечту.

Джасинда в душе, но довольно громко поблагодарила свою мать за то, что та подготовила ее к жизни в мире политики. И теперь ей казалось, что это была ее судьба.

— А я думаю, именно меня! — Джасинда сурово посмотрела на дочь. — Полагаю, ты должна мне кое-что объяснить. Почему ты думаешь, что я «отказалась от своей мечты» ради союза с твоим отцом?

— Мама! Когда я была в гостях у тети Палмы, то она сказала мне, что все, чего ты когда-либо хотела, — это служить в Коалиции. И никакой политики!

— И поэтому ты считаешь, что я теперь обижена на свою жизнь?

— Я бы не сказала «обижена». Но это ведь не то, чего ты действительно хотела!

— Нет, — согласилась Джасинда, пристально глядя на Стефанию. — И все же ты не совсем права. Моя жизнь с твоим отцом — это было нечто большее! Больше, чем я могла себе представить! Мы с твоим отцом были одной командой. Мы работали вместе, вместе растили вас, и, в конце концов, он подарил мне сказку, о существовании которой я даже не подозревала. Кто дал тебе право судить мою жизнь?!

— Мама! Я не сужу!

— А мне кажется, ты делаешь именно это.

— Я просто говорю, что хочу осуществить свою мечту, а не реализовывать чью-то.

— И что тогда? — требовательно спросила Джасинда. — Ну, когда ты достигнешь своей цели и станешь первой женщиной в королевской гвардии. Дальше-то что?

— А что?

— Помимо работы в жизни человека обязательно должно быть что-то еще очень важное, Стефания. И это именно то, чего твой отец никогда по-настоящему не понимал. Но ему действительно нравилось то, что он делал. В этом вы с ним очень похожи.

— Что ты имеешь в виду?

Джасинда внимательно посмотрела на дочь, давно уже ставшую взрослой женщиной. Перед ней сидела не маленькая, влюбленная в своего отца малышка, которая думала, что солнце встает и садится благодаря ему. А он — само совершенство!

— Ты права в том, что я предпочла бы не иметь никакого отношения к политике. Если бы я не полюбила твоего отца, то держалась бы от нее подальше. Но сейчас я ни о чем не жалею. Правда, немного сожалею о том, что позволила ему служить так долго.

— О чем ты говоришь?

— В нашей со Стефаном жизни было много того, о чем ты не знаешь, Стефания. Ты всегда смотрела на нас глазами ребенка, как на своих идеальных родителей. Ты думала, что цель нашей жизни — посветить себя тебе и твоим братьям. И только теперь, когда ты стала старше, ты можешь понять, что наша жизнь — это нечто большее. Ты видишь во мне женщину, которая отказалась от своей мечты ради мужчины. Но ты не понимаешь... именно он был моей мечтой! Был ли он идеальной мечтой? Нет! Но именно это делало ее особенной. А самое главное — нашей общей! Твой отец прекрасно понимал, о чем он просит меня, когда предложил стать его женой. Поэтому он обещал мне, что оставит службу в шестьдесят пять циклов, если еще будет в полном здравии.

— Но... — Стефания в шоке посмотрела на нее. Она точно знала, что в свои семьдесят циклов ее отец все еще занимал свой пост.

— Это единственное обещание, которое он не сдержал, — Джасинда грустно улыбнулась ей, — и это была моя вина. Мне следовало надавить сильнее. Я видела, что он начал слишком быстро уставать. Но он был так счастлив от возможности служить нашему народу, участвовать в процветании мира, в котором будут жить его дети и внуки. Возможно, если бы я настояла...

— Мама, — протянув руку, Стефания крепко сжала ладошку матери. — Это не твоя вина.

— Знаю, но мне следовало больше думать о его здоровье. Я должна была убедить его, что пора притормозить.

— Папа никогда не сбавлял скорость.

— Нет. Он всегда утверждал, что в жизни надо выкладываться по полной.

— О да, он действительно так говорил. Это были его последние напутственные слова перед моим отлетом в тур. Прямо перед его смертью. Он сказал: «Стефания, жизнь — удивительная штука. Проживи ее в полноте. Не бойся рисковать собой. Не бойся чужого осуждения. Не бойся идти по пути, даже если кому-то покажется, что его вообще не стоило избирать. Но когда ты это сделаешь, то обнаружишь, что находишься именно там, где тебе суждено было быть. И только тогда это будет жизнь, Стефи, а не простое существование».

Джасинда, никого не стесняясь, позволила себе заплакать. Крупные слезинки стекали по ее щекам, пока она слушала последние слова, сказанные ее спутником жизни. Обращенные к частичке его души — его дочери.

— Замечательные слова, — Джасинда слабо улыбнулась ей. — Я надеюсь, что ты последуешь им, Стефания. Ведь отец приоткрыл тебе тайну своей жизни, когда она была весьма непростой. Но у него всегда были потрясающие идеи.

— Да, благодаря тебе и твоей поддержке.

— Но он, безусловно, дал мне не меньше. Возможно, сейчас ты не видишь этого, но правда в том, что твой отец был именно тем человеком, кто помог мне обрести и пройти тот путь, который я отвергала. Именно благодаря Стефану я обрела настоящую семью,

дорогих моему сердцу детей и удивительную жизнь с любимым человеком. Я стала тем, кем и должна была быть. А не той, за кого себя принимала.

— Прости меня, мама. Я должна была догадаться...

— Все в порядке, Стефи, — Джасинда использовала то ласкательное имя, которым Стефан всегда с нежностью называл дочь. Этим она дала понять, что та прощена. — То, что ты мне сейчас сказала, в свое время я высказала своей матери. Единственное, тогда я была намного моложе тебя. И была еще более категорична.

— Неужели?

— Да, я сделала это перед тем, как я уехала в Академию. Моя мама хотела, чтобы я училась в школе при Доме Исцеления. Там бы на меня, по ее мнению, обратил внимание «достойный» ее дочери молодой человек.

— Не может быть!.. Так у нее уже был кто-то на примете? — неожиданно для самой себя выпалила Стефания.

— К сожалению, — поморщилась Джасинда, вспомнив тот момент.

— И кто же это? — глаза девушки загорелись любопытством, когда она увидела реакцию матери.

— О-о-о, это было просто смешно. Я имею в виду, что он был еще ребенком и к тому же большой плаксой. Что могло натолкнуть ее на мысль, что я вообще когда-нибудь заинтересуюсь им?..

— Кем, мама!

— Принцем Юсуфом, — прошептала Джасинда.

— Принцем Юсуфом?! — вскрикнула Стефания и едва не привлекла к ним внимание сидевших за соседними столиками посетителей.

— Стефания! — прошипела Джасинда. — Говори потише.

— Прости, мама, — она тут же понизила голос. — Но принц Юсуф? Это, очевидно, нынешний король Юсуф?

— Да, — при этом воспоминании Джасинда, облокотившись об стол, подперла лоб рукой. — И о чем только думала моя мать? Ведь он на целых девять циклов моложе меня!

— А папа был на двадцать циклов старше тебя, — напомнила ей Стефания.

— Да, но тогда все было по-другому, — выпалила Джасинда.

— Неужели? — Стефания улыбнулась на защитную реакцию матери. Это была большая редкость — увидеть ту взволнованной. — И в чем же разница?

— Когда мы познакомились с твоим отцом, то были уже взрослыми. А вот Юсуфу было всего лишь пять циклов, когда моя мать начала строить свои матримониальные планы. У меня это в голове не укладывалось. Принц еще даже не закончил школу, когда я встретила Стефана. Как бы ты отреагировала, если бы я в твои четырнадцать попыталась заинтересовать тебя Атолом Аллардом?

— Фу-у, мама! Атол Аллард?! Он же настоящий сосед-террорист! — девушка наклонилась через стол и прошептала. — А еще он постоянно ковырялся в носу!

— Ну, тогда ты понимаешь меня!

— Ты хочешь сказать… — глаза Стефании широко раскрылись.

— Нет! Я бы никогда не посмела сказать такое, Стефания Энн! Юсуф — король Дома Исцеления. И он заслуживает моего уважения.

— О, боже, мама… — Стефания взглянула на нее полными восхищения глазами. — Да ты, оказывается, у нас не такая уж и добрая...

— Спасибо, моя дорогая, — Джасинда ласково улыбнулась дочери. — А теперь давай насладимся этим удивительным тортом. К тому же нас ждут великие дела — мы же еще не все скупили в Печоре!

Глава 10

— Да здравствует Его Величество, король Джотэм! Да здравствует король Джотэм!

Войдя в зал Ассамблеи для проведения первого заседания нового Совета, Джотэм немного рассеянно махал рукой приветствующим его. Охранники Ассамблеи с трудом сдерживали возбужденную толпу, скандирующую его имя. Во время своего правления, Джотэм отказался ежедневно носить королевскую мантию. Как правило, он делал это лишь в особых случаях — при официальных встречах с королями и королевами других Домов.

Пройдя через зал, он на мгновение задержался перед закрытыми дверями, которые отделяли его от членов нового Совета. Сейчас ему предстояло официально открыть новый цикл в законодательной и административной деятельности Ассамблеи. Джотэм проделывал это уже в сороковой раз — неудивительно, что это давно вошло у него в привычку.

Он до сих пор помнил, как ужасно волновался, когда впервые после гибели отца ему пришлось выступать перед умудренными жизнью советниками. Ведь тогда ему было всего лишь двадцать. Он совсем недавно вернулся из своего второго тура на корабле флота Коалиции и только что женился. Джотэм — совсем еще мальчишка — стоял перед Советом и открыто читал в глазах каждого присутствующего терзаемые их в этот момент сомнения. Сомнения, что он сможет принять и с честью понести такую сложнейшую даже для зрелого человека роль, к тому же так внезапно навязанную ему. Сомнения, что он вообще способен взять на себя руководство всей Ассамблеей и сможет оправдать ожидания тех, кто с достоинством занимался этим до него.

Да он и сам-то, если быть честным, сомневался тогда, что справится со всем этим.

В тот первый раз в зал Ассамблеи он вошел под руку с Латой, которая шествовала рядом с ним с гордо поднятой головой. Джотэм помнил, как его сердце переполняла неимоверная гордость всякий раз, когда он смотрел на нее — сидевшую с царственным видом посреди почтеннейшего собрания. Она сразу же дала всем понять, что никому не позволит себя запугать. Лата во всех смыслах этого слова была ЕГО КОРОЛЕВОЙ! Хотя на тот момент ей было всего восемнадцать циклов.

Джотэм хорошо помнил, как после ее смерти, открывая заседание Совета, обратился к собравшимся. Он не мог смотреть на то место, где должна была сидеть ОНА. Он бы не смог произнести ни слова, если бы только глянул туда.

— Ваше величество?

Вопрос Деффонда вырвал Джотэма из его воспоминаний.

— Открывай двери, капитан.

— Да, ваше величество, — Деффонд кивнул стоявшим у дверей охранникам.

И как только двери открылись, сержант из охраны Ассамблеи объявил о его прибытии.

— Всем встать! Поприветствуем короля Дома Защиты! — выкрикнул он зычным голосом, и все тут же поднялись.

Джотэм медленно шел к трибуне по широкому проходу, кивая приветствующим его членам Ассамблеи. Почему он не испытывал ни капельки волнения или предвкушения перед предстоявшими начинаниями? Повернувшись, он взглянул на пустующую королевскую ложу и почувствовал, как дрогнуло его сердце. Как же ему хотелось увидеть там свою Лату. Чтобы она сидела там и улыбалась ему, как и прежде… И на мгновение ему привиделись — нет, Джотэм мог поклясться, что это все было на самом деле, — все та же ее лучезарная, ободряющая улыбка и искрящиеся любовью глаза. А затем она медленно растаяла в воздухе, оставив после себя тихую радость и ощущение, что он все эти циклы действительно находился на своем месте. Чего Джотэм, по правде сказать, давным-давно не чувствовал.

И тут до него донесся какой-то шум. Видимо, пока он молча стоял перед трибуной, его нестандартное поведение вызвало беспокойство у собравшихся. И Джотэму, чтобы отвести взгляд от пустующего кресла Латы, пришлось приложить неимоверные усилия.

— Сегодня, как и все предыдущие — один за другим — сорок циклов, я с глубоким уважением обращаюсь к этому столь достопочтенному собранию. Для меня большая честь выразить вам свое восхищение и безграничную признательность от лица всего нашего народа. Сорок циклов... как же быстро бежит время, — Джотэм окинул взглядом сначала людей, сидевших в партере, а затем перевел взгляд на переполненные зрителями балконы. — У меня такое ощущение, что мое первое обращение произошло лишь вчера. Хотя, стоит заметить, некоторые из вас тогда еще даже не родились. Но вот вы сидите здесь, где еще совсем недавно сидел кто-то другой. Каждый из вас сменил в свое время на этом ответственном посту кого-то другого. И это были, хочу подчеркнуть, целеустремленные и преданные своему делу мужчины и женщины, которые поставили целью всей своей жизни — ради наших детей — сделать свой Дом и свой мир лучше! Некоторые из них были членами Ассамблеи. Другие служили в Коалиции. А кто-то выполнял самую обыденную и не вызывающую восхищения, но такую необходимую для нормального функционирования нашего общества работу. И перед вами, и передо мной стоит грандиозная задача — жить в соответствии с теми стандартами, которые они установили и на протяжении всей своей жизни ставили превыше всего. Как члены Ассамблеи, вы всегда должны помнить и ни при каких обстоятельствах не забывать, что все мы служим людям этого великого Дома. Каждый раз, принимая очередные законы или решения, вы обязаны убедиться, что все они будут способствовать улучшению жизни граждан нашего общества, даже если это будет идти вразрез вашим собственным интересам. Вы в долгу перед теми, кто дал вам возможность оказаться там, где вы сейчас находитесь. И я хочу напомнить вам их имена — Педеэль Уотсон, Роксберт Боттерилл и Стефан Мичелокакис. Вся жизнь этих — теперь уже бывших — членов Ассамблеи была посвящена становлению и надлежащему развитию нашего народа. И вы просто обязаны поступать также ради тех, кто в свое время придет вам на смену, ради ваших собственных детей и ради ваших потомков. Но, по большему счету, своему присутствию здесь вы, прежде всего, обязаны тем, кто пришел сюда, чтобы поддержать вас. Оглянитесь вокруг, — Джотэм махнул рукой и подождал, пока советники это сделают. — Посмотрите на людей, которым вы с этой минуты служите. Взгляните на все их надежды… и чаяния. И всегда помните, что все, что вы делаете в этом зале, непосредственно повлияет на то, осуществятся ли когда-нибудь их мечты. И все же хочу еще раз напомнить, что даже при всей этой ответственности и обладаемой вами власти, вы не становитесь более важными и значимее тех, кто ныне служит в Коалиции. Они добровольно, рискуя собственными жизнями, избрали путь защиты нашего мира и покоя от кровожадных врагов. А также вы ничуть не важнее тех, кто незаметно служит нашему процветанию своими самыми обыденными делами. Тех, кто со всей душой выполняет свои повседневные обязанности, являющиеся крайне необходимыми для нормальной работы всего нашего общества. Они и оказывающие им во всем поддержку члены их семей не менее важны, чем любой член Ассамблеи или служащий Коалиции. Королева Лата как раз происходила из такого, хоть и не знатного, но весьма достойного и сильного рода! — он услышал единодушный восхищенный вздох, эхом разнесшийся по залу при упоминании Латы. — Очевидно, кто-то считает этих людей простолюдинами. Но хочу вас заверить, что в нашем Доме я не потерплю такого отношения. Когда я смотрю на вас, мой народ, я нигде не вижу ни одного малозначимого человека. Каждый из вас по-своему исключителен. Потому что ежедневно делает исключительные вещи. Никогда не думайте, что ваши дела останутся незамеченными вашим королем! — его речь прервали грянувшие по всему залу аплодисменты, большинство из которых доносились с балконов. Люди, не стесняясь, выкрикивали свое одобрение, а Джотэм приветствовал их легким кивком головы. — Буквально через несколько недель «Хранитель», новый флагман Дома Защиты,

отправится в свой первый тур. Он присоединиться к флоту Коалиции, чтобы защищать нас от наших заклятых врагов. И хотя его капитан, Лукас Зафар, из Дома Защиты, но на этом корабле будут так же служить представители других Домов. Это подлинное воплощение лучших надежд Кариниана! — Джотэм вспомнил свой недавний разговор с Уильямом и решил рискнуть — авось что-нибудь из этого да получится. — Мы — великий народ. И у нас большое будущее. Единственное, что может помешать нам в этом, — это мы сами! — со всех сторон послышался растерянный шепот. — Ни у одного народа не может быть великого будущего, если он не учится на ошибках прошлого. Десять циклов назад один из нас поспособствовал гибели миллиардов людей! — в зале раздались возмущенные голоса несогласных. Джотэм прекрасно знал, о чем они думали: Одрик был из Дома Знаний, а не из Дома Защиты. — Не имеет значения, на какой Дом претендовал Одрик! Он был карнианцем! Одним из нас! И именно это делает всех нас ответственными за его действия! — заявление Джотэма эхом отозвалось в сердцах присутствующих. — Все мы ответственны за его поступки, вызванные чрезмерной жадностью и слепой верой в собственное превосходство. Все мы должны постоянно бодрствовать, чтобы подобное никогда больше не повторилось. Сохранять бдительность ради того, чтобы, спустя многие циклы, когда мы все станем уже историей, — Джотэм приложил ладонь к своему сердцу, — наши потомки, оглянувшись назад, могли радоваться нашим достижениям, а не сожалеть о наших ошибках и неудачах. Выбор всегда будет за вами! — он отошел от трибуны в сопровождении постепенно нарастающих аплодисментов.

К тому моменту, когда он наконец добрался до дверей, намереваясь покинуть собрание, вся Ассамблея стоя и в едином порыве демонстрировала своему королю признание и поддержку.

* * *

— Ну, это была... довольно содержательная речь, — Стефания сделала глоток вина и выключила коммуникатор, по которому они с матерью наблюдали за выступлением короля Джотэма. — Но я весьма удивлена, что он упомянул отца после стольких прошедших циклов.

— Ничего удивительного, ведь твой отец и король Джотэм с большим уважением относились друг к другу, — рассеянно ответила Джасинда, погрузившись в размышления над услышанным. Особенно ее заинтриговала последняя часть его речи.

«И что же он этим хотел сказать?»

За свою жизнь она слышала слишком много подобных речей, чтобы не понять, что Джотэм послал сообщение. Вот только кому?

— Очевидно, я просто раньше этого не понимала.

— И почему тебя это беспокоит? — Джасинда пристально посмотрела на дочь, так как всегда чутко реагировала на ее интонации.

— Просто... я же тебе уже говорила о своих планах.

— Стать первой женщиной, допущенной к службе в Королевскую гвардию?

— Да. И первый шаг — это пройти учебный курс для элитных воинов у капитана Чемберлена. А вот когда я закончу его, то никто не посмеет отказать мне в зачислении. Просто у них не будет для этого никаких оснований. Ведь больше ни у кого не будет такой спецподготовки, как у меня.

— И это все, чего ты хочешь добиться в своей жизни? — Джасинда внимательно следила за реакцией дочери и обнаружила, что удивлена прозвучавшим в ее голосе эмоциям.

— Больше всего на свете! Я не могу этого объяснить, мама, но я обязательно должна попасть туда. И мой разум, и моя интуиция говорят мне, что именно там мое место! Не знаю почему, но у меня по этому поводу нет ни капли сомнений...

— А что, если у тебя не получится?

— Тогда мне придется найти другой, возможно, более трудный путь, который непременно приведет меня туда. Я ни за что не отступлюсь, мама! — Стефания взглянула на мать полными слез глазами, умоляя о понимании.

У Джасинды перехватило дыхание от прозвучавшей в голосе дочери абсолютной убежденности в своей правоте. Сколько времени прошло с тех пор, как она сама была вот так же уверена в правильности выбранного ею пути? Сколько времени прошло с тех пор, как ей приходилось не покладая рук трудиться и всегда чем-то жертвовать ради выбранной цели? Циклы — это точно. С тех пор, как она потеряла Стефана, ничто не могло заставить ее выйти за границу зоны личного комфорта. Если, конечно, не брать во внимание… Джотэма.

Взгляд Джасинды метнулся к теперь уже выключенному коммуникатору.

«Это же не может быть правдой?! Или может?..»

— Мама?

— Прости, дорогая. Я немного задумалась… — Джасинда с трудом оторвала взгляд от темного экрана.

— С тобой все в порядке?

— Все хорошо, не стоит беспокоиться, — Джасинда небрежно махнула рукой. — Если ты веришь, что тебе суждено стать членом Королевской гвардии, то так оно и будет. Я не помню такого случая, чтобы ты, поставив перед собой какую-то задачу, хоть раз не справилась с ней. И я ни секунды не сомневаюсь, что в один прекрасный день буду сидеть там, в первом ряду, и с гордостью наблюдать, как благодаря тебе открывается новая страница в истории нашего Дома, пока тебе на грудь прикалывают отличительный знак Королевской гвардии.

— Спасибо, мама, — поднявшись, Стефания обняла мать. — Ты не представляешь, как дорога для меня твоя поддержка.

— Я всегда буду на твоей стороне, — Джасинда с нежностью прижала ее к себе. — По-другому и быть не может, ведь ты — моя дочь!

* * *

Когда они возвращались во дворец, Джотэм, откинувшись на спинку сиденья «лимизина», наблюдал в окно за проплывающими мимо огнями Печоры. Напротив него сидел Деффонд — всю дорогу молчавший и не сводивший с него глаз.

— О чем думаешь, Николас? — взглянув на капитана своих гвардейцев, Джотэм обратился к тому по имени, давая понять, что сейчас можно говорить без всяких условностей.

— Я бы назвал вашу речь... весьма содержательной.

— Уверен?

— Да. Меня лишь интересует, есть ли реальная угроза, о которой я не знаю?

Джотэм окинул капитана оценивающим взглядом. И почему его удивляет, что Николас сумел уловить едва прозвучавший намек? Ведь тот служит капитаном Королевской гвардии уже пятнадцать циклов. А до этого был его лучшим гвардейцем. Деффонд — как никто другой — хорошо знал манеру общения своего короля и его умение с помощью ассоциаций донести до слушателя нужную мысль.

— Никакой «реальной угрозы» нет. Но Верховный адмирал обнаружил, что Роуг Станник регулярно общался с кем-то из Дома Защиты. И, прежде всего, его интересовал Барек.

— Я немедленно усилю его охрану.

— Нет. Барек в курсе, и я уверен, что он сам справится с этой ситуацией, — Джотэм обратил внимание, что Деффонд нахмурился. — Думаю, эта переписка имеет более

личный характер. Скорее всего, это просто попытка повлиять на выбор принца своей королевы.

— Я не знал, что принц Барек сейчас с кем-то встречается.

— На данный момент нет. Как я уже сказал, он осведомлен об этих передачах и примет все необходимые меры предосторожности.

— И все же, мне было бы намного спокойнее, если бы я увеличил его охрану.

— Хорошо, я поговорю с ним об этом. Но ты же знаешь, Николас, — он не согласится.

— Скорее всего, ваше величество.

— На планете Барек пробудет совсем недолго. А во время тура он вообще не встречается с женщинами. Ты же сам прекрасно это знаешь.

— По-моему Верховный адмирал вел себя точно так же... пока не встретил королеву Кассандру.

Брошенный в огород друга камешек развеселил Джотэма.

— Да, так и есть! Но я сомневаюсь, что Барек может оказаться в подобной ситуации.

— Вам виднее, ваше величество.

— А что ты думаешь об остальной части речи?

— Это было не совсем то, что вы собирались сказать.

— Неужели это было так очевидно?

— Нет, но я был в вашем кабинете, когда вы с Чесни обсуждали вопросы, которые хотели затронуть во время своего выступления.

— Точно, как я мог забыть об этом!..

— Хочу заметить, сир, это была весьма вдохновляющая речь. К сожалению, не всех советников она воодушевила, но для простых людей было важно услышать, что их незаметный для многих труд имеет такое немаловажное значение.

— А кого из советников ты имел в виду, Николас? — потребовал Джотэм.

— Например, Паяри. Боюсь, он не услышал бы ни слова, если бы его супруга постоянно не будила его.

— Не могу понять, по какой причине его до сих пор переизбирают?

— Это все из-за его жены. Некоторые считают, что если их ставленник в Совете будет «королевской» крови, то в первую очередь «услышат» именно их мнение и, причем, не посмеют с ним не посчитаться.

— Глупцы, как же они заблуждаются!

— Мне это хорошо известно. Как, впрочем, и то, что Дантон Мичелокакис не является вашим протеже.

— Чем же я мог спровоцировать подобные утверждения?

— Вы упомянули его отца в числе самых продуктивных советников за дни Вашего правления. Это автоматически укрепило и повысило позицию Дантона в Ассамблее. Теперь даже не имеет значения, что он был избран совсем недавно.

— Да уж, это точно не входило в мои намерения.

— Но именно в этом и уверились многие собравшиеся. Особенно после случившегося на балу.

— А что случилось на балу? — нахмурился Джотэм.

— Принц Барек открыл бал, танцуя с мадам Мичелокакис.

— Он сделал это, чтобы предотвратить нелепые слухи, которые появляются всякий раз после моего танца с одной из жен советников.

— Согласен, скорее всего, это бы так и сработало, если бы вы не выбрали ее для последнего танца. Танца, которого вы избегали со дня смерти королевы Латы. Это не осталось незамеченным.

— Она вдова выдающегося деятеля Ассамблеи. С моей стороны было бы невежливо не потанцевать с ней.

— Согласен, но это был последний танец. Вы, ваше величество, одиноки. Она — не замужем. Это не просто удивило людей. Скорее, дало пищу для размышлений.

— Пусть себе удивляются. Это их право.

— Как скажете, ваше величество.

Джотэм задумчиво смотрел на Деффонда и все больше и больше хмурился. За эти циклы он научился понимать, когда капитан чего-то недоговаривал.

— Николас?..

— Думаю, люди не просто удивляются, ваше величество. Скорее, эта ситуация будоражит их умы.

— Интересно, чем именно?

— Тем, что между вами с Джасиндой, возможно, есть нечто большее, чем вы это показываете.

— С Джасиндой? Ты так хорошо знаком с мадам Мичелокакис, что называешь ее по имени? — Джотэму это явно не понравилось.

— Она настаивала на этом в нашу последнюю встречу.

— Понимаю, — но нет, он не понимал! — Но между нами нет никаких отношений.

— Могу ли я спросить, почему? Джасинда — удивительная женщина.

— Извини?! — Джотэм не привык, чтобы к нему лезли в душу со своими расспросами. Особенно, если это касалось его личной жизни. — Ты переступаешь черту, капитан!

— Прошу прощения, ваше величество, — Деффонд резко замолчал и, глянув в окно, увидел, что они уже въезжают на территорию дворца. — Вы сразу вернетесь в свое крыло, ваше величество, или мне предупредить охрану, что вы отдохнете в своем саду?

Едва взглянув на Деффонда, Джотэм сразу же обратил внимание на его напряженную позу. И признал, что опять слишком остро отреагировал. Он всегда знал, что капитан ради него охотно пожертвовал бы своей жизнью. И что этот вопрос не был попыткой повлиять на его решение. Похоже, не только его советники нуждались в напоминании, что они не имеют права превозноситься над теми, кто ниже их по статусу.

— Думаю, лучше прогуляться по саду. Не хотел бы ты присоединиться ко мне, Николас?

— Как пожелаете, ваше величество.

* * *

Джотэм позволил себе расслабиться и насладиться ароматом цветущих в ночное время растений, пока шел по слабо освещенной дорожке сада.

— Джасинда Мичелокакис действительно удивительная женщина, — не дождавшись от Деффонда ответа, Джотэм обернулся и обнаружил, что тот стоит в нескольких шагах позади него и внимательно осматривает окрестности. — Позволь страже на стенах выполнять свою роботу, Николас. Ты же не на дежурстве.

— Я всегда на службе, сир. По-другому и быть не может.

— Это весьма похвально. Но не мог бы ты немного отвлечься от своих обязанностей? Я пригласил тебя на эту прогулку, чтобы мы могли спокойно поговорить. А не для того, чтобы ты неусыпно меня охранял.

— Хорошо, ваше величество. Если вы этого хотите…

— Однозначно! Итак, Джасинда Мичелокакис…

— Я действительно считаю ее потрясающей женщиной. Сомневаюсь, что вообще когда-либо встречал такую, как она.

— И чем же она тебя так заинтриговала? — Джотэм не смог сдержать своего удивления.

— Во-первых, несмотря на то, что ее жизнь исключительна в плане ее благотворного влияния на судьбы других людей, она — и это поразительней всего — ни в коей мере так

не считает. А самое главное — я сомневаюсь, что стал бы капитаном Вашей гвардии, если бы не ее вмешательство.

— О чем ты говоришь?

— Это был один из первых дней моей службы в Вашей гвардии. В Вашем крыле проходил званый ужин. На него были приглашены лишь некоторые советники со своими женами. Для встречи с каким-то сановником… не помню с кем.

— Но зато ты помнишь Джасинду?..

— Да. В ту ночь я чувствовал себя ужасно плохо. Но постыдился сообщить об этом капитану Резерфорду. Ведь это было мое первое «настоящее» задание! Я не хотел с первых же дней подорвать доверие к себе заявлением о своей болезни. Я стоял на страже дверей обеденного зала и — пока туда вносили блюдо за блюдом — изо всех сил сдерживался, чтобы меня не вырвало. Я уже собирался все рассказать капитану Резерфорду, когда Джасинда, поднявшись со своего места, попросила меня проводить ее до туалетной комнаты.

— Я этого момента… совсем не помню, — Джотэм не мог винить за это свою память: ведь в его жизни было так много ужинов...

— Как только охраняемая мной дверь закрылась, она схватила меня за руку и потащила к туалетной комнате. Затем сунула мне в руку стакан воды и велела все выпить. А потом стала ругать меня, говоря, что все мужчины слишком упрямы, чтобы признать свою немощь. И как я смогу защитить короля, если сам еле держусь на ногах? — Николас улыбнулся при этом воспоминании. — Еще ни одна женщина не отчитывала меня с такой мудростью и таким искренним сочувствием. Ну, если, конечно, не считать моей матушки.

— Да, у Джасинды действительно есть особый талант — она с легкостью может дать понять мужчине, когда тот делает, по ее мнению, что-то невероятно глупое.

— Так и есть. В общем, она отказалась вернуться к столу, пока не убедится, что я смогу продержаться до конца вечера. Мы оба знаем, что Резерфорд — если бы я оставил свой пост — уволил бы меня, не задумываясь. Единственной уважительной причиной он считал лишь необходимость присмотреть за каким-либо гостем.

— Очевидно, Джасинда тоже знала об этом.

— Вероятно.

— И что? Она после этого ни разу не обратилась к тебе? — Джотэм уже знал ответ. — И никогда не просила взамен никаких особых услуг?

— Никогда.

— Все это прекрасно, но у меня уже была спутница жизни, Николас.

— Как и у Джасинды. Но ведь это совсем не значит, что вы больше не можете обрести другую.

— Ты говоришь, как человек, у которого никогда не было спутницы жизни, — в смехе Джотэма не было ни капли веселья.

— Нет, не было. И вряд ли я вообще когда-нибудь найду ее. Мне очень жаль, ваше величество, что я не был знаком — для меня это было бы большой честью — с королевой Латой. И тем не менее, я никогда не поверю, что ей бы понравилось, если вы проведете всю свою жизнь в одиночестве... И не тогда, когда есть женщина, которая вам явно небезразлична.

* * *

Поздним вечером, когда Джотэм уже лежал в своей постели, его мысли вновь вернулись к словам Деффонда, и он по-настоящему задумался над ними.

«Нет! Это просто невозможно!»

— Но почему же? — спросил самый ласковый и самый нежный голос, который он когда-либо слышал.

Подняв голову, Джотэм обнаружил, что лежит вовсе не в своей постели. И даже не во дворце. Он оказался в Академии. В комнате Латы. Прислонившись к стене, вдоль которой стояла ее кровать, Джотэм крепко обнимал свою возлюбленную. Он всегда так делал, когда у них получалось, спрятавшись от всех, провести время вместе.

— Что «почему же»? — спросил он и, закрыв глаза, крепче прижал ее к себе, наслаждаясь теми ощущениями, которые дарила близость такого желанного тела.

— Почему между тобой и Джасиндой не может быть никаких отношений?

— Что?! — глаза Джотэма от удивления широко распахнулись, и он в недоумении взглянул в глаза любимой.

Но сейчас на него смотрели не милые и наивные глазки шестнадцатилетней девушки, а глаза его мудрой, любящей жены — его величественной королевы.

Этот взгляд был ему так хорошо знаком!..

— Почему отношения с Джасиндой для тебя невозможны? — теплая рука Латы прижалась к его груди, прямо напротив безумно колотящегося сердца. Она слегка отстранилась от него. — Я уже с предками, Джотэм, но ты-то нет!

— Это не имеет значения! — его тон был сердитым, но он по-прежнему крепко прижимал ее к себе.

— Ты не прав! — тихий голос Латы, казалось, зазвучал намного сильнее его возмущенного. — Все это было так давно, Джотэм. Ты так много выстрадал без меня! Неужели ты думаешь, что я этого не чувствую? Думаешь, если я ушла к предкам, то больше не связана с тобой?

— Тогда как ты можешь хотеть..?

— Чтобы ты снова стал счастливым? Чтобы снова обрел любовь?

— Хватит! Прекрати!

— Я не собираюсь молчать, любовь моя! Даже не надейся! Потому что я по-прежнему люблю тебя! — Лата обхватила его лицо руками. — Ты был моей первой и единственной любовью, Джотэм. У нас были такие грандиозные планы! Такие великие мечты!

— Мне очень жаль, Лата, что я не смог их осуществить для тебя, — он почувствовал, как на него вновь наваливается сокрушительная тяжесть вины.

— Джотэм, ты сделал это, поверь мне! Разве ты сам не видишь? Было ли все так, как мы планировали? Нет! Но это вовсе не означает, что ты не смог осуществить мои мечты, — она склонила голову набок. — Ты помнишь нашу первую годовщину?

— Я помню, что ты хотела поехать в Массену. Но мы так и не смогли.

— Не вини себя, Джотэм! Ты ничего не мог изменить, ведь у тебя была назначена очень важная для нашего Дома встреча. Мы не смогли посетить Массену, но зато ты принес ее прямо к моим ногам! Ты заставил шеф-повара заказать оттуда все продукты и приказал ему готовить только «настоящие» блюда массенской кухни.

— Они были просто ужасны, — Джотэм слегка улыбнулся, вспомнив какой отвратительной вышла та трапеза.

— Потому что ты забыл спросить его, умеет ли он их готовить. А он о них совершенно ничего не знал, — рассмеялась Лата.

— Я хотел, чтобы это было что-то особенное для тебя.

— Так оно и было. Ведь главное — ты был рядом.

— Я тоже ценил каждую проведенную с тобой минуту!

— И я безумно благодарна тебе за это! Тогда ты высвободил для нас целый день! Посетить Массену мы бы все равно уже не успели. Но это было даже к лучшему! Ты весь день посвятил мне. За это время нас никто не побеспокоил! Мы смеялись, разговаривали, любили друг друга. В тот день мы зачали Барека! Это было такое счастливое время!

— Так оно и было.

— Ты снова можешь стать счастливым, любовь моя. Сможешь снова полюбить. У тебя будет это, если только ты позволишь себе.

— Но мои чувства уже никогда не будут прежними.

— Конечно, нет! Но это еще не значит, что я ошибаюсь, и ты не способен на новые отношения. Любовь — это драгоценный дар. Не позволяй ему пройти мимо!

Глава 11

— Сейчас принесу, мама! — крикнула Стефания, направляясь к входной двери после того, как в нее постучали.

Открыв ее, она на мгновение остолбенела: на пороге стоял капитана Деффонд.

— Лейтенант Мичелокакис.

— Капитан Деффонд.

— Можно мне войти? — спросил он, слегка приподняв бровь.

— О, да, конечно.

— Стефания, кто там?

Деффонд перевел взгляд с девушки на идущую к ним Джасинду.

— Мадам Мичелокакис, — заметив ее неодобрительный взгляд, он тут же исправился: — Джасинда.

— Так гораздо лучше, Николас. Очень рада тебя видеть. Приятный сюрприз. Так что заставило тебя вновь посетить мой дом?

Сунув руку в потайной карман кителя, Деффонд достал запечатанный королем Джотэмом конверт и протянул его Джасинде.

Стефания смотрела на него в замешательстве.

«Чего ради капитан королевской гвардии явился с посланием к моей матери? И почему она так неохотно взяла его?»

Джасинда, помедлив, приняла конверт. Даже не открывая его, она знала — письмо от Джотэма. Это был единственный человек, чье бы послание доставил капитан королевской гвардии.

«И что он хочет мне сказать?»

Сломав на конверте печать, она, чтобы хоть немного уединиться, прошла через комнату к открытой, выходившей в сад двери. И, вытащив сложенный листок бумаги, вгляделась в слова, написанные рукой Джотэма.

«Мадам Мичелокакис.

Не могу не извиниться за то, что на днях разговаривал с вами таким неподобающим тоном. Я знаю, ваши слова были искренними. И мне жаль, что мой резкий тон огорчил вас. Прошу позволить мне загладить свою вину и исправить свою, возможно, непростительную ошибку. Прошу вас поужинать со мной завтра вечером. Жду вашего ответа.

Король Джотэм».

Джасинда перечитала записку, оценив плотность бумаги и почувствовав вонзившееся в палец золотое тиснение стрелы Дома Защиты. Инициалы Джотэма были выбиты вдоль ее ствола. Это говорило о том, что бумага была из его личных запасов. Будучи женой советника, Джасинда повидала достаточно много всевозможных писем и посланий, чтобы знать, что их писали на тонкой бумаге с небольшой стрелкой.

И как ей теперь на это реагировать? Джасинда понимала, почему Джотэм просто не мог не извиниться. Такое грубое поведение — бурная и резкая реакция, открытое проявление злости — было для него абсолютно нехарактерным. Во время обедов, которые она посещала в Ассамблее вместе со Стефаном, ей неоднократно приходилось видеть гневающегося короля. В тех случаях, когда ему приходилось урезонивать какого-нибудь зарвавшегося советника. Но Джотэм всегда делал это так вежливо и так спокойно, что

некоторые даже не замечали в его словах ни малейшего упрека. Король никогда не повышал голоса и не выдавал своих истинных чувств.

Это было именно то, чем Джасинда всегда восхищалась... и время от времени раздумывала над этим. Неужели он действительно стал таким бесстрастным? И таким холодным? Куда делся тот молодой человек, о котором Лата отзывалась как о чувственном романтике?

Во время их непродолжительного совместного обеда Джасинда увидела короля совсем с другой стороны. Но слова в этой записке исходили от хладнокровного, сдержанного человека, с которым она была знакома многие циклы. Его скрытая от других сторона заинтриговала ее — перед ней предстал тот мужчина, которого она хотела бы узнать получше.

На обеде он попросил называть его Джотэмом, а записку подписал как *король* Джотэм. Опять эти смешанные сигналы, не позволяющие ей понять, какие чувства он к ней испытывает и чего добивается. Возможно, он просто хотел поужинать с мадам Мичелокакис, вдовой члена Ассамблеи и матерью новоиспеченного советника, чтобы убедиться, что она не обижена. Или же он все-таки хотел встретиться с Джасиндой как с женщиной, в которой заинтересован?

Она никак не могла понять: какая из этих двоих ему нужна?

«Неужели я действительно собираюсь сблизиться с Джотэмом?»

Безусловно, это был весьма привлекательный мужчина. К тому же у них была долгая совместная история. Хотя Джотэм только теперь задумался об этом. И, нельзя не отметить, у них было много общего. Оба потеряли своих спутников жизни. Оба выросли среди политиков. Оба были вовлечены в политическую жизнь Кориниана. И оба знали, что это дорога с односторонним движением.

Джасинда нашла взглядом цветущий в саду великолепный розовый куст, унаследованный некогда ее матерью. Тот самый, что она пересадила сюда после ее смерти. Ее немного пугало, что «мать» может не прижиться в ее саду. Ведь раньше та обитала только в Доме Исцеления. Джасинда до сих пор помнила свое изумление, когда куст впервые зацвел. На корне, который дала ей мама, распустились фиолетовые бутоны, как, впрочем, и у Латы. И тут же вспомнила, как от огорчения позвонила матери.

Ее мама тогда рассмеялась и сказала, что это уникальное свойство данного растения. Его цветы будут соответствовать цвету именно того Дома, где его посадили. И все же «мать» не стала полностью фиолетовой. В следующий раз она была усеяна золотистыми бутонами цвета Дома Исцеления. И лишь после смерти Стефана куст начал менять расцветку: к насыщенной позолоте добавился фиолетовый цвет Дома Защиты.

Джасинда была в недоумении: как такое вообще было возможно? И сожалела, что не у кого было спросить. Ее мамы давно не было в живых. Но знала ли та, что это случиться? А если так, то почему ничего не сказала?

Но сейчас было не до этого. Джасинда просто пыталась отсрочить то дело, от которого — она прекрасно это понимала — невозможно было уклониться. Обернувшись, она увидела, что капитан с ее дочерью наблюдают за ней.

— Стефания, пока я буду отвечать на это, — она помахала письмом, — не могла бы ты развлечь Николаса? Там есть немного вина, — она указала на бутылку, которую открыла буквально перед его приходом. — Я ненадолго, — с вымученной улыбкой она вышла из комнаты.

* * *

— Так вы собираетесь «развлекать» меня, лейтенант? — Деффонд не мог поверить, что открыто флиртует с дочерью Джасинды.

Девушка была членом Коалиции. Ее брат — членом Ассамблеи. И вдобавок ко всему, она была почти на десять циклов моложе его.

Стефания в шоке посмотрела на него. Конечно, ей и раньше доводилось общаться с мужчинами. И даже довольно влиятельными. Ее мама была удивительно красивой женщиной, и дочь постоянно сравнивали с ней. Для мамы ее изумительная красота была явным преимуществом. Для Стефании же — досадной помехой. Большинство мужчин привлекала в ней лишь ее внешность. Они частенько отказывались верить, что за красивым фасадом может скрываться что-то действительно ценное. И ей приходилось бороться с таким отношением еще со времен Академии. Но вот столкнуться с этим снова — в лице капитана Королевской гвардии — было довольно болезненно. Намного больнее, чем она могла предположить.

— Я никого не «развлекаю», капитан, — огрызнулась она.

— Конечно, нет! Простите, лейтенант, я не хотел вас обидеть... — он глубоко вздохнул и заставил себя продолжить: — Вы, конечно, в первую очередь красивая женщина, но это не оправдывает моих слов. Вы — член Коалиции. Причем, многократно награжденный. Я посмел намекнуть на меньшее из всех ваших достоинств, но оскорбил, прежде всего, самого себя.

— Вы проверяли меня?

— Я... да. Вы — дочь Стефана и Джасинды Мичелокакис. Ваш брат стал членом Ассамблеи. Это часть моей ответственности — знать о каждом, кто приближен к королю.

— Так вы проверяли меня из-за этого?

— Отчасти.

— А другая часть?

Николас поймал себя на том, что изо всех сил старается удержать свой взгляд на лице девушки.

— Это был сугубо личный интерес, — наконец признался он.

У Стефании перехватило дыхание. Если бы Николас не был капитаном Королевской гвардии, она бы давно уже постаралась сблизиться с ним. За последние несколько дней она только о нем и думала. Но ради достижения своей заветной цели, она должна была сопротивляться несвоевременно зарождающимся чувствам.

— Тогда вы знаете, что я делаю на Кариниане.

— Вас зачислили на первый экспериментальный курс под руководством капитана Чемберлена. Это говорит о высоком уровне ваших способностей. Я встречался с Питером Чемберленом. Это удивительный человек с уникальными профессиональными навыками. Любой, прошедший у него обучение, будет бесценным кадром по месту выбранной им дальнейшей службы.

— Надеюсь, когда я подам заявление в Королевскую гвардию, вы не откажетесь от своего мнения.

— Что?! — Николас резко отступил назад, до глубины души потрясенный ее словами. — Вы... ты хочешь стать членом Королевской гвардии?!!

— Да! — Стефания стояла, гордо распрямив спину, и с некоторым высокомерием смотрела на мужчину.

— Но...

— Но что?

— Ты же...

— Что я? Женщина? Вы хотите сказать, что как женщина я не смогу защитить своего короля?

— Стефания! Хватит! — голос Джасинды прорвался сквозь растущее между ними — словно летевший с горы снежный ком — напряжение.

* * *

Джасинда вошла в свою спальню. Точнее сказать, бывшую совместную спальню ее и Стефана. Она подошла к письменному столу, за которым он раньше постоянно работал. Сев в кресло, она выдвинула ящик стола, достала лист бумаги и написала ответ Джотэму.

После минутного колебания, справившись с глодавшим ее разочарованием, она запечатала конверт и вернулась в гостиную, где ее ждало небольшое потрясение от услышанной перепалки.

— Стефания! Перестань!

— Мадам Мичелокакис, это моя вина, — заговорил первым капитан.

— Прошу прощения?

— Мои... слова, обращенные к вашей дочери, были неуместными и нетактичными. Прошу меня простить, лейтенант, — Деффонд сухо поклонился Стефании. — Если вы уже написали ответ, позвольте откланяться. Я незамедлительно передам его королю.

— Да, — протянув конверт, Джасинда обнаружила, что ей совершенно не хочется отдавать его, как, впрочем, совсем недавно не было желания принимать королевские извинения. — Для меня это чудесный подарок — снова повидаться с тобой, Николас. Пожалуйста, не сторонись нас. Помни, ты всегда желанный гость в этом доме. Мое расположение к тебе не зависит от того, что еще может произойти в нашей жизни.

— Спасибо, Джасинда. Возможно, я вскоре воспользуюсь вашим приглашением.

— Надеюсь, что это так, Николас. Чем дольше я живу, тем больше дорожу теми, кого считаю друзьями. Всего хорошего.

— И вам того же. Лейтенант, — капитан еще раз поклонился, повернулся и вышел.

* * *

— Мама, что происходит?

— Что ты имеешь в виду, Стефания?

— Зачем приходил королевский капитан? — она указала на дверь, через которую вышел Деффонд. — Что за послание он тебе передал? От кого оно?

— Стефания, ты умная, интеллигентная женщина. Думаю, мне незачем объяснять тебе вполне очевидные вещи.

— Мама! — девушка провела рукой по волосам. — Ты хочешь сказать, что это послание было от короля Джотэма?

— Как я и сказала: умная и сообразительная, — Джасинда подошла к столику и сделала глоток вина из своего бокала.

— Но зачем он послал тебе личное сообщение? Ты же больше не участвуешь в собраниях Ассамблеи?

— Не участвую, ты права.

— Так к чему тогда личное сообщение? И почему его доставил сам королевский капитан? Если бы это была любая другая женщина, только не ты, я бы подумала...

— И что бы ты подумала?

— Ну, что между ними были какие-то... личные отношения.

— Ты не можешь допустить, что король Джотэм захочет сблизиться со мной? — Джасинда подняла бровь, скептически глядя на дочь.

— Мама, ты хочешь сказать?..

— Нет. Ничего такого. Но мне интересно, ты считаешь невозможным или недопустимым нашу личную связь с Джотэмом?

— Я... а… ну... ты же моя мама.

— Я знаю об этом.

— А он — король.

— И об этом тоже знаю. Но прежде всего, Стефания, он мужчина. Мужчина с колоссальной ответственностью. Мы знакомы еще со времен учебы в Академии. У нас с ним много точек соприкосновения. Очень много.

— Да, и все же...

— И все же что?

— Я... наверное, просто никогда не представляла тебя с кем-то еще, кроме папы. Я имею в виду, я понимаю, что он ушел за грань десять циклов назад, и все же...

— Я всегда буду любить твоего отца, Стефания. Он был моим верным спутником жизни. Но это вовсе не значит, что я хочу до конца своих дней оставаться одна. Не думаю, что Стефан желал бы мне этого.

— Я знаю, но... Джотэм?

— Расслабься, между мной и королем нет ничего личного, — после произнесенных слов Джасинда заметила, как расслабилось тело дочери.

— Тогда к чему вся эта секретность?

— А ты взгляни сначала на свою реакцию на вполне обычное извинение, а потом представь, что подумают остальные, если узнают.

— Извинения? За что это король извинялся перед тобой?

— Небольшое недоразумение. Надеюсь, теперь оно разрешилось. Давай оставим это, Стефания.

* * *

Сидевший в своем саду Джотэм, молча разглядывал конверт, доставленный Деффондом. Потребовалось два дня, чтобы он решился написать Джасинде. Два дня он обдумывал все, что сказали ему Уилл, Чесни и Николас. Но главным образом его мысли постоянно кружились вокруг сна, в котором он беседовал с Латой.

Неужели он действительно разговаривал с Латой, как когда-то Уилл с Кайденом? Или же это его разум подкинул те слова, что ему так хотелось услышать? После долгих колебаний он все же решил, что самое меньшее, что он может сделать в этой ситуации, — это извиниться за свое бестактное поведение. А уже ответ Джасинды определит его дальнейшие действия.

Открыв конверт, он вытащил единственный листок бумаги и прочел.

«Ваше Величество.

Благодарю Вас за Ваши извинения, но в них нет необходимости. Это именно я должна сожалеть о том, что переступила границы приличия и доставила вам душевный дискомфорт. От Вас не требуется никаких извинений. Можете быть уверены, инцидент исчерпан и забыт. Пусть предки присматривают за вами.

Мадам Мичелокакис».

Джотэм перечитал холодные безликие слова и почувствовал боль, не похожую ни на одну из тех, что он испытывал последние циклы. А, возможно, вообще никогда. Джасинда была категорична в своем отказе. В ее письме это прозвучало четко и ясно. Она не собиралась ужинать с ним. Или заняться с ним чем-то еще, помимо этого.

Поднявшись, Джотэм обнаружил, что идет в центр сада к розовому кусту Латы. Это был самый великолепный экземпляр среди огромного числа собранных здесь экзотических растений. И он знал, что Лата хотела бы видеть его именно таким. Знать, что он до сих пор процветает.

Подарок от матери Джасинды.

Дар.

Как и любовь.

Джасинда знала, что ее мать любит Лату, как родную дочь. Она знала и об этом подарке. Но это ничуть не расстраивало ее. Чувства к ребенку, который не принадлежал к их семье. А вот Джотэм так и не смог полюбить собственного сына. Правда, мальчика родила не его любимая Лата, а совсем другая женщина. И Дадриан — хотя не понятно

откуда — всегда знал о его холодности. Очевидно, это и стало причиной его предательства. И как же все это характеризует самого Джотэма? Почему он не смог одарить отцовской любовью и полноценным принятием своего собственного ребенка?

Джасинда права. И приняла правильное решение. Ей не стоило связываться с таким черствым человеком. Человеком, не способным на настоящие чувства.

Развернувшись, он отошел от куста, даже не заметив, что тот слегка поник.

* * *

Во время завтрака — несколько недель спустя — Джасинда с легким замешательством обнаружила себя неотрывно следящей по коммуникатору за выступлением Джотэма. Стефания уехала в Кисурри. Дантон был занят в Совете, а Итан со своими детьми посетил ее в начале недели. Жизнь вернулась в свое привычное русло.

Так почему она так расстроена?

Всматриваясь в его лицо — трансляция шла с космической станции «Беринг» — Джасинда сделала вывод, что церемония крещения нового флагмана длилась уже целый час. Ей показалось, что поднимавшийся на трибуну король выглядит слишком усталым. Он стоял перед панорамным окном, из которого открывался великолепный вид на готового отправиться в свой первый рейс «Хранителя».

— Уже на протяжении многих тысяч циклов наши люди бороздят просторы космоса. Мы создали корабли, способные переносить нас даже в самые дальние уголки Вселенной. И как в старые добрые времена мы каждому из них даем название. Ведь на многие циклы они становятся вторым домом — полностью обеспечивающим всем необходимым — для людей, находящихся на борту так далеко от Кириниана. Сегодня мы собрались, чтобы окрестить «Хранителя». Пусть предки присмотрят за теми, кто полетит на нем, и вернут их нам в целости и сохранности.

Все присутствующие смотрели, как бутылка лучшего шампанского, произведенного в Доме Защиты, вылетела из пусковой трубы и разбилась о корпус «Хранителя». Он начал медленно отстыковаться от космической станции. А все приглашенные на церемонию провожали его бурными аплодисментами и поздравительными тостами.

Наклонившись вперед, Джасинда отключила комм и мысленно вознесла молитву предкам, чтобы те присмотрели за храбрыми душами, что находились на «Хранителе». Чтобы они все вернулись домой целыми и невредимыми. А если предки особо позаботятся о принце Бареке, она будет бесконечно благодарна им за это. Ведь она боялась, что Джотэм не сможет пережить потерю еще одного сына.

* * *

— Ты выглядишь усталым, мой добрый друг, — Уильям откинулся на спинку кресла в своем кабинете на «Беринге».

— Я в порядке. Как у тебя дела? Ты волнуешься за своего первенца, ставшего командиром флагмана Дома Защиты?

— Думаю, с Лукасом все будет в порядке. Никто бы не позволил ему занять такую ответственную должность, если бы не верил в его силы.

— Согласен. Но ему теперь придется управляться самому, без твоей поддержки.

— Как, впрочем, и Бареку. Они оба бывали в подобных рейсах. С ними все будет в порядке. Особенно, когда рядом Виктория.

— Да, она будет держать их в ежовых рукавицах, — с улыбкой согласился Джотэм.

— А то, с чем не справится Виктория, сделает Амина.

— Амина? Она тоже на «Хранителе»?

— Да, — Уильям нахмурился, заметив непонятную реакцию Джотэма. — Ее программа обнаружения корабля-невидимки мятежников почти завершена. Осталось

лишь протестировать ее в реальных условиях. Амина настояла на личном присутствии на борту, чтобы своевременно подправить любые недоработки, которые могут обнаружиться.

— А почему меня не поставили в известность? — возмутился Джотэм. — Барек?

— А тебе-то зачем это? И почему сразу Барек? Это вопрос Коалиции, — когда Джотэм открыл рот и тут же его закрыл, Уильям вопросительно поднял бровь. — И чего ты не договариваешь, Джотэм?

— Я ни в чем не уверен.

— Чушь собачья! Ты позволил себе усомниться в должном подборе кадров, которые вообще тебя не касаются. Тебе не кажется, что ты ведешь себя слишком самоуверенно?

— Амина — член Дома Защиты. Одна из моих людей. Я всегда беспокоюсь о них.

— Но она также член и Дома Знаний. А Кассандра вообще считает ее своей племянницей. Неужели ты думаешь, что я могу подвергнуть опасности того, кого любит моя жена?

— Нет...

— Но... Я слышу это «но», Джотэм. Что происходит? С чего бы это Бареку проявлять интерес в этом вопросе? — *«Зачем Бареку интересоваться этим»,* — подумал Уильям, и тут его осенило. — О, Барек заинтересован? — он приподнялся со своего кресла. — В Амине?

— Думаю, да, — наконец признался Джотэм. — Садись, Уилл. Барек не признался в этом, но... Я знаю своего сына. Я видел, как он смотрел на нее во время церемонии союза Виктории и Лукаса. Как он мгновенно встал на ее защиту, когда ворвался Станник.

— Ты видишь в этом какие-то проблемы?

Выражение лица Джотэма говорило именно об этом.

— Нет. Да. Черт возьми, Уилл, она так молода!

«Ну вот, наконец-то я смог сказать это».

На самом деле он не считал Амину недостойной своего сына, Барека. И его вовсе не беспокоило, что она живет сейчас в Доме Знаний. Вся проблема была в ее возрасте.

— Она того же возраста, что и Лата, — тихо сказал Уильям.

— Не стоит мне напоминать об этом. Хочешь сказать, все закончилось прекрасно?

— Джотэм... — Уилл сочувственно посмотрел на друга. — Лата умерла не из-за своего возраста. Она погибла, попав под оползень.

— Но ее там не должно было быть! — Джотэм вскочил на ноги. — В это время она должна была находиться во дворце, в безопасности.

— Жизнь — это риск, Джотэм, — Уильям смотрел, как его друг нервно расхаживает по комнате. — Ты должен отпустить это. Какой в этом смысл?

— Ты бы почувствовал себя так же, если бы это была Кассандра?

— Джотэм, на «Возмездии» я сидел возле ее бездыханного тела. Валериан напал на нее во время Испытания. Ты не знаешь, через что ей прошлось пройти, чтобы освободить Сабах. Неужели ты думаешь, что я не чувствовал того же, что все эти циклы чувствуешь ты? Мне просто повезло, что я не потерял свою женщину.

— Знаю, чувствовал, — согласился с ним Джотэм.

— На самом деле, что с тобой происходит, Джотэм? Я не думаю, что ты волнуешься сейчас из-за Амины с Бареком. Уверен, это из-за тебя и Джасинды.

— Нет никаких «меня и Джасинды».

— Почему это нет? — когда Джотэм не ответил, Уильям нахмурился. — Джотэм, ответь прямо, почему нет тебя и Джасинды?

— Потому что именно она не захотела этого. Я облажался. В саду. Я послал ей письмо с извинениями. Ее ответ был очень холодным. Она дала мне понять, что не заинтересована в продолжении наших отношений.

— Ты послал ей письмо?.. — Уильям даже не пытаясь скрыть своего неверия.

— Да, — Джотэм бросил на него растерянный взгляд. — А что мне еще оставалось делать?

— И как ты подписал его?

— «Король Джотэм», как же еще?

— Серьезно? — Уильям бросил на друга раздраженный взгляд. — А в письмах Лате ты так же подписывался?

— Конечно же нет! Когда мы встречались, я еще не был королем.

— Не говори глупостей, Джотэм. Ты прекрасно понимаешь, что я имел в виду.

Джотэм снова принялся расхаживать по комнате.

— Я подписывал их «Джотэм», — наконец признался он.

— Почему?

— Как почему? Это же была Лата. И это было личное. Она никогда не воспринимала меня на уровне моего общественного статуса.

— А Джасинда воспринимает?

— Нет, — снова признался Джотэм.

— Тогда зачем ты послал ей королевское извинение вместо личного? — откинувшись на спинку стула, Уильям сцепил пальцы в замок и положил на них подбородок. — Ты также назвал ее «мадам Мичелокакис», не так ли?

— Да.

— И ты действительно ожидал от нее теплого ответа?

— Я...

— Ты просто защищался, Джотэм, — Уильям встал, подошел к столу и, присев на краешек, скрестил руки на груди.

— Я защищался?

— Конечно. Любой мужчина побоится оказаться отвергнутым, особенно такой привлекательной женщиной, как Джасинда. Я до сих пор помню свои чувства, когда она отвергла меня.

— Что? — Джотэм остановился и в шоке уставился на своего давнего друга. — Когда? Она овдовела всего десять циклов назад. Ты был женат на Кассандре все это время!

Уильям скептически поднял бровь, заметив, каким возбужденным внезапно стал Джотэм. Даже кулаки сжал. О да, его друг серьезно заинтересовался Джасиндой Мичелокакис.

— Расслабься! — приказал Уильям, сдерживая рвущийся наружу смех. — Это было очень давно. Тогда мы еще учились в Академии.

— В Академии? — Джотэм нахмурился, пытаясь хоть что-то вспомнить. Его кулаки разжались. — Ты сказал, что помнишь ее. Ты никогда не говорил, что встречался с ней.

— Разве ты не слышал, как я сказал, что она отвергла меня?

— Она отвергла тебя? Но когда? Я даже не помню, чтобы ты преследовал ее.

— Да. Это было прямо перед ее выпуском. А не помнишь ты лишь потому, что я никогда не преследовал ее. Просто я совершенно случайно оказался рядом с ней в кафетерии.

— Случайно посидел рядом? — теперь была очередь Джотэма не поверить другу.

— Ладно, я пошел за ней и сел рядом, — засмеялся Уильям. — Она была просто прекрасна. Хотя и делала все возможное, чтобы казаться менее заметной.

— Никогда не замечал ее.

— Все потому, что у тебя была Лата, а Джасинда старалась избегать тебя... как, впрочем, и меня.

— Но почему?

— Я тоже хотел это знать. Ведь, в конце концов, я был довольно красивым парнем. А она была очень красивой девушкой. Все должно было произойти само собой.

— Признайся честно, об этом ты тогда умолчал, — Джотэм поймал себя на том, что улыбается при этой мысли. Даже он знал, что с такими откровениями к девушкам лучше вообще не подходить.

— Естественно, — Уильяма задело, что Джотэм мог предложить подобное. — Тогда я был слишком доволен своей жизнью, помнишь?

Они оба рассмеялись, вспомнив, что Уильяма в Академии считали плейбоем.

— Да, все девчонки просто обожали тебя.

— Это точно. Все, кроме Джасинды.

— Это стало для тебя вызовом?

— Да, в свои семнадцать я был слишком самоуверенным.

— Думаю, мы все были такими, так ведь?

— Ну да. Джасинда поставила меня на место. Разумеется, очень вежливо, — Уильям нахмурился, вспоминая тот их разговор. — Знаешь, мне кажется, это был мой первый серьезный разговор с женщиной. И я уверен, что после него взглянул на свое будущее совсем другими глазами.

— О чем ты говоришь, Уилл?

— Джасинда... совершенно не отреагировала ни на один из моих самых изощренных комплиментов, и тогда я спросил ее напрямую: почему она отвергает меня. И знаешь, что она ответила?

— Ну...

— Она сказала, что, несмотря на то, что я очень красивый, умный и интеллигентный парень, у нее нет ни малейшего желания стать женой Верховного адмирала.

— Прям так и сказала?

— Да, удивительно, не правда ли? Она смогла так четко увидеть мое будущее... До этого момента я никогда особенно не задумывался о таких вещах. Просто хотел служить на флоте. Я даже мысли не допускал, что когда-нибудь смогу занять такую высокую должность, — он оглядел свой кабинет. — Если честно, я никогда не верил, что способен на подобное. А вот Джасинда поверила. После этого разговора я вплотную занялся учебой и стал относиться к нашим занятиям гораздо серьезнее.

Джотэм несколько мгновений молчал, вспоминая то время. Как на пятом курсе внезапно изменился Уилл. Тот всегда был в десятке лучших курсантов, но тут вдруг взял и в одночасье всех превзошел. Этот парень побеждал во всем, в чем бы ни участвовал. На стенде Академии до сих пор висит его фотография.

— Очевидно, Джасинда увидела тебя настоящего, а не то, каким ты старался казаться.

— С тобой, думаю, та же история. Она видит тебя именно таким, какой ты есть на самом деле. Сначала мужчина, а потом уже король. Ну, если, конечно, ты сам не вынудишь ее смотреть на тебя иначе.

— Боюсь, именно это я и сделал своим письмом. То, как я подписал его.

— Да, — Уильям смотрел на своего друга и напряженно думал, что сказать ему. А потом решил, не заморачиваясь, сказать все, как есть. — Я знаю тебя всю свою жизнь, Джотэм. Мы шли бок о бок и в хорошие времена, и в плохие.

— Так и есть.

— Знаешь, что всегда меня больше всего в тебе восхищало? Твое непоколебимое упорство. Как только ты принимаешь решение о чем-то или в отношении кого-то, то все. Ты — крепкий орешек. Нет, я вовсе не хочу сказать, что ты становишься упертым как баран и не способен измениться, если того требуют обстоятельства. Но там, где это важно, ты всегда непоколебим. Ты знал, что Лата — твоя королева с того самого момента, как увидел ее. И, несмотря на серьезное давление со стороны, так и не изменил своего мнения. Ты твердо стоял рядом со мной, когда я прибыл на Кариниан с Кассандрой. Хотя мы оба знали, что у тебя были по этому поводу сомнения. И все же ты сделал это, зная, что для меня это крайне важно.

— Мне кажется, тогда я не был полностью согласен с твоим решением.

— Это вполне объяснимо. Ты же мой друг. Даже больше, чем друг. И ты беспокоился за меня. Позволь же теперь позаботиться о тебе.

— В каком смысле?

— Прикажу тебе преследовать Джасинду.

— Ей это неинтересно, Уилл, — Джотэм, почувствовав укол разочарования, быстро отвел взгляд от своего старого друга.

— Ее не интересует король, — подчеркнул Уильям. — Но ее, безусловно, интересуешь ты. Просто Джотэм. Я никогда прежде не видел, чтобы ты отступал от чего-то из-за предстоящих трудностей. Думаю, сейчас именно тот случай.

— А что, если все закончится неудачно?

— Ты бы отказался хоть от одного проведенного с Латой дня, зная, что это плохо закончится?

— Нет.

— Так не делай этого с Джасиндой. Она зрелая женщина, которая точно знает, кто она и чего хочет. Она не станет играть с тобой в игры, Джотэм. Она скажет все, что думает на самом деле. Ты сможешь с этим справиться?

— Ты говоришь так, словно никто никогда не говорил мне «нет». Как будто все только и делают, что склоняются передо мной.

— Конечно, ты как всегда прав, мой король, — ухмыльнулся Уильям и, встав по стойке смирно, склонился перед Джотэмом, как подобает чтить короля.

Джотэм резко выбросил руку и с силой пихнул друга.

— Ты просто идиот, Уилл. И как только Кассандра тебя терпит?

— Она меня любит, — рассмеялся тот, но тут же стал серьезным. — Рискни, Джотэм. По крайней мере, тогда ты будешь знать наверняка.

Глава 12

— Джасинда? — она обернулась, когда Маиша окликнула ее по имени.

— Маиша, ты еще здесь? Я думала, ты уже уехала к внукам. Ты же отпросилась на несколько дней.

— Я как раз собиралась уходить, но тут зазвонил коммуникатор.

— Он звонил? — Джасинда поспешно поднялась и отряхнула грязь с коленок. — Я не слышала.

— Да, не важно... Я пообещала ему найти тебя.

— Ему?

— Да... Королю Джотэму.

— Король Джотэм на связи?

— Да, — Маиша бросила на нее задумчивый взгляд.

Джасинда не спеша сняла перчатки и направилась к дому.

— Все в порядке. Спасибо, Маиша. Желаю тебе хорошо провести время с внуками.

— Увидимся через несколько дней.

Маиша работала на Джасинду и Стефана большую часть своей жизни. С Джасиндой у них были вполне дружеские отношения, но Маиша всегда знала, что есть вещи, которыми с ней не станут делиться. Очевидно, это был один из таких случаев.

— Хорошо, — рассеянно бросила на ходу Джасинда и зашла в дом. Ей не понравилось, что она не смогла пройти мимо зеркала, не заглянув в него. Ей почему-то захотелось убедиться, что она выглядит вполне привлекательно. Сделав глубокий вдох, она села перед коммом. — Король Джотэм, — поприветствовала она мужчину, заставив себя изобразить на лице благодушие, — чем я обязана этому неожиданному звонку?

— Привет, Джасинда, — Джотэм с жадностью изучал ее лицо, любуясь нежным и чуть влажным блеском ее бархатистой кожи. Он сделал вывод, что она только что зашла с улицы. И с сожалением отметил, что ее глаза смотрят на него довольно холодно. Это говорило о том, что она до сих пор сердится на него. — Как поживаешь?

— Я в порядке. А вы? — из вежливости спросила она и тут же отметила, что он выглядит еще более уставшим, чем раньше.

— У меня все нормально. Я только что вернулся с «Беринга».

— Да, я видела крещение.

Она замолчала, и между ними возникла неловкая пауза.

— Джасинда... — Джотэм закрыл глаза и потер виски. — Прости меня за мое нетактичное поведение в саду. И за записку, которую я отправил тебе.

— Вы извиняетесь за свои извинения? — Джасинда поймала себя на том, что поддразнивает его, желая немного ослабить давление, которое он явно испытывал.

— Нет! — он поймал ее взгляд через коммуникатор. — Я просто сожалею о том, как доставил его тебе.

— Это сделали не вы, а Николас, — у нее перехватило дыхание, и она замерла от восхищения, встретившись взглядом с удивительными фиалковыми глазами.

Она совсем забыла, какие они у него невероятно красивые.

— Ты что, дразнишь меня, Джасинда Мичелокакис?

— Очевидно, не очень удачно, раз вы спрашиваете.

— Означает ли это, что ты готова простить меня? — на его лице промелькнула надежда.

— Мне нечего прощать. Это я переступила черту.

— Нет, ты просто проявила беспокойство и заботу, как и подобает настоящему другу. Мои отношения с Дадрианом... слишком сложные, и мне бы не хотелось обсуждать их прямо сейчас. Джасинда, мы можем на время забыть об этом?

Ее взгляд скользнул по лицу Джотэма. Она слышала искренность в его голосе. Видела ее отражение в его глазах. Джасинда никогда не теряла ребенка. Кто она такая, чтобы судить того, кто справлялся с подобным горем так, как мог?

— Конечно можем, — тихо согласилась она.

— Спасибо, — Джотэм почувствовал неимоверное облегчение и решил немного надавить, воспользовавшись ее покладистостью. — Поужинай со мной сегодня вечером.

— Король Джотэм...

— Джотэм, — перебил он ее. — Пожалуйста, Джасинда. Зови меня по имени.

Она отвела взгляд и глубоко вздохнула. Джотэм затаил дыхание. Он понимал, что сейчас ее слова определят, как будут развиваться их дальнейшие отношения.

— Хорошо, — она посмотрела ему прямо в глаза, — Джотэм.

— Отлично, так ты поужинаешь со мной сегодня?

— Джотэм, не думаю, что это хорошая идея.

— Но почему?

— Почему? Потому что ты — король.

— И что?

— Как что? — разволновалась Джасинда.

Джотэму понравился вспыхнувший на ее щеках румянец. Он обнаружил, что ему нравится смущать Джасинду Мичелокакис. Ему захотелось проверить, как далеко в этом он сможет зайти.

— Хорошо. Скажем так. Я был королем большую часть своей жизни. Но это вовсе не значит, что я добивался этой должности или сделал что-то особенное, чтобы заслужить ее. Все получилось само собой, как данность.

— Возможно, ты ничего и не делал, чтобы заслужить это, Джотэм. Но за последние сорок циклов ты доказал, что действительно достоин. Все это время, благодаря твоему мудрому правлению, Дом Защиты процветает. Сила любого монарха подвергается подобному испытанию. И уважением пользуется лишь тот, под чьим руководством жизнь его подданных стала намного лучше, чем была вначале. А это именно то, чего ты сумел добиться для Дома Защиты.

От такой пылкой речи Джотэм даже слегка растерялся. Неужели все эти циклы он нуждался именно в таких искренних словах? С тех пор, как умерла его Лата? Абсолютная поддержка от того, кому было хорошо известно, что он далек от идеала. От того, кто готов был увидеть в короле обычного человека.

— Спасибо, Джасинда. Ты даже не представляешь, что эти слова значат для меня. Особенно, если их говоришь ты, — он мгновение помолчал. — Поужинай со мной сегодня вечером.

— Джотэм...

— У тебя уже есть планы?

— Нет, но...

— Тогда поужинай со мной. Избавь меня от жалкого ужина в одиночестве.

— О, пожалуйста, Стаффорд никогда не готовил что-то настолько неприятное.

— Верно, но в одиночестве вся пища становится именно такой.

У Джасинды приоткрылся от удивления рот, когда на экране Джотэм надул щеки, словно обиженный ребенок. Это было просто восхитительно. Весьма неожиданно. И довольно мило.

— Неужели этот взгляд безошибочно действовал на Лату? — слова бездумно слетели с ее губ, и Джасинде захотелось как следует пнуть себя, когда его лицо превратилось в непроницаемую маску.

Черт побери, она опять сделала это. Ведь она знала, что Джотэм не может говорить о Лате так же спокойно, с какой легкостью она вспоминала Стефана. Как можно все время забывать об этом?

Джотэм заставил себя глубоко дышать, чтобы не сорваться и не уйти в глухую оборону, как он делал это последние тридцать циклов. Джасинда не пыталась его обидеть. Она заботливая и любящая женщина. Она всегда открыто говорила о тех, кого любила и о ком заботилась. Даже если эти люди уже давно ушли к предкам.

— В большинстве случаев, — наконец признался он, бросив на нее немного смущенный взгляд. — Это помогло нам избежать многих ссор и конфликтов, когда мы только начали встречаться.

— Теперь я понимаю, каким образом тебе это удавалось, — немного помолчав, Джасинда все же решилась кое-что добавить. Она знала, что стоит сказать ему об этом. — Этот взгляд действительно работает безошибочно.

— Значит, сегодня вечером ты будешь ужинать со мной? — Джотэм даже подпрыгнул от нетерпения.

— Джотэм, ты же не сможешь так быстро изменить свое расписание.

— Почему нет? Я же король, — он улыбнулся, услышав ее заразительный смех.

— Разумеется, это так. Но боюсь, все эти люди довольно долго ждали возможности встретиться с тобой. Ты не можешь просто так взять и все отменить.

Улыбка Джотэма тут же угасла, а в глазах отразилась вселенская грусть.

— Ты права, но я все равно хочу поужинать с тобой.

— Как насчет позднего ужина? После всех запланированных встреч? Лучше скажи, когда ты закончишь, — Джасинда увидела, что он опустил глаза, и поняла, что он сверяется со своим расписанием.

Джотэм нахмурился.

— Последняя встреча назначена на девять.

— Серьезно? Чесни планирует твой рабочий день до девяти вечера? — с возмущением сказала она, вот только Джотэм не понял, кем она была недовольна.

— У короля не может быть нормированных часов, — попытался оправдаться он.

— Конечно, король должен заботиться о своих подданных двадцать четыре часа в сутки, но лишь в чрезвычайных ситуациях или в весьма сложных обстоятельствах. И это определенно не имеет отношения к ежедневным встречам. Они-то уж точно не должны

проходить так поздно! Чесни должен понимать, что помимо общественных обязанностей у тебя должна быть и своя личная жизнь! Что тебе нужно время...

— Джасинда! — Джотэм оборвал ее гневную тираду.

— Что?

— Это я попросил Чесни составить такой график.

На несколько мгновений воцарилось молчание.

— Но зачем? — с явным смущением спросила она.

— Занятость отвлекает меня от грустных мыслей, — признался он.

— Джотэм...

— Поужинай со мной.

— У тебя же назначена встреча.

— Тогда раздели со мной десерт. Я попрошу Саффорда приготовить торт с помадкой.

— О, ты играешь нечестно.

— Я готов нарушить все правила, какие только можно, если благодаря этому я сегодня вечером увижу тебя, — Джотэм заметил, что его слова потрясли ее. — Мне непременно нужно встретиться с тобой, Джасинда. Сегодня вечером.

— Хорошо, — Джасинда поняла, что не сможет отказать ему, так как он был весьма откровенен с ней. — Только без ужина и без торта. Нехорошо просить Саффорда сделать его за такой короткий срок.

— Он бы не возражал.

— Но я возражаю. Твой шеф-повар делает потрясающие вещи, Джотэм. Он каждый день приходит на работу пораньше ради того, чтобы убедиться, что все блюда для тебя и для тех, кому назначена аудиенция, были приготовлены должным образом. Принудить его продлить свой рабочий день ради меня...

— Как я уже сказал, ради тебя он сделает это с радостью. Не знаю, каким образом тебе удалось очаровать большинство людей моего Дома, но этот факт невозможно отрицать.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь.

— Ничуть. Я пришлю за тобой лимизин к 9:30.

— Я приеду на своей машине.

— Но...

— Джотэм, я сама сяду за руль, — твердо сказала она.

— Ладно, — мужчина вынужден был согласиться, хотя ее решение ему совершенно не понравилось. — Подъезжай к охраняемой зоне. Я попрошу Деффонда встретить тебя и проводить в мои личные покои.

— Хорошо, увидимся вечером.

— До встречи, — кивнул Джотэм и отключил связь.

* * *

Джасинда откинулась на спинку стула, недоумевая, что так и не смогла отказаться от встречи. Неужели она действительно этого хочет? Позволить развиваться отношениям, которые изначально обречены на провал? И все же она не могла отрицать, что к Джотэму ее тянуло так, как ни к одному другому мужчине, включая даже Стефана.

Из-за разницы в возрасте им с супругом пришлось долго притираться, искать общий язык. Но в первые циклы их совместной жизни она умудрялась видеть в этом лишь преимущества. Ведь она столкнулась с возможностью открыть для себя новые жизненные реалии, когда ей казалось, что она знает буквально все. Позже все стало больше напоминать испытания выносливости и терпения. Но изменить что-либо было ей не под силу.

С Джотэмом все было по-другому. У них были одни и те же жизненные ориентиры. Был общий круг близких людей. К тому же они вместе учились в Академии. Со Стефаном, к сожалению, ничего этого не было.

Только сейчас Джасинда осознала, насколько нуждалась в подобной общности.

Взглянув на часы, она поняла, что у нее есть немного времени, чтобы вздремнуть перед встречей. Поднявшись, она направилась в спальню.

* * *

— Ты хоть понимаешь, какая ты красивая?

Открыв глаза, Джасинда столкнулась с теплым взглядом карих глаз ее спутника жизни.

— С возрастом красота поблекнет.

— С тобой этого никогда не случится, потому что твоя красота не только внешняя. Прежде всего, ты прекрасна внутренне. Ты словно золотой самородок, Джасинда. Золото Дома Исцеления.

— Я рада, что ты так считаешь, — протянув руку, она прикоснулась к лицу, которое так любила.

— Я не просто считаю. Это истина, — наклонившись, Стефан нежно поцеловал ее в губы. — Я понял это в тот же миг, когда увидел тебя, сидящую за столом напротив родителей. Никогда не забуду тот подозрительный взгляд, которым ты встретила меня.

— Я была уверена, что все было подстроено специально. По крайней мере до тех пор, пока мой отец не сказал, что ты из Дома Защиты.

— Никогда не забуду того момента, когда ты узнала об этом. Ты приподняла одну бровь, как, впрочем, частенько это делаешь, — он нежно погладил упомянутую бровь, — и тем самым бросила мне вызов. И я его, кстати, с радостью принял.

— Я вовсе не собиралась цеплять тебя.

— Но ты частенько это делала, любовь моя. Благодаря лишь взмаху этой брови все испытываемые тобой эмоции были передо мной как на ладони. Насмешка. Шок и потрясение. Согласие. Недоумение. Гнев. Я всецело полагался на нее, — он нежно коснулся ее. — Ее помощь была просто бесценной. Особенно когда приходилось иметь дело с женами советников. Почему-то мне всегда казалось, что ты, не говоря ни слова, подсказываешь мне верную тактику или же нужное направление.

— Боюсь, ты слишком преувеличиваешь мою роль в этом, Стефан. Ты и без меня был весьма красноречив. Тебе было достаточно лишь начать говорить, и женщины падали к твоим ногам. Включая и меня. Все женщины Дома Защиты ненавидели меня, но не за то, что я была из Дома Исцеления, а потому, что похитила твое сердце.

— Ты действительно похитила его, любовь моя. И оно до сих пор принадлежит тебе, хотя меня уже нет рядом.

— Стефан...

— Тс-с-с, любовь моя, — Стефан притянул ее к себе. — Не плачь, ты же знаешь, что твои слезы лишают меня покоя.

— Я так по тебе скучаю, Стефан. Все эти циклы. Очень, очень сильно.

— Я знаю. Ты слишком долго была одна. Но теперь не будешь.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Джасинда и всмотрелась в его глаза. Она не могла разобраться в нахлынувших на нее чувствах: в ее сердце вспыхнула надежда или же она напугана? — Я скоро присоединюсь к тебе?

— Нет! Что ты, Джасинда, нет, — тут же возразил он.

— Но почему нет? Разве ты не хочешь, чтобы я была с тобой?

— Конечно, хочу! И тот день, разумеется, рано или поздно настанет. Тогда мы вечно будет вместе. Но твое время еще не пришло, поэтому живи. Ты еще очень многое успеешь сделать.

— О чем ты говоришь? — она слегка дернула его за волосы, которые он специально отращивал, чтобы у нее была возможность, запустив в них пальцы, перебирать их. — Я достаточно пожила на этом свете. У меня был прекрасный спутник жизни. Я вырастила замечательных детей. Чего же я еще не успела сделать?

— Чего не успела? Пожить для себя. Любить, ни о чем больше не беспокоясь. Улучшить жизнь тех, кто не смог этого сделать без твоей помощи и поддержки.

— И что же мне для этого нужно?

— Прежде всего, оставаться самой собой. А затем стать той, кем ты и должна была быть всегда. Ты уже сделала первые шаги, любовь моя. Конечно, трудности и испытания будут всегда. Такова жизнь. Но я уверен, ты справишься. Благодаря своей беззаветной любви. Ведь именно это чувство и является источником всех сил.

* * *

Когда Джасинда проснулась, то почувствовала удовлетворение, которого давным-давно не испытывала. Первые несколько циклов после смерти Стефана она ненавидела ложиться в кровать. Там было так пусто… А каждое утро — в момент пробуждения — она по привычке ожидала его нежные объятия.

Когда Джасинда остро нуждалась в поддержке, она всегда ощущала невидимое присутствие своего спутника жизни. Всегда знала, что Стефан наблюдает за ней. И все же ей было очень нелегко. Когда-то мама научила ее верить в предков. Верить, что те присматривают за оставшимися на Кариниане родными и близкими. Но не все ее соотечественники разделяли подобные взгляды. Некоторые считали это полнейшей ерундой и глупейшим суеверием. Возможно, по молодости она тоже была среди этих людей. Но после смерти матери кое-что изменилось.

Джасинда до сих пор помнила, как в один прекрасный день услышала ее голос, убеждавший немедленно проверить Стефанию. Малышка каким-то образом умудрилась вылезти из манежа, в который ее ненадолго поместили, чтобы дать указания прислуге. Когда Джасинда вбежала в комнату, то обнаружила, что дочка снимает защитный кожух с установленного здесь источника энергии. Если бы она успела это сделать, то, вероятней всего, погибла бы. С того дня Джасинда больше ни минуты не сомневалась, что предки присматривают за ними.

Но вот такого тесного контакта у нее еще никогда не было.

Почувствовать реальные прикосновения Стефана. Явственно услышать до боли родной и любимый голос.

Что же на самом деле он пытался ей сказать?

* * *

Джотэм до последнего оттягивал свою встречу с советником Паяри. Этот человек буквально сводил его с ума. За все время пребывания на должности члена Ассамблеи Эллиот не высказал ни одной оригинальной мысли, а во всех спорных вопросах всегда придерживался нейтралитета. Но что самое удивительное, он каким-то чудодейственным образом каждый раз к окончанию своего срока оказывался в числе самых популярных лиц, и его кандидатуру вновь избирали.

— Я понимаю ваше беспокойство, советник Паяри, но без неопровержимых доказательств и конкретных фактов, я отказываюсь принимать какое-либо решение и выносить на всеобщее обсуждение то, что может оказаться досадной ошибкой.

— Досадной ошибкой?! Ваше Величество, это просто невозможно! Разве вы не слышали, что говорят в Доме Развития?

— Это всего лишь слухи, Эллиот. Я не собираюсь на них ориентироваться. Если у тебя все, то на этом мы и закончим. Это был довольно долгий день. Мне пора готовиться ко сну, — Джотэм потянулся к кнопке вызова секретаря.

— Конечно, Ваше Величество. Я надеюсь поговорить с вами об этом чуть позже.

— Договорились, — когда Чесни вошел, Джотэм кивнул на дверь. — Чесни, пожалуйста, проводи советника Паяри.

— Как скажете, Ваше Величество. Советник Паяри, — Чесни жестом пригласил его пройти в приемную, а сам повернулся к Джотэму. — Ваше Величество, я распорядился, чтобы в ваши покои доставили салаты, десерт и освежающие напитки. Я вам еще понадоблюсь сегодня?

— Нет, Чесни, спасибо. Желаю тебе спокойной ночи.

— И вам того же, Ваше Величество.

* * *

Прежде чем Чесни зашел в приемную и плотно закрыл за собой дверь в кабинет Джотэма, Паяри резко отпрянул от нее, так как все это время подслушивал. Он притворился, что внимательно рассматривает висевшую на стене картину.

— Прошу вас следовать за мной, советник Паяри. Я провожу вас до общественного крыла. А там недалеко и до вашего транспорта, — Чесни выключил свет на своем рабочем столе и направился к двери.

— Спасибо, мистер… Чесни.

Уловив незначительную паузу перед своим именем, Чесни догадался, что советнику пришлось порыться в памяти, чтобы отыскать его. А ведь он был помощником Джотэма более двадцати циклов, на протяжении которых Паяри был членом Ассамблеи.

— Не стоит благодарности, советник Паяри, — он подождал, пока тот выйдет, и закрыл за ним дверь.

— У короля Джотэма сегодня намечается еще одна встреча? — прежде чем спросить, Паяри дождался, пока они выйдут из королевского крыла.

— Прошу прощения? — Чесни с удивлением взглянул на него.

— Во время нашей беседы король показался мне слишком рассеянным. Как будто он постоянно думал о чем-то, что не имело к разговору никакого отношения.

— Уверен, вы ошибаетесь, советник Паяри. Король серьезно относится к каждой своей встрече. Особенно с членами Ассамблеи.

— И с кем же ему сейчас предстоит беседовать?

— Откуда мне знать, советник.

— Но ты же сам назначаешь все его встречи!

— Да, разумеется.

— Значит, ты точно знаешь с кем.

— У меня нет права обсуждать с вами расписание короля, советник Паяри. Ну, вот мы и пришли, — Чесни открыл дверь, отделявшую общественное крыло от коридора, ведущего в остальные части дворца, и кивнул охранникам. — Приятного вечера, советник Паяри.

Недовольно пыхтя, тот вышел, а Чесни, закрывая за ним дверь, возмущенно закатил глаза и неодобрительно покачал головой. Это был далеко не первый случай, когда Паяри пытался выудить у него информацию о короле. Почти каждый член Ассамблеи в той или иной манере делал это, но никогда так открыто и так грубо. Паяри всегда был слишком напорист, переходя все допустимые пределы.

Некоторые вещи никогда не меняются.

Чесни невольно улыбнулся, подумав о том, как отреагировал бы советник, если узнал, с кем именно встречается король. Ему хотелось, чтобы утро наступило как можно быстрее. Ему не терпелось вернуться на работу и узнать, как у Джотэма прошел вечер.

Весело насвистывая, он направился к охраняемой зоне, где был припаркован его транспорт.

* * *

Джотэм с удивлением обнаружил, что спешит в свои личные покои. На протяжении многих циклов для него это был довольно болезненный момент. Совсем скоро приедет Джасинда. Он хотел убедиться, что к их встрече все готово и устроено должным образом.

Войдя в помещение, он резко остановился.

Джасинда была уже там. Изучала этикетку на бутылке с вином.

— Ты рано, — он закрыл за собой дверь и шагнул вглубь комнаты.

— Так и есть, — Джасинда поставила бутылку на стол и улыбнулась ему. — Надеюсь, ты не возражаешь.

— Нет. Ни в коем случае. Мне просто хотелось самому встретить тебя.

— Я попросила Николаса не говорить тебе о том, что я уже здесь. Он сказал, что у тебя аудиенция, а я знаю, как это бывает. Не хотела, чтобы ты чувствовал себя обязанным и начал торопиться.

— Это был всего лишь Паяри, — Джотэм обнаружил, что открыто выразил свои чувства, хотя прежде всегда старался скрывать их от окружающих.

— О, — Джасинда слегка поморщилась, — прими мои соболезнования. Даже не знаю, как ты вообще терпишь этого человека.

— Он вовсе не такой уж и плохой, — Джасинда скептически приподняла бровь, и он рассмеялся. — Ладно, согласен, но за все эти циклы я научился не обращать на него внимания.

— Вынужденная мера, никуда не денешься.

— Ты выпьешь? А где обещанное Чесни разнообразие? Я вижу только это вино.

— Прости, все остальное я отправила обратно. И да, я с удовольствием выпью бокальчик. Мне так нравится ваше домашнее вино, что я всегда с нетерпением ждала, когда во дворце объявят следующий ужин.

— Ты действительно это сделала? — Джотэм ловко откупорил бутылку.

— Да, ваше вино просто великолепно.

— Согласен, но я имел в виду исчезновение остальных напитков.

— О, ну… они зачем-то прислали кофе с кофеином и бодрящий чай. Если бы ты выпил все это перед сном, то никогда бы не заснул. Я попросила... боюсь, я не расслышала его имени, заменить его на безкофеиновый.

— Очевидно, это был Морвен. Я... спасибо. Я никогда об этом не думал.

— Но Чесни-то должен это понимать. Одно дело пить кофе ранним утром, перед напряженным днем. Это вполне оправданно. И совсем другое — делать это поздним вечером, когда необходимо расслабиться и настроиться на полноценный отдых.

Джотэм наполнил вином хрустальный бокал.

— В его защиту скажу, что все дело в том, что я допоздна работаю.

Джасинда взяла протянутый ей напиток и села на диван.

— Это не оправдание.

Джотэму нравилось то, как она уютно и непринужденно устроилась на его диване. Поджав под себя одну ногу и вытянув руку поверх его низкой спинки. Знала ли она, как прекрасно смотрится в его апартаментах? И дело было вовсе не в ее внешности. А в том, что она буквально излучала искреннее беспокойство о нем. Джасинда выглядела так, словно сидеть здесь было ее предназначением.

«Может, так оно и есть?»

— Так ты собираешься учить его правильно исполнять обязанности? — спросил он, наливая себе вина.

— Конечно, нет, — не задумываясь, ответила она. — Я бы никогда не решилась на подобное.

Джотэм бросил на женщину пронзительный взгляд. Джасинда коснулась губами края бокала, чтобы сделать глоток вина, и ее изумительные бирюзовые глаза задорно сверкнули. А губы дрогнули в едва заметной улыбке.

Подойдя к дивану, он повторил ее позу и положил ладонь на ее руку.

— А что, если я хочу, чтобы ты поговорила с ним?

— Джотэм...

— А ты знаешь, когда в последний раз для меня делали то, что сделала только что ты? — он смотрел ей прямо в глаза, а его пальцы в это время скользили по ее руке, нежно поглаживая кожу.

— И что же я такого сделала? — Джасинда с удивлением обнаружила, что от этой невинной ласки у нее перехватило дыхание.

— Позаботилась обо мне. Ты обратила внимание на то, что по твоему мнению могло навредить мне, и, не раздумывая о приличиях, постаралась тут же исправить это. Ни с кем не советуясь. Просто взяла и сделала это.

— Я полагаю, что твой персонал поступил бы точно так же.

— Не совсем. Они знают, что я люблю крепкий и сладкий кофе. Стоит мне лишь попросить, и я тут же получаю его. Хоть днем, хоть ночью. В конце концов, я все же король.

— Но нельзя же забывать, что ты всего лишь человек.

— Честно говоря, я считаю, что ты единственная, кто видит меня таким.

Джасинда озадачено взглянула на него и убедилась, что Джотэм говорит серьезно.

— Как женщине мне трудно с этим согласиться, но я понимаю, что в реальности все так и происходит. В свое время стоило нам со Стефаном появиться в общественном месте, и к нам, как правило без всяких церемоний, тут же подходили разные люди, не думая о том, насколько это уместно и допустимо. Они считали, что член Ассамблеи просто обязан их выслушать, а у них есть полное право в любое удобное для них время прерывать его и вторгаться в его личное пространство. Ведь им хотелось задать вопрос, на который, по их мнению, никто другой не смог бы ответить. Твое же социальное положение гораздо выше и значительней. Некоторым... выгоднее видеть в тебе только представителя власти и не замечать человека. Ведь любой человек может совершать ошибки. И у него к тому же может быть плохое настроение. У правителя же ничего этого не должно быть. Он существует лишь для того, чтобы служить своему народу.

— Иногда мне кажется, что в этом они правы.

— Но нельзя же игнорировать в тебе человека, Джотэм, — она повернула руку и легонько сжала его ладонь. — Разумеется, ты весьма влиятельный и очень важный человек. Но ведь у тебя есть право иногда быть просто мужчиной. Никто не может требовать, чтобы ты жил только в рамках своего социального статуса. Побудь простым человеком.

— Не уверен, что знаю, как это делать.

— Ну, давай начнем с малого. Расскажи о своем дне.

— Что? — Джотэм нахмурился и в недоумении уставился на нее.

— Расскажи мне, как ты провел этот день. Вполне подходящая тема для разговора в конце рабочего дня. Уверена, у тебя он был довольно длинным.

— Ты хочешь сказать, я выгляжу усталым? — он наслаждался тем, как покраснели ее щеки: ему нравилось поддразнивать ее.

— Может, совсем немного, — Джасинда инстинктивно протянула к нему руку, в которой держала вино, но стушевалась, не осмелившись прикоснуться.

— Пожалуйста. Сделай это, — слова слетели с губ прежде, чем Джотэм успел их остановить, но именно благодаря им он был вознагражден легким прикосновением ее пальчика к своему виску.

— Я сегодня смотрела церемонию на «Беринге». Твоя речь прозвучала в десять часов, ровно через час после ее открытия. Это значит, что ты был там не позднее восьми часов. А это говорит о том, что в шесть утра ты уже был на пути к станции.

— В половине седьмого, — поправил ее Джотэм. — Я недавно приобрел новый корабль, спроектированный Домом Знаний. Это значительно сократило время моего пути.

— Я, конечно, рада этому, но ведь ты весь день на ногах, и у тебя даже не было перерыва. А теперь, в такой поздний час, ты все еще сидишь здесь со мной.

— Это лучшее из того, что случилось со мной сегодня. Если хочешь знать правду, то после нашего совместного обеда я не мог об этом даже мечтать.

— Мне бы всегда хотелось знать правду.

В дверь постучали, и Джасинда тактично замолчала.

— Войдите, — разрешил Джотэм и крепче сжал ее руку, когда она попыталась убрать ее.

Джасинда с интересом наблюдала, как мужчина, о котором она говорила раньше, вкатывает тележку с едой.

— Морвен, это Джасинда Мичелокакис. Джасинда, это Морвен Блэк.

— Приятно познакомиться, мадам, — он слегка поклонился ей.

— Мне тоже, Морвен. Прошу прощения, что не представилась раньше. Это было очень грубо с моей стороны.

— Не беспокойтесь об этом, мадам, — он посмотрел на Джотэма. — Может, хотите что-то еще, Ваше Величество?

— Нет, Морвен. Спасибо. И спасибо за то, что так быстро выполнил просьбу Джасинды.

— Я... — Морвен посмотрел на их сцепленные руки, затем мельком взглянул на женщину и снова перевел взгляд на Джотэма. — Рад служить, Ваше Величество. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Морвен.

Джасинда допила вино и наклонилась к столу, чтобы поставить пустой бокал.

— Мне пора идти.

— Что? Почему?

— Уже поздно, и тебе пора отдыхать, — она начала вставать.

— Пожалуйста. Побудь еще немного. Расскажи мне о своем дне.

— Джотэм...

— Ну пожалуйста… — наклонившись, он снова наполнил ее бокал и вернул ей, ожидая ответа.

— Иногда ты бываешь таким невыносимым, Джотэм Тибулл, — Джасинда сделала глоток вина. — Ладно, давай посмотрим, что я сегодня делала, — она постучала пальцем свободной руки по губе. — Сначала я пила в саду кофе и просматривала корреспонденцию. Потом смотрела церемонию крещения. Выполнила парочку незначительных дел, а оставшееся время полола сорняки.

— У тебя нет человека, который мог бы этим заняться?

— Разумеется, у меня есть садовник. Он приходит раз в две недели и выполняет самую трудную работу. Просто я очень люблю возиться в саду, — она улыбнулась. — А затем меня пригласили выпить, и вот я здесь.

— Я безумно рад, что ты пришла, — Джотэм снова взял ее руку, только на этот раз переплел их пальцы.

Она слегка наклонила голову набок.

— Почему я здесь, Джотэм? — ее взгляд стал пристальным. — Скажи, что это не имеет никакого отношения к Амине и Бареку, потому что я отказываюсь помогать тебе в этом.

В глазах Джотэма промелькнула заинтересованность, и он невольно усмехнулся.

— Нет, не имеет. Знаешь, а Уилл был прав насчет тебя. Ты действительно не играешь ни в какие игры. Говоришь прямо то, что думаешь.

— Уилл? Ты говорил обо мне с Уильямом Зафаром? Но зачем? — возмущению Джасинды не было предела.

Она выдернула свою руку из его пальцев.

Ей было крайне неприятно, что он мог так поступить с ней.

— Джасинда, — Джотэм быстро поставил на стол свой бокал и схватил ее за руку, не позволяя встать. — Это вовсе не то, что ты думаешь. Нет, я, конечно, не знаю, о чем ты сейчас подумала. Но уверяю тебя, в этом не было ничего предосудительного. Мне просто нужно было поговорить с кем-то о своих чувствах и о тебе. Уилл — единственный человек, с которым я могу это обсуждать.

Джасинда перестала вырываться и в замешательстве посмотрела на него.

— Я ничего не понимаю.

— Уилл — мой самый лучший друг. Я знаю его всю свою жизнь. Все жизненные передряги мы встречали плечом к плечу.

— Мне это хорошо известно. Но вот одного я не пойму: с чего это вдруг ты решил поговорить с ним обо мне?

— Потому что я напортачил. Обидел тебя. Причем не раз, — он сокрушенно покачал головой. — Но я, правда, не понимал, что конкретно делаю не так! — теперь Джотэм попытался подняться, но Джасинда остановила его.

— Поговори со мной, Джотэм.

Он опустил взгляд на их сцепленные руки. Ее была такой мягкой. Он буквально ощущал ее удивительную природную мягкость. Она выглядела такой нежной. И в то же время в ней чувствовалась истинная сила. Хотя, надо заметить, Джасинда удерживала его не силой своих мышц. А искренней заботой… о нем... именно это и не давало ему уйти.

— Не знаю, что и сказать. Ты... — он закрыл глаза и накрыл ее руку своей.

— Я..?

— Я смотрю на тебя, разговариваю с тобой, и весь мир для меня исчезает. А с ним и все его притязания. Все его давление. Возможно, всего лишь на минуту. Но зато целую минуту я могу свободно дышать. Впервые за многие циклы я смог расслабиться, — он протянул руку и прижал ладонь к ее щеке. — А потом я говорю или делаю какую-нибудь глупость, и ты уходишь. Неприглядная реальность вновь обрушивается на меня, и все становится только хуже.

— Джотэм... — Джасинда почувствовала, что ее глаза наполняются слезами.

— Уилл заметил это. Увидел мои душевные метания. Ведь он единственный, кто так хорошо знает меня. Поэтому он загнал меня в угол и потребовал объяснений. И не успел я оглянуться, как выложил ему все без утайки. Поверь, я не хотел обидеть тебя или причинить тебе боль.

Несколько мгновений Джасинда молча смотрела на него, потом прижалась щекой к его ладони.

— Ладно.

Глаза Джотэма слегка расширились.

— И все? Ни одного упрека?

— Ты хочешь, чтобы я повозмущалась, покапризничала?

— Нет! Но все же… — он сделал глубокий вдох. — Ты слишком великодушна, Джасинда.

— Да? Ничего не могу сказать по этому поводу. Но можешь быть уверен, я очень хорошо понимаю, что тебе действительно нужно было с кем-то поделиться. Если не веришь, спроси у моих детей.

— Спасибо.

— О, не стоит благодарности. Но ты так и не сказал мне, что же он тебе посоветовал.

— Что посоветовал?

— Да. Ведь Верховный адмирал меня совсем не знает. Мы с ним почти не встречались, а последний раз разговаривали много циклов назад, еще при жизни Стефана. Уильям в то время был простым адмиралом. На королевском ужине в честь нового договора о добыче полезных ископаемых, если я ничего не путаю, я сидела рядом с ним.

— Ну, тебя он вообще-то помнит по Академии.

— Неужели?

— Да. Похоже, ты произвела на него неизгладимое впечатление.

— И каким же образом?

— Ну, — протянув руку, он взял бокалы с вином, передал ей один и снова сел на диван. Как только она расположилась рядом, он снова переплел их пальцы и продолжил: — Думаю, мой лучший друг еще в Академии был влюблен в тебя.

— Что?! — Джасинда чуть не поперхнулась только что сделанным глотком изумительного вина.

— Да, и он никак не мог понять, почему ты не отвечаешь на его чувства, — Джотэм понимал, что слегка приукрашивает историю, но ему нравилось, как его собеседница мило краснеет от его слов.

— Я... Но я ничего не знала об этом.

— Неужели ты не помнишь вашего «свидания»?

— Свидания?! Но с Уиллом Зафаром мы не встречались!

— А вот он утверждает, что оно изменило всю его жизнь. Что именно благодаря той встрече он стал тем, кем сейчас является.

Джасинда открыла рот, собираясь возмутиться, но тут же закрыла его, заметив, как задиристо поблескивают его фиалковые глаза.

Хвала предкам, мужчина выглядел просто потрясающе.

— Джотэм Тибулл, ты лжешь мне.

— Вовсе нет. Возможно, лишь немного преувеличиваю. Прости, не смог удержаться от такого соблазна, — он обворожительно улыбнулся, как не улыбался уже многие и многие циклы. — Просто ты, когда злишься, такая милая.

— Милая? Ты это серьезно? В последний раз меня так называли, когда я еще была совсем ребенком.

— Это потому, что все ослеплены твоей божественной красотой. И упускают из виду твою человеческую уникальность.

От его слов Джасинда немного растерялась. Она не знала, как ей реагировать. Похоже, для Джотэма она была больше, чем просто хорошенькое личико. К сожалению, в ее жизни было совсем мало людей, которые считали так же.

— Расскажи-ка мне поподробнее об этом «судьбоносном свидании» с Уильямом Зафаром.

— Хорошо... на самом деле это было вовсе не свидание. Всего лишь попытка уговорить тебя погулять.

Порывшись в памяти, Джасинда нахмурилась, так как не смогла ничего припомнить. Да, в Академии с Уильямом у них бывали совместные занятия. Она хорошо помнила, с какой легкостью — почти не прикладывая усилий — он справлялся с любым заданием, в то время как ей приходилось кропотливо заниматься каждый вечер. Особые проблемы у нее были с физической подготовкой. Она никогда не была слабой, но в то же время ей не хотелось стать похожей на мужчину. Джасинде нравилось быть женственной.

О, тот единственный раз, когда она разговаривала с Уиллом один на один, был...

— Так ты говоришь о кафетерии?

— Именно.

— Как, во имя предков, эти пятнадцать минут могли изменить его жизнь? — она бросила на Джотэма подозрительный взгляд. — Ты все это выдумал, чтобы смутить меня, сбив с толку.

— Нет. Не стану отрицать. Мне действительно нравится дразнить тебя и для этого я слегка приукрасил те события. Но вот его слова. Повторяю дословно. «Это был первый серьезный разговор с женщиной, после которого я взглянул на свое будущее совсем иными глазами».

Джасинда внимательно посмотрела на него.

— Похоже, ты говоришь серьезно…

— Абсолютно.

— Да что я могла такого сказать?..

— Ты заявила, что не желаешь быть женой Верховного адмирала.

— Я так сказала? — Джасинда нахмурилась. — Я этого не помню. Зато хорошо помню, как мне всегда казалось, что он не использует свой истинный потенциал в должной мере. У него были уникальные способности, но, похоже, девушки интересовали его куда больше. И в то же время я понимала, что ему всего лишь семнадцать.

— Да, но твои слова заставили его задуматься о будущем. Заставили взглянуть на себя под другим углом. И за это я благодарен тебе. Только представь себе, каким бы стал наш мир, если бы Уилл не был тем, кем он сейчас является?

— Нет, только не это. Уильям Зафар выиграл битву при Фаяле. Он стал национальным героем. Вернул Дому Знаний потерянную принцессу. Выяснил, что принц Одрик предал свой народ. А самое главное, благодаря ему моя дочь до сих пор жива.

— О чем ты говоришь? — Джотэм напрягся.

— Десять циклов назад мятежники совершили целую серию яростных атак на корабли каринианского флота. Ты помнишь это?

— Да, — процедил Джотэм сквозь сжатые зубы.

— Моя дочь, младшая дочь Стефания, служила в то время на «Когте».

— Я... — Джотэм не знал, что сказать.

— «Возмездие» возвращался на Кариниан с Кассандрой на борту. Никто кроме Уильяма не знал, что она была потерянной принцессой. Королевой по крови. Он позволил всем поверить, что обманут женщиной, которая была гораздо моложе его.

— Да, — Джотэм вспомнил, что какое-то время тоже так считал.

— И, несмотря на это, он все равно позаботился о ее защите. Он привлек дополнительную охрану с других кораблей, чтобы обеспечить ей безопасность. Он вызвал Стефанию с «Когтя». Если бы он этого не сделал...

— Она погибла бы с командой при внезапной разгерметизации корабля.

— Да. Я пережила несколько мучительных дней, прежде чем она смогла связаться со мной и сообщить, что жива.

— Мне очень жаль, Джасинда.

— Это была не твоя вина, — протянув руку, она коснулась его щеки. — Это то, что каждый родитель, у которого ребенок служит во флоте, всегда хранит в глубине души. Мысль о том, что их любимое чадо может не вернуться домой. Я безумно рада, что моя дочь сейчас на планете. Хотя мы не так часто и видимся.

— Почему так? Если она в отпуске, что вам мешает?

— Она не в отпуске. Нет, конечно, у нее был небольшой отпуск, — Джасинда в удивлении приподняла бровь. — Но разве Николас не сказал тебе, что несколько недель назад видел нас с дочерью?

— Нет. Он не обмолвился ни словом.

— Ну ладно, мы с ним случайно встретились в кафе. Как бы то ни было, Стефания пробыла дома всего неделю. Сейчас она в Кисурри тренируется у капитана Чемберлена.

— Ее приняли в экспериментальный класс Питера? — Джотэм не смог скрыть своего потрясения. — Отборочный турнир был довольно жестким.

— Она мне так и сказала. Вот почему, когда ее приняли, она была на седьмом небе от счастья, — Джасинда посмотрела на свое запястье и поразилась тому, как много времени уже прошло. — Прости, мне пора идти.

— Нет, пожалуйста, останься, ты еще не съела свой десерт.

— Джотэм, думаю, этого мне вполне достаточно. К тому же уже довольно поздно. Я уверена, что твое расписание на завтрашний день забито до предела. Тебе нужно отдохнуть.

— Не сейчас, — поднявшись, он протянул ей руку. — Есть одна вещь, которую после бала мне нестерпимо хочется сделать. Ты не откажешь мне?

Джасинда подняла на него глаза и вдруг осознала, что Джотэм вел почти аскетический образ жизни. Он никогда не позволял себе ничего лишнего. Тем более не любил никого обременять своими просьбами. Она поняла, что не сможет отказать ему, и — заинтригованная его таинственным желанием — потянулась к нему, принимая его руку.

— Хорошо.

Джотэм поднял ее на ноги, вывел на середину комнаты и, ненадолго выпустив ее руку, направился к настенному коммуникатору. Он нажал несколько кнопок и, повернувшись к ней лицом, плавно подошел.

Когда заиграла музыка, глаза Джасинды потрясенно расширились.

— После бала я постоянно думал о том, чтобы снова потанцевать с тобой. Мне хотелось обнять тебя по-настоящему.

Она была удивлена тем, как Джотэм порывисто прижал ее к себе, хотя должен был стоять на обусловленном танцем расстоянии.

— Джотэм?..

— Ты не возражаешь? — он смотрел на нее со своего высокого роста, и в его глазах теплилась надежда.

Джасинд запрокинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза, и он залюбовался лебединым изгибом ее шеи. А она наслаждалась слаженностью и синхронностью движений их ног в этом приватном танце. Ей нравилось, что его рука почти обхватила ее поясницу, когда он притянул ее к себе еще ближе. Ее грудь прижалась к его широкой груди. Ощущения были непередаваемыми… удивительными.

— Нет, — она подняла руку, которую прежде по традиции положила на его плечо, и нежно погладила пальчиками его шею. — Ничуть не возражаю.

Несколько мгновений они танцевали молча.

Все это время Джотэм прижимал ее руку к своей груди.

— Вот так мы должны танцевать всегда, — прошептал он ей в висок.

Она улыбнулась в ответ, и ему стало интересно, о чем она думает. Ему хотелось верить, что она поделиться своими мыслями.

— Ты можешь себе представить выражение лица Аделаиды Паяри, если бы она стала свидетелем подобного?

Джотэм улыбнулся.

— Боюсь, это стало бы для нее… ударом.

— О да, скорее всего. Ты когда-нибудь видел ее фирменное выражение лица «король-рядом»?

— У нее есть даже такое? — он потерся щекой об ее распущенные волосы, наслаждаясь их шелковистостью и восхитительным ароматом чайных роз.

— О да. Выглядит так, будто она проглотила какую-то кислятину.

— Серьезно? — он слегка откинул голову назад, чтобы заглянуть ей в глаза. — Хотелось бы взглянуть на это.

— О, нет, только не это, — приподняв подбородок, она улыбнулась ему. — Поверь, это зрелище не для слабонервных.

— Но вот ты здесь. В моих объятиях, — Джотэм замер на месте и обхватил ладонями ее лицо. Он напряженно всматривался в ее глаза, стараясь угадать реакцию. — Я собираюсь поцеловать тебя, Джасинда. Если тебе не нравится то, что я собираюсь сделать, то скажи прямо сейчас.

Сердце Джасинды забилось в предвкушении. Когда она в последний раз испытывала подобное? У нее было такое ощущение, словно она вновь стала юной девушкой, которая жаждет разделить с любимым свой первый поцелуй.

Джотэм слегка прикоснулся губами — проверяя ее готовность — к ее губам. И когда ее пальчики, подбадривая, сжались на его затылке, он лишь потерся об ее губы, слегка усилив давление.

— Джотэм, прекрати дразнить меня, — возмутилась она, впиваясь ногтями в кожу на его затылке.

Ответом ей стал крепкий поцелуй.

Джасинда почувствовала, что ее мир пошатнулся.

Джотэм целовал ее как изголодавшийся по женской ласке мужчина. Его поцелуй был настолько глубоком и таким жадным, что все ее тело откликнулось на него. Пальчики на ее ногах непроизвольно поджались, и ей до безумия захотелось поплотнее прижаться к нему всем телом.

Когда в последний раз ее целовали? Да еще с такой страстью? С такой очевидной потребностью? Которая, обернувшись вокруг нее, сдвинула весь ее привычный мир с оси.

Застонав, она обвила руками его шею и прижалась к его груди.

Ей хотелось, чтобы время остановилось.

Джотэм — проведя рукой по ее спине и прижав ее ближе к себе — не мог поверить в то, как прекрасно Джасинда чувствовалась в его объятиях. Как она доверчиво прижималась к нему. Какими мягкими были ее губы. Она вся была такой отзывчивой... Мог ли вообще первый поцелуй быть таким... естественным?

С Латой все было совершенно по-другому. Их первый поцелуй был полной мешаниной их носов и их губ. Она была такой молодой, такой невинной. Да и он был неопытным. Джотэм до сих пор помнил их первый раз, когда они разделили настоящую близость. Ночь их единения. Для них все это было впервые. Он знал, что никто бы не поверил ему, что Лата была его первой женщиной. Даже Уилл. Но так оно и было. Даже будучи совсем юным, он прекрасно понимал, что его легкомысленное поведение может привести к серьезным последствиям. А в шестнадцать циклов он встретил Лату.

Джасинда разорвала поцелуй и в растерянности взглянула на него. Исходящая от него страсть, которую она только что чувствовала, внезапно показалась ей... подавленной.

«Что же могло случиться?»

— Джотэм?..

Мужчина увидел беспокойство в ее глазах, и ему захотелось ударить себя. Как он мог позволить себе отвлечься на прошлое? Он прижался лбом к ее лбу.

— Мне очень жаль.

— Чего же? — она увидела смятение в его глазах. — Поговори со мной, Джотэм. Скажи мне правду. Только так мы сможем научиться понимать друг друга.

Слегка отстранившись, он выпалил, не задумываясь:

— Я вспоминал Лату.

Джасинда побледнела и отдернула руки. Она была крайне удивлена, что его слова вызвали у нее в груди такую боль. А еще она почувствовала себя виноватой, так как во время этого поцелуя совсем не думала о Стефане.

— Понимаю, — она попыталась высвободиться из его объятий, но Джотэм не отпустил ее.

— Прости меня.

— Никогда не сожалей о своей честности, Джотэм, — протянув руку, она коснулась его щеки.

— Не могу, если своей прямотой сделал тебе больно.

— Нет, — она сделала маленький шаг назад, и на этот раз он отпустил ее. — Твое притворство причинило бы мне куда большую боль. Ты любил Лату. Я знаю это. Я

любила Стефана. Мы не можем и не должны это отрицать, в этом нет смысла, — повернувшись, она наклонилась и взяла со стола их бокалы, протянув один ему.

— Согласен, — Джотэм взял предложенный бокал и, пока она усаживалась на диван, следил за ней задумчивым взглядом. — И что же нам делать?

— Честно говоря, не знаю, — Джасинда сделала глоток бодрящего напитка и только потом взглянула на замершего на том же месте мужчину, который выглядел смущенным и немного растерянным. — Возможно, ничего.

— Не могу с этим согласиться. Я постоянно думаю о тебе, Джасинда. Ты просто не выходишь у меня из головы. Прошлой ночью, гуляя по саду, я жалел, что тебя нет рядом.

— Меня или Латы?

— Тебя! — Джотэм поставил бокал на стол и с досадой провел рукой по волосам. — Я опять все делаю неправильно. У меня в этом так мало опыта.

— В чем мало опыта?

— В отношениях. С женщиной. Лата была единственной, с кем у меня когда-либо был роман. А это было слишком давно...

Откинувшись на спинку дивана, Джасинда пыталась понять, о чем говорит Джотэм.

— Ты хочешь сказать, что... — она оборвала себя на полуслове, предположив, что все неправильно поняла.

— Спроси, Джасинда, не стесняйся.

— Хорошо, ты хочешь сказать, что Лата была у тебя первой? — она надеялась, что ей не придется говорить более конкретно.

— Да, как и я был ее первым мужчиной.

— Я... Я просто никогда не задумывалась над этим, — Джасинда приподняла бровь, размышляя. — Но чем больше об этом думаю, тем очевиднее твоя правота. Лата была на два цикла моложе тебя. В ее восемнадцать вы заключили союз.

— Да. И я никогда ни к чему не принуждал ее.

— И ты никогда… не сбивался с пути, находясь вдали от нее?

— Нет. Неужели ты поступила бы так со Стефаном?

— Нет. Никогда, — в ее голосе не было ни капли сомнения.

— Значит, ты понимаешь меня.

— Однозначно, — Джасинда проникновенно посмотрела на него. — Я до сих пор помню, как после смерти Стефана было трудно вступить в новые отношения. Я была одна и жила в полном одиночестве. Со дня похорон прошло уже четыре цикла. Это был старый друг семьи. Но из этого ничего не вышло.

— Был еще кто-то?

— Хм-м-м... пару циклов спустя. В нем было все, о чем я когда-либо мечтала.

— И что же это?

— Тихий. Скромный. Нетребовательный. Избегающий любые публичные собрания. Но я слишком быстро обнаружила, что буквально схожу с ума от скуки, — Джасинда грустно улыбнулась, вспоминая Пола. — Он был хорошим человеком.

— Но не для тебя.

— Нет. А ты?

Джотэм понимал, что она просит его об откровенности. Интересно, что он сможет ей рассказать?

— Честно говоря, я не могу ничего сказать о том, как завязались наши отношения с Рани. Я почти ничего не помню. Но я точно знал, что она не тот человек, с которым мне хотелось бы жить вместе. А потом оказалось, что она беременна...

— И ты был шокирован не меньше всех нас, — закончила она за него.

— Да.

— А другие?

— Другие?

Джасинда слегка улыбнулась ему.

— Тебе всегда удавалось тщательно скрывать свою личную жизнь, Джотэм. Я никогда ничего не слышала о твоих женщинах. Только о Рани.

— Ты в этом уверена?

— Я… ну… да.

— Ты не могла ничего слышать, Джасинда, потому что после Рани у меня никого не было. До сих пор не могу поверить, как я мог сблизиться с ней. Я чувствовал себя подлецом, предавшим Лату. После этого даже близко не подпускал к себе женщин.

— Что?!! — Джасинда вскочила с дивана. — Джотэм, но ведь прошло больше тридцати циклов!

— Я знаю это.

— Значит, я всего лишь...

— Вторая женщина, которую я поцеловал с серьезными намерениями? Да.

— Ты не считаешь Рани?

— Я не помню, чтобы вообще когда-либо целовал ее.

— Понятно.

— Тебе понятно, да? А вот мне не очень. Меня влечет к тебе, Джасинда. Причем, очень сильно. Но у меня такое чувство, будто мне всего лишь шестнадцать, и я понятия не имею, что мне делать.

— Слава предкам, что не я одна.

— С тобой происходит то же самое?

— Да, — Джасинда поймала себя на том, что беззаботно смеется. — Меня еще никогда так не целовали... ну, если честно, никогда бы не подумала, что такое возможно. И теперь я, как и ты, Джотэм, чувствую себя немного запутавшейся и сбитой с толку. Но я даже предположить не могла, что для тебя эта ситуация окажется столь затруднительной.

Резкий стук в дверь оборвал ее дальнейшие рассуждения.

— Войдите, — сухо сказал Джотэм, весьма недовольный тем, что их прервали.

— Ваше Величество, — с легким поклоном обратился к нему Деффонд. — Извините, что прервал Вас, но на связи Верховный адмирал. Он говорит, что это очень важно.

Джотэм знал, что в такое позднее время ему мог позвонить только Уилл.

— Хорошо. Джасинда… — когда он повернулся к ней, его глаза были полны сожаления.

— Не беспокойся. Мне все равно уже пора уходить.

— Я... — он хотел попросить ее остаться, но не знал, что нужно другу и как долго продлится их разговор. — Мне очень жаль.

— Не стоит. Уже поздно. Да и ты не можешь отменить этот звонок.

— К сожалению, не могу. Деффонд, проводи Джасинду к ее транспорту, — он бросил на капитана пристальный взгляд.

— Конечно, Ваше Величество.

— Джасинда, — он повернулся к ней и притянул ее к себе.

— Все в порядке, Джотэм, — положив руки ему на грудь, она нежно погладила его, чтобы хоть немного успокоить. — Я все понимаю.

— Спасибо, — не обращая внимания на Деффонда, он наклонился и крепко поцеловал ее в губы. — Я свяжусь с тобой завтра.

— Хорошо, — прошептала она, стараясь восстановить сбившееся дыхание. Затем потянулась и погладила его по щеке. — Помни, никаких кофеиновых напитков в такой поздний час. Постарайся хорошенько выспаться.

— Спасибо, — поцеловав ее на прощание в кончик носа, Джотэм с трудом оторвался от нее и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

* * *

— Спасибо, что проводил, Николас, — Джасинда ввела код, чтобы открыть дверцу своей машины.

— Мне это доставило удовольствие, Джасинда, честное слово, — капитан мгновение помолчал, а потом неожиданно для самого себя спросил: — Как дела у вашей дочери? Благополучно ли она добралась до Кисурри?

— А ты разве не знаешь? — Джасинда поймала себя на том, что с трудом сдерживает улыбку.

— Но откуда? — нахмурившись, он с недоумением посмотрел на нее.

— Так ты же капитан королевской гвардии.

— Да, но я никогда не злоупотребляю своей властью в личных целях.

— А моя дочь — это «личные цели»?

— Я... — Николас почувствовал, как темнеет его кожа.

Капитан нравился ей, и Джасинда решила сжалиться над мужчиной.

— У нее все хорошо, Николас. Не думаю, что она позвонит в ближайшие несколько недель. Но я сообщу тебе, как только она свяжется со мной.

— Я... спасибо, Джасинда. Надеюсь, вы будете осторожны на дороге?

— Я всегда стараюсь придерживаться правил, Николас. А ты тоже постарайся хорошенько отдохнуть. Ты не сможешь качественно выполнить свою работу, если будешь измотан, — улыбнувшись ему напоследок, она скользнула на водительское сиденье.

* * *

Проезжая по тихим улочкам Печоры, Джасинда поймала себя на том, что не перестает улыбаться. Никогда прежде у нее не было такого удивительного вечера. Стефан был довольно опытным мужчиной, чем, кстати, всегда гордился. А у нее никогда не было повода жаловаться на это. Она наслаждалась всем, чему он учил ее. Всем, что ей удалось пережить и испытать с ним.

Но с Джотэмом все было по-другому.

В этой ситуации они оба чувствовали себя неуверенно. Оба имели за плечами колоссальный жизненный опыт, и потому их мучили излишние сомнения и, вполне возможно, беспочвенные страхи. Но, похоже, их по-прежнему, несмотря ни на что, непреодолимо тянуло друг к другу.

Джасинде хотелось, чтобы завтрашний день наступил как можно скорее. Ей не терпелось увидеть, что же будет дальше.

Внезапно вспыхнувший свет, предупредивший об опасности, заставил Джасинду посмотреть направо. И именно в этот момент в ее машину, с пассажирской стороны, что-то врезалось. От сильного удара ее машину резко развернуло, и она врезалась в фонарный столб.

* * *

— Мадам! Мадам! С вами все в порядке?

Джасинда потрясла головой, пытаясь сосредоточиться на склонившемся над ней человеке.

«Что все это значит? Что могло произойти?»

— Мадам! Мадам, вы можете назвать свое имя?

— Джасинда... Джасинда Мичелокакис, — ответила она, удивляясь, как странно прозвучал ее голос. Заставив свой разум включиться, Джасинда огляделась. Она по-прежнему сидела в машине, но это была совсем не та красавица, которую она приобрела по настоянию Стефана. Вся боковая часть была смята, а лобовое стекло разбито. — Что произошло? — Джасинда прижала пальцы к виску, стараясь унять внезапно накатившую боль.

— Вы попали в аварию, мадам Мичелокакис.

— Несчастный случай? Кто-то пострадал?

— Только вы, мэм.

— Я? Но я вовсе не ранена, — возразила она и тут же поморщилась.

Стоило ей пошевелиться, доказывая свою правоту, и ее мышцы болезненно заныли.

— Пожалуйста, мэм, успокойтесь.

— Я в порядке, молодой человек. Немного потрясена, но в целом все нормально. Не могли бы вы мне помочь выбраться из машины?

— Да, мэм, — он неохотно протянул ей руку и слегка поддержал.

Джасинда огляделась вокруг, и ее сердце вздрогнуло. В нескольких футах от нее стоял еще один транспорт. Его передняя часть была вдребезги разбита. Молодой человек — не старше восемнадцати циклов — понуро сидел на бордюре, обхватив голову руками.

— Я думала, вы сказали, что больше никто не пострадал! — она с осуждением взглянула на помогавшего ей мужчину.

— Он не ранен, мэм. На нем ни царапины. Он расстроен, так как разбил машину своего отца, — мужчина с неодобрением взглянул на парня.

— Вы уверены, что он не ранен?

— Абсолютно, мэм. Кому я могу позвонить, чтобы вас забрали?

— А я не могу поехать на своей машине?

— Нет, мэм, это невозможно. Но, честно говоря, даже если бы она была на ходу, я все равно не позволил бы вам сесть за руль. У вас на голове большая шишка. Мне бы хотелось, чтобы вас осмотрел доктор.

— Нет, я в порядке. Позвоните моему сыну. Буду вам очень признательна. Его зовут Дантон. Советник Дантон Мичелокакис. Его контактный номер есть...

Глава 13

— Есть что-то, о чем мне необходимо знать? — спросил Деффонд у своего заместителя лейтенанта Корта Грина.

После того, как вчера поздним вечером он проводил Джасинду до ее транспорта, а затем благополучно закончил свое дежурство, капитан сделал именно то, что она ему посоветовала. Немного поспал. Теперь, десять часов спустя, он снова был во дворце, готовый преданно служить своему королю: оберегать и защищать его.

— Ничего срочного. Король Джотэм целый день будет проводить аудиенции в своем кабинете. Так что дворец ему покидать не придется, — Грин перевернул страницу дежурного отчета. — Охрана южного периметра сообщила, что этой ночью группа подростков пыталась выбраться за внешнюю стену.

— Что?!!

— Их задержали в двадцати футах от стены. Оружия у них не было. А столкнувшись лицом к лицу со стражниками, они буквально окаменели. Похоже, пацаны пытались произвести впечатление на девочек, которые с ними были. Очевидно, они решили, что, добравшись до стены и коснувшись ее, смогут доказать, насколько храбры и отважны.

— Глупые детишки, — пробормотал Деффонд. — Их же могли убить.

— Да, и это постарались объяснить им как можно доходчивей. А так же их родителям, которые вскоре прибыли за своими чадами. Думаю, с ними у нас больше не будет никаких проблем.

— Очень надеюсь на это.

Лейтенант перевернул еще одну страницу.

— Сегодня День Наследия. В честь этого праздника общественное крыло посетят группы детей из Печоры.

— Ох, неужели нас опять ждет весь этот невообразимый шум и суматоха? — простонал в ответ Деффонд.

— Боюсь, что так.

— Придется удвоить охрану. На всех дверях. Дополнительно поставь охранников с внутренней стороны коридора, ведущего в общественное крыло. Хотя нам это вряд ли поможет. За все последние циклы никакие меры предосторожности не смогли помешать этим маленьким пронырам. Каждый раз они норовят пробраться внутрь, находя для этого новые хитроумные способы.

— Я уже сделал все возможное, — ухмыльнулся Грин. — Но все дети чертовски изобретательны. Поэтому нам лучше держать ухо востро, не так ли?

— Да уж, это точно. Что-нибудь еще?

— Нет, — лейтенант уже собирался закрыть отчет, когда его внимание привлекла еще одна запись. — О, пришло уведомление от «Печора-транзит» о произошедшей этой ночью аварии. В нее попала родственница одного из членов Ассамблеи.

— Травмы?

— Только шишки и синяки. Ей крупно повезло. На ее удачу в машине своевременно сработала подушка безопасности. Но вот ее транспорт изрядно пострадал.

— Неужели такая серьезная авария?

— Виновник ехал со значительным превышением скорости. Когда женщина проезжала перекресток, он на всем ходу врезался в нее с пассажирской стороны.

— Ее увезли в больницу?

— Нет, она отказалась. Попросила связаться с ее сыном. И он сам лично забрал ее.

— Ее сын... — Деффонд почувствовал приступ тошноты и, схватив отчет Грина, быстро пробежал его глазами, пока не нашел то, что до последней минуты надеялся не увидеть. — Джасинда Мичелокакис.

— Да, — нахмурился Грин. — Она мать...

— Дантона Мичелокакиса. Почему меня сразу же об этом не оповестили?!! — рявкнул Деффонд, пронзая лейтенанта требовательным взглядом.

— Я... было уже поздно, сэр. У женщины не было серьезных травм. А у меня — объективных причин беспокоить вас.

— Ты знаешь, кто это?

— Мать нового члена Ассамблеи.

— Она также вдова советника Стефана Мичелокакиса и... — Деффонд, не закончив фразу, поспешно направился к двери, отдавая на ходу приказы. — Вызови личную охрану короля. Всех до одного! Передай Шееру, что нужно срочно подготовить королевский транспорт.

* * *

Просматривая расписание аудиенций своего короля, Чесни сочувственно вздохнул. В нем совсем не было промежутков для отдыха или хотя бы небольшой передышки. Встречи были расписаны очень плотно, причем на весь текущий день. Первый лунный цикл начала работы нового Совета всегда был таким напряженным. Советники стремились донести до короля то, что, по их мнению, было необходимо в кратчайшие сроки претворить в жизнь.

Чесни взглянул на сидевшего в приемной советника Фиала. Ожидая встречи с королем, тот перелистывал целую стопку захваченных для беседы бумаг. Личный помощник Джотэма обязан был следить, чтобы советники не затягивали аудиенцию. Их время было строго ограничено. Оценив подготовку Фиала, Чесни смело мог сказать, что сегодня ему, по всей видимости, придется очень туго.

Он перевел взгляд на внезапно распахнувшуюся дверь, и его глаза расширились при виде вошедшего Деффонда. Капитан был слишком напряжен. По его лицу было видно,

что он испытывает нешуточное беспокойство. Без лишних вопросов Чесни сделал единственно верный вывод — произошло что-то непредвиденное. И весьма неприятное.

Ему стало понятно: все назначенные на сегодня встречи придется отменить.

— Кто у короля Джотэма?

— Советник Тервиллиджер.

Если бы кто-то — за исключением капитана королевской гвардии — попытался прервать аудиенцию короля, Чесни был бы уже на ногах и блокировал ему вход в кабинет. Но проработав с Деффондом не один цикл, он хорошо знал, что капитан мог пойти на такое лишь при весьма чрезвычайных обстоятельствах.

Повернувшись к своему столу, Чесни сосредоточился на очередной задаче. Нужно было составить новое расписание и оповестить советников.

* * *

— Хорошо выглядите, Ваше Величество, — откинувшись назад, Тервиллиджер окинул Джотэма пристальным взглядом и убедился, что ничуть не покривил душой.

В его словах не было ни грамма лести. Король на самом деле выглядел хорошо. Хорошо отдохнувшим. Бодрым и... счастливым? Интересно, когда в последний раз он видел Джотэма счастливым?

— Спасибо, Эвандер. Я чувствую себя прекрасно, а ты?

— Очень хорошо, Ваше Величество. Я в восторге от нового цикла.

— Я тоже.

— Особенно меня вдохновляет совместная работа с Дантоном Мичелокакисом.

— Я возлагаю на него большие надежды.

— Согласен. На протяжении многих циклов я наблюдал за взрослением этого весьма перспективного молодого человека. Меня радует, что он вырос достойным сыном своего отца. Уверен, этому Дому он принесет немало пользы.

— Ты поможешь ему войти в рабочий процесс?

— Конечно, Ваше Величество. Мы уже даже пообедали вместе. У него есть несколько очень... я бы сказал, уникальных идей. Возможно, я согласен не со всеми моментами, но...

— Ты же не надеялся, что тебе там все понравится?

— Нет, конечно, — Тервиллиджер улыбнулся Джотэму. — Хотя я частенько не соглашался с его отцом, но всегда очень уважал его.

— Вот и хорошо...

Джотэм нахмурился, когда дверь в его кабинет внезапно распахнулась. А ведь его помощник прекрасно знал, что ему не понравится, если их беседу с Тервиллиджером прервут. Но вошел не Чесни. Это был Деффонд.

— Ваше Величество, мне нужно срочно поговорить с вами. Наедине, — его взгляд метнулся к советнику, который, мгновенно поняв молчаливый посыл, незамедлительно поднялся.

— Я выйду, Ваше Величество, — с легким поклоном Эвандер направился к выходу и прикрыл за собой дверь.

Повернувшись к столу секретаря, он увидел, как Чесни суетливо перебирает бумаги. Причем делает это с такой поспешностью, что было нетрудно догадаться — сегодня продолжения их встречи с Джотэмом не будет.

* * *

— Что случилось, Деффонд? — собравшись с духом, спросил Джотэм, готовый услышать о новом нападении мятежников.

— Я только что получил сообщение, что вчера вечером Джасинда, возвращаясь домой, попала в транспортную аварию.

Деффонд увидел, как король заметно побледнел.

— Джасинда... — с трудом выдохнул Джотэм, так как его губы внезапно онемели.

— В отчете сказано, что серьезных травм у нее нет, — поспешил успокоить его капитан. — Только ушибы и ссадины. Она отказалась ехать в больницу, и Дантон отвез ее домой.

— Она жива…

— Да, Ваше Величество!

Джотэм резко повернулся к коммуникатору и, стараясь унять дрожь в пальцах, набрал код соединения с домом Джасинды. И пока ждал, когда ему ответят, проклинал каждое мгновение, казавшееся сейчас просто невыносимым.

— Алло? — раздался голос, который ему не терпелось услышать, но экран при этом оставался темным.

— Немедленно разблокируй монитор, Джасинда! — потребовал он.

— Джотэм?

— А кого ты ожидала? Раз. Бло. Ки. Руй.

— Джотэм, боюсь, сейчас я не в лучшей форме.

— Черт возьми, Джасинда! — он в нетерпении стукнул кулаком по столу. — Я знаю об аварии! Дай мне взглянуть на тебя, иначе я сойду с ума!

Когда на экране появилось изображение, у Джоэтэма перехватило дыхание. Перед ним сидела самая потрясающая женщина из всех ранее виденных им. Ее шикарные волосы были распущены. На лбу красовалась шишка размером с крупное яйцо. А под глазом расплылся огромный синяк.

— Джасинда...

— Я знаю. Выгляжу ужасно. Поэтому и не хотела, чтобы ты меня видел.

— Неужели ты думаешь, что меня сейчас волнует твой внешний вид? Почему ты не воспользовалась врачебной помощью? Почему отказалась ехать в больницу? Почему я узнаю обо всем этом последним? — с каждой фразой гнев Джотэма становился все сильнее и громче, пока его слова не начали буквально отскакивать от стен.

— Джотэм...

— Я скоро буду, Джасинда.

— Что?! Подожди! Нет! Джотэм, я в порядке! Думаю, тебе вовсе не стоит тратить на меня свое драгоценное время.

— Не стоит? — его жесткий взгляд скользнул по ее смотревшему с экрана лицу, и он не смог удержаться от едких и немного грубоватых слов. — Для весьма умной женщины, Джасинда, ты временами ведешь себя слишком глупо! — с этими словами он отключил связь.

— Деффонд, приготовь мой лимизин, — приказал Джотэм, обходя стол и направляясь к двери.

— Уже, Ваше Величество. Как, впрочем, и дополнительная охрана.

Выйдя из кабинета, Джотэм проигнорировал собравшихся в приемной людей. Его взгляд остановился на помощнике.

— Чесни, отмени все аудиенции.

— Я уже работаю над этим, Ваше Величество.

Но Джотэм его не слышал.

Он был уже далеко.

* * *

Когда Джотэм отключился, Джасинда в бессилии откинулась на спинку стула. Она никогда не видела его таким разгневанным. Или таким... испуганным? Ей показалось, что в его взгляде она увидела именно это. Скрывающийся за гневом страх.

Джотэм испугался за нее.

Как можно было быть настолько глупой, чтобы не понять, что об аварии тут же сообщат дворцовой охране? И причиной были вовсе не отношения, зарождающиеся между ней и Джотэмом. Об этом, к счастью, пока никто не знал. Просто обо всем, что касалось советников и членов их семей, мгновенно докладывалось во дворец. Но после смерти Стефана у Джасинды не было необходимости помнить об этом. Вот только она забыла учесть, что Дантон стал членом Ассамблеи, и эта авария обязательно попадет в отчет, как сведения о матери ныне действующего советника.

И все же авария, пришлось ей признать, повлияла на ее мозг сильнее, чем считала сама Джасинда. Как она могла не подумать о том, что, узнав о происшествии от своей охраны, Джотэм сразу же представит летальный исход? После гибели Латы его боль, несмотря на все прошедшие циклы, до сих пор так и не утихла. А причиной ее смерти была именно транспортная авария.

Конечно, по-хорошему Джасинде нужно было позвонить Чесни, чтобы тот сообщил Джотэму о случившемся. Но после аварии ей было совершенно не до этого. Сначала ей пришлось несколько часов убеждать Дантона, что с ней все в порядке. Причем сын долго не успокаивался даже после ухода доктора Портмана. А пока ее осматривали, Дантон успел связаться с Итаном и Стефанией, так что ей пришлось успокаивать еще и их.

Когда она в конце концов добралась до своей постели, чтобы без сил рухнуть в нее, за окном уже забрезжил рассвет. А Джотэм позвонил, когда она успела лишь наполовину выпить свою первую утреннюю чашку кофе.

Мгновенно распознав его код, Джасинда сразу же отключила монитор в надежде, что ее старая уловка — якобы она еще не успела привести себя в порядок — сработает. И ведь действительно та всегда ее выручала. Вот только не в этот раз... Ей следовало бы догадаться, что с Джотэмом этот номер не пройдет. Он, на удивление, слишком хорошо ее понимал. И поэтому ее попытка избежать демонстрации своих ушибов только ухудшила ситуацию. Она лишь усилила его панику, хотя, как раз именно этого Джасинда и старалась не допустить.

Что ж, теперь что-либо изменить ей было уже не под силу. Поднявшись, она прошла на кухню, наполнила свою чашку кофе, налила еще одну и, вернувшись в гостиную, стала ждать.

* * *

Джотэм нетерпеливо постукивал пальцем по сиденью лимизина, пока они проезжали по улицам Печоры. О чем только думала Джасинда, пытаясь скрыть это от него! Неужели надеялась, что он ничего об этом не узнает? Или посчитала, что ему все равно? Ведь если бы она погибла, ему пришлось бы расследовать произошедшее, как и в случае с Латой.

Нет, только не это. Он не собирался еще раз терять ту, кого любит всем сердцем!

Его палец замер в воздухе.

Любит?!

Почему он употребил это слово? Это не могло быть правдой. Да, он действительно очень беспокоился о Джасинде, но чтобы любить ее?.. Нет, это удел молодых. Тех, кто еще не нашел своего спутника жизни. Или хотя бы ни разу не подвел его.

Как ни крути, но его чувства к Джасинде — это совсем не любовь.

— Ваше Величество, — оторвал его от размышлений голос Деффонда. — Мы на месте, сир, — выглянув в окно, Джотэм убедился, что они подъехали к ее дому. Причем он был абсолютно уверен в этом, хотя прежде никогда здесь не бывал. И дом, и прилегающий к нему участок несли на себе отпечаток особого элегантного стиля,

поражавшего своей естественностью. Точно так же, как и их владелица. — Я выставил охрану по всему кварталу и вокруг дома. Просто сообщите мне, когда будете готовы к отъезду, — с этими словами Деффонд вышел из машины и, открыв дверцу, загородил своим телом короля, так как за его спиной находилось довольно большое открытое пространство.

Выйдя из лимизина, Джотэм зашагал к дому по выложенной камнем дорожке. И едва он приблизился, дверь перед ним незамедлительно распахнулась.

* * *

Джасинда поднялась, когда услышала, что к ее дому подъехало несколько машин. Она знала, что среди них был лимизин Джотэма. А на остальных — достаточно крупных, чтобы перевозить спецоборудование и оружие, — прибыли его охранники.

О, мадам Нитцшке, безусловно, будет на что потратить этот день.

Джасинда открыла дверь, и от вида внушительной фигуры Джотэма, уверенно и сердито шагавшего по ее дорожке, у нее перехватило дыхание. Отступив назад, она позволила ему войти и тут же закрыла за ним дверь, отгородив их от всего остального мира.

— Я приготовила кофе в... — не договорив, она обернулась и обнаружила, что Джотэм стоит почти вплотную к ней.

— Почему ты мне не позвонила? — эти слова, произнесенные шепотом, растрогали ее до глубины души, так как он, протянув к ней слегка дрожащую руку, нежно прикоснулся к красовавшейся на ее лбу огромной шишке.

— Мне очень жаль, — сказала она искренне. Теперь Джасинда сожалела о своей недогадливости еще больше. — Прости, что вовремя не сообразила. Да и подумать времени не было. Все хотели уложить меня в больницу, и мне пришлось от них отбиваться.

— Весьма глупо с твоей стороны! — хотя Джотэм был довольно резок, его прикосновение оставалось таким же трепетным и нежным.

— Нет, это не так. Я точно знала, что со мной все в порядке.

— Ты сама только что сказала, что плохо соображала!

— Это касается только вопроса необходимости позвонить тебе, но никак не моего самочувствия. К сожалению, я не могла добраться до дома на своем транспорте, поэтому пришлось звонить Дантону.

— Ты должна была позвонить мне!

— Не говори глупостей! — отступив на шаг, Джасинда с недоумением взглянула на него. — Я не могла заставить тебя все бросить, чтобы ты просто приехал за мной.

Джотэм, схватив ее за обе руки, потянул на себя, вынудив встать на цыпочки.

— Почему бы и нет, черт возьми? — почти прорычал он.

Но ее вздох боли заставил его побледнеть. Он тут же ослабил хватку, хотя так и не отпустил ее руки.

— Ты пострадала сильнее, чем говоришь. Пойдем, тебя надо показать врачу.

— Нет! Джотэм, я в порядке! К тому же доктор меня уже осмотрел.

— Когда? В отчете сказано, что ты отказалась ехать в больницу.

— Да, но это вовсе не значит, что я не могла вызвать своего личного врача, — Джасинда увидела облегчение в его глазах. — Мне просто не хотелось, чтобы вокруг меня толпилась куча незнакомых людей, а кто-нибудь из них трогал меня. Доктор Портман является моим личным врачом более двадцати циклов. А до него им был его отец. Я знала, что он даст мне объективную оценку, и он это сделал. Конечно, эта шишка выглядит просто ужасно, но моя голова оказалась достаточно твердой, чтобы выдержать удар. Причем без необратимых последствий. И пусть тебя не пугает этот багрово-фиолетовый синяк, разукрасивший мое лицо. На мое счастье глаз не пострадал. Есть еще, правда, куча

синяков. Но в основном от моего ремня безопасности. Они, скорее всего, поболят еще несколько дней. А в остальном я в порядке.

— Ты уверена в правильности диагноза?

Похоже, Джотэм собирался переговорить с ее доктором.

— Да. Неужели ты думаешь, что Дантон оставил бы меня в покое, не убедившись, что все так и есть?

— Это зависит от того, с кем он говорил: с тобой или с доктором Портманом.

Джасинда рассмеялась и тут же поморщилась от пронзившей голову боли.

— Джотэм, моего сына не так-то просто ввести в заблуждение. Он предпочитает получать информацию из первых уст. Поэтому с доктором беседовал лично.

— То есть тебе на слово он бы не поверил?

— Не больше, чем ты. Тебе дать код Портмана? Или ты попросишь Чесни найти его для тебя?

У Джотэма хватило такта выглядеть немного виноватым. Но от своих намерений он не собирался отказываться.

— Возьму код у тебя.

— Мужчины, — Джасинда с притворным возмущением взмахнула руками, но Джотэм заметил, что она подняла их не так высоко и не так энергично, как делала это обычно.

Джотэм решил вновь задать ей вопрос, на который она так и не ответила.

Он подвел ее к дивану и осторожно усадил так, чтобы они оказались лицом к лицу. Но прежде убедился, что ей удобно и эта поза не причинит ей боли. Затем с благоговением обхватил ее лицо ладонями и нежно поцеловал сначала шишку на лбу, а затем синяк вокруг глаза.

— Почему ты не позвонила мне, Джасинда? — мягко спросил он.

Заглянув в его глаза, она прочувствовала переполнявшую его сердце тревогу. Мучавший его страх. И… некоторое замешательство.

Он действительно не понимал.

— О, Джотэм, — она прижалась к его лбу тем виском, где не было шишки, и погладила его по груди, стараясь успокоить. — Ты король. Я не смогу позвонить тебе, даже если очень захочу.

— И в чем причина? — на последнем слове его голос дрогнул.

— Потому что... у меня нет твоего личного кода.

Джотэм дернулся назад, словно в него выстрелили из парализатора.

— Что? Что ты имеешь в виду? Я же тебе звонил.

— Да, но ты же не думаешь, что любой, с кем ты свяжешься, сможет с такой же легкостью тебе перезвонить? Ведь так? — она вопросительно и немного игриво повела бровью. — Твой код всегда заблокирован, Джотэм. Если бы не эта вынужденная мера, ты принимал бы по тысячу звонков ежедневно.

— Я...

— Ты ведь забыл об этом, правда?

— Я... да, видимо, так оно и есть. Я решу этот вопрос и все исправлю. Хочу, чтобы ты могла звонить мне, Джасинда. В любое время, когда захочешь или когда тебе это будет нужно. Больше никогда не желаю испытывать то, что пережил этим утром. Все слишком напоминало... — он так и не смог закончить фразу.

Но Джасинде и так было ясно, что Джотэм имел в виду смерть Латы.

— Прости. Мне очень жаль, — наклонившись вперед, она нежно поцеловала его. — Очень-очень жаль, — она снова поцеловала его, пытаясь выразить все свое сожаление за тот страх, который ему пришлось пережить. Она постаралась передать ему мысль, что сознательно никогда бы не допустила подобного.

Глава 14

Джотэм закрыл глаза и растворился в поцелуе.

Он думал, что потерял ее.

Снова.

Еще одна транспортная авария.

Еще одна женщина, которую он любил.

На его счастье, Джасинда не погибла. И сейчас находилась в его объятиях. К тому же сама поцеловала его. Он никогда больше не выпустит ее из своих рук. Похоже, Уилл был прав. Когда его сердце выбирало женщину, это происходило именно так. Оно остановилось на Джасинде, и Джотэм не собирался больше терять ни одной драгоценный минуты, которую мог провести с ней рядом.

* * *

Внезапно Джасинда отметила, что в ней неожиданно что-то изменилось. Поцелуй, которым она всего лишь хотела утешить Джотэма, стал более чувственным и более страстным. Ее затопило такой сильной потребностью, что даже дыхание перехватило. А пальцы впились в его рубашку, когда весь мир покачнулся.

И тут она осознала, что закачался вовсе не мир, а она сама.

Подхватив ее с дивана, Джотэм держал ее на руках, словно она ничего не весила.

— Где твоя спальня? — выдохнул он у ее губ.

— До конца по коридору и налево, — Джасинда поймала себя на том, что ответила ему без промедления.

Джотэм, не желая терять ни секунды, понес ее по коридору. Из-за своей гордости и неуверенности в себе он потратил впустую слишком много времени. Но больше медлить он не будет. Сейчас он собирался не просто добиться желаемого. Он намеревался сделать ее своей.

Подойдя к изножью кровати, Джотэм расслабил объятия и позволил ей немного соскользнуть вниз по его телу. Приникнув к ее губам, он углубил поцелуй, и его язык юркнул меж ее приоткрывшихся губ. Он впервые по-настоящему распробовал ее вкус. О, она была намного слаще его любимого торта с помадкой.

Очень осторожно — не забывая про ее синяки — Джотэм погладил ее по спине, продолжая удерживать ее на одном уровне с собой. Он наслаждался шелковистой тканью платья, что было надето на ней. Он смутно помнил, что когда Джасинда открыла входную дверь, она была в чем-то длинном, черном и струящемся. Но тогда у него были совсем иные заботы.

А сейчас ему захотелось побыстрее снять это, чтобы прикоснуться к ее коже.

Когда его руки добрались до ее шеи, он слегка отстранился и прервал поцелуй, чтобы взглянуть на нее. Лицо Джасинды было так близко, что от него не укрылись ни оставшаяся после его поцелуев влага на ее губах, ни горящие страстным желанием глаза цвета морской волны. А еще в глаза бросались ее ужасные синяки… которые, впрочем, не смогли испортить общего впечатления. Эта великолепная женщина была самым прекрасным созданием, которое он когда-либо видел.

Джотэм, не отрывая глаз от ее лица, провел пальцами по нежной коже ее лебединой шеи, чтобы тут же проникнуть под скрывающий ее утонченные ключицы шелк и начать медленно сдвигать материал в стороны — обнажая бархатистую кожу ее округлых женственных плеч — до тех пор, пока он не упал.

Мужчина оглядел открывшееся ему великолепие, и у него перехватило дыхание.

Тоненькие бретельки, изящно обхватывающие плечи, переходили в ажурный, украшенный множеством кружев корсет, идеально поддерживающий большую пышную грудь. А шелковая юбка струилась до самого пола.

— Какая же ты красавица, — слегка наклонившись, Джотэм поцеловал ямочку возле ключицы и почувствовал, как по ее телу пробежала легкая дрожь. — Тс-с-с, — прошептал он напротив ее кожи. — Все хорошо, Джасинда.

— Я знаю, — она склонила голову набок, предоставляя его губам более легкий доступ к тому месту, где она жаждала их ощутить.

Не прекращая целовать ее плечи, Джотэм подцепил большими пальцами бретельки и потянул их вниз по ее рукам, снимая вместе и корсет, и лиф платья.

Теперь настала его очередь дрожать от вида синяков, открывшихся его взору.

— О, Джасинда...

Осторожно — предельно осторожно — и очень нежно он поцеловал отвратительный синяк, пересекавший все ее тело. Начинаясь прямо от плеча, фиолетовый след спускался вниз между грудями и, скользнув вокруг талии, исчезал. Джотэм не сомневался, что причиной этого был ремень безопасности, благодаря которому она не погибла.

— Со мной все хорошо, Джотэм.

— Нет, это не так, — прозвучавший в его голосе гнев противоречил мягкости его губ. — Но, слава предкам, ты жива.

Он продолжил прокладывать дорожку из поцелуев вдоль уродовавшей ее прекрасную кожу отметины и на мгновение замер, когда достиг вожделенной ложбинки между ее грудями. Он потерся носом об ее соблазнительные упругие полушария, которым позавидовало бы большинство женщин, наслаждаясь ее уникальным ароматом. Пряная сладость, живительное тепло и легкий намек на чайные розы. С этой минуты всякий раз, как он ощутит утонченный запах роз, он будет вспоминать Джасинду.

Губы Джотэма с жадностью обрушились на ее золотистые холмики, целуя, облизывая и покусывая их, пока наконец не добрались до тугой чувствительной вершинки. Мужчина на мгновение замер, и, прежде чем поглотить очаровавший его темный набухший сосок, согрел его своим горячим дыханием.

— Джотэм! — простонала Джасинда его имя и, запустив пальцы в его густые волосы, прижала его голову, поощряя продолжать начатое.

Он же, желая услышать это снова, в ответ усилил свой напор.

Его пальцы сжались на ее бедрах, и он стал потираться своим болезненно пульсирующим членом — заключенным в брюки, мгновенно ставшие тесными, — о ее живот, который он до этого уже успел оголить. Джотэм легонько подтолкнул ее, и Джасинда, сделав шаг назад, опустилась на кровать. Нависнув над ней и удерживая свой немалый вес на локтях, он отдал все свое внимание другой груди, пока не убедился, что та не чувствует себя обделенной.

* * *

Джасинда еще глубже зарылась пальцами в густые темные волосы Джотэма, удерживая его рот именно там, где ей не терпелось получить наибольшее удовольствие. Она уже давно не была той молодой невинной девушкой, что во время близости с мужчиной пребывала в растерянности, не зная, что нужно делать, чтобы давать и получать присущее таким моментам чувственное наслаждение. Вот только с Джотэмом эти мгновения казались совершенно иными и ранее не испытанными. Все ощущения были настолько волнительными, что это не просто смущало, а даже немного пугало ее.

Джасинда прекрасно понимала, что уже далеко не молода. Во-первых, ее дети были уже довольно взрослыми. А несколько циклов назад она стала вдовой и к тому же еще и бабушкой. Но когда Джотэм смотрел на нее с таким неподдельным восхищением, то

умудренная жизненным опытом женщина в ней исчезала, уступая место трепетному чувству, отчаянно стремящемуся познать этого великолепного мужчину.

От поцелуя, который Джотэм подарил ей прошлым вечером, у нее непроизвольно подогнулись пальчики на ногах. Но когда он поцеловал ее сегодня… ее душу окутало таким блаженством, что это вмиг пробудило в ней все те чувствования, о существовании которых она давно забыла. А когда он с поразительной легкостью нес ее на руках, она вновь почувствовала себя юной девой в объятиях своего героя.

Джасинда забеспокоилась, когда Джотэм начал снимать с нее сорочку. Ей не хотелось, чтобы он увидел покрывавшие ее тело синяки и ссадины. Но его глаза — вместо ожидаемого отвращения — наполнились тревогой. Переживаниями человека, который беспокоился о ней намного больше, чем о себе. Его нежные поцелуи, приласкавшие каждый кусочек пострадавшей в аварии кожи, ощущались чудодейственным бальзамом, мгновенно облегчающим боль. Причем эффект от них был намного сильнее, чем от таблеток, что прописал ей доктор Портман.

Джасинда почувствовала, как к ее животу прижался эрегированный член — свидетельство его безумного желания. Джотэм лег на нее, стараясь не давить слишком сильно, так как опасался, что может сделать ей больно. Этот мужчина был настоящим джентльменом. Вот только сейчас Джасинда не была настроена на подобные церемонии.

— Джотэм... прекрати меня дразнить.

Его губы — до этого жадно теребившие ее сосок — выпустили его, и ей тут же захотелось вернуть их обратно.

— Ты думаешь, я тебя дразню? — его удивительные фиалковые глаза стали почти черными, а в голосе проскальзывали рычащие нотки.

— Да!

— Но мы же не можем сейчас сделать это, так ведь?

* * *

Слова Джасинды поразили Джотэма до глубины души. Она его торопила! Буквально за мгновение до этого он решил, что она заслуживает особого обхождения, что с ней нужно быть как можно мягче. Ведь это была их первая близость. К тому же Джасинда была ранена. Но, по всей видимости, он недооценил эту удивительную женщину.

Джасинда была зрелой, мудрой и прямолинейной. Она не заигрывала с ним. Сказала именно о том, чего в эту минуту действительно хотела. И, на его счастье, их интересы полностью совпали. Он собирался незамедлительно дать ей то, чего они оба так страстно желали.

С большим сожалением он оторвался от ее груди, но как только начал спускаться вниз по ее телу, сожаление мгновенно сменилось восхищением, вызванным новыми удивительными открытиями. Он поцеловал поблекший от времени шрам, о котором чуть позже непременно спросит ее, и каждую красную растяжку, что, как правило, оставались у женщин после рождения детей. Каждый поцелованный им кусочек ее — получившего эти жизненные отметины — тела неимоверно сближал их, а вовсе не отталкивал. Как это могло случиться, когда он был моложе и, разумеется, глупее. Теперь он видел в них лишь символы успешно прожитой жизни. И ему нестерпимо захотелось стать неотъемлемой частью этого.

Многие циклы Джотэм был королем. А до этого был принцем. За свою немалую жизнь он ни разу не опускался на колени. Ни перед кем. Это было дело принципа. Но стоило ему лишь взглянуть на ее женское естество в обрамлении красиво подстриженных темно-каштановых завитушек, как он оказался меж ее ног, а его язык, не теряя времени, проскользнул между припухшими от возбуждения складочками. Мужчина знал, что это был единственный способ воздать ее женственности должные почести — поклонением ее сокровенному чувственному алтарю.

* * *

Глаза Джасинды расширились от потрясения, когда Джотэм опустился на колени между ее ног. Да, Стефан не раз проделывал это для нее, но вот Джотэм..? Ведь он все-таки был королем. А короли никогда не преклоняли своих колен. Даже перед женами. Древняя городская легенда гласила: королю позволялось таким способом удовлетворять женщину, но при этом он должен был лежать на кровати так, чтобы колени его свисающих ног ни в коем случае не касались пола.

— Джотэм... — она приподнялась на локтях, глядя на него сверху вниз.

— Тс-с-с, — он осторожно раздвинул большими пальцами ее припухшие и влажные от соков складочки.

Он знал, что они стали такими из-за него. И тогда ему захотелось посмотреть, насколько влажной она станет после его интимных поцелуев. Он решил выяснить это немедленно. Обнажив лепестки ее женского естества, он приблизился к ним губами, желая вкусить этот раскрывшийся для него зрелый бутон.

— Джотэм!

Он поднял глаза, и от увиденной картины его сердце пропустило удар.

Джасинда лежала на кровати, приподнявшись на локтях и слегка выгнув спину. Ее голова была откинута назад так, что длинные густые волосы водопадом рассыпались по постели. А пышные груди, которыми он только что наслаждался, беззастенчиво устремились вверх, напоминая остроконечные горные вершины. По всему было видно, что Джасинда окончательно потерялась в том, что он с ней делал.

Джотэм никогда не видел ничего более прекрасного.

Никогда не чувствовал себя таким всесильным. И он хотел большего.

Сомкнув губы вокруг ее чувственной жемчужины, он сильнее сжал их и слегка потянул ее на себя. Затем тщательно вылизал ее языком, заставляя Джасинду беспрерывно громко стонать.

— Еще, Джотэм, пожалуйста.

Он не смог ей отказать. И когда набросился на нее как варвар, изголодавшийся по женскому телу, вознамерился отдать ей всего себя. И в то же время желал насытиться ею. Ведь она была единственной женщиной, способной утолить его голод.

* * *

Джасинда с удивлением отметила, как бурно реагировало ее тело на ласки Джотэма. И с трудом могла поверить в те чувства, что он выражал по отношению к ней. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного… Исходящая от мужчины ненасытная потребность. Сосредоточенная исключительно на ней. Это было сродни внезапно обрушившейся на вас стихии. Покорявшей своим величием и своей мощью. Больше всего на свете Джасинде хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось.

Но, к сожалению, она уже чувствовала неумолимое приближение оргазма.

Все началось с того, что Джотэм поцеловал ее губы. А следом и все явственные следы аварии. Когда он уделил внимание ее грудям, то каждое движение его языка или губ мгновенно вызывало бурный отклик в ее лоне. Теперь же своим ртом он приближал ее к долгожданному пику. Она была так близко... Ей просто нужно было еще немного...

У нее создалось впечатление, что Джотэм мгновенно улавливал любую ее нужду. Что он точно знал, чего она в это мгновение хочет. Он провел пальцем по ее влажным складочкам, а затем медленно ввел его в ее влагалище. Он начал двигать им, стараясь с каждым толчком проникнуть как можно глубже, и лишь на мгновение отступил, чтобы добавить еще один палец. Теперь их мощные и ритмичные движения наполняли ее сладостной истомой, растягивая и готовя для него.

Когда его пальцы загнулись, отыскав именно ту точку, что обещала подарить ей немыслимое наслаждение, Джасинда вскрикнула, ее пятки вжались в его плечи, и оргазм взорвался внутри нее миллиардом разноцветных огней.

* * *

Джотэм почувствовал, что Джасинда уже близка к разрядке.

Он понял это по ее напрягшимся мышцам, по сдавленным протяжным стонам и по дрожанию тела, становившемуся с каждым мгновением все сильнее. Он видел, что до ее кульминации оставалось совсем чуть-чуть. И он точно знал, как подвести ее к этому.

Скользнув пальцем по ее припухшим и влажным складочкам, Джотэм обильно смазал их ее текущими от всепоглощающего желания соками, а затем не спеша надавил на ее вход пальцем, требуя открыться для него. И она — с поразительной готовностью — поддалась. Его палец вжался в ее тугую мягкость так глубоко, как только мог, а затем на мгновение выскользнул, чтобы к нему присоединился еще один. Джотэм растягивал ее, так как знал, что ее необходимо подготовить. Иначе она просто не сможет принять его.

Крутанув запястьем и согнув пальцы, он стал потирать то местечко, прикосновения к которому, как он знал, отправят ее за край. И был вознагражден ее криком освобождения.

* * *

Джасинда попыталась сфокусировать на нем взгляд, когда Джотэм расположился между ее ног. Она услышала шуршание и безошибочно определила, что это звук снимаемой одежды. Затем Джотэм поудобнее устроил ее на кровати и в мгновение ока снова оказался у нее между ног.

Набухшая и пульсирующая головка его эрегированного члена вжалась в ее вход. От этого давления ее взгляд наконец-то прояснился, а от того, что она увидела на его лице, у нее буквально перехватило дыхание.

— Джотэм...

— Ты нужна мне, Джасинда, — его голос был таким низким, таким хрипловатым, наполненным едва сдерживаемой страстью, что ее сердце, ритм которого только-только начал восстанавливаться, снова помчалось вскачь.

— Тогда возьми меня. Я вся твоя, — от собственных слов, непроизвольно слетевших с языка, она испытала легкий шок.

Джотэма не пришлось уговаривать. Не теряя ни секунды, он рванул к долгожданной цели и одним ударом до предела заполнил ее лоно. При каждом мощном толчке его яйца шлепались об ее промежность, так как он, казалось, стремился буквально пронзить ее насквозь.

— Я долго не протяну, — предупредил он, когда почти полностью вышел из нее, но тут же мощным толчком вернулся обратно.

Джотэм впился в ее губы страстным поцелуем.

— Это не имеет значения, — выдохнула она, когда он наконец отпустил ее губы.

Ее бедра призывно приподнимались, радостно приветствуя каждый новый толчок.

— Имеет, — он продолжал вколачиваться в нее, как вдруг почувствовал, что позвоночник начало покалывать.

Этих ощущений он не испытывал уже многие циклы.

Его яйца напряглись, и он понял, что находится в нескольких шагах от рая. Но он не собирался идти туда без нее. Просунув руку между их телами, он нашел ее клитор и приласкал его. Почему-то он был абсолютно уверен, что это сведет ее с ума.

— Джотэм...

— Мы придем туда вместе, Джасинда. Ты сделаешь это снова, для меня, — продолжая толкаться в нее, он начал быстрее тереть ее клитор.

— Джотэм! — Джасинда не могла поверить, что собирается снова кончить.

Такое с ней случалось крайне редко даже тогда, когда она была намного моложе.

— Кончи для меня! — потребовал он. — Я приказываю!

И она подчинилась.

* * *

Джасинде казалось, что у нее совсем нет костей. Она с уверенностью могла сказать об этом, так как ее тело — после триумфального крика освобождения — плавясь от прикосновений Джотэма, буквально растеклось по нему томной лужицей, едва он, перекатившись на спину, потянул ее на себя. На его теле не было ни одной частички, которую бы она сейчас не прочувствовала. Ни на его груди, к которой он с неимоверной нежностью прижимал ее. Ни на его руках, крепко обнимающих ее. Ни на губах, в ласковом поцелуе прижавшихся к ее виску.

Обхватив его талию руками, Джасинда попыталась более осознанно взглянуть на все, что с ней только что произошло. И вдруг — неожиданно для себя — начала хихикать.

Хихикать? Нет, она начала громко смеяться.

* * *

Джотэм перекатился на спину, увлекая за собой Джасинду. Только что он испытал самое потрясающее и колоссальное по своей мощи высвобождение. Возможно, впервые в своей жизни. Все было настолько потрясающим!.. И не только обнаруженное им нежелание, чтобы эти чувствования вообще заканчивались. И даже не то неимоверное наслаждение, что он испытал при разрядке. А именно всепроникающее ощущение неразрывной связи с другим живым существом. Буквально, родство душ.

Джотэм был уверен, что Джасинда чувствовала то же самое. Подтверждением стала ее нога, тесно обхватившая его бедро. Ее рука, прижавшаяся к его талии. И ее голова, доверчиво приникшая к его груди. Это удивительное чувство гармонии и единства длилось до тех пор, пока она не начала смеяться.

Джотэм нахмурился, когда она подняла на него взгляд, полный веселья.

— Я приказываю тебе?! — она усмехнулась. — Серьезно? — и не дождавшись его ответа, снова уткнулась лицом в его грудь. — Хвала предкам, Джотэм! Только ты мог сказать что-то подобное.

Мужчина почувствовал, что краснеет, когда подумал, насколько высокомерно прозвучали его слова. И все же Джасинда подчинилась ему?..

— Мне показалось, тебе понравилось.

Ее смех оборвался. Упершись подбородком в его грудь, она заглянула ему в глаза.

— Да, мне действительно это понравилось, — призналась она, краснея. — Правда, очень понравилось. Но хочу рассказать тебе о том, что меня немного расстроило.

— Я сделал что-то не так? — Джотэм нахмурился.

— М-м-хм, — положив руку на его мускулистый живот, она оттолкнулась от него и села в кровати, не обращая внимания на свою наготу.

— И что же я сделал неправильно? — он выглядел очень серьезным, так как хотел немедленно разобраться с этим.

Ему пришлось собрать все силы, чтобы не отвлекаться ни на ее прекрасное тело, ни на вызывающие ответное желание прикосновения. Все, чего он хотел во время их близости, — это угодить желанной женщине.

— Ты разделся так быстро, что я не успела насладиться этим эффектным зрелищем.

— Я... Что?!

— Мне хотелось посмотреть, как ты раздеваешься, — говоря это, Джасинда погладила рельефные мышцы его груди. — Ты даже не представляешь, сколько женщин мечтало и сколько до сих пор мечтает увидеть тебя голым.

— Что?!!

Она широко улыбнулась, увидев потрясение на его лице.

— Они обсуждают твою грудь, — наклонившись, она осыпала ее поцелуями, уделив особое внимание плоским темным соскам, заставив их затвердеть от удовольствия. — И все эти циклы задаются вопросом: на самом ли деле она такая великолепная, какой выглядит в твоих элегантных пиджаках? Или же это всего лишь иллюзия, созданная благодаря их пошиву? — Джасинда никогда не сомневалась, что Джотэм и без одежды выглядит потрясающе. — А еще они любят говорить о твоих узких бедрах, — она соскользнула вниз по его телу, по пути погладив каждую впадинку и поцеловав каждый выпуклый мускул, отчего они стали еще более внушительными. — В Академии мы все любовались одной шикарной фотографией. Той, где ты один выходишь из бассейна. На ней ты весьма многозначительно ухмыляешься, а при этом на тебе лишь крошечные плавки. Которые, кстати говоря, больше открывают, чем что-либо скрывают. Включая твой великолепный пресс.

Услышав его мученический стон, Джасинда взглянула на него из-под ресниц.

— Ненавижу этот снимок, — проворчал Джотэм. — А ведь я пытался все их уничтожить.

— Боюсь, тогда бы все женщины Кариниана, независимо от их возраста, взбунтовались, — она знала, что так оно и было бы, ведь это фото во все времена считалось легендарным. — Я точно знаю, что та фотография до сих пор висит в рамке на стене женского общежития Академии.

— Скажи, что ты пошутила.

Джасинда усмехнулась, заметив промелькнувший на его лице ужас, и продолжила целовать его тело.

— Боюсь, мне нечем тебя порадовать. До сего дня каждая каринианка жаждет знать, смог ли ты сохранить все восемь кубиков того стального пресса.

Джотэм выгнулся и застонал, когда ее пальцы коснулись головки его быстро набирающего силу члена.

— Как видишь, они все при мне, — простонал он.

— Нет, это ложь, — Джасинда одарила его дерзкой усмешкой. — Всего лишь шесть. Я ооочень разочарована, — она скользнула еще ниже по его телу и, устроившись у него между раздвинутых ног, заменила пальцы своими губами.

— Джасинда!..

Проигнорировав его окрик, она обхватила губами его крупную выпуклую головку и постаралась взять его член как можно глубже в рот. Для Стефана она это делала крайне редко. И не потому, что ей это не нравилось. Просто на протяжении их союза ее спутник жизни не испытывал от оральных ласк никакого удовольствия. И хотя Джасинда не понимала причин этого, она с уважением приняла его выбор.

Джотэм же, казалось, наоборот, наслаждался происходящим. Ну, если то, с какой страстью его пальцы погружались в ее волосы, чтобы подкорректировать ее движения, было каким-то реальным признаком. Обхватив ладонью основание его члена, чтобы он в порыве страсти не задушил ее, она приняла его длину настолько, насколько осилила. А в это время, сжав другой рукой его тяжелые яйца, мягко перекатывала их на ладони.

Джасинда, проведя языком вдоль выпуклой вены с нижней стороны его члена, ощутила его ускорившийся от ее ласк пульс. Затем она принялась вылизывать его головку, подхватив выступившую на ней капельку предсемени. Застонав от попавшей на язык сладости, она, желая получить больше, стала сосать его член с особым рвением.

— Предки! Только не останавливайся, Джасинда! — умолял ее Джотэм.

Его дыхание стало прерывистым. Пальцы судорожно сжали ее волосы. А бедра, словно обезумев, стремились глубже проникнуть в горячую влажность ее рта. Джасинда почувствовала, как в ее руке напряглись его яйца, и поняла, что он уже на грани. Опустившись вниз, она постаралась захватить его поглубже, сглотнула, и Джотэм наконец взорвался.

* * *

Джотэм рухнул на спину, пытаясь восстановить контроль не только над своим дыханием, но и над разумом. То, что только что сделала для него Джасинда, потрясло его до глубины души. Разве мог он ожидать такого?.. Даже в самых смелых мечтах он бы не посмел предположить подобное. Но хвала предкам! Как такой ужасный день мог в одно мгновение превратиться в столь невероятный и потрясающий?..

Когда он узнал о транспортной аварии, его единственным желанием было поскорее добраться до Джасинды, чтобы убедиться, что она действительно жива. Когда он ехал к месту аварии Латы, ему сказали лишь то, что последствия очень серьезны. Никто не оповестил его, что у нее не было ни единого шанса выжить. Сегодня же Деффонд сообщил ему, что Джасинда попала в серьезную дорожную аварию, но с ней якобы все в порядке. Джотэм не смог поверить его словам, пока сам не убедился в их правдивости.

Он держал ее в своих объятиях. Он целовал ее.

Джасинда изменила его мир. Во всех смыслах этого слова.

Почувствовав, что она зашевелилась, он поднял голову и посмотрел на нее, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. И тут он ощутил, как его мир вновь перевернулся.

Ее удивительные бирюзовые глаза сияли от счастья, а щеки ярко пылали от смущения. Он осознал, что его пальцы не желают покидать ее шелковистые каштановые локоны. Осторожно переместив свои руки, он подтянул ее вверх по своему телу и впился в ее губы нежным поцелуем.

— Ты удивительная женщина, Джасинда, — прошептал он ей прямо в губы.

— Хм-м-м, — она поцеловала его в ответ и свернулась калачиком в его жарких объятиях.

Она собиралась сказать еще что-то, но вместо нее заговорил ее желудок, напомнив о себе громким урчанием. Глаза Джотэма зажглись весельем.

— Проголодалась?

Джасинда слегка покраснела.

— Немного, — оперевшись рукой о его подтянутый мускулистый живот, она села в кровати и тут услышала знакомое урчание. — О, похоже, я здесь не одна голодная. Пойдем, посмотрим, что у меня есть на кухне.

Глава 15

Джотэм наблюдал, как Джасинда по-хозяйски ловко управляется на своей кухне. Она со знанием дела варила кофе, не путаясь в шкафчиках, доставала нужную посуду, выбирала в холодильнике необходимые ингредиенты. Когда он в последний раз сидел на кухне и видел, как готовят пищу? И было ли это вообще когда-нибудь?

Порывшись в памяти, Джотэм понял, что подобное случалось с ним лишь в детстве. Когда он посещал хижину Зафаров, и мама Уилла готовила им завтрак. С тех пор он имел дело только с готовыми блюдами.

Джотэм с удивлением обнаружил, что ему нравится наблюдать за самим процессом приготовления. Особенно когда это делала для него Джасинда. Тем более что на ней сейчас был лишь тонкий, накинутый на голое тело — он знал это наверняка — шелковый халатик.

— Отчего это у тебя такой довольный вид? — Джасинда поставила перед ним тарелку с фруктами и пирожными, а затем отвернулась, чтобы взять кофейник.

Сев за стол, она налила две чашки и пододвинула к нему подсластитель.

— Довольный вид? — с притворным недоумением спросил Джотэм и сделал глоток подслащенного кофе. Джасинда скептически приподняла бровь. Он усмехнулся. — Ладно. Я просто решил, что мне очень нравится смотреть, как ты готовишь мне ужин. Тем более когда я знаю, что скрывается под этим халатом. Ну, точнее, чего там нет, — протянув руку, он провел ладонью по золотистой коже, обнажившейся оттого, что ноги Джасинды были скрещены в лодыжках.

Ее губы дрогнули, и она поднесла ко рту чашку, намереваясь сделать глоток.

— Джотэм Тибулл, ты неисправим. Ешь давай, — приказала она.

Он беспрекословно подчинился. Но его рука так и осталась лежать на ее коленке.

Ужин прошел в комфортной тишине.

— Как ты себя чувствуешь? — его рука слегка сжала ее колено.

Джотэм повернул ее вращающийся стул так, чтобы она оказалась лицом к нему: во время еды он заметил, что она несколько раз поморщилась.

— Нормально.

— Джасинда, — он приподнял пальцем ее подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза, и увидел затаившуюся в них боль, которую она всячески пыталась скрыть от него. — Портман дал тебе обезболивающие?

— Да, там были какие-то таблетки.

— Где они?

— На тумбочке, рядом с моей кроватью.

— Сиди здесь, я сейчас принесу их.

— Хорошо, — она положила руку ему на грудь и нежно погладила оголенную кожу в расстегнутом вороте его рубашки. — Спасибо.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее.

— В любое время к твоим услугам. Жди меня, я быстро.

* * *

Таблетки Джотэм нашел без труда. А когда услышал, что Джасинда ходит по кухне, поспешил вернуться к ней. Ему следовало догадаться, что она, скорее всего, не усидит на месте. Он подошел к кухне, и стало понятно, что она с кем-то разговаривает.

— Я в порядке, Дантон. Поверь мне. Тебе не нужно ко мне приезжать.

Когда Джотэм вошел в кухню, Джасинда стояла к нему лицом и разговаривала по комму.

— Мама, прошлой ночью ты попала в серьезную аварию, — обеспокоенный голос Дантона заполнил все помещение.

— Я в курсе, Дантон. Я же сама там была.

— А что ты делала на дороге в такое позднее время? — требовательно спросил он.

— Прошу прощения? — холодность тона Джасинды и выразительно поднятая бровь, когда она смотрела на экран, должны были предупредить Дантона, что он ступает по тонкому льду.

Именно с этим совсем недавно столкнулся Джотэм.

— У женщин твоего возраста не может быть причин разъезжать по улицам города так поздно, — продолжал настаивать Дантон, видимо, не подозревая, что своими словами задевает чувства матери.

— Женщин моего возраста?

От этих слов Дантона Джотэма буквально передернуло. Этот мальчик жаждал смерти? Ни один мужчина в здравом уме не посмел бы сказать женщине что-либо в таком духе. Даже если это была его мать.

— Мама, ты прекрасно знаешь, что я имел в виду.

— Нет, Дантон Мичелокакис, не знаю. Может, ты все же объяснишь мне, почему женщина моего возраста не должна покидать дом в вечернее время?

— Но это был не вечер, мама. Было уже далеко за полночь!

— И что ты этим хочешь сказать? — движение в дверном проеме заставило Джасинду поднять глаза, и она увидела Джотэма, который с нескрываемым интересом следил за ходом ее беседы с сыном.

— Куда ты ездила в такое позднее время?

Глубоко вздохнув, Джасинда заставила себя успокоиться. И только после этого вернулась к разговору.

— Дантон, я взрослая женщина, и потому не обязана отчитываться, куда хожу или с кем встречаюсь. И ни кого не волнует, в котором часу я это делаю.

— Ты хочешь сказать, что была... с кем-то?!! — последние два слова он прошептал с возрастающим ужасом.

— Я этого не говорила. Просто пытаюсь до тебя донести, что даже если бы и так, то моих детей это никоим образом не касается. Послушай, Дантон, я хочу поблагодарить тебя за то, что вчера вечером ты без промедления приехал и забрал меня с места аварии. Я также благодарна тебе за звонок и твое искреннее беспокойство обо мне. Но уверяю тебя, я в порядке. Давай закончим этот разговор, пока мы не наговорили лишнего и не обидели друг друга. Я сама позвоню тебе позже, через пару дней. Я люблю тебя, Дантон, — и с этими словами Джасинда отключилась.

Подойдя к раковине, Джотэм наполнил стакан водой и подал ей.

— Ты в порядке?

— Да, — потянувшись к нему, она сжала его руку, в которой он держал пузырек с таблетками. — Мне жаль, что тебе пришлось это слушать.

— А мне нет. Просто бы сказала ему, что была во дворце, — Джотэм поставил перед ней стакан с водой, затем прочитал инструкцию на пузырьке и, вытряхнув таблетку, протянул ее Джасинде. — Вот, возьми.

— Спасибо, — она бросила таблетку в рот и запила водой. — Я не могу.

— Почему?

— Потому что у меня нет причины ездить туда в такое время.

— А разве я не причина? — он попытался скрыть свое разочарование, но она все же услышала прозвучавшую в его голосе боль.

— Джотэм... — поднявшись, Джасинда шагнула к нему и, обхватив ладонями его лицо, заглянула ему в глаза. — Конечно же, ты самая веская причина. Но ты же не хочешь, чтобы все знали, что я навещаю тебя по ночам.

— А я не хочу? — Джасинда нахмурилась. Повернув голову, Джотэм поцеловал внутреннюю часть ее ладони. — Давай посидим в другой комнате?

Она кивнула и, развернувшись, повела его в гостиную.

* * *

Джотэм расположился на диване рядом с Джасиндой и с удивлением обнаружил, что сильно нервничает, так как начал непроизвольно потирать свои вспотевшие ладони о бедра. Он дал себе время успокоиться, решив пока осмотреть комнату, на которую прежде вообще не обратил внимания.

Его глаза расширились.

На низеньком столике, прямо перед ним, стояли в рамках — различных форм и размеров — фотографии семьи Мичелокакис. На одной из них были запечатлены ее дети. Совсем еще юные и, очевидно, находившиеся где-то на отдыхе. Они сидели прямо на песке и радостно улыбались тому, кто их фотографировал. На другой был Дантон. Мальчик сидел на плечах у Стефана, смеялся и дергал отца за уши. А вот на той — прямо

перед зданием Академии — стояли Стефан с Джасиндой и обнимали свою дочь, одетую в форму выпускника.

Продолжая рассматривать снимки, Джотэм убедился, что по ним можно было проследить всю жизнь Джасинды. Не только взросление ее детей, но и счастливые годы жизни со Стефаном, ее спутником жизни. Некоторые же фотографии были сделаны на официальных приемах. Это было очевидно.

Когда Джотэм поднял глаза вверх и взглянул на каминную полку, то увидел портрет Стефана, смотревшего на них сверху вниз.

— Джотэм? — голос Джасинды привлек его внимание.

— Стефану очень повезло.

Джасинда проследила за его взглядом и нахмурилась.

— Не понимаю...

— У тебя до сих пор висит его портрет. И здесь полно его фотографий.

— И что в этом такого особенного?

— Я бы не выдержал этого. После гибели Латы… было слишком больно видеть ее лицо. Своего рода ежедневное напоминание, что она покинула меня.

Несколько мгновений Джасинда молчала, пытаясь собраться с мыслями.

— Каждый человек, Джотэм, скорбит по-своему. Я бы солгала, если бы сказала, что никогда не рыдала, глядя на этот портрет. Что ни разу за эти циклы не злилась на Стефана за то, что он оставил меня одну. Особенно тяжело было смотреть на этот снимок, — она подняла фото, на котором ее супруг, ползая на четвереньках по комнате, катал всех троих детей на спине. — Но я никогда даже мысли не допускала, чтобы упаковать их и убрать на чердак. Стефан, может быть, и ушел, но он навсегда останется частью моей жизни.

— Вот в чем его везение. Ты так бережно хранишь память о нем.

— Джотэм, но ты и сам никогда не забывал Лату. Просто помнишь ее по-своему. К тому же ее портрет висит в твоем кабинете.

— Ты сама осудила меня за это, — напомнил он ей.

Джасинда вспомнила сказанные ею в порыве гнева слова и почувствовала, как ее окатило волной жгучего стыда.

— Прости, Джотэм, — она наклонилась к нему и погладила его по руке. — Мне не следовало говорить такое. Я не вправе судить тебя.

— А кто вправе? Если не тот, кто был ей настоящим другом? — Джотэм вскочил на ноги и начал нервно расхаживать по комнате. — Я любил Лату. И до сих пор люблю ее.

— Я знаю, — обеспокоенный взгляд Джасинды повсюду следовал за ним.

— Но... — взглянув на нее и увидев в ее глазах искреннее беспокойство за него, он наконец решился признаться в том, чего никогда и никому не рассказывал. — В последние годы жизни Лату не удовлетворяла наша совместная жизнь.

— Что? Она сама тебе об этом сказала? — Джасинда не скрывала своего потрясения.

— Нет, не так много слов, но я слишком хорошо знал ее. На нее постоянно давили, а я, к сожалению, ничем не мог ей помочь.

— Я уверена, ты делал все, что в твоих силах, Джотэм. Ты тоже находился под постоянным давлением.

— Да, но то, что пришлось выдерживать Лате, не шло ни в какое сравнение. По крайней мере, у меня был некоторый опыт, и меня с детства готовили к публичной жизни и такому виду деятельности. У Латы же в арсенале ничего этого не было. А когда она зачала...

— Когда она зачала?..

— Она так злилась, так обижалась на меня...

— Я не понимаю.

— Мы заранее обсудили с ней эту тему. Она хотела отложить рождение ребенка хотя бы на четыре цикла. Лата не хотела беременеть, пока не утвердится в своих обязанностях. И, разумеется, я не стал возражать. Но потом с головой погрузился в

королевские дела и однажды забыл выпить сок оллали, — Джотэм запрокинул голову назад и уставился в потолок. — Если бы я тогда...

— То сейчас бы у тебя не было Барека, Джотэм, — Джасинда встала и, подойдя к нему, дождалась, когда он посмотрит на нее. — Лата любила сына. Даже если бы она могла повернуть время вспять, то, уверяю тебя, не стала бы ничего менять.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. Мы с Латой много общались. Я тебе уже говорила. Пока Барек был совсем маленьким, они часто приходили сюда. Мы сидели здесь, беседовали, обсуждали вопросы, волнующие всех молодых матерей. Наблюдали за тем, как играют наши мальчики. Однажды Лата кое-что сказала, и мне показалось, я поняла, что она имела в виду. Но теперь я вижу, что тогда не совсем верно восприняла ее слова. Только сейчас все встало на свои места.

— И что она сказала?

— Что даже при возможности все изменить, не согласилась бы на это. Нет, речь шла лишь о том, насколько она была рада, что родила Барека. Мне ее слова тогда показались немного странными. Но я решила, что она имела в виду бессонные ночи, проведенные возле его кроватки.

— Она так и сказала?

— Да.

— А что значат твои слова «пока он был совсем маленьким»? Лата перестала навещать тебя?

— Вскоре после празднования первого дня рождения Барека, — Джасинда подошла к многоярусному столу в дальнем конце комнаты и взяла фотографию, прятавшуюся на нижней полке за остальными. Вернувшись к Джотэму, она протянула ему снимок. — Мы воспользовались автозапуском, чтобы сделать его. Это был ее последний визит.

Джотэм взглянул на фотографию и почувствовал, что его глаза наполнились слезами. На него смотрела его Лата. Она сидела на полу рядом с Джасиндой, и они обе держали на руках сыновей. Все четверо улыбались, даже малыши.

— Почему она перестала приходить? — тихо спросил он.

— Кое-кто из жен советников возмущался в адрес «королевских фаворитов».

— И что? Она же была королевой. Как чье-то мнение могло ограничить ее? Она должна была делать то, что считала нужным.

— Мы говорим о Лате, Джотэм, — протянув руку, Джасинда коснулась изображения подруги. — Она была необыкновенно милой и душевной девушкой. А ей пришлось в ускоренном темпе учиться ориентироваться и выживать в эгоистичном и довольно жестоком мире политики.

— Именно поэтому она любила ездить за рулем. Время от времени Лата испытывала потребность полностью отключиться от всех этих дворцовых интриг и притязаний.

— Как жаль, что я тогда ничего не знала о ее проблемах. После того, как я родила Итана и Стефани, Лата, казалось, еще больше отстранилась от меня.

— Боюсь, в этом есть моя вина, — грустно сказал Джотэм, возвращая снимок.

— В каком смысле? — нахмурилась Джасинда.

— После рождения Барека я никогда больше не забывал пить сок оллали. Я не хотел навязывать Лате еще одну беременность. Но время шло, и я начал настаивать на рождении второго ребенка. Мне не хотелось, чтобы Барек рос один. Таким же одиноким, как когда-то был я.

— И что?

— Она не желала даже слышать об этом.

— Я... мне очень жаль, Джотэм, — повернувшись, Джасинда пошла к столу, чтобы вернуть фотографию на место.

— Вечером, в день гибели Латы, мы как раз спорили об этом. Если бы мы тогда не поссорились...

— Ты не должен винить себя, Джотэм. Это неправильно. Да и Лата, я уверена, не хотела, чтобы ты корил себя за случившееся. Это было стихийное бедствие. Непредвиденный несчастный случай. Если бы она тогда не погибла, то у вас бы уже было несколько детей при счастливой совместной жизни.

— Но, к сожалению, несчастье произошло, и мы ничего не можем изменить, — подойдя к Джасинде, Джотэм обнял ее и притянул к себе. Только рядом с ней он находил успокоение. — Мы с Латой потеряли шанс на долгую и счастливую жизнь. Но я не собираюсь упускать возможность разделить это с тобой.

— Джотэм... — она положила руки ему на грудь и прижалась к ним лбом.

— Я хочу, чтобы ты вошла в мою жизнь, Джасинда, — он нежно коснулся пальцами ее подбородка и слегка приподнял его. — В мою постель. Я планировал двигаться очень медленно. Планировал сначала дать нам обоим время свыкнуться с этой мыслью. Но вчера вечером ты чуть не погибла. И я больше не намерен рисковать. Да и какой смысл тянуть время, когда меня трясет лишь от одной мысли, что я могу тебя потерять.

— Со мной все хорошо. Правда.

— Я сейчас не об этом. Меня волнует то, что ты могла погибнуть, а мне бы даже никто не догадался сообщить! Это немыслимо. Недопустимо! Это мне ты должна была позвонить. И это я должен был за тобой приехать. Хочу, чтобы все были в курсе.

— Ты хочешь сделать официальное заявление? — ее пальцы впились в его кожу, а в голове закрутились мысли, каковы будут последствия для нее и ее детей.

— Нет, никакого официоза. Наши отношения касаются только нас двоих. Но и держать их в секрете не буду. Хочу проводить с тобой как можно больше времени. Ни от кого не скрываясь.

Джасинда почувствовала, что после слов Джотэма у нее будто камень с души свалился. Она не могла сказать, как будут развиваться события. Не была уверена, во что все это выльется. Но при этом точно знала, что не собирается упускать подаренный судьбой шанс. И что ради этих отношений готова рискнуть.

— И насколько открыто? — она поймала себя на желании немного пошалить, когда ее руки заскользили по его широким плечам, освобождая их от рубашки.

— На твое усмотрение, — наклонившись, он завладел ее губами, а его пальцы в это время ловко развязывали узел на поясе ее халата.

* * *

Джасинда, обхватив себя за талию руками, прижалась спиной к двери, через которую только что вышел Джотэм. Надо же, каким удивительным и волнующим оказался этот день. Даже в самых смелых мечтах она не могла представить, что подобное могло произойти с ней.

Ее удивил не секс как таковой. А ведь он, кстати сказать, был потрясающим. Удивила поразительная неутомимость Джотэма, который был не только страстным, но и очень внимательным любовником. Джасинда не могла припомнить, когда в последний раз кончала с такой частотой и такой интенсивностью. Но дело было даже не в этом. А в тех удивительных моментах единения, когда слова казались излишними. В тех жарких взглядах, что то и дело бросал на нее Джотэм. А также в его нежных, проникновенных словах.

По молодости Джасинда воспринимала это как само собой разумеющееся. И только сейчас смогла понять суть всего этого. Оказывается, любовь была много больше, чем наслаждение физической близостью. И гораздо больше тех трех коротеньких слов, что выражали это чувство. Хотя нельзя отрицать — они тоже были очень важны. Но эти, казалось бы, самые обычные и незначительные вещи, которыми Джотэм сегодня сполна одарил ее — ну, кроме той волшебной фразы, которую она, впрочем, тоже не спешила ему говорить, — были истинными знаками его любви.

Звонок коммуникатора заставил ее отойти от двери. Ей нужно было ответить.

— Ты должна отдохнуть, — голос Джотэма заполнил комнату до того, как его лицо появилось на экране.

Джасинда бросила на него сердитый взгляд.

— Я же сказала тебе, что обязательно лягу.

— Тогда почему ты до сих пор этого не сделала?

— М-м-м, потому что ты ушел от меня меньше двух минут назад?

— О-о-о, — Джотэму хватило такта изобразить раскаяние.

— Со мной все хорошо, Джотэм. Перестань за меня волноваться.

— Не могу. Особенно когда тебя нет рядом.

— Джотэм...

— Смирись с этим, Джасинда. Сейчас я отправлю тебе свой личный код. Твой звонок пойдет прямо на мой наручный комм. Звони при любой необходимости. И не думай спорить со мной, — Джасинда увидела, что его взгляд стал жестким. — Я серьезно, Джасинда. Ты. Будешь. Мне. Звонить. Я не переживу еще одно такое утро.

— Хорошо, Джотэм. Как скажешь, — Джасинде хватило одного лишь взгляда на него, чтобы смягчиться. — Обещаю тебе. У себя дома я в полной безопасности. Выходить никуда не собираюсь. Сделаю лишь пару звонков. А ты отмени несколько встреч и хорошенько отдохни. Хотя бы до следующего звонка мне.

— Я так и сделаю, если ты пообещаешь приехать ко мне во дворец, — его глаза лучились надеждой.

— Все может быть, поговорим об этом позже, — улыбнувшись, Джасинда отключила связь.

* * *

Откинувшись на спинку сиденья своего лимисина, Джотэм взглянул на расположившегося напротив него притихшего Деффонда.

— Ты понимаешь, что это значит, верно?

— Да, Ваше Величество. Как только мы вернемся во дворец, я займусь отбором воинов и увеличу число королевских гвардейцев. Я позабочусь, чтобы все стражники были в курсе, что с этого момента Джасинда имеет полный доступ во дворец.

— Отлично.

— Я получил кое-какую информацию об аварии. Думаю, вам не терпится узнать подробности произошедшего.

Взгляд Джотэма стал цепким.

— Говори.

— Поскольку Джасинда является матерью члена Ассамблеи, «Печора-транзит» провела более тщательное обследование ее транспорта, дабы убедиться, что до аварии он был полностью исправен. Они нашли кое-что интересное.

— Ее транспорт был преднамеренно испорчен?!! — Джотэм резко выпрямился.

— Нет. Никакого постороннего вмешательства. Но транспорт Джасинды оказался не совсем обычным.

— О чем ты говоришь, Деффонд!

— Похоже, Стефан Мичелокакис очень серьезно относился к безопасности своей супруги. Ее транспорт был сделан по спецзаказу. С усилением каркаса. Стекла в окнах с водительской стороны были ударопрочными. При такой скорости машина должна была с легкостью выдержать встречный удар.

— Так почему не выдержала? — удивился Джотэм.

— Именно это «Печора-транзит» и захотела выяснить, когда обнаружила модификацию транспорта. Обсудив данный вопрос с производителем, они сделали вывод, что для нанесения такого ущерба нарушитель должен был мчаться со скоростью,

превышающей ограничение не менее, чем в четыре раза. И, кстати, это далеко не единственный случай, когда парень был причиной аварии.

Услышав такое, Джотэм побледнел и мысленно поблагодарил Стефана за его заботу о безопасности Джасинды, хотя тот и был уже с предками.

— Почему этого лихача до сих пор не лишили лицензия? Каким образом он смог избежать ответственности?

— Не знаю, Ваше Величество. При такой скорости он должен был погибнуть мгновенно. Должно быть, предки присматривают за ним.

— И за Джасиндой.

— Это точно.

Лимисин подъехал к воротам дворца, и в салоне ненадолго воцарилась тишина.

— Я хочу привлечь этого парня к ответу, Деффонд.

— Процесс уже запущен, Ваше Величество. Ваше Величество… — Деффонд колебался.

— Что ты хочешь спросить, Деффонд?

— Вы хотите, чтобы его обвинили в покушении на убийство?

Джотэм взглянул на своего капитана и серьезно задумался. Да, он хотел этого. Хотел, чтобы парень сполна заплатил за причиненный Джасинде вред. Но он также знал, что она никогда не согласиться с подобным решением.

— Нет. Пусть отвечает за причинение вреда матери члена Ассамблеи. Думаю, наказание за это будет достаточно суровым.

— Как пожелаете, Ваше Величество.

— И Деффонд…

— Да, Ваше Величество?

— Проследи, чтобы он больше никогда не сел за руль.

— Будет сделано, сир.

* * *

Когда Джотэм вошел в приемную, то был чрезмерно удивлен тем, что Чесни до сих пор не покинул своего рабочего места.

— Почему ты все еще здесь, Чесни?

— Мне сообщили, что вы возвращаетесь, Ваше Величество. Я знал, что вы захотите ознакомиться со своим новым расписанием.

— Да, пойдем ко мне в кабинет. Нужно обсудить кое-какие изменения.

Чесни с недоумением посмотрел на список, который держал в руке.

Когда они зашли в рабочий кабинет Джотэма, тот подошел к письменному столу, сел за него, взял ручку и начал корректировать расписание, на составление которого у его помощника ушел весь день.

Буквально через несколько минут Джотэм вернул его.

— Вы... теперь не будете после шести проводить собрания? — взглянув на короля, Чесни понял, что не смог скрыть своего потрясения.

— Если это не официальный обед или не очередное публичное мероприятие, то нет. Кроме того, я постепенно отменю все свои утренние аудиенции.

— Я... Я немедленно займусь вашим расписанием, сир.

— Лучше оставь это на завтра, Чесни. Утро начнем с того, что ты уже запланировал.

— Хорошо, Ваше Величество.

— Кроме того, Чесни, с этого дня Джасинда Мичелокакис будет довольно часто посещать дворец. Если она вдруг приедет, позвонит или пришлет сообщение, ты должен оповестить меня незамедлительно.

— Я... да, Ваше Величество! — Чесни не смог сдержать улыбки.

Их король и Джасинда Мичелокакис... Идеальная пара!

Когда Джотэм увидел, как на обычно бесстрастном лице его помощника расцвела довольная улыбка, он вспомнил, как тот говорил ему о своей привязанности к Джасинде.

— Ты хотел что-то сказать, Чесни?

— Я... только то, что очень рад за вас, сир. Я обо всем позабочусь, не беспокойтесь. Мадам Мичелокакис во истину замечательная женщина.

— Это точно, — Джотэм откинулся на спинку кресла, переплел пальцы в зам***о***к и уперся в них подбородком.

Чесни. Этому человеку Джотэм доверял целиком и полностью. Ни разу за время своего служения ему, помощник не дал повода усомниться ни в своей верности, ни в своем благоразумии. Теперь Джотэму предстояло полагаться на него еще больше.

— Вчера вечером, возвращаясь домой, Джасинда попала в транспортную аварию.

— Что?! — Чесни резко выпрямился в кресле. — С ней все в порядке? — спросил он чересчур требовательным тоном, так как на мгновение забыл, с кем разговаривает.

Джотэм лишь улыбнулся на это.

— У нее все тело в синяках и ссадинах. Но в целом она в порядке. Сегодня я весь день провел у нее.

— Вполне оправданно, Ваше Величество. Я могу чем-то помочь? Если нужно, Хелен с удовольствием навестит ее и какое-то время побудет с ней.

— Спасибо, Чесни. И спасибо твоей жене. Но Джасинда заверила меня, что у нее все в норме. Я позвоню ей сегодня вечером и узнаю, как она себя чувствует.

— Замечательно, — одобрительно кивнул тот. — Мне нужно подготовить официальное заявление?

— Нет, мы не будем ничего объявлять.

— Понятно, Ваше Величество, — Чесни поднялся, чтобы уйти, но замялся.

— В чем дело, Чесни?

— Ваше Величество, несмотря на мою непоколебимую уверенность в том, что мадам Мичелокакис чудесная, милая и весьма заботливая женщина, я знаю, что у этих отношений будет немало противников. Особенно среди членов вашей Ассамблеи.

— Что ты имеешь в виду, Чесни?

— Нельзя забывать, что мадам Мичелокакис родом не из Дома Защиты. Она лишь вдова советника этого Дома.

— Но она почти сорок циклов являлась членом Дома Защиты. К тому же ее супруг был одним из самых выдающихся деятелей нашей Ассамблеи!

— Да, Ваше Величество, но для пуристов *(прим. пуризм (лат. purus, «чистый») — повышенная требовательность к сохранению изначальной чистоты, строгости стиля и приверженности канонам в языке, искусстве и спорте)* это вообще не аргумент. Особенно если принять во внимание ее родословную.

— Ты имеешь в виду, что ее отец и деды были членами Ассамблеи Дома Исцеления?

— Да.

— Я понял тебя, Чесни. Но мне не требуется их «одобрение». Как, впрочем, и самой Джасинде.

— Конечно, нет, Ваше Величество. Я просто хотел, чтобы вы были в курсе.

— Спасибо, Чесни. Есть ли еще что-то, что мне, по-твоему, нужно знать?

— Нет, Ваше Величество, — поклонившись, Чесни вышел из кабинета.

Глава 16

— Ты отдыхаешь? — голос Джотэма прозвучал очень строго, что вызвало у Джасинды улыбку.

Ложась в постель, она взяла с собой — чего, в принципе, не делала уже многие циклы — свой портативный коммуникатор, так как знала, что перед сном Джотэм обязательно позвонит ей.

— Привет тебе, да и мне тоже.

На мгновение смутившись, он протянул руку к экрану, выдавая желание прикоснуться к синяку на ее лице.

— Он потемнел.

— Так и должно быть, Джотэм. По крайней мере, еще какое-то время. Только не говори мне, что у тебя никогда не было синяка под глазом.

— Да, но это вовсе не значит, что он должен быть у тебя. Неужели Портман ничего не может сделать?

— Уверяю тебя, он сделал все, что мог. Ты и сам это знаешь. С того момента, как поговорил с... или, лучше сказать, попытался запугать его, чтобы выудить у него мою личную, причем конфиденциальную, врачебную информацию.

— Он звонил тебе?

— Конечно, он мне звонил. Иначе бы он не открыл тебе врачебную тайну. Король ты или нет, но на некоторые вещи даже у тебя нет права.

— Ты имеешь в виду шрам, который у тебя на боку?

— Мой шрам? Ты спрашивал Портмана о моем шраме?! — Джасинда резко села в постели, мельком отметив, что, к счастью, на ней опять была красивая ночная сорочка, только на этот раз бронзового цвета, который выгодно подчеркивал тон ее кожи.

— Нет, — Джотэм пробежался по ее телу оценивающим взглядом. — Я спрашиваю тебя.

— А зачем тебе вообще знать об этом? — Джасинда снова легла и накрылась одеялом.

— Потому что это часть твоей жизни.

— Джотэм... — ее взгляд смягчился.

— Ты очаровала меня, Джасинда, — напряженность в его глазах удерживала ее взгляд. — Разве ты этого не знаешь? Не своей красотой, нет, своим несовершенством. Именно твои слабые места делают тебя тем, кто ты есть. Я хочу узнать тебя ближе.

Как можно было продолжать сердиться на него, когда он говорил такие вещи?

— Это не очень интересная история, — наконец сказала она.

— Все равно расскажи.

Увидев, как Джотэм откинулся назад, Джасинда поняла, что он тоже лежит в постели и разговаривает с ней по личному комму, прямо как и она.

Это объединяло их и сближало.

— Мы отдыхали в районе озера Баку. Навещали брата Стефана, отца Леандра. Я тогда внезапно разболелась.

— Разболелась?! — Джотэм резко приподнялся в постели. — Что значит «разболелась»?

— Я была беременна Стефани. Та беременность давалась мне очень тяжело, — Джасинда виновато пожала плечами. — У меня были проблемы с желчным пузырем. Обычно он меня не беспокоил, но в тот уик-энд он почему-то воспалился так сильно, что его пришлось удалить.

— Теперь ты, надеюсь, в порядке?

— Джотэм, я в порядке. Это было больше двадцати циклов назад. Я же говорила тебе, заурядная история, ничего интересного, — она чуть нахмурилась, вспоминая. — Мы

со Стефаном не собирались больше заводить детей, но эта беременность застала нас врасплох.

— Сейчас это не имеет значения. Главное, что ты в порядке.

— Так и есть.

— Расскажи мне еще что-нибудь о своей жизни, Джасинда. Например, о своей службе на флоте.

Джасинда поудобнее устроилась в постели, и мягкая улыбка озарила ее лицо.

— Ну, давай посмотрим. Итак, была одна вечеринка на космической станции Родхэм...

* * *

Откинувшись на спинку кровати, Джотэм с улыбкой на лице слушал рассказ Джасинды о ее службе на флоте, где она была связистом. По ее тону он понял, что она наслаждалась там каждым мгновением. Это заставило его задуматься: а испытала бы Лата идентичные чувства, если бы попала на флот?

— Почему у тебя такое выражение лица? — мягкий вопрос Джасинды вывел его из задумчивости.

— Прости, я отвлекся, — он увидел, как ее улыбка померкла.

— На что? — когда он ничего не ответил, она сделала это сама. — На Лату.

— Да, — Джотэм внимательно следил за выражением ее лица и удивился, что она не расстроилась.

— Лата была частью твоей жизни, Джотэм. Очень важной частью. Я не собираюсь сердиться на тебя, если ты будешь говорить о ней или скажешь, что до сих пор помнишь ее. Я ни на минуту не забываю Стефана.

— Это совсем другое.

— Почему? Только потому, что он был в моей жизни дольше, чем Лата в твоей? Я благодарю предков, что до сего дня могу говорить о Стефане, но даже если бы я этого не делала, он все равно оставался бы частью меня. Наиважнейшей частью. Так же, как и Лата для тебя.

Джотэм видел искренность в ее глазах. Убедившись, что его мысли и разговоры о Лате ничуть не задевают Джасинду, он решился на откровенность.

— Мне просто интересно, получила бы Лата такое же удовольствие от службы в Коалиции, как и ты. Если бы у нее была такая возможность.

— Возможно, но тебя, Джотэм, она хотела больше, — в голосе Джасинды не было сомнений. — У нее не было необходимости выходить за тебя замуж, Джотэм. Она могла бы вступить в союз с тобой по окончании службы. Но она предпочла тебя.

— Я никогда не был в этом уверен.

— Джотэм, — Джасинда надеялась, что подобрала правильные слова. — Я не могу утверждать, что Лата никогда не сомневалась в верности своего решения. Меня временами мучили сомнения, стоило ли мне вступать в союз со Стефаном.

— Не может этого быть!

— Еще как может. Я любила Стефана и никогда в этом не сомневалась, но были времена, особенно в первые циклы нашего союза, когда я задавалась вопросом, достаточно ли в нас любви. Смогут ли наши чувства выдержать давления и требования, предъявляемые жизнью. Мне пришлось перестраивать свою жизнь. Ради него. Так же, как и Лате пришлось многое изменить ради тебя. Но я никогда не поверю, что она сожалела об этом больше, чем я.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Джотэм обнаружил, что улыбается. Когда последний раз подобное было в его жизни? Они с Джасиндой проговорили до поздней ночи. И он не был уверен, кто из них в конце концов выключил связь. Возможно, та сама оборвалась, когда они оба заснули. Зато Джотэм точно знал, что чувствовал бы себя намного лучше, если бы мог спать и просыпаться, держа Джасинду в своих объятиях.

Поднявшись, он быстро оделся, желая поскорее закончить свои дневные дела, чтобы вновь увидеться с ней.

* * *

— Доброе утро, Чесни, — поздоровался Джотэм, войдя в приемную.

— Доброе утро, Ваше Величество, — Чесни улыбнулся в ответ на хорошее настроение короля. — Ваш кофе ждет вас на столе вместе с документами, которые вам понадобятся для беседы с Биргином Касаром.

— Спасибо. Есть еще что-то, о чем я должен знать?

— Несколько минут назад звонил Хагар. Верховный адмирал просил вас позвонить ему, когда у вас будет свободная минутка. Ничего чрезвычайного. Сегодня он весь день будет во дворце.

Джотэм бросил взгляд на наручный комм. Время еще было.

— Я свяжусь с ним сейчас. Дай мне знать, когда Касар позвонит.

— Да, Ваше Величество.

* * *

— Что ты хотел, Уилл? — вместо приветствия спросил Джотэм, делая глоток кофе.

— Я же сказал, что это не срочно, Джотэм, — ответил тот.

— Я знаю, но у меня все утро будет занято: встречи одна за другой. Зато сейчас могу спокойно поговорить с тобой.

— Ну ладно, ладно.

Джотэм нахмурился. Уилл явно нервничал... и был каким-то скованным.

«Что, ради предков, происходит?»

— Что случилось, Уилл?

— Ничего. Все в порядке. Это просто... Кассандра попросила меня сделать это, а я... черт возьми, никогда бы не подумал, что мне будет так неловко говорить об этом, — он нервно провел рукой по волосам.

— Что? — потребовал Джотэм. — Уилл, просто выплюни это!

— Я... мы... Кассандра и я...

— Уилл!

— Мы хотели, чтобы ты стал крестным отцом Сабах, — торопливо сказал он.

Джотэм был потрясен. Откинувшись на спинку стула, он спросил:

— Вы хотите, чтобы я... — и не смог договорить.

Никогда прежде его не просили стать крестным отцом. Эту честь оказывали лишь самым доверенным друзьям. Ведь по сути это было обещанием заняться воспитанием этого ребенка, если его родители по какой-то причине не смогут этого сделать. Хотя Уилл был крестным отцом Барека, Джотэма никогда не просили стать таковым для кого-то из пяти сыновей Уильяма.

— Мы давно хотели это сделать. Я хотел. Мы с Кассандрой спорили об этом каждый раз, когда у нас рождался ребенок.

— Кассандра не считала меня достойной кандидатурой. Я понимаю это, Уилл. Особенно из-за моих отношений с Дадрианом.

— Нет, Джотэм! Это здесь вообще ни при чем. А Кассандра, наоборот, всегда утверждала, что ты мой самый лучший друг на все времена. И для воспитания наших детей — лучший вариант.

— Но, тем не менее, ты не... — тихий шепот слетел с губ Джотэма, но Уильям все же услышал.

— Я просто считал подобную просьбу неуместной и не хотел ставить тебя в неловкое положение. Ведь в любом случае тебе пришлось бы отказать мне.

— С чего бы мне отказываться, Уилл? Я не понимаю?

— Джотэм, быть крестным отцом Барека — это одно. Он все равно будущий король. Но если бы ты стал им для одного из моих сыновей... все выглядело бы так, что мой ребенок пользуется твоей особой благосклонностью...

— И для него это создало бы определенные трудности.

— Да. Мы оба знаем, что Лукасу пришлось немало претерпеть из-за того, что я — Верховный адмирал. А если бы ты стал крестным отцом...

— Никто бы не поверил, что он чего-то добился сам.

— Так и есть. И хотя я прекрасно знаю, что ни Лукас, ни мои мальчики, если уж на то пошло, не стали бы обращать внимания на мнение обывателей, им бы все равно пришлось столкнуться с немалыми трудностями.

— Согласен, — кивнул Джотэм. — Я и сам это знаю.

— Даже для Кайдена, Джейкоба и Вилли я не стал просить тебя об этом. Хотя они королевские отпрыски Дома Знания, у них на предплечьях также есть стрела Дома Защиты. Они всегда будут принадлежать обоим Домам. И если бы ты стал их крестным отцом, то они считались бы твоими крестными сыновьями. А это автоматически поставит их в очередь на твой трон.

— Не смеши меня, Уилл, — Джотэм небрежно махнул рукой. — Барек законный наследник, и именно он сядет на трон.

— Да, но что, если с ним что-то случится? Джотэм... попробуй представить это... Тебе пришлось бы выбирать нового наследника. И кого бы ты выбрал?

Джотэм нахмурился, серьезно задумавшись над словами друга.

А кого бы он выбрал, на самом-то деле?

Он перебрал в уме всех, кто по своей родословной имел право занять его трон. Из всего списка самым достойным был Уильям. Но теперь его друг стал королем Дома Знаний и к тому же был Верховным адмиралом, поэтому его кандидатура, естественно, отпадала. И тогда выбор, однозначно, пал бы на одного из его сыновей. Особенно, если бы тот был крестным сыном Джотэма.

Уильям был абсолютно прав, говоря, что по закону согласие Джотэма стать крестным отцом означало, что он принимает этого ребенка, как своего собственного. А значит, дает согласие — опять же по закону — поставить этого ребенка в очередь на трон.

Никогда раньше он не задумывался об этом.

— Пуристы обеих палат пришли бы в ярость, — сказал Уилл через несколько минут.

— Ты прав, — согласился Джотэм. — Я просто никогда не думал об этом. Всегда был уверен...

— Что я не считал тебя достойным? Чушь собачья, Джотэм, и ты это знаешь! — уперев руки в стол, Уилл приблизил лицо вплотную к экрану. Его глаза буквально метали молнии. — Мне не нужно было предлагать тебе стать крестным отцом моих сыновей, чтобы быть уверенным, что ты позаботишься о них, если меня вдруг не станет. Точно так же, как и ты знаешь, что не имеет значения, крестный я отец Барека или нет. Я в любом случае присматривал бы за ним.

— Я... Ты прав, Уилл. Извини.

— По-другому и быть не могло. Из всех тупоголовых идиотов... если бы ты сейчас был рядом, я бы с удовольствием, Джотэм, врезал тебе.

Видя, как бушует Уильям, Джотэм улыбнулся.

Его друг редко выходил из себя, и потому эта вспышка ярости выглядела очень забавной. К тому же Джотэм точно знал, что злость Уилла не была показной. Его друг был одним из немногих, кто действительно мог ударить его, не задумываясь о последствиях.

— Тогда почему ты просишь меня стать крестным отцом Сабах?

— Потому что ты мой самый близкий друг! А она моя единственная дочь! Я не могу доверить ее судьбу никому, кроме тебя.

Джотэм почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Кассандра тоже так считает?

— Да.

— Но ее брат...

— Мы сделали Питера крестным отцом всех мальчиков, но не Сабах... У Сабах совсем другая ситуация, Джотэм. Однажды ей предстоит стать королевой. Сильной, красивой, могущественной королевой. Питер не имеет ни малейшего представления, чего ей это будет стоить. Но не ты. Ты единственный, кто смог бы беспристрастно и без предубеждений направить ее по верному пути. Что скажешь?

— Для меня это большая честь, Уилл.

Заметив, как расслабился его друг, Джотэм был потрясен осознанием того, что Уилл действительно боялся услышать отказ.

— Хорошо. На следующей неделе, чтобы все было официально, мы планируем провести небольшую церемонию в узком кругу.

— Ты был так уверен во мне?

— Кассандра была. Так ты успеешь урегулировать все свои вопросы за такой короткий срок? Сможешь отойти от дел на несколько дней? Мы могли бы наверстать упущенное, возможно, устроить небольшой спарринг с Питером.

— Я все улажу, — Джотэм помолчал. — Я слышал, он очень хорош в своем деле.

— Питер исключительный. Любой, кто пройдет его курсы, станет элитой сил безопасности.

— Буду иметь в виду, — Джотэм на мгновение задумался. — Уилл, я бы хотел кое-кого взять с собой, если ты, конечно, не возражаешь.

— Джасинду? — Уилл пристально посмотрел на него.

— Да.

— Конечно, Джотэм, — на его лице расплылась довольная улыбка. — Кассандра умирает от желания познакомиться с ней.

— Почему? — увидев, что Уилл хитренько улыбается, Джотэм нахмурился. — Что ты сказал своей жене, Уильям? — подозрительно спросил он.

— Только то, что наш друг влюбился. Однако я должен предупредить тебя, Кассандра настроена скептически.

— Не верит, что я люблю Джасинду?

— Нет, она боится, что Джасинда будет тебя использовать. Моя жена в последнее время, по неведомой мне причине, старается всячески опекать тебя, — при виде явного недовольства, отразившегося на лице друга, Джотэм рассмеялся.

— Бедный Уилл. Я всегда говорил тебе, что я неотразим.

— Ты, конечно, красив, но я-то красивее.

Это был спор всей их жизни.

— Возможно, Кассандре я нравлюсь больше, — поддразнил его Джотэм.

— Держись подальше от моей жены, Тибулл!

От души рассмеявшись, Джотэм отключил связь.

Осталось лишь убедить Джасинду поехать с ним.

* * *

— Ты хочешь, чтобы я сделала… что? — Джасинда вывернулась из объятий Джотэма и в шоке уставилась на него.

После их последней встречи прошло целых три дня. Сначала Итан со своей семьей приходил навестить ее, а потом у Джотэма был официальный ужин, на котором его присутствие было обязательным.

Сегодня, к немалому удивлению Джасинды, ей доставили новый транспорт на несколько недель раньше, чем ожидалось. Она догадывалась, что Джотэм имеет к этому непосредственное отношение, но не успела расспросить его, так как он огорошил ее, попросив сопровождать его в Дом Знаний.

— Поехали со мной, — повторил он.

— Джотэм, ты идешь на приватное мероприятие короля и королевы Дома Знания. Чужакам там не место.

— Я хочу, чтобы ты была там со мной, и ты не чужая. Ты знаешь Уилла и знаешь Хавьеру.

— Джотэм...

— Пожалуйста, Джасинда, — он с мольбой смотрел на нее. — Я должен пойти, и хочу, чтобы ты была рядом. Хочу провести это время с тобой. Хочу познакомить тебя со своими друзьями. И хочу, чтобы они знали, что ты важна для меня.

— Я думала, мы будем двигаться медленно, без официальных заявлений.

— Это неофициально. Просто навестим своих знакомых. Вместе.

Джасинда некоторое время молча вглядывалась в него, впитывая всю глубину испытываемого им желания, которое отражалось в мерцании его фиолетовых глаз.

— Ох, ладно, но мне нужно знать, насколько неформальной будет обстановка, чтобы упаковать подходящие вещи.

— Формальной эта встреча точно не будет, Джасинда, — ее выразительные брови слегка приподнялись, и Джотэм от души рассмеялся. — Если честно, никаких официальных мероприятий не планируется. Церемония крещения состоится в частном саду Кассандры.

Джасинда понимала: Джотэм убежден, что все так и будет. Вот только была одна существенная деталь, о которой она узнала от своей матери. Когда имеешь дело с королевской семьей, нужно быть готовым ко всему. Их планы могут измениться в любой момент, поэтому нужно всегда быть начеку и суметь вовремя перестроиться.

Когда Джасинда выходила замуж за Стефана, то приняла этот совет всем сердцем. Как бы ее это ни раздражало, но во все времена внешность имела первостепенное значение. А для нее было важно стоять рядом со своим мужчиной с высоко поднятой головой, зная, что он не получит из-за нее никаких нареканий.

Все это было связано с первыми циклами ее появления в Доме Защиты, когда королева Джоанна, казалось, получала огромное удовольствие, грубо и резко критикуя ее по всякому поводу. Худшей из всех ситуаций была та, когда Джасинда — без всякой задней мысли — надела сережки, подаренные ей родителями на шестнадцатилетие. На них был символ Дома Исцеления, но она не придала этому значения. Зато мать Джотэма тут же обратила на них внимание. И в присутствии большинства жен советников в весьма унизительной форме заставила Джасинду снять их и надеть другие.

Стефан, узнав об этом, пришел в ярость. Придирки королевы Джоанны, а так же письмо короля Кадо, стали последней каплей, заставившей его задуматься: а стоит ли продолжать служить королю и королеве, которые столь мелочны.

Джоанна и Кадо погибли прежде, чем Стефан принял решение, а одним из своих первых указов Джотэм официально утвердил ее союз со Стефаном, дав всем понять, что он их поддерживает. Джасинда сомневалась, что кто-то из них действительно понимал, какое существенное влияние оказал этот поступок на всю их жизнь.

— Джасинда? — вопрос Джотэма, как и его руки, крепче сжавшие ее, помогли ей вернуться в настоящее.

— Когда мы уезжаем и как долго там пробудем?

— Через три дня, — улыбнулся Джотэм, — и пробудем там не меньше.

— Джотэм Тибулл! — она игриво хлопнула его ладошкой по груди, укоризненно качая головой.

— Что? — растерянно спросил он.

— Даже если я попытаюсь тебе это объяснить, не думаю, что ты поймешь меня.

Ведь у него был целый штат служащих, привычных собирать его в подобные поездки, и все, что Джотэму нужно было сделать, это сказать им, что он уезжает. А вот ей, чтобы как следует подготовиться к такому, придется все три последующих дня в спешке складывать свои вещи. Но это будет потом. Прямо сейчас она находилась в его объятиях и собиралась вдоволь насладиться этим.

Потянувшись к нему, Джасинда чмокнула его в губы.

— А скажите-ка мне, Ваше Королевское Высочество, — поддразнила она, — что вам известно о моем новом транспорте, прибывшем на две недели раньше срока?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — вмиг ставший непроницаемым взгляд Джотэма выдал его с головой.

— Неужели? — она слегка приподняла бровь. — Два дня назад я разговаривала с мистером Таггсом, и он предупредил меня, что сможет доставить мне новый транспорт не раннее, чем через две недели.

— И что?

— А то, что сегодня утром он позвонил мне и сообщил, что транспорт уже прибыл.

— Ну, это же хорошо, правда? — Джотэм попытался отвлечь ее поцелуем, но нежные пальчики, прижавшиеся к его губам, не позволили ему этого.

— Что ты сделал, Джотэм? — Джасинда была решительно настроена узнать правду.

— Почему ты думаешь, что я что-то сделал? — не собираясь сдаваться, он нежно поцеловал ее пальчики.

— Потому что транспорт мог быть смонтирован и доставлен в такой короткий срок лишь благодаря твоему вмешательству.

— Ты отказалась воспользоваться одним из моих лимизинов, а я не мог позволить тебе так долго обходиться без подобающего автомобиля.

— Так ты хочешь сказать, что это была моя вина? — ее подергивающиеся губы смягчили резкость ее тона.

— Нет, твоей вины в этом нет, но ты все усложнила. Все, что от тебя требовалось, это позволить мне назначить тебе водителя.

— Ну и зачем мне это нужно, Джотэм Тибулл? — Джасинда хотела, чтобы ее вопрос прозвучал шутливо, но Джотэм отнесся к нему очень серьезно.

— Потому что тебя чуть не убили! — руки Джотэма вмиг обхватили ее плечи, и он приподнял ее так, что она оказалась с ним лицом к лицу. — А в лимизине ты была бы в полной безопасности!

— Джотэм! — от прозвучавшей в его голосе безудержной ярости ее глаза потрясенно расширились, а руки тут же обхватили его плечи. — Он бы все равно врезался в меня, — как можно мягче сказала она, пытаясь успокоить его.

— Но ты бы находилась сзади, и тебе не пришлось бы испытать на себе всю тяжесть этой атаки.

— Это не было нападением! Это был несчастный случай.

— Ты действительно считаешь, что это имело бы значение, если бы ты погибла?!! — в сердцах выкрикнул Джотэм.

— Джотэм, — обхватив его лицо руками, она впилась в него обеспокоенным взглядом. Никогда прежде она не видела его таким расстроенным. — Все в порядке. Я здесь, и я в безопасности.

— Я не могу потерять тебя, — его губы с торопливой жадностью набросились на ее рот, а язык, не теряя ни секунды, проник внутрь, как бы утверждая свои права на нее.

Джасинда принадлежала ему, и он жаждал обнимать ее, защищать и любить. Нет, он ни за что не потеряет ее. Джотэм понимал, что ведет себя неразумно, но не мог остановиться. Он знал, что не сможет вновь пережить потерю той, которую так сильно любит. Почувствовав, как руки Джасинды обвились вокруг его шеи, он наклонился и, подхватив ее на руки, понес в свою спальню.

Он хотел ее.

Нуждался в ней.

В своей постели.

Единственная женщина, которая будет там после Латы.

* * *

Джотэм положил Джасинду на середину кровати и, прервав поцелуй, отстранился. Возвышаясь над ней, он окинул ее жадным взглядом, и от увиденного у него буквально перехватило дыхание.

Когда Джасинда приехала к нему, ее волосы были зачесаны в небрежный пучок. Но во время его объятий тот растрепался, и теперь ее длинные каштановые волосы шелковистым веером рассыпались по ее спине и плечам, поражая своим великолепием.

Наклонившись, Джотэм не спеша высвободил из сшитых на заказ брюк ее блузку свободного кроя, открыв своему взору ее «неинтересный» шрам, историю которого она недавно поведала ему. Склонившись, он с благоговением поцеловал его, благодаря предков за то, что Джасинда выжила, и понимая, что в своем рассказе она преуменьшила связанные с этим страдания.

— Джотэм... — запустив пальцы в его густые, пышные волосы, Джасинда попыталась притянуть его губы к своим.

Джотэм прекрасно видел, чего она хочет, но прежде, чем прикоснуться к этому чуду, его губы намеревались исследовать другие, не менее важные участки. Которым он, к сожалению, до сих пор не уделял должного внимания.

Например, плавные изгибы ее талии. Нет, это была далеко не тоненькая и изящная талия юной девы, только что окончившей Академию, с упругими и твердыми мышцами. Это была талия зрелой женщины, которая в свое время успешно выносила троих детей. Чуть помягче. Чуть пошире. С поперечными растяжками, оставшимися от тех переживаний.

Это его неимоверно возбуждало.

Поцеловав ее изгибы, Джотэм двинулся выше. Туда, где он прежде обнаружил россыпь милых веснушек, но не обратил на них внимания. Сейчас же их расположение казалось ему продуманной стратегией, так как он не мог не последовать за ними в предусмотренном ими направлении. Джотэм, не раздумывая, подчинился, но только после того, как убедился, что оценил каждую из них по достоинству.

В благодарность те, желая показать ему что-то очень важное и интимное, привели его в долину с двумя неприступными вершинами, которым он так любил поклоняться. Там, между ее пышными грудями, еще недавно покрытыми синяками, находилось неяркое изображение трех, расположенных на спирали, небольших солнц.

Первое из них покоилось на нижней внутренней части ее левой груди.

Второе пряталось между ее холмиками.

А третье красовалось в верхней части ее правой груди.

Это был королевский символ Дома Исцеления!

Нет, погоди-ка. Что они делали на теле Джасинды?

— Джасинда... — с сожалением оторвав свои губы от первого символа, Джотэм вопросительно посмотрел на нее.

— Хм-м-м? — она взглянула на него полными желания очами.

— Откуда они у тебя?

— Что?

— Эти рисунки. Это же королевские символы Дома Исцеления.

— Нет, это не так. Они, конечно же, похожи, но не совсем. Королевским символом Дома Исцеления обладают только мужчины, и тот всегда находится на их руке.

— И все же у тебя он тоже есть, — Джотэм отметил, как ее кожу опалил румянец. — Джасинда...

— Не думаю, что для серьезных разговоров сейчас подходящее время, — она попыталась отвлечь его, стянув через голову блузку.

— Вот до этого мы еще успеем дойти. А пока что расскажи-ка мне, как эта метка оказалась на твоем теле, — Джотэм мягко улыбнулся, игнорируя ее недовольный взгляд.

Это было так восхитительно...

Джасинда слишком привыкла к тому, что ей давно никто не бросал вызов. Зато Джотэм просто жаждал провести остаток своей жизни под этим взглядом.

— Ничего серьезного. Просто семейная легенда, рассказанная на ночь глядя.

Перекатившись на бок, Джотэм подпер рукой голову, а другую положил ей на грудь, продолжая водить пальцем по всему рисунку.

— Все равно расскажи.

Джасинда фыркнула, но по его взгляду поняла, что он не отступится.

— Семейная легенда по материнской линии рассказывает о том, как много циклов назад... так много, что никто толком не знает, когда это было, женщина моего рода влюбилась в отпрыска королевской четы Дома Исцеления. Король не одобрил этот союз, и принц женился на другой… но моя пра-пра-пра к тому времени уже зачала.

— И принц не заявил своих прав на ребенка? — Джотэм не мог в это поверить.

— Ему никто не сообщил об этом. Тем более ребенок был женского пола и для трона никакой угрозы не представлял.

— И все же девочка получила королевский знак.

— Да, это так, причем на том же месте, что и у меня. Вот только перешел он не к ее дочери и даже не к внучке, а лишь к правнучке.

— Он появляется только в каждом третьем поколении?

— Да, и только по прямой женской линии.

— Как у Кассандры в Доме Знаний.

Джасинда слегка нахмурилась.

— В каком-то смысле ты прав, но это не совсем одно и то же.

— А что не так?

— Домом Исцеления может править только король. И у него должна быть полноценная метка, — она нежно коснулась метки Джотэма на его правом предплечье.

Стрела, дающая право стать королем Дома Защиты, полыхала гордо и ярко.

Размышляя над словами Джасинды, Джотэм подумал о том, что сыновья Уильяма и Кассандры, родившись в Доме Знаний, носят также символ Дома Защиты. А теперь он узнает, что женщина из Дома Исцеления имеет на теле королевскую метку.

Это было что-то необычное, чего прежде никогда не случалось.

— Возможно, вскоре все изменится.

— Некоторые вещи, не спорю, могут меняться. Но вот другие… никогда, — Джасинда положила его руку себе на грудь, прижав ее сверху ладошкой.

Пальцы Джотэма инстинктивно сжали соблазнительный холмик.

— Ты пытаешься отвлечь меня.

— Это работает?

— Еще как, — наклонившись, он обхватил губами ее сосок и, глубоко втянув его в рот, игриво облизал его языком.

— Черт, — разочарованно выдохнула она, когда провела ногтями по его спине, но вместо желанной кожи ощутила слой ткани. — Почему ты еще до сих пор одет? Я хочу тебя голым!

Джотэм отпустил ее грудь, резко причмокнув губами, и посмотрел на нее таким жарким взглядом, что низ ее живота тут же обдало жаром.

— Прямо сейчас?

— Да. Пожалуйста, Джотэм. Хватит дразнить меня. Я хочу, чтобы ты был у меня внутри.

Игривая улыбка на лице Джотэма мгновенно сменилась жгучей потребностью, от которой у Джасинды перехватило дыхание.

— В таком случае ты получишь меня, — поднявшись на колени, он сорвал с себя рубашку, а затем быстренько скинул брюки. Устроившись между ее бедер, которые приветливо распахнулись для него, он на мгновение задержался у ее входа, чтобы, провозгласив: — Ты моя! — глубоко вонзиться в ее лоно, не забывая при этом утверждать свои права на каждую его частичку.

— Да! — выгнувшись дугой, она подтвердила его притязания и тут же выдвинула встречное требование. — И ты мой!

— Твой! — не задумываясь, согласился он.

* * *

Джасинда обвила шею Джотэма руками и, притянув его к себе, нашла его губы. Он жестко вбивался в нее, а ее тело радостно откликалось на каждый его толчок. Мышцы ее лона сжались вокруг его члена. Его слова что-то пробудили глубоко внутри нее… то, что она никогда не ожидала ощутить снова.

Любовь.

Она. Любила. Джотэма.

Ее сердце слегка дрогнуло от осознания силы и глубины ее чувств.

Оторвавшись от ее губ, Джотэм взглянул на нее. Его фиалковые глаза горели страстью. Он почувствовал, как между ними рухнула какая-то преграда.

— Не сдерживай себя, Джасинда. Я хочу тебя всю! — с этими словами он усилил свои толчки, догадавшись по ее дрожи, что ее кульминация совсем близко. — Дай мне это, Джасинда! — последовал приказ. — Кончи для меня!

— Джотэм! — его слова отправили ее через край, и оргазм взорвался в ней тысячью ярких огней.

Сделав последний толчок, Джотэм последовал за ней.

* * *

Джасинда старалась отдышаться, лежа на бурно вздымавшейся груди Джотэма.

Тот в самый последний момент испугался, что раздавит ее своим весом, поэтому быстро перекатился на спину, увлекая ее за собой. И вот сейчас ее разум пытался осмыслить то, в чем ее сердце уже не сомневалось.

Она любила Джотэма Тибулла.

Короля Дома Защиты.

Как такое вообще могло случиться?

— Что происходит в твоей голове? — его глубокий бархатистый голос заставил ее опереться локтем о его грудь, подпереть голову рукой и задумчиво посмотреть на него.

Джотэм лежал на спине полностью расслабленный и с закрытыми в блаженной неге глазами.

— С чего ты взял, что мой мозг сейчас способен о чем-то думать?

— Потому что я это слышу, — он открыл свои удивительные глаза, чтобы посмотреть на нее. — К тому же ты напряглась.

— О-о-о, — смутилась Джасинда.

Могла ли она раскрыть ему свое сердце? С одной стороны, она была слишком зрелой, чтобы затевать какую-то игру, но с другой, ей нужно было немного времени, чтобы переварить все это. Она не могла вот так вот просто взять и все вывалить на него.

— Джасинда? — лицо Джотэма, выглядевшее только что умиротворенным, стало хмурым. — Что случилось? — в его голосе прозвучали требовательные нотки.

— Ничего, просто думаю.

— О чем?

— Обо всем понемногу. Но хочу, чтоб ты знал: даже если мои мозги в твоем присутствии превращаются в кашу, это вовсе не значит, что я соглашусь ездить на лимизине.

— А почему нет?

— Потому что жизнь дана человеку, чтобы жить.

— Черт побери! Ты попала в аварию, Джасинда! — Джотэм попытался подняться, но она не позволила.

— Да, попала. Но это может произойти где угодно. И замена транспорта ничего не изменит. Я могу просто упасть с лестницы, — Джасинда почувствовала, как он напрягся, когда она вскользь упомянула смерть Дадриана. — Или же умереть, собирая цветы в саду, — на самом деле так умер Стефан. — Я не собираюсь каждую минуту трястись от страха, Джотэм.

— Я и не прошу тебя.

— Знаешь, в чем-то я согласна с тобой. Поэтому обещаю, что не стану рисковать понапрасну. У меня слишком много всего, ради чего стоит жить. К тому же я езжу на самом безопасном транспорте на планете. И никогда не превышаю скорости. А еще не езжу в плохую погоду. Для своей безопасности я делаю все необходимое.

— Ты не можешь быть в этом уверенной.

— Нет, это не так, — протянув руку, она погладила его по щеке. — В жизни всякое случается, Джотэм. И я дорожу каждым мгновением. Позволь мне просто жить. И давай наслаждаться этим вместе.

Глава 17

— Джасинда Мичелокакис! Я хочу говорить с тобой! — услышав пронзительный и скрипучий голос мадам Нитцшке, Джасинда на мгновение прикрыла глаза.

Она только что закрыла входную дверь и шла по тротуару к своему транспорту. Домой ее этой ночью привез Деффонд, который по ее просьбе припарковал машину на стоянке перед ее домом.

Они с Джотэмом как раз заканчивали поздний ужин, когда Чесни сообщил, что произошло нечто, требующее внимания короля. Джотэм уговаривал ее остаться, но было уже поздно, и ей не хотелось, чтобы ее увидели уезжавшей из дворца ранним утром.

Разумеется, Джотэму это не понравилось. Транспортная авария по-прежнему давила на него тяжким грузом, поэтому в своем решении он был непреклонен. Так как Джасинда отказалась принять его лимизин, он потребовал, чтобы до дома ее довез Деффонд. Джасинда не забыла своей реакции на это: она уже открыла рот, собираясь возразить, но тут же благоразумно закрыла его, признав свою уступку пустяковой. Она смирилась, понимая, что этим немного успокоит Джотэма и снизит его напряжение.

Деффонд управлял ее транспортом, в то время как Джасинда сидела рядом, а не на заднем сиденье, как ему того хотелось. За ними следовал другой транспорт, на котором капитан собирался вернуться во дворец. Припарковавшись на подъездной дорожке, он проводил ее до двери дома и ушел.

И вот теперь мадам Нитцшке бодренько ковыляла к ней от своего дома.

Джасинда направилась за покупками для поездки в Кисурри, но, очевидно, удача помахала ей рукой, оставив ее на растерзание старой соседке, отъявленной сплетнице.

— Здравствуйте, мадам Нитцшке. Как вы поживаете?

— Было бы гораздо лучше, если бы ты прекратила принимать всех этих мужчин!

— Прошу прощения? — Джасинду задел обвинительный тон злобной старушенции.

— Ты меня слышала! Своим бесстыдством ты позоришь всю округу! Этот человек вдвое моложе тебя! Он постоянно приходит к тебе, днем и ночью! Советник Стефан перевернулся бы в гробу, если бы узнал о твоем неуважительном к его памяти поведении!

С каждым словом, слетавшим с губ старой карги, гнев Джасинды возрастал подобно летящему с горы снежному кому. Она знала, что мадам Нитцшке ревностно следит за всеми жителями в округе. И какое-то время — пока ее дети росли — Джасинду это вполне устраивало, так как ни одна их шалость не оставалась незамеченной. Теперь же такое повышенное внимание она находила весьма назойливым. Вторгающаяся в частную жизнь, но чуткая и заботливая женщина, которой когда-то была мадам Нитцшке, теперь превратилась в общественного обвинителя, и Джасинда не собиралась терпеть это. Позже она, несомненно, посмеялась бы над мыслью, что старуха убеждена в ее интимной связи с Деффондом, но сейчас это привело ее в бешенство.

— Мадам Нитцшке, — возмутилась Джасинда. — Я всегда уважала ваше радение о благе общества, но я не потерплю вашего вмешательства в мою личную жизнь. С чего вы решили, что имеете право судить меня? Это не ваше дело, кто и когда посещает мой дом! А теперь прошу извинить меня, у меня много дел, — отвернувшись, Джасинда направилась к своей машине, оставив соседку, провожавшую ее раздраженным взглядом, в гордом одиночестве.

* * *

— Мама?

Услышав свое имя, Джасинда повернула голову влево и радостно улыбнулась, увидев направлявшегося к ней сына.

— Дантон!

— Как ты? — поцеловав ее в щеку, он потянулся к пакетам в ее руках. — Позволь я сам понесу их.

— Я в порядке. Я как раз собиралась зайти к Питталуге и выпить чашечку кофе. Может, присоединишься ко мне?

Дантон взглянул на запястье, чтобы проверить время.

— Да. У меня еще час до следующей встречи.

— Замечательно, — она взяла сына под руку, и они направились вниз по улице.

— Мадам Мичелокакис! — с радостными приветствиями к ней спешил мистер Питталуге. — Вы здесь! В добром здравии! Я так переживал, узнав об аварии!

— Здравствуйте, мистер Питталуге. Спасибо за заботу, к счастью, все обошлось, и я в порядке. А как ваши дела?

— Я счастлив, что вы пришли сюда с советником Мичелокакисом. Чудесно! Хотите сесть за свой любимый столик?

— Буду вам признательна, — поблагодарила его Джасинда.

Когда Питталуге назвал Дантона «советник Мичелокакис», она непроизвольно вздрогнула, так как на мгновение вернулась в прошлое, в момент, когда приходила сюда со Стефаном.

Садясь за столик, к которому их подвел приветливый хозяин, Дантон нахмурился.

— Могу я взять это у вас, советник Мичелокакис? — Питталуге указал на пакеты в его руках.

— Спасибо, — Дантон тут же протянул их ему.

— Я сейчас вернусь с вашим кофе, — по-дружески кивнул хозяин кафетерия.

— Что это ты вдруг нахмурился? — спросила Джасинда, когда мужчина отошел.

— Он флиртовал с тобой, — еще больше нахмурился Дантон.

— Что?.. Кто? Ты имеешь в виду мистера Питталуге? — искренне удивилась Джасинда.

— Да.

— И тебя это беспокоит?

— Я... ну да. Ты же моя мать.

— Дантон, мы же уже говорили с тобой об этом. Ты не можешь видеть во мне только свою мать. Помимо этого я всегда была и останусь женщиной.

— Я знаю, и все же...

Неожиданно для себя Джасинда осознала, что Дантон на самом деле не мог примириться с этой мыслью, казавшейся ему явно противоречивой. Откинувшись на спинку стула, она попыталась оценить сложившуюся ситуацию. Она видела, как внезапная смерть Стефана потрясла ее детей, но сильнее всех это ударило по Дантону, буквально боготворившему своего отца. Джасинда хорошо помнила все те ночные разговоры, что они вели вдвоем, сидя в кабинете Стефана и обсуждая сотни всевозможных вещей. И прекрасно понимала, что Дантон — как старший сын — больше всех нуждался в поддержке и советах отца. Особенно сейчас, когда стал членом Ассамблеи.

После смерти Стефана Дантон очень серьезно относился к своим обязанностям первенца. Он считал своим долгом быть в курсе ее здоровья, постоянно звонил ей и по возможности всегда приезжал. Джасинда высоко ценила его заботу, и все же собиралась донести до сына, что у нее есть своя личная жизнь. Жизнь, в которой, как она надеялась, будет Джотэм.

Не успела она заговорить, как появился Питталуге с кофе и тарелкой сладостей.

— А вот и я.

— О, мистер Питталуге, вы меня балуете, — Джасинда с восхищением смотрела на тарелку, где лежали ее любимые пирожные и несколько специально для Дантона.

— Ни в коей мере, мадам. Могу я еще что-нибудь сделать для вас?

— Да. Я хотела бы приобрести для своей сестры несколько фунтов вашей чудесной кофейной смеси.

— Я позабочусь об этом, — мужчина улыбнулся и, слегка поклонившись, ушел.

— Дантон. Я люблю тебя. В нашей семье ты главный мужчина, но это не делает тебя моим господином. Даже твой отец никогда не претендовал на это.

— Мама...

— Позволь мне закончить, — Дантон тут же закрыл рот, так как ее «материнский тон» безукоризненно действовал на него даже после того, как он повзрослел. — Твой отец был моим спутником жизни, и я очень скучаю по нему, но не думаю, что он не хотел, чтобы после его смерти я продолжала радоваться жизни. Впрочем, как и я хотела бы, чтобы он жил дальше, если бы ситуация была противоположной.

— Но...

— Послушай меня, — Джасинда намеревалась обсудить эту тему с ним, несмотря на то, что он явно чувствовал себя неловко. — Я не собираюсь отказываться от полноты жизни, и если для того, чтобы наслаждаться ею, мне понадобится встречаться с другим мужчиной, то так тому и быть. Тебе придется смириться с этим.

— Мама!

— Ты ведь встречаешься с женщинами, Дантон?

— Конечно, но это совсем другое.

— Почему?

— Потому что ты моя мать! Мысль о тебе... — лицо Дантона начало краснеть.

— Обо мне?.. — Джасинда прекрасно знала, о чем он думал, но собиралась заставить его произнести это вслух.

— Мама, ты же не думаешь всерьез найти папе замену!

— А почему бы и нет?

— Папа был твоим спутником жизни.

— Так и есть, причем никто и никогда не сможет заменить мне его. Но это вовсе не означает, что я не могу снова влюбиться. И что не могу разделить свою жизнь с другим мужчиной.

— Я просто никогда не думал об этом, — Дантон сделал большой глоток из стоящей перед ним чашки. — Мне нужно какое-то время, чтобы свыкнуться с этой мыслью, — он поставил чашку на стол и пристально посмотрел в глаза Джасинде. — Мне также хотелось бы иметь возможность одобрять тех, с кем ты захочешь встречаться.

Джасинда сначала ошеломленно уставилась на сына, а потом звонко рассмеялась.

— Ты собираешься одобрять мои свидания?

— Да. Ты совсем не знаешь мужчин, мама. Тебя всю жизнь от этого защищали.

Она удивленно приподняла бровь.

— Я точно знаю, что представляют из себя мужчины. С тех пор, как умер твой отец, Дантон, у меня были свидания.

— Что? — его глаза расширились от потрясения. — Как? Кто? Когда? Почему ты мне ничего не говорила?

— Потому что это не твое дело, сын. Единственное, что ты должен знать, — что именно в данный момент является для меня важным, — Джасинда пододвинула к нему тарелку со сладостями. — Лучше отведай эти чудесные пирожные Питталуге.

Все еще слегка шокированный, Дантон протянул руку, выбрал свое любимое печенье и откусил.

* * *

— Благодарю вас, мистер Питталуге. Вы добавили это к моему счету?

— Конечно, мадам Мичелокакис, — мужчина протянул ей пакеты. — Я положил в ваши сумки два отдельных пакетика с кофе.

— Я возьму их, — Дантон взял пакеты. — Благодарю вас, мистер Питталуге.

— Всегда рад встрече с вами, советник Мичелокакис, — слегка поклонившись, хозяин кафетерия повернулся, чтобы поприветствовать очередного посетителя.

— Тебя подвезти домой? — взглянув на свой наручный комм, Дантон понял, что время поджимает, но он не хотел, чтобы его мать ехала домой на такси.

— Нет, мой транспорт стоит прямо за углом. Я собираюсь немного пройтись по магазинам, поэтому хочу закинуть в него свои покупки, — Джасинда отвлеклась на звонящий коммуникатор и поспешила достать тот из висевшей на плече сумочки.

Увидев код Джотэма, она сбросила вызов, не желая разговаривать с ним на улице, тем более в присутствии Дантона.

— Ты уже получила новый транспорт? — Дантон слегка нахмурился.

Он был так удивлен, что даже не задался вопросом, почему его мать не стала отвечать на звонок.

— Да, очевидно, мистеру Таггсу удалось получить его раньше, чем он ожидал, — Джасинда снова двинулась к своей машине.

— Значит, мой звонок пошел ему на пользу, — удовлетворенно кивнул Дантон.

— Ты ему звонил? — Джасинда прикусила губу, так как знала, что на самом деле истинной причиной было вмешательство Джотэма.

— Да. Прости, ты сказала, что сама хочешь разобраться с этим, но мне была ненавистна сама мысль, что ты так долго будешь ограничена в передвижениях.

— Спасибо, Дантон, — она остановилась возле своего транспорта, отключила сигнализацию и открыла заднюю дверь, чтобы он мог положить все пакеты внутрь.

— А кофе тете Палме ты отошлешь?

— Нет, вообще-то я собираюсь в Кисурри на этой неделе.

— В самом деле?

— Да, — ее коммуникатор снова зазвонил, и она нахмурилась, увидев код Джотэма.

«Почему он снова звонит?»

— Зачем?

— Хм-м-м, — вопрос Дантона выдернул Джасинду из задумчивости. Сбросив звонок, она вновь взглянула на сына. — О, по приглашению. Меня не будет около недели. Я собиралась позвонить тебе сегодня вечером и предупредить, чтобы ты не решил, что я снова пропала без вести.

— Пропала без вести? — настала очередь Дантона хмуриться.

— Да, именно это сообщила всем мадам Нитцшке.

— Прости меня, мама. Тогда я просто запаниковал. Маиши уже не было, зато меня встретила она.

— Конечно, конечно. В мое отсутствие Маиша время от времени будет наведываться ко мне домой, так что, если будет желание, можешь навестить ее, — поддразнила его Джасинда.

— Думаешь, я стану увиливать?

— Уверена, Дантон, ты обязательно это сделаешь. Маиша — часть нашей семьи. Я просто не хочу, чтобы ты беспокоился, если вдруг не встретишь ее там. Я попрошу ее либо позвонить тебе, либо оставить записку, когда она поедет навестить своих детей.

— Я буду тебе очень признателен. Ты права, она член нашей семьи, — Дантон бросил взгляд на свой наручный комм. — Мне нужно идти, мама, иначе я опоздаю на встречу.

— Иди, — Джасинда поцеловала его в щеку. — Поговорим, когда я вернусь, — она проводила его взглядом, гордясь тем, каким человеком он стал, а затем скользнула в свой транспорт, намереваясь ответить на звонок Джотэма.

* * *

— Где ты была? — требовательно спросил Джотэм, ответив после второго гудка.

Его резкий тон насторожил Джасинду.

— Я ходила по магазинам и не хотела разговаривать с тобой на улице. Что-то случилось?

— Есть кое-какие новости, и я должен вылететь в Кисурри уже сегодня вечером.

— О-о-о, — она постаралась не выдать своего разочарования.

Джасинда и не подозревала, с каким нетерпением ждала с ним встречи.

— Я знаю, что слишком тороплю тебя, но не могла бы ты подъехать к девяти?

— Ты все еще хочешь взять меня с собой?

— Естественно! Я попробую уладить кое-какие дела по комму, если тебе вдруг понадобится больше времени, но нам все равно придется вылететь до восхода первого солнца.

— Неужели ты пойдешь на это? — хорошо еще, что она сидела, но вот скрыть своего потрясения не смогла. — Отложишь важную встречу? Ради меня?

— Даже не сомневайся, только вот надолго задержаться я не смогу, — Джотэм отвернулся, чтобы, по ее предположению, взять что-то из рук Чесни, а когда он снова взглянул на нее, Джасинда заметила усталость в его глазах.

— Ты хоть немного поспал прошлой ночью? — тихо спросила она.

— Нет, — поставив свою резолюцию на том, что ему дали, он вернул документ.

— Я прибуду во дворец, как только соберусь. Не позже восьми, — она знала, что ей придется спешить, но даже если она что-то забудет, то сможет купить это в Кисурри.

— В самом деле? — в глазах Джотэма читалось явное сомнение.

— При одном условии.

— И что это?

— Постарайся немного отдохнуть.

— Могу лишь пообещать, что постараюсь.

— Не вынуждай меня идти к тебе и заставлять тебя.

— Ты готова лично уложить меня в постель? — Джотэм обнаружил, что эта мысль вызвала у него счастливую улыбку, но тут же понял, что если она это сделает, то об отдыхе можно будет забыть.

— Джотэм Тибулл, сейчас же убери с лица это довольное выражение, — Джасинда с трудом подавила улыбку. — Это была угроза.

— Но прозвучала она очень двусмысленно.

— Теперь я и сама это вижу, — она заметила, что ему протянули еще какие-то документы. — Ты, очевидно, занят, а мне, чтобы не опоздать, нужно еще очень многое сделать. Поэтому я отключусь и займусь сборами.

— Может, мне послать тебе кого-нибудь на помощь? Уверен, Чесни мог бы...

— Боюсь, у Чесни дел более чем достаточно, пусть лучше поможет тебе. Я справлюсь сама, — поспешно заверила она его. — До встречи, я скоро приеду. Попытайся все же немного отдохнуть, — с этими словами Джасинда отключилась.

* * *

— Джасинда Мичелокакис, что происходит? — Маиша расстегнула следующую сумку, чтобы она могла сложить в нее вещи.

— О чем ты говоришь, Маиша? — Джасинда вытащила еще один наряд, который не относился к официальным и для неформальной обстановки был очень уместен. — Я же говорила тебе, что еду в Кисурри, просто на несколько дней раньше, чем планировала.

— Но упакованные тобой вещи собраны по тому же принципу, что и при жизни Стефана. С учетом того, что твоя одежда может бросить тень не только на твоего спутника, но и на весь Дом Защиты.

Джасинда помолчала, неуверенно глядя на подругу.

— Да?

— Да. Зачем ты едешь в Кисурри, скажи честно?

Джасинда медленно подошла к кровати. Аккуратно сложив платье, она положила его в сумку и присела на кровать.

— Я поеду не одна, Маиша, — тихо призналась она.

— Это и дураку понятно. Но вот чего я не понимаю, к чему вся эта секретность? — Маиша присела рядом со своей давней подругой. — Раньше мы доверяли друг другу и ничего не скрывали.

— Я знаю, но это... слишком неожиданно и довольно сложно...

— Джасинда, ты меня пугаешь, — Маиша взяла ее руку и слегка сжала. — Ты была женой одного из самых влиятельных советников в истории Дома Защиты. Ты устанавливала стандарты изящества, стиля и образа того, какой должна быть жена члена Ассамблеи. А теперь ты ведешь себя так, словно на тебе лежит ответственность из-за присутствия рядом с этим человеком. Как такое возможно? На нашей планете нет ни одного мужчины, чья жизнь могла бы, скажем так, потребовать от тебя большего, чем то, что ты в свое время сделала для Стефана.

— Есть, — прошептала Джасинда.

— Это невозможно. Таким человеком может быть только… король... — голос Маиши затих, а ее глаза расширились, когда до нее дошло, что она сказала. И чего Джасинда не стала отрицать. — Джасинда?..

— Как я уже говорила, все неожиданно и очень сложно.

— Джотэм... — только и смогла прошептать потрясенная женщина.

— Да. Но ты не должна никому говорить об этом, Маиша.

— Дети не знают?

— Нет, знают лишь немногие.

— Так ты ехала из дворца, когда произошла авария?

— Да.

— И в Кисурри ты едешь с ним?

— Да.

— Хвала предкам, Джасинда, — вскочив на ноги, Маиша провела дрожащей рукой по волосам. — Он же король!

— И что?

— Он просил тебя сопровождать его? — она прекратила метаться по комнате и внимательно посмотрела на подругу. — В Дом Знаний?

— Да.

— Он не собирается скрывать ваши отношения, раз пригласил тебя туда. А Верховный адмирал — его самый верный и давний друг.

— Я знаю. Я знаю их обоих по Академии.

— Ты там училась?

— Да.

— Король Джотэм снова влюбился! — на лице Маиши появилась счастливая улыбка. — Он влюблен.

— Он этого не говорил, Маиша.

Та помолчала лишь мгновение.

— Это неважно. Король влюблен, однозначно. Он танцевал с тобой последний танец на балу Ассамблеи. Ты проводишь с ним время во дворце. И он берет тебя с собой в Кисурри, в Дом Знания.

— Мы стараемся держать это в тайне.

— Правильно, но как только тебя увидят с ним в Кисурри, это станет известно общественности, пусть и неофициально.

Джасинда поморщилась.

— Надеюсь, этого не случится. Мы едем на крестины принцессы Сабах. Никаких публичных мероприятий не планируется.

— Удачи тебе с этим.

— Вот почему у меня так много проблем со сбором вещей.

— Ну, тогда вот это не подойдет, — протянув руку, Маиша вытащила платье, которое Джасинда только что сложила в сумку. — В этом тебя уже видели, и не раз. Почему ты не купила что-то новое?

— Я собиралась пройтись по магазинам и обновить свой гардероб, — начала защищаться Джасинда, но улыбнулась, когда ее подруга принялась решительно вышагивать по комнате. — Но потом позвонил Джотэм и сообщил, что мы должны вылететь раньше, — она с любопытством наблюдала, как Маиша залезла в шкаф и начала там что-то искать, а затем вернулась к ней с несколькими уже упакованными сумками.

Сумками с одеждой, которую она купила — тогда еще Стефан был жив — для предстоящего цикла заседаний Совета. Того самого, в котором ему так и не довелось служить.

— Эти вещи подойдут идеально.

— Я совсем о них забыла.

— Знаю, — Маиша остановилась и озадаченно посмотрела на нее. — А ты сможешь носить их... с Джотэмом?

— Я... — Джасинда серьезно задумалась. Эти наряды были куплены при жизни Стефана, но он не видел их на ней, поэтому вариант был идеальным. — Да, со мной все будет в порядке.

— Хорошо. А теперь… займемся обувью...

* * *

— Ваше Величество, мадам Мичелокакис только что прибыла во дворец, — сообщил Чесни, входя в королевский кабинет.

— Она здесь? Уже? — взглянув на часы, Джотэм понял, что она приехала на несколько часов раньше. — Пусть Деффонд встретит ее.

— Он уже идет к ней, Ваше Величество. Он приказал стражникам известить его, как только мадам Мичелокакис пройдет через ворота.

— Хорошо, пусть ее вещи отнесут в мой шаттл.

— Будет сделано, Ваше Величество. Я также прикажу отнести и ваши. Вы хотите, чтобы ее проводили прямо к шаттлу или в ваши личные апартаменты?

Джотэм оглядел свой стол и начал собирать бумаги. Всем этим он мог заниматься и в шаттле. Если они вылетят сейчас, то до прибытия на место у них будет достаточно времени, чтобы хорошенько выспаться.

Как же он соскучился по Джасинде…

— Пусть Деффонд проводит ее к шаттлу и сообщит пилоту, что мы вылетаем, как только все окажутся на борту.

— Да, Ваше Величество.

Глава 18

Джасинда молча наблюдала, как Джотэмом без передышки отвечал на очередной вызов, подписывал один за другим документы и отдавал Чесни еще один приказ. Уже целых два часа Джотэм сидел в шаттле за своим столом и усердно работал.

Как только он прибыл на шаттл, то прежде всего уделил ей свое внимание, нежно обняв ее и крепко поцеловав. А пока шаттл взлетал, сидел рядом и рассказывал о взрыве на Нуге, главной горнодобывающей планете Коалиции. Сначала считалось, что это сделали мятежники, но потом было обнаружено, что в этом замешаны члены Дома Знаний и Дома Защиты. Поэтому им так срочно пришлось вылететь в Кисурри.

Джасинда внимательно слушала Джотэма и не могла поверить в возможность этого. Но в то же время она по опыту знала, что зло способно существовать там, где его меньше всего ожидаешь. Поэтому, когда после взлета Джотэм направился к своему рабочему столу, она не стала возражать, понимая важность и серьезность ситуации. А вот когда после прослушивания некоторых сообщений, не имевших никакого отношения к данному вопросу, она начала замечать на его лице и в голосе признаки переутомления, Джасинда начала злиться.

У Джотэма со Стефаном было слишком много общего.

Они оба были неисправимыми трудоголиками, не знавшими ни меры, ни границ.

Джасинда потеряла своего спутника жизни лишь потому, что никогда не вмешивалась в его работу и не заставляла его прерываться на отдых. Вполне возможно, что если бы она настаивала на этом, то он не умер бы в их саду от обширного инфаркта. И, возможно, они прожили бы с ним счастливо еще несколько десятков циклов.

Их совместное путешествие с Джотэмом только-только начиналось. И потому они оба чувствовали себя немного неуверенно и порой проявляли нерешительность. Но вот в чем Джасинда была абсолютно уверена, так это в том, что действительно хочет разделить с ним жизнь. Прекрасную, подлинно счастливую жизнь. Ту, в которой они по-настоящему будут вместе, а не такую, где она просто сидит и смотрит, как он урабатывается до смерти. Она уже проходила подобное со Стефаном и не собиралась совершать те же ошибки. Джасинда намеревалась сменить тактику, помня, чем все закончилось. Именно это она время от времени напоминала своим детям. Так не пора ли и ей самой применить это знание.

Поднявшись, она подошла к Джотэму и забрала у него ручку.

— Джасинда, что ты делаешь? — нахмурился он.

— Тебе нужно отдохнуть, Джотэм. Это может подождать.

— Я должен это доделать.

— Мир не рухнет, если ты сию же минуту не подпишешь отчет о планируемом строительстве новой больницы. Ни один из последних пяти вызовов не имел отношения к Нуге. Тебе пора отдохнуть.

В комнату вошел Чесни с еще одной стопкой документов.

— Там есть что-то связанное с Нугой? — требовательный тон Джасинды шокировал не только Джотэма, но и его помощника.

— А-а, — Чесни бросил взгляд на бумаги и вновь посмотрел на Джасинду, — нет.

— Тогда они могут подождать, как и любые вызовы, не относящиеся к Нуге. Джотэму нужно немного поспать до прибытия в Кисурри. Первое солнце взойдет через несколько часов после приземления, и я уверена, Верховный адмирал будет уже на ногах.

— Я... — Чесни перевел растерянный взгляд на короля, не зная, что ему делать.

— Джасинда, я должен с этим разобраться.

— Не сегодня, — пристально взглянув на Джотэма, она перевела взгляд на его помощника. — На сегодня все, мистер Чесни. Пожалуйста, проследите, чтобы короля больше никто не беспокоил.

— Я... да... мадам, — пробормотал тот.

И, тихонько прикрыв дверь, быстро удалился.

— Что ты делаешь, Джасинда? — недоумевал Джотэм, пока она собирала разбросанные по столу бумаги, совершенно не заботясь о том, что может их перепутать.

Бросив их в ящик стола, она тут же закрыла его.

— Выполняю работу Чесни. Ты и сам все прекрасно понимаешь. Именно так мне нужно было вести себя со Стефаном. Меньше говорить, а больше делать. Ты устал. Твоя работа никуда не убежит, не бойся. А теперь пойдем. Тебе нужно прилечь и отдохнуть.

* * *

Джотэм позволил Джасинде поднять себя и отвести в находившуюся на шаттле спальню. Он почти не пользовался этой комнатой, так как предпочитал во время перелетов работать, но сейчас вынужден был признать, что взглянул на кровать с трепетным предвкушением. Ведь рядом с ним будет лежать Джасинда.

Джотэм не мог сказать, сколько времени прошло с момента их взлета. Он собирался лишь кое-что прояснить, но, похоже, как всегда с головой ушел в свои обязанности. Джасинда была права. Он действительно устал. Он должен был понять это и остановиться. И тем не менее, несмотря на переутомление, сделавшее его медлительным и вялым, он не пропустил ее упоминание о Стефане и прозвучавшую в ее голосе вину, которую она, казалось, до сих пор испытывала.

Оказавшись в спальне, Джотэм тут же сбросил туфли и со стоном рухнул на кровать. Да, нужно признать, отдых ему был просто необходим. Перекатившись на спину, он раскрыл объятия.

— Полежи со мной.

Джасинда уже сняла свою обувь в предыдущей комнате, поэтому, недолго думая, забралась на кровать и со вздохом наслаждения устроилась у него на груди. Держа ее в своих объятиях, Джотэм закрыл глаза и почувствовал, как хаос этого мира отпускает его.

Как Джасинда догадалась, что без этого ему не обойтись?

Нужно было спросить ее об этом. И о том, почему она чувствует себя виноватой в смерти Стефана. Он непременно сделает это... через минуту.

* * *

Джасинда сразу же поняла, что Джотэм уснул. На это ушло совсем немного времени. И это еще раз подтверждало, что он действительно был изрядно измотан.

Зачем она потакала ему?

Почему не заставила его лечь раньше?

Неужели ей опять суждено наступать на те же грабли?

* * *

— Любовь моя, не вини себя в моей смерти.

— Стефан? — пока ее глаза искали ее спутника жизни, Джасинда обнаружила, что находится в своем саду, а три солнца стоят высоко над ее головой.

— Я здесь, любовь моя.

Она нашла его стоящим на коленях перед «материнским» кустом и обрезающим розы. Это было именно то место, где он умер.

— Вставай! — она тотчас потянулась к нему, чтобы помочь.

— Джасинда, этот куст виноват в моей смерти ничуть не больше тебя.

— Так и есть. Если бы я была тверже... уделяла бы тебе больше внимания... добралась бы до тебя чуть раньше...

— Ничего бы не изменилось. Просто пришло мое время присоединиться к предкам. Я сделал все, что от меня требовалось. Мой час настал.

— Нет! Предполагалось, что нас впереди ждало еще немало совместных циклов. Ты должен был быть здесь, рядом со мной, чтобы увидеть, как нашего сына избирают членом Ассамблеи, и лично присутствовать на союзе нашей дочери! Ты должен был состариться вместе со мной! Каринианцы теперь легко доживают до сотни циклов. Я хотела бы разделить их с тобой.

— О, любовь моя. Я видел, как Дантон стал советником. Отсюда. Благодаря тебе часть меня всегда будет жить в нем, как, впрочем, и в Итане, и в Стефани. Все это сделала ты как моя спутница жизни. И благодаря тебе моя жизнь продолжается даже после смерти. Ты позволила мне выполнить свое предназначение. Без тебя бы я не справился.

— О, Стефан.

— А теперь пришло время сделать то же самое для Джотэма.

— Что?

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что произошло с этим растением, — он указал на розовый куст. — Почему он сменил цвет?

— Мама предупредила меня, что его бутоны примут цвет того Дома, где его посадят.

— И все же до тех пор, пока я не встретился с предками, он оставался золотым в тон Дома Исцеления.

— Да.

— Предположения твоей матери были не совсем верными. Она не знала всей предыстории.

— А ты знаешь?

— Теперь знаю. Видишь ли, любовь моя, принц, который полюбил твою предшественницу, и от которого ты унаследовала этот знак, — палец Стефана нежно очертил все три расположенных по спирали солнца, украшавших ее грудь. Опустив взгляд, Джасинда увидела, что на ней любимая ночная сорочка Стефана, которую она специально сшила, чтобы был виден этот рисунок. — Его звали Даллан, и он искренне любил Паскуа. В доказательство своих пламенных чувств он подарил ей Tausendjahriger Rosenstock (*прим. лат. тысячелетний розовый куст*), являющийся древним символом любящего сердца.

— Если бы он действительно любил ее, то не оставил бы.

— О-о, все было немного сложнее. Он так же любил женщину, которая впоследствии стала его королевой.

— Что? Это невозможно.

— Неужели, любовь моя? Разве ты не любишь Джотэма?

— Но... но это совсем другое! Если бы ты был жив, этого бы никогда не случилось!

— Ты так уверена в этом, любовь моя? — Стефан смотрел на нее без тени осуждения. — Я знаю, что ты никогда бы не предала меня, никогда бы не нарушила клятвы, но чувства… иногда выходят за рамки правил. Они просто были, и принц Даллан, к сожалению, испытывал их к двум женщинам одновременно. К той, что он знал много лет и в конце концов полюбил. А вот во вторую он влюбился с первого взгляда. Одну он сделал своей королевой, а другой подарил дочь. И обе женщины знали друг о друге. Но как только Даллан обменялся клятвами с Розанной, он полностью посвятил себя ей и больше никогда не виделся с Паскуа. Взамен он послал ей этот куст.

— Я не понимаю.

— Цвет бутонов обусловлен не почвой, Джасинда. Дело не в «матери», а в чувствах, которые испытывает ее «опекун» к любимому мужчине.

— Но я была его хранителем до твоей смерти, и он давал только золотые цветы.

— Это потому, что в тебе течет королевская кровь. И хотя ты любила меня, представителя Дома Защиты, я не принадлежал к королевской семье.

— Но...

— А Джотэм из королевской семьи, и потому «мать» расцвела двумя разными цветами. Ты любишь Джотэма, короля Дома Защиты. Растение чувствует это и признает вашу любовь.

— Но это произошло до того, как я его полюбила!

— Неважно, растение заранее предчувствовало это.

— Но... я не хочу терять с тобой связь, Стефан.

— О-о, любовь моя, — Стефан притянул ее к себе. — Ты ее никогда не потеряешь. Ты моя спутница жизни, и я твой навеки. Настанет день, когда мы воссоединимся. Но это не означает, что наша связь помешает твоей любви к Джотэму, также как и его любовь к тебе не вычеркнет из его жизни Латы. Место воссоединения с предками удивительно, Джасинда. Здесь вечно празднуют любовь.

— Нашу с тобой.

— Твою с Джотэмом. И Джотэма с Латой.

— Я в замешательстве, Стефан. Я не знаю, что мне делать.

— Следуй зову своего сердца, любовь моя. Как ты поступала со мной. Ты всегда прислушивалась к своей интуиции. И никогда не ошибалась. Благодаря этому я смог исполнить свое предназначение. Теперь твоя задача сделать то же самое для Джотэма. Если ты выполнишь это, наш мир пойдет по новому светлому пути... — срезав розу, он протянул ей цветок.

Когда Джасинда опустила взгляд, она испытала потрясение.

Это была не фиолетовая и не золотая роза. Крошечный молодой бутон только-только начал раскрываться. Его основание было фиолетовым, в цвет Дома Защиты. А вот на кончиках его лепестков имелась позолота Дома Исцеления.

Единый Дом.

Джасинда оглянулась, чтобы расспросить об этом Стефана, но… он уже ушел.

* * *

— Знаешь, а ведь она права.

— Хм-м, — сонно промычал Джотэм, наслаждаясь нежными прикосновениями женских пальчиков, перебирающих его волосы. — Кто?

— Джасинда.

— Что?!! — резко открыв глаза, Джотэм увидел улыбающуюся Лату. — Лата?

— Здравствуй, любовь моя.

— Что?.. А где..? — он в недоумении огляделся и обнаружил, что находится вовсе не на шаттле.

Он был в саду. В своем саду. Рядом с розовым кустом Латы.

— Знаешь, Джасинда действительно права. Если ты будешь продолжать в том же духе, то встретишься с предками намного раньше, чем следует.

Джотэм нахмурился.

— О чем ты говоришь, Лата?

— Ты... Твое предопределение, Джотэм, — своим правлением возвеличить наш народ. Но ты ничего не добьешься, если будешь упорствовать.

— Я тебя не понимаю.

— Я покинула тебя раньше, чем следовало, любовь моя. Лишь потому, что не придавала значения знакам судьбы и не прислушивалась к своей интуиции. Я была молода и упряма. Не верила, что со мной может случиться что-то действительно плохое. Все же я была королевой, — она грустно улыбнулась ему. — Я глубоко ошибалась, а теперь вы с Бареком обвиняете себя в том, в чем ни капли не виноваты.

— Я виноват перед тобой, Лата.

— Нет, любовь моя, ты делал все, что мог. Это моя вина. И только моя. Но я не хочу, чтобы ты совершил подобную ошибку.

— И что это за ошибка?

— Я считала, что должна справиться со всем самостоятельно. Но я не смогла… и ты не сможешь. Если ты продолжишь пытаться, то потерпишь неудачу, как и я.

— Лата...

— Наш мир стоит на грани, Джотэм.

— На грани чего? — требовательно спросил он.

— Величия. И великого разрушения. Жизнь нашей планеты может пойти в любом направлении. И ты служишь отправной точкой.

— Я? — Джотэм почувствовал, что бледнеет.

— Да, любовь моя, ты. От тебя зависит, куда все двинется.

— Я не понимаю тебя, Лата. Что я еще могу сделать? Я...

— Ты устал. Я это вижу. И Джасинда тоже.

— Джасинда...

— Ты любишь ее, Джотэм, — взгляд Латы был мягким и полным понимания.

— Лата...

— Все в порядке, любовь моя, — она протянула руку и нежно провела пальцами по его щеке, как обычно делала, желая успокоить его. — Это никак не отразиться на наших с тобой чувствах. Если бы я могла, то давно бы уже соединила вас. Мне было очень больно видеть, как ты страдаешь от одиночества, и как стенает твоя душа. Но Стефан должен был выполнить свое предназначение, прежде чем вы двое смогли быть вместе.

— Меня беспокоит...

— Не надо, Джотэм, — наклонившись, Лата поцеловала его в губы. — Джасинда единственная женщина, которую я одобряю. Ведь она по-настоящему любит тебя.

— Я знаю, что она заботится обо мне, но любить...

— Как она может не любить тебя, Джотэм? Ты замечательный человек.

— Но я поступил с ней не очень красиво, Лата. Я был резок, нетерпелив и требователен. Я ожидал, что она будет беспрекословно выполнять все, что я ей скажу.

— А она? — глаза Латы искрились весельем, она уже знала ответ.

— Нет. Она постоянно спорит со мной. Указывает мне на мои ошибки.

— Хорошо. Кто-то же должен делать это.

— Перестань меня дразнить, Лата, я серьезно, — и тут до Джотэма дошло, что он обсуждает со своей спутницей жизни чувства к другой женщине.

— Я очень рада, любовь моя, — взгляд Латы был проникновенным и всепонимающим, — что Джасинда так хорошо понимает тебя, но самое главное, она прекрасно знает всю подоплеку твоих обязанностей... чего и как следует избегать. Она не позволит никому, даже тебе, сбить себя с толку. Из нее получится великолепная королева.

— Ты была моей королевой, Лата, — Джотэм резко сел.

— Да, — согласилась она. — Но это вовсе не значит, что Джасинда не может ей стать. Это всегда было предначертано ей судьбой, Джотэм. Ты сам это видел.

Джотэм понимал, что Лата имеет в виду королевскую метку на теле Джасинды.

Но взять королеву из другого Дома...

— То, что ты предлагаешь...

— Навсегда изменит наш мир, — продолжила его мысль Лата.

* * *

Настойчивое пиканье вырвало Джотэма из глубокого сна, в который он погрузился.

Протянув руку, он на ощупь нашел кнопку и нажал ее, чтобы ответить.

— В чем дело? — требовательно спросил он.

— Ваше Величество, до прибытия на Кисурри осталось пятнадцать минут, — доложил ему Чесни.

— Понятно, — выключив комм, Джотэм откинулся на спинку кровати и, притянув к себе Джасинду, стал размышлять над странным сном, который ему только что приснился.

Должно быть, это все же был сон. Верно?

— Джотэм? — Джасинда сонно потянулась в его объятиях и потерлась щекой о его грудь.

— Хм-м-м?

Ее следующие слова заставили его напрячься.

— Мне только что приснился очень необычный сон.

— Необычный?

— Ага, — она подняла голову и заглянула ему в глаза. — Это был Чесни?

— Да, он сообщил, что мы в пятнадцати минутах лету от Кисурри.

— О, тогда нам, наверное, пора встать.

— Еще минуточку, — Джотэм сел, прислонился спиной к стене и притянул Джасинду к себе на колени, так что она оказалась в его объятиях, лицом к нему. — Расскажи мне о своем сне.

— Я... — она замялась.

— В нем был Стефан, так ведь?

— Да, — глаза Джасинды округлились от удивления. — Как ты догадался?

Джотэм понимал, что должен быть с ней предельно честным.

— Потому что я только что виделся с Латой.

Джасинда почувствовала, как ее глаза наполняются слезами.

— Хвала предкам! Значит, это был не сон. Это была встреча...

— И что?

— Я на самом деле находилась в объятиях Стефана.

— Как и Лата в моих, — во взгляде Джасинды читалось легкое сомнение. — И она была всем довольна...

— Она рада, что мы будем вместе?

— Да, — Джотэм одарил ее той мягкой полуулыбкой, что всегда заставляла ее сердце биться немного быстрее. Теперь настала его очередь выглядеть неуверенным. — А Стефан?

— Тоже.

Несколько минут царило молчание, так как они оба погрузились в свои мысли. Джасинда пыталась переосмыслить все, что говорил ей Стефан. Он посоветовал ей

следовать своей интуиции, своему сердцу… но те утверждали, что ей стоит рассказать Джотэму о своих чувствах. И сказать это нужно было прямо сейчас.

— Я должна тебе кое в чем признаться, Джотэм.

— Ты можешь говорить мне абсолютно все, Джасинда.

— Я влюблена в тебя.

— Джасинда... — она не дала ему договорить, прижав пальцы к его губам.

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— Что? — Джотэм увернулся от ее пальцев.

Его сердце, встрепенувшееся после первого признания, теперь рухнуло вниз.

— Я никогда не хотела быть королевой. Я могла стать ею еще в Доме Исцеления. Именно поэтому я избегала тебя в Академии, — она провела пальцем по его полной нижней губе. — Я всеми силами старалась избежать подобной ситуации, но, по всей видимости, у предков свои планы.

— Ты не хочешь разделить со мной свою жизнь? — Джотэм почувствовал, как у него все сжалось в груди.

— Конечно же, хочу! — возмутилась Джасинда. — Я люблю тебя. Тебя! Но мне не нравится смотреть, как любимый человек урабатывается до смерти. Я больше не смогу мириться с этим. Это уничтожит меня.

— Джасинда, Стефан умер...

— Потому что я никогда не противилась ему. Ни разу не потребовала, чтобы он сдержал свое обещание сбавить обороты. Он клялся мне, что останется председателем лишь одного комитета, что передаст свои полномочия другим. Но не сделал ни того, ни другого. А с тобой все гораздо хуже.

— Джасинда, я король. Есть вещи, которые могу сделать только я.

— Ты прав, но также есть вещи, которые тебе не обязательно делать самому. Например, проводить трудовые переговоры корпорации «Сокол». В этом нет необходимости. По правде говоря, твое участие в их работе имеет негативные последствия для рабочих.

— О чем ты говоришь?!! — Джотэм очень гордился этой работой. — Забота о трудящихся всегда была моим главным приоритетом.

— «Соколу» это хорошо известно. Они также знают, как сильно люди любят и уважают тебя, и умело этим пользуются. Любой одобренный тобой контракт люди принимают без лишних вопросов. А с каждым выполненным заданием доля «Сокола» от всей прибыли увеличивается.

— Откуда ты это знаешь?

— Это был один из новых комитетов, которые Стефан возглавлял перед смертью. Он начал расследовать дело «Сокола» после того, как к нему подошли несколько недовольных рабочих.

— Почему они не обратились к председателю Комитета труда?

— Комитет труда возглавляет Паяри, а «Сокол» — его главный союзник.

Джотэму не хотелось в это верить. Как он мог упустить такое?

Им всегда двигало желание обеспечить своему народу стабильность и процветание.

— И ты всегда этого добивался, — Джасинда поняла, что последнюю фразу он произнес вслух неосознанно. — У тебя слишком много забот, чтобы вникать во все мелочи. К счастью, ты уже не тот новоиспеченный король, самый молодой из когда-либо коронованных, который вынужден доказывать свою состоятельность. И теперь ты уже не тот внезапно овдовевший король, что пытался заполнить свои ночи работой, дабы заглушить пустоту одиночества и терзающие душу мысли о потерянном.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я сама прошла через это, Джотэм. Я видела все это собственными глазами. А после смерти Стефана оказалась в точно такой же ситуации. Все ночи были ужасными,

особенно в первое время. Но пришла пора остановиться. Это ты правишь Домом Защиты, Джотэм. А не он тобой. Так не должно быть.

Джотэм молча слушал Джасинду, впитывая каждое ее слово. Все было именно так, как она и говорила. В первые циклы своего правления он чувствовал крайнюю необходимость проявить себя. Теперь же в этом не было никакой нужды. После смерти Латы он сознательно заваливал себя работой, оттягивая момент возвращения в пустующую кровать. Теперь же, когда он нуждался в свободном времени, которое жаждал проводить с Джасиндой, что-то обязательно прерывало их.

Но сможет ли он изменить это? И не будет ли это предательством?

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Джасинда. Конечно, ты права. Но я не могу просто так отказаться от этих обязанностей. Для меня это все равно, что бросить свой народ на произвол судьбы.

— Я бы никогда не предложила тебе этого, Джотэм. Но ты ведь можешь возложить некоторые обязанности на кого-то другого.

— Больше не на кого.

— А Барек? — Джасинда поняла, что безмерно удивила его.

— Барек?

— Да. Он ведь твой наследник. Разве ему не следует учиться у тебя должному выполнению обязанностей, которые однажды станут его ответственностью? Чтобы он не оказался брошенным и неподготовленным, как ты когда-то?

— Я... я как-то не задумывался об этом раньше. А Барек… никогда не выражал желания быть более вовлеченным.

— Точно так же, как он скрывал свое желание узнать что-либо о своей матери? — мягко спросила она. — Он достойное продолжение своего отца, Джотэм. Твой сын постоянно наблюдал за тобой и учился у тебя. Благодаря этому он стал прекрасным, волевым, высоконравственным человеком. Но это также сделало его чересчур закрытым.

— Ты права, — кивнул Джотэм в знак согласия.

— Когда дело касается таких людей, то приходится быть весьма настойчивым и прямолинейным, чтобы они поделились с тобой своими мыслями.

— А если это не сработает? — он нежно погладил ее по щеке костяшками пальцев.

— Тогда ты просто кричишь на них. Ну, по крайней мере, я так делаю. Слезы тоже неплохо работают, но этим я пользуюсь лишь в крайних случаях.

— Мне трудно поверить, что ты применяла все это к Стефану.

— О нет, со Стефаном такого и не требовалось. Он всегда прислушивался к моему мнению. Свои слезы я применяла лишь к отцу, — Джасинда мягко улыбнулась этим воспоминаниям. — Этому меня научила моя мама.

— И чего ты добивалась от отца слезами?

— Союза со Стефаном.

Сдержанный стук прервал их беседу, и Джотэм незамедлительно ответил:

— Да?

— Ваше Величество, спешу сообщить, что мы уже приземляемся.

— Спасибо, Чесни, мы выйдем через минуту.

— Да, Ваше Величество.

— Джасинда, — Джотэм успокаивающе погладил ее по щеке, когда она попыталась отстраниться. — Мы продолжим наш разговор при первой же возможности. Но сейчас я кое-что хочу сказать тебе.

— Что?

— Я тоже люблю тебя.

Глава 19

Джасинда, не шевелясь, лежала на груди Джотэма. Приподнявшись на локте, она с нежностью смотрела на него, пока он спал. Ей до сих пор не верилось, что этот удивительный мужчина любит ее, Джасинду Мичелокакис.

Они прибыли на место глубокой ночью. Их тут же провели в частное крыло дворца и сообщили, что Верховный адмирал с королевой приглашают их в семь на завтрак. Второе солнце только н***а***чало подниматься, но Джасинда знала, что им вскоре тоже придется вставать. Она не могла угадать, какой прием ей окажут королева с Верховным адмиралом, но надеялась, что на Джотэме это никак не отразится. Тот считал, что они встретят ее с распростертыми объятиями, вот только Джасинда не была в этом уверена.

В чем она была абсолютно уверена, так это в том, что Джотэм искренне любит ее, а она всей душой любит Джотэма. И вместе они справятся с любыми трудностями. Хотя жизнь спутницы короля была не совсем то, о чем она мечтала, Джасинда не собиралась от этого отказываться. Любовь для нее была самым ценным даром.

— Знаешь, какое счастье просыпаться в обнимку с тобой? — хриплые слова Джотэма вернули ее в реальность. — Знаешь ли, как сильно я люблю тебя?

— Так же, как и я тебя? — нежно улыбнулась ему Джасинда.

— Сильнее, — он потянулся к ней, чтобы завладеть ее губами.

С тех пор, как Джотэм просыпался под любящим взглядом красивой женщины, прошла, казалось, целая вечность. Той женщиной всегда была только Лата. Но теперь — после волнительной «встречи» с ней — он мог забыть о всех своих сожалениях и снова испытать эти удивительные чувства. Мог снова любить, не мучаясь сомнениями.

Джасинда, обвив руками его шею, полностью растворилась в их поцелуе. Поэтому не заметила, как оказалась прижатой к кровати его мускулистым телом. Но тут их прервал деликатный стук в дверь, и они оба тяжко вздохнули.

— Да?

— Ваше Величество, я лишь хотел предупредить, что у вас есть тридцать минут.

— Спасибо, Чесни.

— Когда-нибудь мы проснемся, и Чесни не прервет нас, — поддразнила Джасинда.

— Да, когда-нибудь это обязательно случится, — подарив ей еще один крепкий поцелуй, он встал и подал ей руку. — Пойдем, любовь моя, я подожду, пока ты примешь душ.

* * *

Джасинда уверенно шла рядом с Джотэмом по Королевскому крылу, когда их сопровождали в личную столовую королевской семьи. Она старалась не нервничать, но обнаружила, что все равно волнуется. И не из-за социального статуса тех, с кем ей предстояло встретиться, нет. Просто ей хотелось произвести благоприятное впечатление на близких друзей Джотэма.

Из-за закрытых дверей доносились голоса. Но стоило охраннику постучаться, и разговоры тут же стихли.

— Войдите, — прозвучал приказ, и когда стражник открыл двери, Джасинда с интересом осмотрела королевскую столовую.

Посреди просторной комнаты был накрыт длинный стол. Сидящие за ним повернули головы, и семь пар глаз уставились на вошедших, прервавших их трапезу.

— Джотэм, — Уильям встал, приветствуя старого друга. — Проходите. Я оставил вам немного еды, но хочу, чтоб вы знали, чего мне это стоило. Это было нелегко, учитывая, с каким аппетитом едят эти четыре шельмеца, — он бросил взгляд на сидевших за столом мальчуганов.

Приобняв Джасинду за талию, Джотэм подвел ее к Уильяму.

— Я понимаю, о чем ты, дружище. Я не раз видел, как едят эти монстрики. Уилл, ты же помнишь Джасинду Мичелокакис, не так ли?

— Да, конечно. Привет, Джасинда, давно не виделись. Прошу, садись, — указав на два свободных места слева от себя, он выдвинул ближайший к себе стул. — Кассандра скоро вернется. Сабах что-то раскапризничалась, и супруга решила уложить ее.

— Благодарю, — Джасинда села на предложенный стул. — Как быстро бежит время.

— Позволь представить тебе мою семью. Тот, что сидит в самом конце, уплетая за обе щеки, наш старший, Кайден. Рядом с ним Бретт, сын Питера и Синди. Напротив них Джейкоб, наш второй сын, и Вилли, младший из них. Мальчики, поздоровайтесь с мадам Мичелокакис.

— Здравствуйте, мадам Мичелокакис, — мгновенно повиновались все четверо и тут же вернулись к еде.

— Привет, — улыбнулась им Джасинда, вспомнив, как много ели ее собственные сыновья.

— Это Питер Чемберлен и его жена Синди.

— Рада встрече, — кивнула она сидевшей напротив супружеской паре.

— Мадам Мичелокакис, — поприветствовал ее Питер Чемберлен, а его жена лишь слегка улыбнулась.

— Как я уже сказал, Кассандра скоро вернется, — Уильям указал на пустующий стул справа от себя. — Кофе? — спросил он, подняв перед собой кофейник.

— С удовольствием, — благодарно улыбнулась Джасинда, так как привыкла с него начинать свое утро.

— Итак, Джотэм, как прошел твой полет? Не ожидал, что ты прилетишь так рано.

— Все нормально. Но за это стоит благодарить Джасинду. Она сумела собрать вещи в рекордно короткий срок.

— Серьезно? — брови Уильяма недоверчиво приподнялись. — Тебе придется научить Кассандру этому трюку.

— И какому же трюку меня нужно обучить? — услышав голос супруги, Уильям немедленно поднялся, чтобы отодвинуть для нее свободный стул.

— Как быстро упаковать вещи. С Сабах все в порядке?

— Да, — Кассандра села за стол. — Здравствуй, Джотэм.

Джасинда заметила, как потеплел взгляд королевы, когда та поздоровалась с Джотэмом, и как мгновенно остыл, когда та в ожидании уставилась на нее.

— Доброе утро, Кассандра, — ответил Джотэм. — Хочу познакомить тебя с Джасиндой Мичелокакис. Джасинда, это королева Кассандра Зафар.

— Ваше Величество, — Джасинда слегка склонила голову.

— Мадам Мичелокакис, — поприветствовала ее Кассандра и перевела взгляд на супруга. — Так ты хочешь сказать, что я слишком долго собираю вещи?

Уильям слегка нахмурился, увидев, как холодно приняла Джасинду его жена.

— Бывали случаи.

— Хм-м-м, тогда, наверное, я позволю тебе самому собирать их.

— Мичелокакис? Лейтенант Мичелокакис ваша дочь?

Повернувшись, Джасинда оказалась под пристальным взглядом карих глаз Питера Чемберлена.

— Да, Стеффи была в восторге, когда ее выбрали на ваш спецкурс повышения квалификации. Хотя, думаю, она бы оскорбилась, если бы узнала, что я назвала ее детским прозвищем.

— Дочь? Я не знала, что среди стажеров есть женщины, — нахмурилась Синди, посмотрев на мужа.

— Для меня пол курсанта никогда не имел значения, Пикси.

— Но ты говорил, что это самая сложная программа тренировок, которую ты когда-либо составлял. И ты уже отчислил треть группы.

— Пикси... — Питер бросил на жену предостерегающий взгляд.

— Что? — непонимающе спросила та.

— Все нормально, капитан. Я безгранично верю в успех своей дочери.

— Ты не боишься, что она может оказаться среди тех, кого уже отчислили? — с любопытством спросил он.

— Нет, — без малейшего промедления решительно ответила Джасинда. — Если моя дочь решила чего-то добиться, она никогда не проигрывает, что бы это ни было. Сейчас она намерена успешно окончить ваш новаторский курс. Значит, так и будет.

Уголки губ Питера дрогнули в намеке на улыбку.

— Теперь мне понятно, в кого лейтенант такая волевая и решительная.

— О нет, — Джасинда помахала перед собой рукой. — Дело вовсе не во мне, поверьте. Эти качества она взяла у своего отца.

— Он был членом Ассамблеи Дома Защиты, не так ли?

Джасинда оглянулась на Кассандру, уверенная, что королева знает ответ.

— Да, почти сорок циклов.

— Но не ты.

— Прости, что не я?

— Ты не из Дома Защиты.

— Нет. Я родилась в Доме Исцеления.

— Где твой отец тоже был советником.

— Как и оба моих деда и некоторые мои предки.

— И все же ты вступила в союз с мужчиной из Дома Защиты.

— Как и ты. Для меня никогда не имело значение, из какого Дома будет родом мой спутник жизни.

— Ты полагаешь, что Стефан Мичелокакис был твоим спутником жизни? — Кассандра скептически приподняла бровь.

— Нет. Я твердо убеждена, что Стефан был моим спутником жизни.

— Хм-м-м…

Уильям повернулся к Джасинде, бросив хмурый взгляд на супругу.

— Стефан был хорошим человеком. Мы не раз вели с ним оживленные беседы.

Джасинда отвела взгляд от Кассандры.

— Оживленные? Неужели? Правильнее сказать, громко спорили, не так ли?

— Иногда, — широко улыбнувшись, Уильям перевел взгляд на Питера. — Если у дочери Стефана есть хотя бы половина его решительности, преданности и упрямства, то по завершении твоего курса, Питер, она станет бесценным кадром.

Питер слегка кивнул, показывая Уиллу, что понял его. Очевидно, ему придется уделить особое внимание профессиональной подготовке Стефани Мичелокакис.

Сделав глоток кофе, Джасинда слегка поморщилась от его крепости. Она поставила чашку на стол и, добавив себе кусочек сахара, подвинула Джотэму подсластитель, так как поняла, что тот ему понадобится.

— Ты не любишь кофе? — холодно спросила Кассандра, привлекая к себе внимание Джасинды.

— Люблю, просто он немного крепковат. Обычно я пью более мягкую смесь, приобретенную в кафетерии в Печоре.

— У Питталуге? — с тоской спросил Уильям, отчего Кассандра нахмурилась.

— Да, — ответила ему Джасинда.

— Как же давно я не пил его особую смесь.

— Я привезла два фунта для своей сестры. Но уверена, она не обидится, если один оставлю вам.

— Я не знал, что Питталуге продает свою особую смесь.

— Вообще-то, это строжайший секрет. Но я не сомневаюсь, что он с большой охотой пришлет ее вам, Верховный адмирал.

— Уилл, Джасинда. Мы слишком давно знаем друг друга, чтобы придерживаться протокола. По крайней мере, наедине.

— Просто Уилл.

Джотэм благодарно улыбнулся другу.

— Я и не знала, что вы так хорошо знакомы, — тон Кассандры стал еще холоднее, когда она перевела взгляд с мужа на Джасинду.

— Я знаю Джотэма и Уильяма еще с Академии. Хотя у нас было несколько совместных занятий, я опережала их на целый цикл.

— Так ты их старше?

— Кассандра! — потрясенно воскликнула Синди.

Джасинда же ничуть не смутилась. Похоже, королеве не терпелось поскорее начать свои раскопки. Что ж, в эту игру можно было играть вдвоем.

— Да, я старше. Именно поэтому никогда не была участницей особой обучающей программы Джотэма и Уильяма.

Сделавший в этот момент глоток кофе Уилл поперхнулся.

— Обучающая программа? — ухмыльнулся Питер. — В самом деле, Уилл?

— Я... ладно... мы были молоды и...

— Джотэм, я поражена. Я думала, ты был с Латой еще с Академии, — Кассандра сказала это с таким явным осуждением, что Джасинда просто не могла оставаться в стороне и не защитить честь любимого мужчины.

Особенно, если угроза возникла из-за ее неосторожных слов.

— Так и было, — первой ответила она. — Как только Джотэм встретил Лату, он перестал «обучать» других девушек. Он очень верный и преданный человек.

— Я думала, ты тогда не очень хорошо его знала, — в голосе Кассандры звучал неприкрытый вызов.

— Я и не знала. Но моя сестра Палма жила с Латой в одной комнате, и та частенько бывала у нас дома. Мы были подругами.

— Это как-то... неожиданно, — во взгляде Кассандры сквозило недоверие.

— Почему это? — парировала Джасинда. — Ты не знаешь меня и никогда не знала Лату. А вот мы давно знакомы, — она указала на себя, Уильяма и Джотэма. — Лата была самой милой, доброй и любящей из всех достойных женщин, что мне посчастливилось встретить в своей жизни. А еще у нее было отличное чувство юмора. Она любила Джотэма и безумно любила своего сына. С тех пор, как мы ее потеряли, Вселенная заметно потускнела, — после искренних, сердечных слов Джасинды в комнате на мгновение воцарилась тишина.

Все понимали, что она имела в виду каждого из них. Включая Кассандру.

— Лата действительно была такой, — подтвердил Уильям, прерывая молчание. — Но при всем этом она могла... нарушать правила, — Джотэм и Уильям многозначительно переглянулись, считая, что только им понятен смысл этого высказывания.

— Ты имеешь в виду то, как ты отвлекал других девушек по этажу, чтобы Джотэм мог незаметно прокрасться в комнату Латы? — откусывая очередной кусочек, Джасинда бросила на Уилла слишком уж невинный взгляд.

— Я... Как ты узнала об этом? — потребовал Уильям, обменявшись с Джотэмом шокированным взглядом. — Мы это делали, лишь когда Палма уезжала домой!

— Домой Палма уезжала только на каникулы, — решительно заявила Джасинда.

— Что?.. — потрясенно уставился на нее Джотэм. — Но Лата всегда говорила, что Палма отправилась навестить семью.

— Так и есть, — поддразнила его, лукаво улыбнувшись, Джасинда. — Меня. Она собирала вещи и ночевала в моей комнате. Для вас с Латой это был единственный способ побыть наедине, без посторонних глаз.

— Спасибо, — потянувшись, Джотэм нежно сжал ее руку.

— Собственно говоря, я ничего не делала. Всего лишь позволяла сестре спать на своем диване. Не знаю, но как-то же вы обходились после моего выпуска.

— Джасинда, а ты тоже служила в охране? — вопрос Питера заставил ее оторвать взгляд от легкой ухмылки Джотэма, намекавшей, что он ни за что ей этого не скажет.

— Нет. Я служила связистом на «Когте».

— Связистом? — переспросила Кассандра.

— Да, я отвечала за мониторинг всех входящих и исходящих сообщений. Деятельность не очень увлекательная, но крайне необходимая.

— Это точно, — поддержал ее Уильям, глядя на Кассандру. — Если не следить постоянно за их количеством, то в конце концов это может вызвать беспорядок и ненужную сумятицу.

— Да, единственно стабильной вещью был ночной звонок Джотэма Лате. — Джасинда откусила еще кусочек, не замечая, что на нее шокировано уставились не только Уилл с Кассандрой, но и Джотэм.

— Ты точно знала, что это Джотэм звонит Лате? — нарочито бесстрастный тон Верховного адмирала заставил Джасинду оторваться от еды и посмотреть ему в глаза.

Грациозно расправив плечи, она сухо ответила:

— Конечно, он звонил ей каждый вечер в восемь, если не был на дежурстве.

— Откуда тебе это стало известно? — нахмурился Джотэм.

— Благодаря твоему королевскому шифру, — Джасинда не понимала, что его так расстроило.

— Ты взломала королевский шифр? — лицо Кассандры выглядело напряженным.

— Нет, конечно же! — возмутилась Джасинда. — Его невозможно сломать!

— Так как же ты тогда узнала? — тихо спросил Джотэм.

— Все дело в том, как в то время функционировала система двусторонней связи, — она слегка нахмурилась, глядя Джотэму в глаза. — Разные уровни приоритета проходили по разным каналам. По цифровому поддерживать связь имели право только два человека, ты и адмирал Каннон. На корабле с такой функцией было лишь три коммуникатора. У адмирала Каннона, на командном мостике и в личных апартаментах, и в твоей каюте. Я довела до сведения капитана Джака, что, хотя никто не мог прочесть твои сообщения, злоумышленники могли с легкостью вычислить твое местоположение.

— И что он ответил? — напряженно спросил Уильям.

— Он посоветовал мне не забивать излишним беспокойством свою хорошенькую головку. Сказал, что данный вопрос — сугубо мужская прерогатива.

— Джак всегда был ослом, — в сердцах выплюнул Уильям, с отвращением швырнув на стол салфетку.

— Это точно, а вот для женщин он был гигантской занозой в заднице, — тихо посетовала Джасинда.

— Почему? — последовал мягкий вопрос от Синди.

— Капитан Джак считал, что женщинам непозволительно служить на флоте, — пояснила она. — Считал их «отвлекающим фактором» и утверждал, что от них нет никакой «существенной пользы».

— Шовинистическая свинья, — пробормотала Синди.

Джасинда в замешательстве поморщилась.

— Он говорил это тебе? — Джотэм выглядел раздраженным.

— И мне, и всем находившимся под его командованием женщинам. Вот почему многие из них подавали рапорт о переводе.

— Но не ты. На «Когте» ты отслужила оба цикла положенного после учебы тура, — напомнил ей Джотэм.

— Я не собиралась позволять этому старому идио... — она оборвала себя на полуслове, внезапно вспомнив, что за столом находятся дети, — язвительному зануде лишить меня образа жизни, который меня вполне устраивал.

— Молодец, — одобрительно кивнула ей Синди.

— Я бы сказал, что твоя дочь многое взяла от тебя, — во взгляде Питера появилось неподдельное уважение.

Джасинда в ответ лишь мягко улыбнулась.

— Это была ты, — тихие слова Джотэма привлекли внимание Джасинды, стерев улыбку с ее лица.

— И что она натворила? — Кассандра бросила на Джасинду суровый взгляд.

Джотэм, проигнорировав ее вопрос, сосредоточил свое внимание на Джасинде.

— Это ты «озадачила» Стефана этим вопросом. Именно благодаря тебе была модернизирована вся система связи и заменены все коды.

— Те изменения произошли лишь благодаря тебе, Джотэм, — возразила Джасинда.

— Это Стефан привлек мое внимание. Но почему он не упомянул тебя? — когда Джасинда ничего не ответила, он слегка надавил на нее. — Джасинда?..

— Потому что я не из Дома Защиты, — наконец призналась она.

— Какое, черт возьми, это имеет отношение к делу? — возмутился Джотэм.

— Джотэм, вспомни, — мягко начала Джасинда, — какие тогда были сложные времена для Ассамблеи, какой раскол был среди советников. Ты только что занял трон, а нашему со Стефаном союзу едва исполнилось шесть циклов. Было немало людей, кто проголосовал бы против финансирования этого проекта, если бы узнали о моей причастности к нему.

— Я даже не подумал, что это могла быть ты, — тихо сказал Джотэм. — Я был уверен, что это Уилл, — Джотэм взглянул на своего старого друга.

— Я?! — Уильям не скрывал своего искреннего недоумения. — Почему я?

— Стефан лишь сказал мне, что информация поступила от моего друга, служащего Коалиции. Что еще я мог подумать?

— Почему ты никогда ничего не говорила, Джасинда? — спросил ее Уильям.

— Потому что это была незначительная деталь. Главное, чтобы ни одна королевская особа, находясь на корабле флота, не стала доступной мишенью. Это то, что действительно имело значение.

— Король Джотэм…

— Да, Кайден? — взглянув через стол, Джотэм встретился с растерянным детским взглядом.

— А кто такая Лата?

От этого невинного детского вопроса все взрослые за столом шумно втянули воздух, а Джотэм судорожно сглотнул.

— Лата… королева Дома Защиты, — ответила за него Джасинда.

— Королева? — Кайден, нахмурившись, взглянул на мать. — А почему мы с ней никогда не встречались?

— Она умерла, Кайден, — тихо проговорил Джотэм, глядя на мальчика. — За несколько циклов до твоего рождения.

— Как дедушка Джейкоб? — тихо спросил тот.

— Да.

— О-о-о... — Кайден на мгновение задумался. — Мне очень жаль. Ты, должно быть, скучаешь по ней. Я буду очень скучать по маме, если она уйдет.

— Спасибо, Кайден, — натянуто ответил Джотэм.

Не заботясь о том, как все отреагируют на это, Джасинда протянула свою руку и в молчаливой поддержке пожала лежавшую на столе и сжавшуюся в кулак руку Джотэма. Тот, бросив на нее благодарный взгляд, переплел их пальцы. Все сидевшие за столом взрослые молча наблюдали за этими действиями.

— Мама, можно нам уйти?

Окинув внимательным взглядом стол, Кассандра с удовлетворением отметила три опустевшие тарелки и то, как сметал последние крошки со своей тарелки ее младший сын. Мальчик явно не хотел, чтобы его здесь оставили.

— Можно, но не забудь, что в восемь ты должен быть в классе.

— Мама?

Джасинда перевела взгляд на худенького мальчика, сидевшего рядом с Синди.

— Иди, Бретт, можете повеселиться.

— Спасибо, мама, — с этими словами все четверо быстро покинули столовую.

Но не успела дверь закрыться, как вошла Хавьера.

— Кассандра, тебе пришло сообщение, — ее взгляд обежал присутствующих. — Джасинда?.. — она не смогла скрыть своего недоумения.

— Привет, Хавьера.

— Привет. Что ты тут... — она замолчала, увидев, чья рука лежала поверх ладони Джасинды. — Король Джотэм...

— Доброе утро, Хавьера, — ответил Джотэм, не убирая своей руки.

Кассандра поднялась, вытирая рот салфеткой.

— Я буду в своем кабинете, — наклонившись, она поцеловала Уильяма. — Поговорим позже.

— Поверь, буду ждать этого с нетерпением, — бросил на нее тяжелый взгляд Уилл.

Кассандра выпрямилась и, понимающе кивнув ему, величественно покинула комнату. Хавьера тут же последовала за ней, бросив на Джасинду нечитаемый взгляд.

— Верховный адмирал, — в столовую вошел стражник в синей одежде Дома Знаний. — Поступило сообщение с Нуги.

Уильям с Джотэмом мгновенно поднялись.

— Джасинда? — Джотэм выжидающе посмотрел на нее.

— Иди. Ты здесь для этого. Со мной все будет в порядке.

— Спасибо, — наклонившись к ней, он поцеловал ее… быстро и крепко, а затем незамедлительно покинул столовую.

— Мне тоже пора идти, — нежно чмокнув жену, Питер встал из-за стола. — Увидимся вечером, Пикси. Мадам Мичелокакис, было приятно познакомиться.

— Мне тоже, капитан. И, пожалуйста, зовите меня Джасиндой.

— Только если ты будешь звать меня Питером.

— Согласна, — после этих слов капитан ушел, а Джасинда, оглядев внезапно опустевший стол, улыбнулась Синди. — И чем же мы теперь займемся?

Глава 20

— Мне так нравится это место, — Синди присела на скамейку в Саду Памяти.

Оглядев небольшой, обнесенный оградкой палисадник, Джасинда задержала взгляд на большом обтесанном камне и высеченном на нем имени.

— Джейкоб Чемберлен, — прочитала она.

— Отец Питера и Кассандры.

— Он погиб во время нападения мятежников на Землю?

— Да. Кассандра пыталась помочь раненому Лукасу, совершившему аварийную посадку недалеко от нашего дома, и Виктория незаметно выскользнула за ней через заднюю дверь.

— Мне об этом уже рассказывали.

— Питер не мог помочь Кэсси, он только что вернулся с задания, — Синди продолжала задумчиво смотреть на камень. — Он повредил плечо и ногу, поэтому

Кассандра понимала, что он не сможет донести Лукаса. Мы даже не знали, что Тори сбежала, пока не отправились в убежище.

— Ты, должно быть, была в ужасе, — Джасинда не могла себе этого представить.

Если бы кто-то из ее детей остался один во время нападения мятежников, она бы сошла с ума.

— Да, но я была на третьем месяце беременности... и не могла броситься на поиски девочек. Меня тревожило состояние Бретта и Питера, — глаза Синди затуманились, когда она окунулась в воспоминания. — Я помню, как задрожала и затряслась земля. Как нас сбило с ног, и мы рухнули на пол. Как только Питер поднялся, он кинулся запечатывать вход. Я кричала ему, чтобы он прекратил, не делал этого! Я колотила его по спине кулаками, расцарапала ему всю кожу... ведь там, снаружи, осталась моя малышка.

— Я даже представить это боюсь... — у Джасинды перехватило дыхание, и она не смогла больше вымолвить ни слова.

Уму непостижимо, через что пришлось пройти этой маленькой женщине.

— Я ужасный человек. Я ни разу не вспомнила ни про Кассандру, ни про Джейкоба, — в глазах Синди плескались боль и вина. — Все мои мысли были заняты только Тори.

Джасинда почувствовала, что больше не может оставаться в стороне. Сев рядом с Синди на скамейку, она сжала ее руку.

— Это говорит лишь о том, что ты любящая, заботливая мать. Виктория была твоим приоритетом. Так и должно было быть.

— Какое-то время, как мне кажется, я была просто не в себе. Питер обнимал меня и со слезами на глазах умолял не сдаваться.

— Он защищал то, что у него осталось. Женщину, которую он любил всем сердцем, и ребенка, который еще не родился.

— Никто из нас не смог бы выжить, если бы хоть один из них добрался до бункера.

Джасинде пришлось напрячь слух, чтобы расслышать столь мрачное признание, сорвавшееся с губ Синди подобно шелесту.

— Но почему?

— Запас продовольствия в бункере был рассчитан лишь на четыре года, — Синди посмотрела на нее ничего не видящими глазами. — На нас троих Питер смог растянуть его почти на девять лет.

— Четыре года... — Джасинда понимала, что Синди имеет в виду циклы.

— Да-а-а. Четыре года на четырех человек.

— Синди, но ведь вас было пятеро. Ты, Питер, Виктория, Кассандра и Джейкоб.

— Оказалось, что мой тесть не планировал спасаться в бункере, — Синди перевела взгляд на надгробную плиту. — Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять это.

— Что ты имеешь в виду?

— Джейкоб безумно любил свою жену Кэссиди, маму Питера и Кассандры. Она погибла в автокатастрофе, когда Кэсси было девять, а Питеру восемнадцать. Ее смерть опустошила Джейкоба. Какое-то время он даже не мог видеть Кэсси, так как та была удивительно похожа на свою мать. Тогда он отослал ее... в школу-интернат.

— Школа-интернат?

— Я не знаю, есть ли они у вас. Единственное, что более-менее напоминает ее, — это ваша Академия.

— Она попала туда в девять циклов? — недоверчиво спросила шокированная Джасинда.

Жители Кариниана поступали в Академию по достижении четырнадцати циклов. Но когда ее собственные дети отправились на учебу, она была твердо убеждена, что это слишком рано.

— Да. И это травмировало психику Кэсси. Она закрылась от людей, отдав предпочтение книгам. Знания, говорила она, никогда тебя не покинут.

Обе женщины некоторое время молчали, а потом Синди неожиданно поднялась и стремительно подошла к камню.

— Мне жаль. Не стоило рассказывать тебе все это. Вряд ли кому-то хочется слушать столь неприятные вещи, особенно о совершенно незнакомых людях.

— Синди... — Джасинда медленно подошла к маленькой женщине. — Ты говорила с кем-нибудь об этом?

— Они все давно об этом знают, зачем ворошить прошлое?

— Я говорю не о самих событиях, а о том чувстве вины, что тебя мучает.

— О чувстве вины? — растерянно посмотрела на нее Синди.

— Да, из-за благодарности тем троим, что не добрались до бункера, — тихо сказала Джасинда.

— Это неправда! — голос Синди сорвался на крик. — Я не могу испытывать подобную благодарность! Это сделало бы меня...

— Человеком, — закончила за нее Джасинда, не дав ей договорить. — Твой сын жив, потому что их не было в бункере. Твой муж жив, потому что они не добрались туда. Благодаря этому вы и выжили. Именно признательность делает тебя человеком.

— Это делает меня чудовищем… эгоистичным монстром.

— Нет, неправда.

— Кэсси, Тори и Джейкоб погибли...

— Но ведь они живы, — перебила ее Джасинда, — хотя не все.

— Но я-то этого тогда не знала.

— Зато теперь знаешь. Синди, я даже представить себе не могу, через что тебе пришлось пройти. Жить, зная, что потеряла половину семьи. Оказаться на долгие циклы запертой в бункере. Рожать ребенка, не имея представления, что ждет его в будущем... и будет ли оно у него. Мы, как любящие родители, желаем своим детям самого лучшего. Изо всех сил стараемся дать им это. Я уверена, ты делала для сына все, что могла.

— Так и есть. Хотя в тех условиях мои возможности были ограничены, но...

— Глядя на Бретта, не скажешь, что он страдает от последствий выпавших на его долю невзгод и лишений. У него вполне нормальное развитие. Он с удовольствием общается и играет со своими кузенами.

— Да, ты права. Конечно, ему еще предстоит набраться сил и наверстать упущенные знания, но меня радует, что теперь он постоянно улыбается.

— А Питер вернулся к своему любимому делу.

— Да.

— А еще ты теперь знаешь, что у Кассандры с Викторией тоже все хорошо. Твоя дочь-красавица обрела спутника жизни и посвятила себя карьере медика.

— Так и есть.

— А Кассандра стала королевой Дома Знания и вступила в союз с одним из лучших мужчин, которых я когда-либо знала, и родила ему прекрасных детей.

— Да.

— И ты теперь точно знаешь, что Джейкоб, — Джасинда бросила сочувственный взгляд на надгробную плиту, — не собирался жить в том бункере.

— Да, это так.

— Тогда перестань винить себя. Как бы ужасно это ни звучало, но для вас это был единственный способ выжить. И хотя я никогда не видела Джейкоба Чемберлена, я уверена — он бы хотел, чтобы ты себя простила.

— Он бы хотел… — прошептала Синди.

— Так прости же себя. Только ты можешь сделать это. У тебя еще вся жизнь впереди, Синди, — Джасинда помолчала, а потом задала вопрос, который обычно считала довольно бестактным. — Кстати, а сколько тебе циклов? Я знаю, что Виктории восемнадцать, но ты выглядишь не старше тридцати.

Синди на мгновение ошеломленно уставилась на нее, а потом вдруг рассмеялась. С таким облегчением... и так неудержимо, что у нее из глаз потекли слезы. Она даже схватилась за живот, сотрясавшийся от ее мелодичного смеха.

— Мне тридцать девять, — наконец смогла выдавить она.

— Серьезно? — глаза Джасинды сузились. — Похоже, я начинаю тебя ненавидеть.

— В самом деле? — удивилась Синди, вытиравшая слезы. — Но за что? По правде говоря, я никогда не видела столь красивой женщины, как ты. Когда вы с Джотэмом вошли сегодня утром, у меня буквально перехватило дыхание. Вы вместе... боже, вы смотритесь вместе просто потрясающе.

— Я... спасибо. Мы впервые появились на публике вместе. Мы только начали притираться друг к другу.

— Как все мы когда-то, верно? — слова Синди натолкнули Джасинду на мысль.

— Синди, я хочу задать тебе один вопрос, если ты, конечно же, не возражаешь. Но я ни в коей мере не хочу задеть твои чувства.

— Спрашивай.

— Чем ты занималась на Земле? Вела лишь домашнее хозяйство, будучи женой и матерью, или же занималась какой-то профессиональной деятельностью? Я не считаю, что женщине унизительно быть домохозяйкой. Я сама посвятила этому свою жизнь.

— За завтраком я услышала нечто иное, — возразила Синди, вновь усаживаясь на скамью. — Как я поняла, во время службы на флоте ты сыграла важную роль в обеспечении безопасности членов королевской семьи.

— На корабле, находящемся в космосе, никто не бывает в безопасности.

— И тем не менее ты сделала все, что было в твоих силах. А это означает, что мои племянники в еще большей безопасности. Так что, в любом случае, спасибо.

Джасинда зарделась от вполне заслуженного комплимента.

— А что насчет тебя? Расскажи мне о Синди Чемберлен.

— Синди Чемберлен... — расслабленно откинувшись на спинку скамьи и закинув на нее руки, она закрыла глаза. Затем запрокинула голову, подставив лицо ласковым лучам каринианского солнца. Казалось, этим она никогда не насытится. — Ну, я родилась как Синди Гриффин. Обыкновенная девчонка из маленького городка, но с большой мечтой.

— И о чем же ты мечтала?

— Стать певицей. И петь так проникновенно и так красиво, чтобы весь мир замирал, слушая меня, — она усмехнулась, вспомнив свою дерзкую честолюбивую мечту. — Тогда я была слишком молодой и чересчур наивной.

— Сколько тебе тогда было циклов?

— Пять.

— Что?! — Джасинда не могла в это поверить, ведь в свои пять циклов она мечтала лишь о том, как бы съесть еще одну печеньку.

— Хм-м-м, сколько себя помню, я всегда пела. С самого утра, стоило мне лишь открыть глаза, и до позднего вечера, когда нужно было ложиться спать. Это сводило моих родителей с ума, и они в конце концов решили нанять мне учителя. Надеялись, что если меня будут заставлять заниматься пением, то мне это быстро надоест. Они ошиблись. Я просто стала петь еще больше. К десяти годам я выиграла несколько конкурсов. А в двенадцать у меня уже был контракт на запись.

— Контракт на запись?..

— На Земле этот термин означал юридическое соглашение, позволявшее мне записывать свои песни и получать за это гонорар.

— В двенадцать?!

— Хм-м-м, меня считали восходящей звездой эстрады. Я начала гастролировать по стране, петь в огромных концертных залах перед больших количеством публики и зарабатывать много-много денег... кредитов. Из-за этого главным образом и распалась моя семья.

— Я не понимаю? Ты и Питер?..

— Прежняя семья, моих родителей, — Синди шумно вздохнула. — Видишь ли, на Земле до восемнадцати лет ребенок считается несовершеннолетним, неспособным принимать самостоятельные решения.

— На Кариниане также, хотя, конечно, бывают исключения.

— Вот и на Земле бывали исключительные случаи. В шестнадцать лет я обнаружила, что мои родители, отвечавшие за мои финансы, тратили каждый заработанный мною пенни. На моем счету в банке должны были лежать миллионы, а их там не было. Я обратилась в суд и стала так называемым «эмансипированным несовершеннолетним». С этого момента я считалась взрослой и могла сама распоряжаться как своей жизнью, так и своими финансами. С тех пор мои родители со мной не разговаривали. Ну, если только им не нужны были деньги.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже. Но тут ничего не поделаешь, что было — то было. В общем, я продолжала гастролировать и однажды, участвуя в концерте для Вооруженных сил, военнослужащих вроде вашей Коалиции, познакомилась с Питером.

— Сколько тебе было циклов?

— Только что исполнилось двадцать. Он просто стоял перед сценой и не сводил с меня глаз. Не подпевал мне, не улюлюкал, не кричал. Просто смотрел на меня так, словно я была единственным человеком в этом зале. Я привыкла, что люди, в особенности парни, стараются привлечь мое внимание, бурно выражая свое восхищение. А вот Питер… я почувствовала себя особенной.

— Ты влюбилась в него.

— С того самого момента, как наши взгляды встретились. Но мы с ним были из совершенно разных миров. Я постоянно гастролировала, а он не имел права покидать свою базу. Когда я вырывалась к нему, его могли в срочном порядке отправить на задание. Мы с Питером почти не виделись.

— И все же вы вместе.

— Да, но пришлось пережить несколько лет сердечной боли и душевных страданий. Забеременев Тори, я перестала гастролировать. Предполагалось, что всего лишь на пару лет. Но после того, как мятежники похитили мою малышку, ее психика была слишком травмирована... Спустя какое-то время ее состояние улучшилось, и я начала подумывать о возвращении на эстраду. Но тут они опять вернулись.

— Мятежники?

— Да. Остальное ты знаешь.

— Синди, у тебя необыкновенная жизнь.

— Я бы обозначила ее одним словом.

— И каким же?

— Никчемная.

— Что?!! — Джасинда была потрясена до глубины души. — Как ты можешь так говорить? У тебя двое прекрасных детей, обожающий тебя муж… и ты смогла пережить нападение мятежников на твою семью, заметь, не один раз, а дважды! Как ты можешь говорить, что твоя жизнь никчемная?

— Потому что здесь я ничего не значу.

— Я...

— Моя дочь давно выросла и счастлива со своим супругом. Я ей уже не нужна. Мой сын растет и познает вещи, о которых я вообще ничего не знаю. Я даже не могу помочь ему в учебе. А мой муж... что ж, он вернулся к тому, в чем всегда преуспевал, — к тренировкам и обучению спецов. Все члены моей семьи нашли свое место здесь, на Кариниане. А вот я... каждый день сижу в Саду Памяти и таращусь на надгробную плиту.

— Так найди себе дело по душе.

— Какое? Не похоже, что я обладаю каким-то нужным здесь умением.

— А ты все еще можешь петь, так ведь?

— Ну, в общем... не так хорошо, как раньше, что тут скажешь, но я абсолютно уверена, что ни один житель Кариниана не захочет это слушать.

— Пойдем, — решительно поднявшись, Джасинда протянула ей руку.

Минуту поколебавшись, Синди приняла ее.

— И куда мы направляемся?

— К счастью, я знаю человека, который нам точно скажет, захочет ли кто-нибудь «это слушать».

* * *

Палма ошеломленно застыла в дверях.

Она никак не могла взять в толк, кто в это время суток мог прийти к ней. Ну уж точно не ее сестра… с невесткой королевы, которая была поразительно похожа на свою дочь Викторию.

— Может, ты все-таки впустишь нас, Палма? Или так и будешь стоять в дверях? — усмехнувшись, спросила ее Джасинда.

— Я... что... ой, простите меня. Конечно же, входите. Прошу вас, — отступив назад и пропустив их в дом, Палма повела женщин в гостиную. — Пожалуйста. Присаживайтесь.

— Палма, это Синди Чемберлен. Невестка королевы Кассандры.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, принцесса Синди, — Палма слегка присела в учтивом реверансе.

— Э-э-э, что?.. Я не принцесса, — пылко возразила та.

— М-м-м, Синди, ты не права, — не смогла промолчать Джасинда. — Твой муж — брат королевы. Если бы Питер с Кассандрой выросли на Кариниане, то их мать была бы королевой, Питер — принцем, а ты, его жена, принцессой.

— Вот дерьмо, — чертыхнулась Синди, отчего Джасинда улыбнулась.

— Синди, это моя сестра Палма Метаксас.

— Рада знакомству, — ответила Синди.

А когда пришла в себя от шока — боже, у нее, оказывается, есть титул — ее блуждавший по комнате взгляд натолкнулся на что-то, напоминающее пианино.

— Не хотите чего-нибудь выпить? Может, кофе? — спросила Палма.

Джасинда, наблюдавшая за Синди, сразу же заметила, как та буквально замерла, стоило ей увидеть стоявшую в углу пианолу. Джасинда ничего не стала ей говорить, лишь постаралась скрыть от нее свою довольную улыбку.

— Давай я помогу тебе сварить кофе, сестренка, — она поднялась с дивана. — Я привезла тебе немного особой смеси Питталуге.

— Правда?! — взволнованно воскликнула Палма.

— Да, и Синди еще ни разу ее не пробовала. Синди, мы оставим тебя на пару минут. Не стесняйся, чувствуй себя как дома, — сообщив, что это дом ее сестры, Джасинда взяла Палму за руку и направилась с ней на кухню.

* * *

— Джасинда, что, во имя предков, происходит? — спросила ее сестра, как только они оказались вне зоны слышимости. — Ты заявляешься ко мне, не позвонив заранее.

— Разве я не могу навестить свою сестренку, когда захочется? — Джасинда с трудом сдерживала улыбку.

— Конечно, можешь! И ты прекрасно это знаешь! Не пытайся увильнуть от ответа. Мало того, что ты появляешься с бухты-барахты, так еще приводишь с собой недавно прибывшую в нам невестку королевы. Ту, о которой все шепчутся, что она едва на ладан

дышит. Ту, к которой никого не подпускают на пушечный выстрел. А ты привела ее сюда? Без королевской стражи?

— Серьезно? Ей не разрешают ни с кем видеться? — Джасинда нахмурилась при упоминании о королевских гвардейцах.

— Только с доверенным персоналом дворца, вроде Хавьеры. А ты знаешь, какие они неразговорчивые.

— Это точно.

— И как же тебе удалось вывести ее из дворца? Нет, постой, лучше спрошу, что ты там делала?

— Причина, по которой я там оказалась, может пока подождать, — Джасинда подняла палец, не позволяя сестре перебить себя. — Серьезно, чуть позже я тебе все объясню. А сейчас мы поговорим о Синди.

— О Синди? А что с ней не так?

— С ней все в порядке. Просто она тяжелее других переносит адаптацию, ведь ей столько пришлось пережить. Палма, — Джасинда посмотрела сестре в глаза, — это самая необыкновенная женщина из всех знакомых мне. То, с чем ей пришлось столкнуться... тот образ жизни, который она вела на Земле... Я хочу, чтобы на Кориниане у нее была не менее интересная и насыщенная жизнь. Поэтому мне нужна твоя помощь.

— Моя?! — испуганно пискнула Палма. — А чем я могу ей помочь?

— Палма, — стоило Джасинде заговорить, как обе женщины услышали извлекаемые из пианолы робкие звуки, напоминающие знакомство с новым инструментом.

Постепенно — набрав силу и приобретя уверенность — они превратились в чарующую слух мелодию.

— Она...

— Музыкант. Артистка. Певица.

— Так вот кем она была на Земле? — Палма выглядела потрясенной.

— Да, но она думает, что на Кориниане не сможет этим заниматься. Ей кажется, что здесь ей просто не найдется места. Поэтому я и привела ее к тебе.

— А она хороша в… — не успела Палма договорить, как к издаваемым пианолой звукам присоединился проникновенный мелодичный голос.

Обе женщины замерли.

И, тут же забыв про кофе, полностью растворились в чарующей музыке.

Что побудило их побыстрее вернуться в гостиную.

* * *

Синди не могла оторвать глаз от спрятавшегося в углу комнаты музыкального, по ее предположению, инструмента. Было очевидно, что им довольно часто пользуются и обращаются с любовью. А сейчас он буквально взывал к ней.

Поднявшись с дивана, Синди подошла ближе и увидела, что инструмент очень похож — вплоть до черно-белых клавиш — на фортепиано. Ей захотелось узнать: может, он и звучит точно также. Присев на стоявший перед ним стул и пробежав пальцами по клавиатуре, она счастливо улыбнулась.

Звук был таким же.

Удивительно!

Ее пальцы автоматически заиграли давно знакомую песню, и ее губы непроизвольно расплылись в улыбке. Когда мелодия закончилась, она, заиграв ее вновь, стала нерешительно подпевать слова, словно пробуя их на вкус и пытаясь решить для себя: способна ли она еще петь.

К своему облегчению Синди обнаружила, что ее голос стал более насыщенным, более глубоким и более зрелым, чем в последний раз, когда она пела эту песню. Она вдруг поняла, что никогда не исполняла ее должным образом. О, она считала, что ей понятен ее

смысл. Думала, что понимает слова, отражающие боль собственной беспомощности. Просто тогда она была еще ребенком. Ребенком, не знавшим жизни и не сталкивающимся с трагическими ситуациями, что встречаются людям на жизненном пути. Теперь же, пережив все это, Синди вкладывала в песню всю душу. В ее голосе звучала такая непоколебимая убежденность, которой у нее прежде никогда не было.

Когда она закончила, ей показалось, что к ней вернулась утерянная частичка ее души. Не обращая внимания на стекающие по щекам слезы, Синди аккуратно закрыла крышку пианолы.

— Это была самая невероятная вещь, которую я когда-либо слышала, — прошептала застывшая в дверях гостиной Палма, по лицу которой двумя ручейками бежали слезы.

— Прошу прощения, — Синди встала, вытирая мокрое от слез лицо. И, почувствовав себя непослушным ребенком, уличенным в совершении серьезного проступка, сцепила за спиной руки. — Мне не следовало играть без разрешения на вашем инструменте.

— О предки, с чего ты это взяла, Синди? — возмутилась Джасинда.

— Потому что... ну, я имею в виду, я могла повредить его или что-то еще.

— Синди, — Палма подошла к ней ближе, — эта пианола принадлежит семье моего спутника жизни уже сотни циклов. Конечно, это драгоценная семейная реликвия. Но мой супруг ежедневно играет на ней. Я клянусь тебе, за все циклы нашего союза я не слышала ничего прекраснее.

— Я... спасибо. И тем не менее, мне не следовало...

— Делать то, что ты любишь? — не дала ей договорить Джасинда. — То, что заставляет тебя чувствовать себя цельной?

— Как ты догадалась?

— Я это услышала, Синди. В твоем голосе. О предки, если то, как ты сейчас спела, у тебя получилось хуже, чем раньше, то я даже представить не могу, что это было. Должно быть, это было похоже на то, как поет Вселенная.

* * *

— Что значит, ее нет во дворце? — потребовал Джотэм, вскочив с кресла.

Они с Уильямом только что освободились после двухчасовой видеосвязи с Лукасом. «Хранитель» был послан расследовать взрыв на Нуге, так как в тот момент находился к планете ближе всех. С тех пор, как мятежники напали на Кариниан в сорок девятом, это стало самым масштабным уничтожением людей.

Всем не терпелось узнать подробности.

— Простите, Ваше Величество, — склонил голову Деффонд. — Мне только что сообщили, что Джасинда покинула дворец. Очевидно, приказ об уровне ее безопасности не был вовремя передан дворцовой страже. Она попросила лимизин, и ей выделили один.

— Джотэм, — попытался успокоить его Уильям, — с ней все будет в порядке.

— Хочу добавить, Верховный адмирал, она уехала с принцессой Синди.

— Что?! — теперь уже Уильям подскочил как ужаленный. — Без королевской стражи?!!

— В сопровождении двух гвардейцев.

— Куда они направились? — раздраженно спросил Уильям.

— Охрана доложила, что в дом Палмы Метаксас.

— Хадар! — взревел Уильям.

— Да, Верховный адмирал! — в кабинет влетел его помощник.

— Прикажи немедленно подогнать мой лимизин. И скажи Паа, что для сопровождения мне нужны еще две машины с королевскими гвардейцами.

— Да, Верховный адмирал! — Хадар поспешил выполнить приказ.

— Если Кассандра узнает об этом, мне с ней не расплатиться, — пробормотал Уильям, сверля Джотэма недовольным взглядом. — О чем только Джасинда думала? Зачем ей понадобилось увозить Синди из дворца?

Джотэм, увидев осуждение в глазах друга, вспыхнул как спичка.

— Во-первых, почему это Синди нельзя покидать дворец? А во-вторых, с какой стати Кассандра так пренебрежительна с Джасиндой?

— Джотэм...

— Не надо, Уилл, говорить со мной таким тоном. Кассандра вела себя так, словно подозревает ее в каком-то злом умысле. Словно Джасинда ее враг.

— А ты помнишь, как вел себя с Кассандрой при первой вашей встрече?

— Хочешь сказать, это была ее месть?

— НЕТ! Я имею в виду, что ситуации подобны. Кассандра очень уважает тебя и, разумеется, беспокоится. Она знает, что тебе причинили боль в прошлом, и боится, что это может повториться. Джотэм, мы оба прекрасно знаем, что Кэсси жизнь отдаст ради защиты тех, кого она любит.

— Меня не нужно защищать от Джасинды. Но мне очень важно, чтобы мои друзья приняли ее, признав частью моей жизни.

— Дай ей немного времени, Джотэм. Кассандра не знает Джасинду, как знаем ее мы. И она не знает, с какими трудностями Джасинде пришлось столкнуться в своей жизни. Знаешь, мне неприятно это признавать, но я уже начинаю побаиваться того дня, когда эти две самодостаточные женщины найдут общий язык и подружатся. Понимаешь, о чем я?

Джотэм задумчиво взглянул на друга.

Среди жен советников их Ассамблеи Джасинда всегда выделялась твердостью духа и авторитетностью. Он знал, что ей с Эвадной Тервиллигер, как женам старейших членов Ассамблеи, пришлось взять на себя большую часть обязанностей из того, чем занималась Лата при жизни. Главным образом, организацией в Доме Защиты особенно важных мероприятий.

А что изменилось бы в их Доме, если бы Джасинда обладала всей полнотой власти?

— Они перевернут наш мир, — прошептал Джотэм, широко улыбаясь. — Я с нетерпением жду этого.

— Король Джотэм, — привлек его внимание Деффонд.

— Что там?

— Мне только что сообщили, что мадам Мичелокакис с принцессой Синди покинули дом Метаксасов. Они возвращаются во дворец.

— Хадар! — снова крикнул Уильям.

— Верховный адмирал, ваш лимизин сейчас подъедет.

— Отмени его. Мы с королем Джотэмом встретим возвращающийся лимизин.

— Да, Верховный адмирал.

Глава 21

Идущие по коридорам Дома Знаний Джасинда и Синди беззаботно смеялись.

— О, это было так чудесно, Джасинда. Огромное тебе спасибо! — Синди порывисто обняла свою новую подругу.

— Я всего лишь познакомила тебя со своей сестрой, Синди, — обняв ее в ответ, улыбнулась Джасинда.

— Чей муж просто случайно оказался министром искусства Дома Знаний!

— Предки, бывает, улыбаются нам.

«И сегодня именно такой день», — подумала Джасинда.

Рука об руку они преодолели последний поворот и оказались перед охраняемым входом в Королевское крыло. И тут они увидели спешивших к ним Уильяма и Джотэма с нахмуренными бровями, портившими их красивые лица.

— О! — женщины остановились, а Джасинда, переводя взгляд с Уильяма на Джотэма, пыталась понять, что происходит. — Что-то не так?

— Да, — сказали они вместе.

— Питер? Бретт? — взволнованно спросила Синди, и ее пальцы непроизвольно впились в руку Джасинды.

— Нет! — воскликнул Уильям и в то же мгновение оказался рядом с ней. — Нет, Синди, — заверил он ее, и на этот раз его тон был гораздо мягче. — С ними все в порядке. Мы беспокоились о тебе.

— Обо мне? — она потрясенно уставилась на него. — С какой стати ты обо мне беспокоился? — Уильям был шокирован искренним удивлением, прозвучавшим в ее голосе.

«Она и в правду думает, что за нее никто не переживает?»

Ее следующие слова, к его ужасу, стали подтверждением.

— Обычно вы все молчком расходитесь после первой трапезы. Уходите, живете своей жизнью, а я с вами встречаюсь лишь за ужином.

— Синди... — начал Уильям, но его резко оборвали.

— Никто никогда не спрашивал меня, где я была. Что делала. Так чего сейчас интересоваться?

Джасинда была потрясена тем, с какой смелостью эта крошечная женщина противостала Верховному адмиралу. Это была первая настоящая искра гнева, которую она в ней увидела. По мнению Джасинды, Синди была в своем праве.

— Синди, ты еще не до конца оправилась, — попытался успокоить ее Уильям.

— Как и Питер. И Бретт. Но у них ты всегда спрашиваешь, как прошел их день. Неужели я для вас так мало значу?

— Конечно же, нет! — тут же открестился Уильям.

— Может, стоит перенести этот разговор в более уединенное место, — предложил Джотэм, глядя на гвардейцев, которые изо всех сил старались не слушать.

Он кивнул им, и они тут же распахнули двери. Джотэм приобнял Джасинду за талию и, пристально взглянув на нее, молча повел по коридору.

Джасинда нахмурилась.

«Что его так расстроило?»

Они успели сделать всего лишь несколько шагов после того, как за ними закрылись двери, когда те снова распахнулись, и в помещение ворвалась пышущая гневом Кассандра.

— Скажи, что меня ввели в заблуждение! — потребовала она, обводя взглядом комнату, но, увидев Синди, немного расслабилась.

— Кассандра... — попытался успокоить супругу Уильям.

Та редко впадала в ярость, но когда это случалось, ее сложно было остановить.

— Я тебе не «Кассандра», Уильям! Лучше скажи, что эта женщина, — ее рука взметнулась в сторону Джасинды, — не уводила мою невестку за пределы дворца! И она не настолько глупа, чтобы ограничиться дворцовой стражей!

— Прошу прощения, — Джасинда почувствовала, как в ней закипает гнев. — И кто по-вашему здесь глуп, Ваше Королевское Величество?

— Ты! — Кассандра подскочила к более высокой Джасинде. — Как ты посмела вывести ее из дворца?! Как ты посмела сделать это без моего разрешения!

— Простите? — слова королевы еще больше разозлили Джасинду. — Я не знала, что Синди обязана согласовывать с вами каждый свой шаг!

— Ты понятия не имеешь, через что ей пришлось пройти! — возмущенно парировала Кассандра. — Она такая хрупкая!

— Хрупкая? — выдохнула Синди и, отодвинув потрясенную Джасинду в сторону, встала перед королевой, которая была гораздо выше ее. — Как ты смеешь говорить обо мне так, словно меня здесь нет, Кассандра?! Словно у меня нет права распоряжаться собственной жизнью!

— Подожди, Синди, — тон Кассандры сразу же стал умиротворяющим, и это еще больше разозлило ее.

— Может, ты и королева, Кассандра, но ты ничего не знаешь о том, через что мне пришлось пройти. И знаешь почему? — Синди не дала ей возможности ответить. — Потому что ты никогда не спрашивала! Ни разу не поинтересовалась! Ни один из вас! — она перевела взгляд на Верховного адмирала, который внимательно ее слушал. — Ты всегда расспрашивал других, но ни разу не спросил меня! Почему? Неужели я ничего для тебя не значу, так как не обучаю твоих людей? — ее взгляд вернулся к Кассандре. — Или потому, что я не такая «обучаемая», как Бретт? Может, всем было бы лучше, если бы я просто умерла?!

— Нет!! Боже, Синди! Нет!! Как ты вообще могла такое подумать? — лицо и голос Кассандры наполнились болью.

— Я увидела это в вашем поведении! Одна лишь Джасинда села и поговорила со мной! Она выслушала меня, задавая вопросы и относясь ко мне как к живому, дышащему существу. Человеку, имеющему свои мысли и чувства. А не того, за кем нужно бдительно присматривать, время от времени успокаивать, а затем, погладив по головке, отправлять восвояси! — Синди сердито смахнула бежавшие по щекам слезы и повернулась к стоявшей рядом Джасинде, что молча наблюдала за разворачивающейся драмой.

— Спасибо тебе, Джасинда, что выслушала меня. Что поддержала и стала для меня здесь, на Кариниане, первым настоящим другом. Надеюсь, это не изменится.

— Конечно же, нет, Синди, — потянувшись, Джасинда нежно пожала ее руку. — Ничто из случившегося не может это отменить.

— Спасибо, — быстро обняв Джасинду, Синди выбежала из комнаты.

* * *

После ухода Синди в комнате воцарилась тишина.

По крайней мере до тех пор, пока Джасинда не повернулась к Кассандре.

— Во имя предков, что с тобой?!! — Джасинда чувствовала, что почти дрожит от ярости. — Одно дело, когда ты проявляешь высокомерие по отношению ко мне, в конце концов, ты королева, и это подчеркивает твой статус, — Джасинда усмехнулась. — Но ведь эта удивительная женщина, — она указала на дверь, через которую только что вышла Синди, — часть твоей семьи. Неужели статус королевы настолько затмил твой разум, что ты забыла, что семья — это самое важное, что есть в этой жизни?!! — Джасинда уже собиралась продолжить, когда Кассандра резко побледнела, что мгновенно охладило ее гнев.

Кассандра беспомощно взглянула на супруга, который подхватил ее на руки, когда она начала падать. Бросив на Джасинду яростный взгляд, Уильям вынес Кассандру из комнаты, но не раньше, чем Джасинда услышала ее шепот:

— Что я делала не так, Уильям?

* * *

Не проронив ни слова, Джотэм взял Джасинду под локоть и повел ее из крыла королевы в отведенные им гостевые покои. Деффонд и королевские гвардейцы последовали за ними. Джотэм собирался обсудить с ней произошедшее, но сейчас его больше волновало то, что Джасинда покинула дворец, не предупредив его и без подобающей охраны.

— Может, расскажешь мне, что, по-твоему, ты сделала? — потребовал он, развернув ее к себе лицом, как только за ними закрылись двери их апартаментов.

Джасинда, задумавшись о перемене в поведении Кассандры, молчала, пока Джотэм вел ее по коридору. Нет, королева не притворялась, она действительно была растеряна. Слова Джотэма заставили Джасинду пристально взглянуть на него.

— О чем ты говоришь?

— Вы покинули дворец, никого не предупредив, без надлежащей охраны! — страх, сжавший его сердце, когда он узнал, что ее нет во дворце, вернулся.

Он не мог потерять ее. Не хотел!

— У нас была охрана, Джотэм. С нами были двое стражников.

— Дворцовая стража, а не королевские гвардейцы!

— Какая разница? — удивилась она, приподняв бровь.

— Не прикидывайся дурочкой, Джасинда! Ты прекрасно знаешь, что королевские гвардейцы проходят спецподготовку по обороне и безопасности!

— Конечно, знаю! Моя дочь сейчас проходит спецкурс, чтобы стать одной из них. Но это вовсе не значит, что мне нужны гвардейцы, чтобы навестить сестру!

— Ты здесь! Со мной! Значит, они тебе необходимы!

— Джотэм... — она прижала ладонь к его щеке, надеясь, что это его успокоит. — Никто не знает, что я здесь. Тем более, что с тобой. Не было никакого риска ни для меня, ни для Синди.

— Ты не можешь знать наверняка!

— Джотэм...

— Я не потеряю тебя, Джасинда! Ни за что! Я просто не переживу этого! — он приподнял ее над полом и впился в ее губы страстным поцелуем.

Джасинда обвила руками его шею и растворилась в их поцелуе, полностью подчинившись ему, так как чувствовала, что ему это необходимо. Он должен был убедиться, что она снова рядом, целая и невредимая.

Прервав поцелуй и уткнувшись лицом в изгиб ее шеи, Джотэм крепко обнял ее.

— Предки, — прошептал он ей на ухо. — Никогда больше так со мной не поступай, Джасинда. Мое сердце этого не выдержит, — он поднял голову и встретился с ней взглядом, полностью открывая ей свои чувства. — Обещай, что отныне будешь брать с собой гвардейцев. Моих гвардейцев! Тех, кто понимает, насколько ты важна для меня.

— Джотэм, я рядом, — она поцеловала его в губы. — Я в безопасности, — она снова поцеловала его. — Я больше не стану подвергать себя опасности. Обещаю.

— Обещай, что всегда будешь брать с собой королевских гвардейцев, — упрямо потребовал он.

Стук в дверь помешал Джасинде ответить.

Джотэм медленно поставил ее на пол и направился к двери, чтобы открыть.

Повернувшись к нему спиной, Джасинда глубоко вздохнула и дрожащей рукой провела по волосам, убеждаясь, что они не растрепались. С самого утра было слишком много напряженных моментов, и ей требовалось немного времени, чтобы прийти в себя. Обернувшись, она увидела входящую в дверь Кассандру в сопровождении Уильяма и поняла, что передышки не будет. Расправив плечи, она приготовилась к тому, что будет дальше.

Кассандра, увидев, как напряглись плечи Джасинды, словно та готовилась к нападению, признала, что это ее вина. Именно ее пренебрежение во время первой трапезы создало эту ситуацию. Возможно, Джасинда ей не поверит, но для нее семья всегда была превыше всего, ее гордостью.

— Я знаю, что не имею права просить тебя об этом, особенно после того, как обошлась с тобой, но не могли бы мы сесть и поговорить? Насчет Синди... — Джасинда от неожиданности потеряла дар речи, а Кассандра восприняла ее молчание как отказ. — Пожалуйста, — взмолилась она.

— Кассандра... — шагнул к ней Уильям.

— Нет, Ваше Величество, — Джасинда шагнула к ней, но остановилась, догадавшись, что ее неправильно поняли, когда Джотэм, с недоумением глянув на нее, укоризненно покачал головой. — Я хотела сказать, пожалуйста, присаживайтесь, — она указала на один из диванов. — Я расскажу все, что вас интересует, если это поможет Синди.

Все четверо чинно расселись, четко обозначив линии поддержки. Уильям с Кассандрой расположились на одном диване, Джотэм с Джасиндой сидели напротив них.

— Ваше Величество, — начала Джасинда, — ваша невестка удивительная женщина.

— Я знаю. Я всегда это знала. Прошу, зови меня Кассандрой.

— Почему? Что изменилось? — спросила Джасинда.

— Несмотря на мою сегодняшнюю вспышку гнева, я обычно не так предвзята, — досадливо улыбнулась королева. — Как правило, я склонна давать людям шанс. Я знаю, каково это, когда судят превратно, едва взглянув на тебя. Но с тобой...

— Я прибыла под руку с тем, кого ты считаешь близким другом, вошедшим в твою семью. А за свою семью ты готова сражаться.

— Откуда ты знаешь?

— От Синди. Она рассказала мне, что сделал твой отец... после смерти твоей матери.

— Она рассказала тебе об этом? — Кассандра с такой силой сжала руку Уильяма, что побелели костяшки ее пальцев.

— Да, пока мы были в Саду Памяти. Она мне многое поведала.

— Пожалуйста, расскажи мне, о чем она говорила? — глаза Кассандры наполнились слезами. — Синди всегда была мне как старшая сестра. Лишь благодаря ей я находила время поговорить с папой. Она была единственной, кто мог оторвать меня от моих бесконечных дел. И именно она вдохновила меня заняться полевыми работами, — Кассандра потянулась к кольцу Уильяма и потерла его. — Я очень многим ей обязана...

— На Кариниане она считает себя никчемной, — прямо сказала Джасинда.

— Что?!! — три пары глаз шокировано уставились на нее, даже Уильям.

Хотя он видел внутреннюю борьбу Синди, но не думал, что это связано с чем-то подобным.

— Я была удивлена не меньше вас. К сожалению, в нашем мире Синди не чувствует себя нужной. А все, что делало ее таковой на Земле, осталось в далеком прошлом.

— Но я не понимаю, почему? — недоумевала Кассандра.

— Потому, что ты чувствуешь себя более комфортно с информацией, чем с людьми.

— Тебе это сказала Синди, — констатировала Кассандра.

— Да. Она пыталась объяснить, почему ты так со мной обошлась, — невозмутимо пожала плечами Джасинда. — Но Синди отличается от тебя, Кассандра. Она артистка.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышала, как она поет.

— Синди пела для тебя? Сегодня?!! — потрясенно прошептала Кассандра.

— У Палмы. И хочу тебе сказать, это было самым удивительным, что я когда-либо слышала.

— На Земле она была знаменитостью, — тихо сказала Кассандра. — Она путешествовала по миру и выступала перед десятками тысяч людей.

— И она бросила все это, родив Викторию.

— Да, я знаю, что она планировала вернуться...

— Но после похищения Виктория очень нуждалась в ней.

— Виктория была сильно травмирована. От нас всех потребовалось немало усилий, чтобы вернуть ее к обычной жизни. Но Синди, естественно, делала больше всех. Она пела ей, когда приходили кошмары. Иногда всю ночь напролет.

— Виктория была ее ребенком и нуждалась в ней, как, впрочем, и вся ваша семья.

— Да.

— Но теперь все изменилось.

— Как это?

— Виктория живет своей жизнью и давно не нуждается в ней. Бретт не нуждается в ней так, как раньше. Питер занят ответственным делом. Она посвятила себя заботе о семье, но они сейчас как бы не нуждаются в ней. Только не здесь. И не так, как раньше. Стоит ли удивляться, что она чувствует себя потерянной?

— Я никогда не думала об этом... почему я никогда не думала об этом? — Кассандра перевела на Уильяма взгляд, полный самоосуждения.

— Это не твоя вина, Кассандра, — Уильям развернул ее к себе лицом. — Никто из нас не понимал ее чувств. Мы слишком беспокоились о том, чтобы доставить ее сюда и вылечить.

— Ее беспокоит нечто большее, — тихо сказала Джасинда.

— Что именно? — спросил Уильям.

— Чувство вины.

— Чувство вины? За что Синди может испытывать вину? — удивился Уильям.

Джасинда молча смотрела на Кассандру, отмечая, как в ее глазах мелькают мысли, пока в них внезапно не вспыхнуло понимание.

— О боже мой! — прошептала Кассандра. — Бедная Синди.

— Кассандра, о чем ты говоришь?

— Бункер. Папин бункер. Он самолично делал там запасы, но только на четверых.

— Четверых? — Джотэм нахмурился, глядя на Кассандру. — Это невозможно.

— Все потому, что он не брал себя в расчет. Я всегда это знала. Четыре человека. На четыре года, — слезы текли по лицу Кассандры, когда она взглянула на Джотэма. — Они были заперты в бункере почти девять. Если бы мы с Викторией были там...

— Вы бы все погибли, — закончила за нее Джасинда. — Синди чуть не сошла с ума, когда Питер запечатал дверь. Ты оказалась снаружи. И ее дочка тоже. Но время шло...

— И она начала испытывать благодарность за то, что и у Бретта, и у Питера появился шанс выжить, — закончила за нее Кассандра. — Если бы Питер с Синди остались снаружи, а мы бы спаслись с Уильямом и нашими детьми, то я чувствовала бы себя точно также, — она беспомощно взглянула на своего спутника жизни. — Эти мысли разъедали бы мне душу, но я чувствовала бы себя именно так.

— Это разрушает Синди.

— Как я могу это исправить? — прошептала Кассандра.

— Ты не можешь, — возразила Джасинда. — Только Синди способна изменить это. Но в твоих силах помочь ей.

— Чем?

— Позволив ей петь, — Джасинда обернулась к Джотэму. — Жаль, что ты не слышал ее сегодня, Джотэм. Стоило ей запеть, и Вселенная подхватила ее мелодию, — она снова посмотрела на Кассандру. — Синди необходимо петь, Кассандра. Это такая же часть ее души, как и ее семья.

— Значит, она будет петь, — смахнув с лица слезы, Кассандра расправила плечи и начала подниматься. Но, почувствовав легкую неуверенность, растерянно взглянула на Джасинду и медленно опустилась обратно. — Я не знаю, с чего мне начать.

— Думаю, именно для этого предки и привели меня к вам, — немедленно ответила Джасинда. — Я точно знаю, с чего нужно начинать.

— А я считал, что это я привез тебя сюда, — обняв ее, Джотэм притянул Джасинду к себе и чмокнул в щечку.

Никогда еще он не гордился ею так, как сейчас.

Иронично приподняв бровь, Джасинда перевела взгляд на Кассандру.

— Что же есть в вас такого, королевские особы? Вы так убеждены, что все вокруг движется благодаря вам, — ее губы растянулись в насмешливой ухмылке. — Ему повезло, что он такой симпатичный. Иначе, боюсь, мне пришлось бы все переиграть.

— Эй! — наигранно возмутился Джотэм, отодвинувшись от нее.

Уильям и Кассандра рассмеялись.

— Мне еще ни разу не доводилось видеть, чтобы тебя так мастерски поставили на место, Джотэм, — Кассандра взглянула на Джасинду с еще большим уважением. — Итак, с чего мы начнем.

— Ну, во-первых, нужно найти пианолу и поставить ее в комнате Синди. Думаю, во дворце есть этот инструмент.

— Я... Уильям?.. — Кассандра вопросительно взглянула на супруга, и Джасинда впервые увидела, насколько крепка связь между ними.

Они действительно любили друг друга. И во всем полагались друг на друга.

— Их несколько, и все они в общественном крыле, поэтому Синди никогда их не видела. Я прикажу доставить одну.

— Нет. Я сама, — перебила его Кассандра. — Верховный адмирал не должен заниматься перестановкой мебели во дворце.

Уильям собрался было возразить, но его перебила Джасинда:

— Прошу меня простить, но, думаю, Хавьера сможет позаботиться об этом.

— Да, точно, Хавьера. Что дальше? — нетерпеливо спросила Кассандра.

— Ну, думаю, следующий шаг целиком в твоих руках, — Джасинда пытливо посмотрела Кассандре в глаза. — Ты знаешь Синди лучше меня, но мне кажется, она бывает очень упрямой.

— Ты абсолютно права.

— Поэтому я не уверена, стоит ли министру Метаксасу приезжать сюда, или лучше Синди самой поехать к нему.

— Министр Метаксас? Мой министр искусств?

— Да, Биргин мой шурин. Муж моей сестры Палмы. Услышав сегодня пение Синди, Палма немедленно связалась с ним. Он непредвзято оценит, примут ли у нас, на Кариниане, ее музыку.

При мысли, что это окажется невозможным, тон Кассандры стал повелительным.

— Конечно же, примут!

— Кассандра, — Уильям успокаивающе погладил ее по плечу. — Нельзя приказать людям любить музыку Синди. Ей важно услышать холодную, суровую правду.

Тяжко вздохнув, Кассандра согласно кивнула.

— Ты прав, Уильям. Просто мне хочется сделать для нее все в лучшем виде

— Это не зависит от твоего желания, любовь моя. Ты не можешь на это повлиять. Но ты можешь поддержать ее. Как и все мы, — Уильям нежно сжал ее ладонь.

— И снова ты прав.

— Неужели я не ослышался, и твоя жена уже трижды признала свою неправоту? — поддразнил друга Джотэм. — Думаю, стоит занести это в книгу рекордов.

— Заткнись, Джотэм, — резко одернула его Кассандра.

И Джасинда невольно рассмеялась.

Глава 22

Джасинда проснулась, когда ее кровать слегка прогнулась.

Открыв глаза, она попала в плен фиалковых глаз Джотэма.

— Ты вернулся, — хрипло выдохнула она, протягивая руку, чтобы погладить его по щеке.

Джотэм с Уильямом покинули их, когда пришел вызов с «Хранителя», а вскоре и Кассандра занялась своими королевскими делами. Вернувшись к себе и убедившись, что вещи уже распакованы, Джасинда легла на кровать, чтобы слегка вздремнуть. Очевидно, она проспала дольше, чем планировала.

— Да, — ответил Джотэм, целуя ее в губы.

— Тебе нужно отдохнуть, — она видела усталость в его глазах. — Давай, ложись со мной.

— Сейчас я представляю несколько иные вещи, которые мне хотелось бы с тобой сделать, — с этими словами он забрался к ней в постель.

— И ты обязательно их сделаешь, — пообещала Джасинда. — Но сначала отдохни.

Обняв ее и положив голову ей на грудь, он устало вздохнул.

— Только недолго.

— Поспи, Джотэм, — она нежно провела пальцами по его густым черным волосам и почувствовала, как он, расслабившись, засыпает.

Перебирая его волосы, она заметила начавшую пробиваться в них седину и слегка улыбнулась. С седыми висками Джотэм будет выглядеть еще более респектабельным.

Ей вспомнились его слова, сказанные перед встречей с Кассандрой и Уильямом, что он зациклен на ее безопасности. Его беспокойство было понятно. Особенно после гибели его супруги от несчастного случая. Вот только у них с ней было два существенных отличия: Джасинда никогда намеренно не подвергала себя риску и не была членом королевской семьи. А значит, ей не нужна была королевская охрана.

Но вот как заставить Джотэма понять это?

* * *

Джасинда откинула голову назад, позволяя стекающей по волосам воде смыть нанесенное на них моющее средство.

Проснувшись, она выскользнула из постели очень осторожно, чтобы не разбудить Джотэма. Она знала, что до совместной трапезы с Уильямом и Кассандрой оставалось совсем немного времени. Но ей хотелось, чтобы он хорошенько выспался. Все годы своего правления он упорно работал. И был так предан своим людям, что всегда ставил их нужды на первое место. Теперь же пришло время побеспокоиться о его нуждах.

Повернувшись, Джасинда подставила под теплые струи лицо, смывая сон и пыль прошедшего дня. И у нее перехватило дыхание, когда ее грудь внезапно обхватили сзади сильные мужские руки.

— Джотэм! — выдохнула она, когда ее прижали к твердому мускулистому телу.

— Ты не разбудила меня, — он в наказание прикусил мочку ее уха.

— Ты устал, — возразила она и потерлась ягодицами о его растущую эрекцию.

— Неважно. Мне не нравится просыпаться без тебя. Я начинаю думать, что мне все это приснилось.

— Джотэм... — его слова затронули ее душу, заставляя сердце болеть за него.

— Я не хочу, чтобы это был сон, Джасинда, — его губы начали спускаться вниз по ее шее, в то время как пальцы ласкали ее груди. — Я хочу, чтобы все было честно, открыто и по-настоящему.

— Так и будет Джотэм, — она склонила голову набок, предоставляя ему лучший доступ к своей шее. — Иначе бы я не была с тобой.

Развернув ее к себе лицом, Джотэм атаковал ее губы и, прижав к стене душевой, слегка приподнял. Джасинда ахнула ему в рот. Ее руки инстинктивно обхватили его плечи, а ноги обвились вокруг талии.

— Ты моя, Джасинда! — его затвердевший член, толкнувшись в ее влажный вход, беспрепятственно проник в жаждущее его лоно.

— Джотэм… — простонала она, оторвавшись на мгновение от его губ, и от интенсивности охватившего ее наслаждения впилась ногтями в его кожу.

— Моя Джасинда! — пока его член с жадностью исследовал ее лоно, звук влажных шлепков кожи о кожу отражался от стен заполненной паром душевой кабины. Причем каждый толчок был глубже предыдущего. — Только моя!

— Да, Джотэм! — воскликнула она, запрокидывая голову. Еще ни разу ее кульминация не нарастала с такой скоростью и такой интенсивностью. — Предки, да!

Джотэм почувствовал, как мышцы ее влагалища плотно обхватили его длину, как напряглись его яйца, как усилилось знакомое покалывание в основании позвоночника. Он знал, что долго не протянет, но отказывался кончить раньше нее.

— Кончи со мной, Джасинда! — потребовал он, еще глубже погружаясь в ее гостеприимное лоно. — Приди со мной. Сейчас же!

Джасинда не могла поверить, что способна так реагировать на его голос.

Как Джотэм мог повелевать ее телом? Но он мог.

Она закричала, когда оргазм взорвался в ней яркой вспышкой. И в то же мгновение ее мышцы с силой сжались вокруг его ствола. Джотэм вскрикнул и с последним резким толчком излился в нее.

* * *

Джасинда мягко улыбнулась Джотэму, когда почувствовала, как его большой палец погладил ее талию в том месте, где сейчас покоилась его рука. Он вел ее в крыло королевы на вечернюю трапезу. Деффонд с несколькими охранниками сопровождал их на некотором расстоянии.

Джасинда все еще чувствовала себя немного ошеломленной произошедшим в душе. Ни разу в жизни она не испытывала такого оргазма. А ее тело никогда так не реагировало на мужчину. От одной мысли об этом у нее перехватило дыхание. Она знала, что если бы их не ждали к вечерней трапезе, они бы так и не вылезли из постели.

— Ты в порядке? — спросил Джотэм, почувствовав пробежавшую по ее телу дрожь.

— Все хорошо, просто... задумалась, — Джасинда увидела, как в его глазах вспыхнуло желание, когда он понял, о чем она думала.

— Мы не задержимся надолго, — пообещал он и притянул ее ближе, так что она оказалась у него под мышкой.

Ее щеки вспыхнули, но она кивнула в знак согласия.

Когда они приблизились к крылу королевы, стражники не мешкая открыли перед ними двери. Они с Джотэмом зашли, а Деффонд с другими охранниками остались на месте. Немного помолчав, Джотэм повернулся к капитану.

— Пока мы с Джасиндой будем здесь, займись тем, что мы обсудили ранее, — это прозвучало не как приказ.

— Да, Ваше Величество. Вся ваша охрана останется здесь на случай, если они Вам вдруг понадобятся.

— Буду иметь в виду, — повернувшись, он повел Джасинду дальше.

* * *

Когда Джасинда, войдя с Джотэмом в столовую, где должна была проходить вечерняя трапеза, увидела творящийся там хаос, она, не сдержавшись, рассмеялась.

Верховный адмирал стоял на коленях, двое его старших сыновей висели у него на спине, пытаясь повалить на пол, а Вилли атаковал спереди.

— Теперь ты в наших руках! — выкрикнул Кайден, когда отец немного наклонился вперед.

— Ты уверен? — парировал тот и, внезапно извернувшись, обхватил Вилли рукой и прижал его к себе.

Кайден с Джейкобом шлепнулись на пол, а Уильям свободной рукой потянулся туда, где у них, как он знал, были наиболее уязвимые места. Комната тут же наполнилась детским визгом и хохотом.

— Хватит, папа! — сквозь смех выкрикнул Кайден, безуспешно пытаясь вырваться.

— Что? Вы втроем напали на одного, а теперь надеетесь, что я не стану мстить? — притворно возмутился Уильям, подмяв всех троих под себя и удерживая в клетке рук.

— Пожалуйста, папочка! — молил тоненьким голоском Вилли между писком.

— Хорошо, я прощу вас, но лишь потому, что у нас гости, — глаза Уильяма искрились весельем, когда он взглянул на наблюдавших за их кутерьмой Джотэма и Джасинду. — Благодари Джотэма с Джасиндой, что они спасли тебя от щекотки, которую ты заслужил, — Уильям помог сыновьям подняться, обнял и поцеловал каждого, а когда начал вставать, Вилли обхватил его за шею, и Уильям поднялся вместе с ним.

— Привет, король Джотэм, — поздоровался Вилли, когда отец подошел к гостям. — Спасибо, что спас нас.

— Всегда пожалуйста, Вилли. Надеюсь, ты в курсе, что твой отец тоже боится щекотки, — Джотэм задорно ухмыльнулся другу.

— Да, мамочка рассказала нам, но у нас ни разу не получилось подобраться к нему достаточно близко, — надулся Вилли.

— Уверен, когда-нибудь у тебя обязательно получится, — подбодрил его Джотэм.

— Ладно, хватит обсуждать мои слабости, — Уильям наклонился и поставил Вилли на пол. — Идите, помойте руки перед вечерней трапезой. Пора начинать.

— Да, папа, — хором воскликнули мальчики и поспешно покинули столовую.

— Кассандра укладывает Сабах. Чемберлены скоро придут. Питеру с Синди нужно кое-что обсудить. Кто-то хочет что-нибудь выпить? Вина? Эля?

— Бокал вина будет очень кстати, — согласилась Джасинда, когда Уильям протянул ей бокал на длинной ножке.

Джотэм взял стакан с традиционным каринианским элем.

— По Нуге есть что-то новое? — спросил он, делая глоток.

— Похоже, все сводится к технологическим ошибкам и халатности. Есть доказательства, что управляющий шахтой игнорировал график ее реконструкции и своевременный ремонт оборудования. А также прикарманил все сэкономленные кредиты.

— Его нашли?

— Да. Ему предъявят обвинение в коррупции и гибели пятисот рабочих.

— Взрыв был настолько мощным? — Джасинда не скрывала своего потрясения.

— Это произошло в рабочие часы, — пояснил Уильям. — Во время вечерней пересменки.

— Эта шахта принадлежит корпорации «Сокол», так ведь? — бросив взгляд на Джотэма, Джасинда увидела, что он в гневе стиснул зубы.

— Да, так и есть, — Уильям задумчиво смотрел на нее. — Откуда ты это знаешь?

— Перед самой смертью Стефан занимался расследованием деятельности этой компании, — ответила Джасинда, — но я понятия не имею, чем все закончилось.

— Интересно.

— Если нужно, у меня, скорее всего, сохранились те документы.

— У тебя? — Джотэм в недоумении уставился на нее. — Я думал, что все его документы были переданы Ассамблее.

— Стефан часто работал дома, поэтому хранил все копии. На домашнем коммуникаторе, где он работал, стоит хорошая защита, и он до сих пор находится в его кабинете. Никто никогда не спрашивал меня о нем, а я как-то про него совсем забыла. У меня есть коды доступа.

— Стефан дал тебе свои коды? — нахмурился Уильям.

— Он записал их, запечатал и запер в домашнем сейфе. Чтобы иметь к ним доступ, если понадобится. Я ни разу не вспомнила о них до этого разговора.

— Когда мы вернемся, мне бы очень хотелось взглянуть на собранный Стефаном материал, — протянув руку, Джотэм мягко коснулся ее щеки. — Хочу знать, что он выяснил, и почему после его смерти эта информация не дошла до меня.

— Ты ее получишь, обещаю.

Звук открывающейся двери прервал их разговор, и все обернулись на вошедших в столовую Чемберленов. Впереди родителей шел Бретт с перекинутой через плечо сумкой, ища кого-то взглядом.

— Мальчики в своих комнатах приводят себя в порядок, — сообщил Уильям Бретту, зная, кого тот ищет.

Бретт взглянул на мать.

— Иди, Бретт. Тебе тоже стоит умыться, — улыбнулась ему Синди.

— Спасибо, мам, — в ту же минуту мальчик исчез.

— Что будешь пить, Питер? — спросил Уильям. — Синди?..

— Вина, пожалуйста, — ответила та, приближаясь к ним.

Питер молча следовал за ней, бросая хмурые взгляды на Джасинду.

— Вы что-то хотели сказать, капитан? — поинтересовалась она, ни капли не испуганная его суровым видом.

— Питер! — Синди сердито взглянула на мужа.

— Да, хотел, — проигнорировал он возмущение жены. — Хоть мне и не понравилось, что ты вывезла мою жену из дворца без надлежащей охраны, но я ценю то, что ты для нее сделала, — заглянув в бокал, протянутый ему Уильямом, он снова посмотрел на Джасинду и угрюмо продолжил: — Я давно не слышал, чтобы Синди пела, как это делала, когда была счастлива. Так что спасибо.

Джасинда обнаружила, что способна лишь кивнуть головой. Ее горло сжалось от глубины тех чувств, что сейчас плескались в глазах этого серьезного мужчины. Было очевидно, что он искренне любит свою жену.

— Кассандра позаботилась, чтобы в наши апартаменты принести пианолу, — просияв, сообщила та Джасинде. — Питер с трудом оттащил меня от нее на вечернюю трапезу.

— Я удивляюсь, как от такого количества игры твои пальцы не сводит судорогой, — наклонившись, он поцеловал жену в макушку.

Синди счастливо улыбнулась ему, разминая пальцы свободной руки.

— Я слишком давно не практиковалась. Мне потребуется некоторое время, но я быстро наверстаю упущенное.

— Я не сомневаюсь в тебе, Пикси.

* * *

Джасинда не могла скрыть улыбки, наблюдая за Вилли-младшим, который не сводил глаз с ее недоеденной порции торта с помадкой. Свой кусок он умял в один присест, словно боялся, что старшие братья его непременно отнимут. А теперь смотрел на нее своими фиолетовыми, полными надежды глазами.

В этот раз, когда они усаживались за стол, Джотэм сел рядом с Уильямом, а Джасинда обнаружила, что ведет оживленную беседу с его младшим сыном, названным в честь отца. И мальчик буквально очаровал ее.

— Ты уверен, что в твоем животе есть место для еще одного кусочка? — тихо спросила она у него.

— Это же торт… — восторженно отозвался Вилли, как будто этим все было сказано.

Ну, на самом деле так оно и было.

— Сначала спроси разрешение у мамы.

— О-о. Мамочка? — позвал он с такой милой и невинной интонацией, что присуща только детям.

Кассандра тут же повернулась к нему.

— Да, Вилли?

— Мамочка, Джасинда не может доесть свой торт с помадкой и хочет, чтобы я ей помог. Можно я его съем?

В начале трапезы, когда Вилли не смог правильно произнести ее фамилию, Джасинда разрешила ему и другим мальчикам называть себя по имени. Теперь же ее позабавила его простодушная хитрость, и она слегка улыбнулась.

— О, значит, это ее желание? — решила подтрунить Кассандра, глядя на его измазанный в помадке рот.

— Да, мамочка.

Джасинда с интересом наблюдала, как самая могущественная за всю историю Кариниана королева таяла от умоляющего взгляда фиолетовых глаз своего ребенка. Она прекрасно понимала, что видела Кассандра, глядя на этого мальчика. Хотя все сыновья Уильяма были очень похожи на него, но тот, кого назвали в его честь, был поистине его зеркальным отражением. Поэтому Кассандра никогда ни в чем не сможет отказать ему, особенно если он будет на нее так смотреть.

— А как же твои братья и Бретт? — спросила Кассандра.

— Они больше, значит, и их куски были больше, — уверенно возразил Вилли.

— Согласна. Ну, думаю, будет ужасно, если он пропадет впустую.

— Так и есть, мамочка. Это ужасно, — Вилли серьезно кивнул в знак согласия.

— Если Джасинда не возражает, можешь его съесть.

Вилли перевел свои по-детски круглые глазки на Джасинду.

— Пожалуйста… — взмолился он.

Взяв свое блюдце, Джасинда поставила его на пустое блюдце мальчика.

— Держи, малыш, — повернувшись к Кассандре, она улыбнулась. — Тебя ждут серьезные проблемы, когда вам начнут звонить девочки.

— Это точно, — отозвалась Кассандра, озадаченно качая головой. — Я уже слышу, как разбиваются девичьи сердца.

— Прям как их отец. Девчонки в Академии буквально не давали им с Джотэмом проходу.

— Девчонки! — в голосе Кайдена отчетливо слышалось неприятие. — Папа, тебе нравились девушки? В Академии? Кажется, ты говорил, что в Академии ты только и делал, что тренировался и учился.

Все дружно уставились на главу семейства, пока тот хмуро смотрел на Кайдена.

— Только и делал, что тренировался и учился? — усмехнулся Джотэм. — Правда, Уилл?

— Джотэм, я сказал это своему шестилетнему сыну, — прошипел тот в ответ. — А что я должен был ему говорить?

— Кайден, в последние циклы папиной учебы все так и было, — решила вступиться за его отца Джасинда.

— О-о-о, — восхищенно выдохнул Кайден, как будто даже это было слишком.

— Знаешь, у меня есть внук примерно твоего возраста. Ему тоже пока не нравятся девушки.

— У тебя уже есть внуки? — шокировано воскликнула Кассандра.

— Два внука, — гордо сообщила Джасинда. — Дети моего младшего сына, Итана. Дантон, мой старший, еще не вступил в союз, а Стефани… Ну, Стефани сейчас сосредоточена на карьере.

— Не могу дождаться, когда стану бабушкой, — печально вздохнула Синди. — Виктория в этом вопросе солидарна со Стефани. Решила сначала построить карьеру. А вот мне, пока они с Лукасом не заведут собственных детей, которых я могла бы баловать, придется ограничиться заботой о Сабах.

— Все дети нуждаются в том, чтобы их баловали, — поддержала ее Джасинда.

— Верно, — согласилась Синди.

— Особенно Сабах, — добавил Вилли, уплетавший торт. — Она у нас особенная.

— Разумеется, это так. Она ведь твоя сестренка, — улыбнулась Джасинда, глядя на его перепачканную тортом мордашку.

— Нет, не из-за этого. А из-за того, что у нее два родимых пятна, — пояснил Вилли, и глаза Джасинды округлились от удивления, а в столовой воцарилась гнетущая тишина. Вилли был единственным, кто, казалось, ничего не заметил. — Да, одна родинка у нее на ноге, как у мамы, а другая на руке, как у нас, — Вилли гордо задрал рукав, демонстрируя родимое пятно в форме стрелы, подтверждающее его принадлежность к королевской крови Дома Защиты.

Джасинда, мягко говоря, была шокирована.

Разве такое возможно? Мальчики были сыновьями королевы Дома Знания. У них не могло быть такого родимого пятна! И все же оно было… и было таким же черным, как и у их отца. А это значило, что они стояли в очереди на престол Дома Защиты! И ладно, если бы у них у всех было такое... но у Сабах было целых два...

Предки, если пуристы узнают об этом, они сойдут с ума!

— Уильям, — строгий голос отца заставил маленького Вилли растерянно взглянуть на него. — Что тебе говорили относительно родимых пятен?

— Что мы не должны рассказывать о них никому, кроме членов семьи, — не задумываясь, выдал малыш.

— Правильно.

— Но разве Джасинда теперь не семья? Как и король Джотэм? — растерянный взгляд Вилли метался между матерью и отцом. — Ты всегда говорил, что за этим столом едят только члены нашей семьи.

Джасинда увидела, как Уильям прикрыл глаза, и поняла, что тот с трудом сдерживается, чтобы не взорваться. Ей и самой, воспитывая собственных детей, не раз приходилось тренировать свою выдержку.

— Я сделал что-то не так? — мальчик опустил вилку, и его маленькая нижняя губа задрожала от расстройства. — Я слышал, как ты рассказывал дяде Питеру, что если об этом узнают не те люди, то с Сабах может случиться что-то плохое. Неужели Джасинда «не те люди»? Неужели теперь Сабах причинят вред?

— Нет, Вилли, — мгновенно вскочив, Уильям подошел к дрожащему сыну и прижал его к себе. — Нет, Вилли. Ты все сделал правильно. Ты поступил в соответствии с тем, что мы тебе говорили. Джасинда не имеет отношения к плохим людям, и Сабах в безопасности.

— Могу я пойти и проверить? — спросил мальчик. — Хочу сам убедиться.

Уильям поставил Вилли на пол, и тот мгновенно выскочил из столовой, забыв про недоеденный торт.

— Мальчики, если вы закончили, можете идти играть, — сказал сыновьям Уильям, возвращаясь на свое место.

— Да, папа, — Кайден тут же встал и быстро ушел.

— Да, папа, — Джейкоб, не теряя времени, последовал за ним.

— Да, дядя Уильям, — Бретт также поспешно отправился вслед за Джейкобом.

В общем, все они бросились догонять Вилли.

В столовой воцарилась тишина.

Взгляд Джасинды оббежал всех присутствующих, начиная с Питера и Синди. Ненадолго задержался на Кассандре, скользнул по Уильяму и Джотэму и снова вернулся к Кассандре.

— Сабах не капризничала, когда мы появились на утренней трапезе. И ты не укладывала ее спать перед вечерней трапезой, якобы следуя режиму.

— Нет, — призналась Кассандра.

— Понятно, — коротко кивнула Джасинда, ее лицо ничего не выражало.

Она никогда не думала, что может быть так больно.

Джасинда лучше других знала, почему родимые пятна нужно скрывать от посторонних. Она прекрасно понимала Уильям с Кассандрой, не желавших открывать ей свою тайну. Но Джотэм?.. Джотэм, утверждавший, что хочет, чтобы она стала частью его жизни? И частью жизни его друзей? И при этом он не проронил ни слова, когда она поведала ему о своем родимом пятне? Им и так-то будет нелегко, когда они станут жить вместе. Но если между ними не будет доверия… у них не будет ни единого шанса.

— Джасинда... — Джотэм потянулся к ее руке, но она отдернула ее.

— Просто чтобы вы были в курсе, — Джасинда, игнорируя Джотэма, смотрела прямо в глаза Кассандре. — Я никому не расскажу о том, что сегодня случайно узнала здесь. Единственное, чего можно этим добиться, — это раскочегарить пуристов. А они никогда не входили в круг значимых для меня людей. Предки по какой-то причине допустили все это. Так кто я такая, чтобы перечить им?

— Спасибо, Джасинда, — начал Уильям.

— Не проблема, Верховный адмирал, — Джасинда взглянула на человека, которого всегда считала другом, и только сейчас поняла, какой же наивной была. Верховный адмирал и король в одном лице никак не мог быть ее другом лишь потому, что более сорока циклов назад они вместе учились в Академии. Взяв с колен салфетку, она вытерла губы и положила ее на стол. — Спасибо за прекрасный ужин. Если вы позволите, я, пожалуй, пойду. Поездка сюда утомила меня, похоже, больше, чем я ожидала.

Стоило ей подняться из-за стола, и Джотэм тут же отодвинул свой стул.

— Нет, — она мимолетно коснулась его плеча. — Останься. Я знаю, что тебе есть что обсудить с Верховным адмиралом. Синди. Питер, — она кивнула каждому из них и, бросив напоследок рассеянный взгляд на Джотэма, вышла из столовой.

* * *

— Хуже не бывает, — злясь на себя, Джотэм отшвырнул салфетку и, поднявшись, принялся нервно расхаживать взад-вперед.

Его сердце сжалось, когда в глазах Джасинды на мгновение мелькнули чувство предательства и душевная боль. А потом она закрылась, полностью отгородившись от него. Ну почему плохое всегда случается, когда его не ждешь? Он не думал, что Кассандра с Уильямом изначально спланировали держать Сабах подальше от Джасинды. Ему это даже в голову не пришло, зато Джасинда сразу же все поняла.

Наличие у мальчиков родимых пятен — даже если это выходило за рамки привычного — можно было объяснить сильной кровью Уильяма и его древней родословной. Но вот Сабах... Ни у одной женщины за всю историю Кариниана не было родимого пятна Дома Защиты. Точно так же, как родимое пятно Дома Исцеления никогда не появлялось ни у одной из них. И все же Джасинда носила такой знак… пусть не на руке, а над сердцем, но все же носила. И доверила ему свою тайну. А он не доверился ей. Не раскрыл ни одного из своих секретов.

Как без доверия строить настоящие отношения?

Для того чтобы оно зародилось, требовалось время, а вот его-то у Джотэма как раз и не было. Сказать по правде, он был уже на грани, поэтому намеренно ускорял процесс. Чтобы избавиться от одиночества в холодной постели и гнетущей пустоты в душе.

Теперь и то, и другое было заполнено Джасиндой. Благодаря Джасинде.

Если он ее сейчас потеряет… то только по своей вине.

Вцепившись в каменные перила, вмиг охладившие его кожу, Джотэм с удивлением обнаружил, что вышел на балкон с видом на королевский сад, что сейчас был залит серебристым светом полной луны. Сделав глубокий вдох, он оценил сухой, сладковато-пряный воздух Кисурри, так отличавшийся от влажного воздуха его сада в Печоре.

Воздуха, наполненного ароматом роз. Роз, что посадила там Лата.

Роз, которые Лате подарила мать Джасинды.

Эти две женщины вплелись в его судьбу так же тесно, как и стебли розового куста.

— Все будет хорошо, Джотэм. Джасинда поймет.

— О, она уже все поняла, Уилл. Она все прекрасно поняла, — Джотэм запрокинул голову и взглянул на звезды. Когда-то они казались ему неимоверно загадочными, а мысль отправиться исследовать их — чрезвычайно волнующей. Он даже посвятил этому какое-то время. Но теперь они уже не влекли его так, как в молодости. Теперь все, чего он хотел… чтобы рядом с ним была Джасинда. — Я не должен был оставаться на флоте второй тур, Уильям.

— Что? — друг недоуменно посмотрел на него, удивляясь столь резкой смене темы.

— Моим долгом было отслужить только один цикл, но мне хотелось доказать всем, что мое присутствие там не номинально, как это было с Дадрианом. Я хотел, чтобы все знали, что медали на моем кителе не подарены отцом, а каждая из них мной заслужена.

— Так и было, Джотэм. Никто никогда не сможет оспорить это.

— Но стоило ли придавать этому такое значение? Единственным человеком, чье мнение должно было иметь для меня вес, была Лата. Мое решение стоило мне целого цикла разлуки с ней. А тебе — союза с Салиш.

— Мы были молоды, Джотэм, пытались найти свой путь.

— Ты бы сейчас принял такое же решение, Уилл? Ты бы вернулся на флот, если бы был там нужен? Оставил бы жену и детей, зная, что, возможно, никогда больше их не увидишь?

— Нет, — не задумываясь, открестился Уильям. — Я отслужил свой срок, Джотэм. Я знаю, кто я. Знаю, что честно заслужил свою должность. Ради этого мне пришлось многим пожертвовать, что-то потерять. Но теперь я не буду этого делать.

— Я тоже, — повернувшись к другу, Джотэм выпрямился. Сейчас он собирался обратиться к нему как король Дома Защиты к Верховному адмиралу. — Я официально заявляю вам, Верховный адмирал, что отзываю принца Барека Тибулла с действительной службы во флоте.

— Что?! — Уильям не смог скрыть своего изумления.

— Хочу, чтобы он вернулся на планету в течение двух недель.

— Он будет в ярости.

— Это не имеет значения. Пришло его время познакомиться с обязанностями короля. А служа на флоте, он не сможет этим заниматься.

— Джотэм, — Уильям почувствовал, что у него перехватило дыхание. — Ты болен?

— Нет, — увидев искреннее беспокойство в глазах друга, Джотэм отбросил королевский официоз. — Нет, Уилл, я совершенно здоров. Просто устал. Устал нести это бремя в одиночку. А кое-кто напомнил мне, что я не должен этого делать.

— Джасинда.

— Да. Не хочу, Уилл, чтобы Барек столкнулся с теми же трудностями, что и я когда-то, приняв управление целым Домом, будучи абсолютно неготовым из-за внезапной гибели отца. На тот момент у меня были самые мизерные представления о роли и значении королевского титула. А рядом не было человека, на которого я мог бы полностью положиться. Если бы не Стефан Мичелокакис, я не знаю, что бы тогда делал.

— Так вот почему ты поддержал его союз с Джасиндой?

— Нет. Я поддержал их союз, так как это было правильно. Представляешь, сколько бы мы потеряли, если бы мой отец удалил его?

— Я уверен, что король Кадо никогда бы не стал...

— Он отправил Стефану письмо, Уилл, — взгляд Джотэма был жестким, когда их глаза встретились. — Он поставил его перед выбором: либо жена, либо должность.

— Серьезно? — Уильям не мог в это поверить.

— Он отправил его прямо перед смертью. Об этом мне рассказала Джасинда. Я попросил Чесни просмотреть старые бумаги моего отца, и он нашел его. Как я мог не знать, что мои мать с отцом были пуристами?

— Джотэм...

— Сидя на троне, Уилл, отец никогда бы не поддержал твой союз с Кассандрой. И никогда бы не встал на твою сторону.

Немного помолчав, Уильям кивнул, соглашаясь.

— Нет, не встал бы.

— И от этого пострадал бы весь наш мир.

— Именно то, что ты признаешь это, Джотэм, делает тебя великим королем. Ты бываешь жестким, но всегда справедлив. Зациклен на безопасности, но не стремишься подавить чью-либо волю. Ты толерантный и надежный. Свою жизнь ты посвятил процветанию своего Дома, но мы все от этого только выиграли.

— Свою жизнь я посвятил своему Дому лишь потому, что с гибелью Латы растерял все жизненные ценности. Я загружал себя делами, чтобы не разбираться с тем, как и почему я ее потерял. Барек страдал из-за того, что я не мог видеть изображения Латы, отказывался говорить о ней и никому не позволял произносить при мне ее имя. Как я мог так поступать с собственным сыном, Уилл? С сыном Латы?

— Ты был молод, Джотэм. Моложе, чем сейчас Барек. А тебе пришлось столкнуться с непомерной ответственностью.

— Это очень вежливое и разумное объяснение, но правда в том, что я уподобился своему отцу. Я ставил свои служебные обязанности выше интересов тех, кого любил. Я делал это и по отношению к Лате. Если бы я не тратил уйму времени, доказывая, что заслужил и соответствую своему положению, то наверняка бы понял, ради чего стоит жить. Я не собираюсь снова повторять ту же ошибку.

— С Джасиндой.

— Да. Я люблю ее, Уилл. И хочу быть с ней... по-настоящему быть с ней... а не просто сидеть за одним столом на трапезах, которые постоянно кто-то прерывает.

— Джасинда бы тебя поняла, Джотэм.

— Разумеется, но она твердо заявила, что на такую жизнь не согласна, — увидев, как глаза Уилла округлились от шока, Джотэм усмехнулся. — О, она прекрасно понимает, что в жизни всякое случается, но не согласна, чтобы это было нормой. Ты знаешь, что эта вечерняя трапеза с вами для меня была первой, когда мне позволили спокойно поесть?

— Мы запретили прерывать наши трапезы, если это не вопрос жизни и смерти. Кассандра настаивает, чтобы у нас было строго регламентированное время, посвященное только нашей семье. Если мы это проигнорируем, то потеряем родственную связь.

— Кассандра очень умная женщина. Мне потребовалось почти шестьдесят циклов, чтобы понять это. Я не собираюсь терять Джасинду, как потерял Лату. И наконец-то восстановлю нормальные отношения с Бареком. Я решил открыто поговорить с ним о его матери. О его жизни. О том, каким он видит свое будущее и с кем, возможно, захочет его разделить.

— А если эта женщина не из Дома Защиты? — не удержавшись, спросил Уилл.

— Тогда я, передав ему корону, уйду в отставку. А он сможет выбрать, кого захочет.

— Джотэм! — Уилл был потрясен: в истории Кариниана не было ничего подобного!

— Наш мир меняется, Уильям. Сыновья, рожденные в Доме Знания, носят родимые пятна Дома Защиты. А будущая королева, возможно, будет править обоими Домами. Нам предстоит слияние Домов, Уилл. Вы с Кассандрой первые, но не думаю, что последние.

Уильям мгновение молчал, глядя на своего друга и короля.

— Я прикажу немедленно подготовить и передать приказ, — сказал он. — Думаю, Барек свяжется с тобой еще до восхода первого солнца.

— Уверен, так и будет.

Глава 23

Дойдя до наружных дверей Королевского крыла, Джасинда остановилась.

Она понимала, что если войдет туда, то охрана Джотэма сопроводит ее в покои. Сам же Джотэм, зная, что она расстроена, не оставит ее надолго одну и поспешит объясниться. Возможно, это было слишком по-ребячески, но выяснять отношения с ним она не была готова. Ей нужно было время, чтобы справиться с обидой, и место, где она могла бы немного побыть одна.

О, она точно знала, где сможет укрыться.

Сменив направление, Джасинда прошла через двери, ведущие, как она знала, в королевский сад. Конечно, она не должна была находиться там без разрешения, но сейчас это волновало ее меньше всего. Доверившись свету каринианской луны, освещавшей ей путь, она направилась по тропинке, что ранее указала ей Синди, в Сад Памяти.

Как только она туда вошла, ей показалось, что она попала в теплые гостеприимные объятия, и ее глаза наполнились слезами благодарности. Неужели Синди, придя сюда расстроенной, почувствовала то же самое? Если так, то Джасинда была за нее рада. Подойдя к скамейке, она села, позволив всеобъемлющему чувству принятия и любви утешить свою раненную душу. Но от кого это чувство исходило?

От Стефана? Латы? Джейкоба?

Ее взгляд переместился на камень, залитый мягким лунным сиянием.

— Похоже, ты действительно был удивительным человеком, Джейкоб Чемберлен, раз до сих пор продолжаешь влиять на жизни стольких людей.

Конечно, Джасинда осталась без ответа, но, по правде сказать, она и не ждала его. Зато услышала мягкий шелест чьих-то шагов по тропинке. Отодвинувшись в тень, она понадеялась, что этот человек, кем бы он ни был, пройдет мимо. Но в этот раз ей не повезло. Правда, когда она увидела того, кто нарушил ее уединение, то была искренне удивлена.

Это был Бретт.

С сумкой, что он всегда носил перекинутой через плечо.

— Привет, дедушка, — Бретт сел перед камнем, скрестив ноги и заговорив так, словно напротив сидел живой дед. — Прости, что задержался, но в этот раз ужин был не совсем обычным. К нам прилетел король Джотэм с очень красивой женщиной. Я нарисовал ее, видишь? — он полез в сумку и, вытащив лист бумаги, поднес к камню. — Во время утренней трапезы тетя Кэсси была не очень рада этому. И даже немного нагрубила гостье. Но на вечерней трапезе вела себя лучше. По крайней мере до тех пор, пока Вилли не рассказал о родимых пятнах Сабах, — Бретт отложил рисунок. — Так, что еще произошло сегодня… О, мама с папой много спорили. Они почему-то забывают, что я могу слышать их из своей комнаты. А ведь я все слышу, особенно когда папа повышает голос. Затем они внезапно замолчали, и следом раздались необычные звуки. Когда я вышел, мама сидела за инструментом, который здесь называют пианолой, и играла, улыбаясь сквозь слезы. А папа слушал ее. Так что, думаю, у них все хорошо, — его голос упал до шепота. — Дедушка, я до сих пор не понимаю и половины того, о чем говорит наш учитель. Я знаю, он считает меня глупым. Возможно, так оно и есть.

Джасинда радовалась тому, что сидела в тени, и Бретт не догадывался о ее присутствии. Слушая его, она поняла, что он приходит сюда каждый вечер, а его разговор с дедушкой был очень похож на беседу с ним его мамы, Синди. Джасинда не собиралась ни осуждать его за это, ни критиковать, но промолчать, позволив ребенку думать, что он глуп, она не могла.

— Ты неправ, Бретт.

Мальчик резко обернулся и удивленно замер, когда Джасинда наклонилась вперед, чтобы он мог увидеть ее в свете полной луны.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Думаю, тоже, что и ты. Хотелось немного побыть одной. Это идеальное место.

— Да... хорошо... тогда я пойду, не буду мешать... — он повернулся, чтобы собрать свои вещи.

— Ты не глупый, Бретт!

Услышав ее слова, он замер на месте.

— Ты не можешь этого знать, — прошептал он.

— Могу. Но скажи, почему ты сам так считаешь?

— Потому что я учусь не так быстро, как Кайден и Джейкоб. Они опережают меня по всем нашим занятиям.

— Но ведь у них были циклы, чтобы узнать все это. Что еще?

— Учитель... он всегда так холодно смотрит на меня и хмурится, когда я не могу ответить на его вопрос.

— Это неправильно. Каждый учится в меру своих возможностей, Бретт. С разной скоростью и личным объемом памяти.

— Но даже мама разочарована во мне, — мальчик выглядел очень грустным.

— О чем ты говоришь, Бретт? Ты просто не можешь разочаровать ее, ведь мама очень любит тебя.

— Но я это точно знаю. Когда я прошу ее помочь мне с уроками, как когда-то в бункере, она расстроенно качает головой и уходит. Я даже заметил слезы в ее глазах. Она так разочаровалась во мне, что даже плачет, — он стыдливо опустил голову.

— О, Бретт, нет, — Джасинда опустилась перед ним на колени и обняла его, с удивлением обнаружив, насколько худеньким он был. — Дело совсем не в этом.

— А в чем? — он поднял на нее глаза, умоляющие ее ответить.

— Твоя мама не помогает тебе, Бретт, лишь потому, что не может.

— Что? — взгляд мальчика стал растерянным.

— Она, как и ты, не знает ответов на эти вопросы, Бретт, — объяснила Джасинда.

— Мама знает все, — сердито возразил он.

— На Земле, возможно, так и было. Но здесь, на Кариниане, ей приходится учить все заново, Бретт. Она уходит, потому что ей не нравится подводить тебя. И она боится, что ты сочтешь ее глупой.

— Не может быть.

— Это правда. Ты можешь сам спросить у нее. Уверена, она ответит то же самое.

— Я бы никогда не стал думать, что мама глупая.

— Как и она никогда не посчитает тебя таковым, — Джасинда обняла его. — Могу я посмотреть, что ты нарисовал? — она указывала на лист бумаги, до сих пор лежавший на земле перевернутым.

— Нарисовал?

— Твой рисунок. Тот, что ты показывал своему дедушке.

— О-о-о, — Бретт бросил на него растерянный взгляд. — Это всего лишь дурацкий рисунок. Мне не следует этим заниматься. Я должен все внимание уделять учебной программе, иначе никогда не поступлю в Академию.

— Так говорит твой учитель? — Джасинда почувствовала, как в ее груди разгорается гнев на этого бездушного человека. — Что ты должен поступить в Академию?

— Ну да. Все мужчины Зафар проходят там обучение. А мой папа и дедушка Джейкоб на Земле служили в армии. Поэтому и я должен.

— О, Бретт, — сердце Джасинды разрывалось от жалости к мальчику. — Никто не обязан учиться в Академии. Это личный выбор.

— Папа расстроится, если я этого не сделаю, — прошептал он.

— Он тебе сам это сказал? — спросила Джасинда.

— Ну, нет. Но...

— Послушай меня, Бретт, — Джасинда добавила своему голосу самые нежные материнские нотки. — Никогда не слушай тех, кто пытается утверждать, что знает, о чем думает твой отец. Если у тебя есть вопрос, лучше спроси его сам. Возможно, ответ тебе не понравится, зато ты точно будешь знать, как обстоят дела на самом деле.

— Хорошо.

— Так можно мне посмотреть твой рисунок? — она указала на лист, который он по-прежнему держал в руке.

— Боюсь, он вам не понравится.

— Ну, поскольку лучший мой рисунок — это абстрактный чертеж из кружочков и палочек, то я не смею критиковать других.

— Рисунок из палочек? — непонимающе нахмурился Бретт.

— Да. Ну, ты знаешь, — ткнув пальцем в землю, Джасинда нарисовала овал вместо тела с кружочком наверху, снизу пририсовала две черточки вместо ног, а затем по одной черточке с каждой стороны от овала, изображавшие руки. — Видишь?

Бретт хихикнул.

— Это ни на кого не похоже.

— Верно. Но это лучшее, на что я способна. Так можно мне посмотреть?

— Хорошо, — тихо сказал он и очень медленно протянул ей свой рисунок.

Ободряюще ему улыбнувшись, Джасинда приняла решение, что независимо от качества изображения скажет, что ей нравится. Но когда взглянула на него, то потеряла дар речи. Она ожидала увидеть примитивный рисунок, возможно, чуть лучше своего, но то, что предстало ее взору, было потрясающим.

Всего лишь несколькими простыми штрихами Бретт сумел так изобразить ее профиль, что любой знакомый мгновенно узнал бы ее. Все пропорции были соблюдены идеально. А портретное сходство было наиточнейшим, вплоть до мельчайших морщинок вокруг глаз и рта. Хотя их-то он лучше бы вовсе упустил.

— Это просто потрясающе, Бретт.

— Правда? — в его глазах зажглась надежда. — Тебе, правда, нравится?

— О да. Твои мама с папой знают, что ты умеешь так рисовать?

Бретт растерянно пожал плечами.

— Я часто занимался этим в бункере. Пыль постоянно проникала внутрь, поэтому я использовал все, что было под рукой, и рисовал. Чаще что-нибудь из наших книг, но иногда маму или папу. Какое-то время рисунки сохранялись, но вскоре попавшая внутрь пыль покрывала их, и тогда я рисовал следующие. Кажется, они делали маму счастливой.

— Я уверена, что так оно и было, — Джасинда перевела взгляд на его сумку. — У тебя есть еще что-нибудь?

— Хочешь посмотреть и другие рисунки?

— Только если ты готов их показать. Это только твое решение.

Бретт не спеша полез в сумку и, вытащив из нее толстый альбом, с благоговением провел рукой по обложке.

— Мне его подарила Тори, когда узнала, что я люблю рисовать. Она сказала, что мне не нужно переживать, если он закончится. Я могу рисовать все что угодно. У меня не будет проблем с бумагой. А еще она дала мне карандаши. Ты знаешь, что они бывают разного цвета?

Джасинда с трудом сдержала слезы, которые норовили пролиться из глаз при осознании, что мальчика восхищает сам факт, что карандаши могут быть разноцветными.

— Знаю. А ты часто ими пользуешься?

— Нет, не часто. Я не хочу, чтобы они быстро закончились, поэтому стараюсь использовать только по необходимости.

— Бретт.

— Да?

— На Кариниане цветных карандашей так же много, как и бумаги. Ты всегда можешь получить еще.

— Правда?

— Честное слово. Ты можешь раскрашивать все, что захочешь.

— Ладно, — Бретт открыл альбом и начал показывать свои работы.

Там было много пейзажей, правда, черно-белых. Но большую часть альбома занимали рисунки, фиксирующие разные моменты из жизни на Кариниане. Портрет Кассандры и Уильяма, склонивших головы, словно они что-то обсуждали. Державшиеся за руки родители. Недавно обретенные кузены за занятиями, которые, как она знала, были для них под запретом. Еще там были изображения стражников, всевозможных цветов и статуй. И даже торт с помадкой. Как будто все, что видел мальчик, ему не терпелось отобразить на бумаге. И каждый рисунок выглядел потрясающе красивым.

Бретт молча закрыл альбом, и Джасинда видела, что он ожидает услышать от нее нечто пренебрежительное о том, во что он вкладывал всю душу.

— Брет, я же говорила тебе, что рисую ужасно?

— Я понимаю, — его голова поникла.

Джасинда нежно, но твердо взяла его за подбородок и приподняла, вынуждая посмотреть ей в глаза.

— Но не ты. Я хочу сказать, что если я не умею рисовать и создавать что-то столь же удивительное, как твои рисунки, то это не значит, что я не способна распознать красоту и талант, когда их вижу. То, что ты изобразил здесь, просто потрясающе. А ведь тебе всего девять. Тебе, возможно, не понравится то, что я сейчас скажу, но я все же скажу это.

— Что? — испуганно спросил мальчик.

— Ты никогда не поступишь в Академию.

— Но...

— Ты, Бретт Чемберлен, должен учиться в Школе искусств в Монтре.

— Что? Что это?

— Это очень престижная школа, которую окончила твоя сестра Тори. Туда берут только самых-самых способных к этой сфере деятельности.

— Но я никогда не смогу делать то, чем занимается Тори.

— Тебе это и не нужно. Все, что тебе нужно, — это делать то, что ты любишь.

— И что это?

— Рисовать, Бретт, — Джасинда осторожно взяла альбом из его маленьких пальчиков и открыла его на первой странице. Там был пейзаж, который, как она интуитивно чувствовала, был его первым откликом на новый мир, в который он когда-то прибыл. — Пусть все увидят красоту этого мира твоими глазами, Бретт. Раскрась наш мир, и он уже никогда не будет прежним.

— Ты действительно думаешь, что я смогу?

— Я действительно так думаю. Если бы твой дедушка Джейкоб был здесь, он сказал бы то же самое.

* * *

— Что значит, вы не проводили Джасинду в наши апартаменты?!! — потребовал Джотэм от своих гвардейцев.

— Ваше Величество, в Королевское крыло она не заходила, — доложил один из них.

— Хочешь сказать, она не входила в эти двери?

— Нет, Ваше Величество.

Джотэм взглянул на охранников Кассандры, и те кивнули, подтверждая это.

— Оставайтесь здесь! — приказал он. — Немедленно сообщите, если она появится.

— Да, Ваше Величество, — дружно кивнули гвардейцы.

Мысли Джотэма лихорадочно метались.

«Куда она могла пойти?»

Он знал, что Джасинда, даже будучи расстроенной, не стала бы вводить в заблуждение королевскую стражу. Не стала бы их подводить. Легкий ветерок колыхнул занавеску, и Джотэм вспомнил, что за ней находится дверь, ведущая в королевский сад. Догадавшись, что именно туда и направилась Джасинда, он последовал за ней.

Джотэм позволил своей интуиции и каринианской луне направлять себя и обнаружил, что оказался возле входа в Сад Памяти. Он уже собирался войти внутрь, когда услышал тихий голос.

Детский голос.

Джотэм беззастенчиво подслушал разговор Бретта с Джасиндой.

Он вместе с ней рассердился на учителя, с таким равнодушием отнесшегося к проблемам мальчика, и собирался рассказать об этом Уильяму. Его сердце также откликнулось болью за ребенка, который изо всех сил старался быть похожим на отца. Джотэм помнил время, когда сам был таким же. Желание завоевать внимание и признание отца двигало им в его юности. Лишь после поступления в Академию, он начал искать свой собственный путь. И Лата стала его началом.

И тем не менее то желание еще долго управляло им, заставляя проявлять себя в Академии, в Коалиции и в Ассамблее. Он не сомневался, что отец никогда бы не одобрил его отношений с Джасиндой, как, впрочем, и с Латой. Но сейчас это вызвало у него улыбку, потому что он не сомневался в верности своего выбора.

Услышав отзыв Джасинды о рисунках, он захотел увидеть их лично.

Джотэм и раньше слышал, как Джасинда изрекает «вежливые» истины. Невозможно быть в политике и не научиться этому. Но сейчас в ее голосе звучало лишь искреннее восхищение. То, что она не умела рисовать, не отменяло ее уникального чувства стиля и красоты. И если она считает, что Бретту место в Монтре, значит, так оно и есть. Возможно, мальчик такой же вундеркинд, как и Виктория.

Услышав хруст гравия на дорожке, Джотэм обернулся и увидел идущего к нему Питера. Тогда он двинулся ему навстречу, чтобы они могли поговорить без свидетелей.

— Что ты здесь делаешь, Джотэм? — нахмурился Питер.

— Искал Джасинду. Похоже, она решила прогуляться перед сном.

— А я ищу Бретта. Он каждый вечер приходит сюда.

— Они встретились в Саду Памяти.

— Надо же, — Питер скрестил на груди руки. — Так чего мы здесь прохлаждаемся, а не идем туда?

— Знаешь, я никогда не встречался с твоим отцом, но из рассказов Тори и Кассандры, сделал вывод, что он был удивительным человеком.

— Так оно и было.

— Как я понял, он тоже служил в вашей армии.

— Да.

— И это повлияло на твой жизненный выбор. В конце концов, каждый маленький мальчик хочет делать то, что делает его отец. Чтобы стать его продолжением.

— Да, наверное, — Питер хмуро посмотрел на Джотэма. — Куда ты клонишь?

— Ты был очень успешен в деле своего отца, да и здесь твои навыки востребованы.

— Да.

— Но ты все равно не смог бы поступить в здешнюю Академию. Из-за недостаточного роста.

— Я это знаю.

— А вот Бретт не знает.

— О чем ты говоришь?

— Я случайно подслушал разговор Джасинды с Бреттом и вспомнил страницу из жизни твоей дочери.

— Ты хочешь сказать, что нагло подслушивал, — Питер открыто признался, что привычки Виктории для него не новость.

— Да. Бретт считает, что обязан поступить в Академию. Но не только потому, что ты и твой отец служили в армии. Там будут учиться его кузены.

— Черт! — тихо выругался Питер. — Я просто хочу, чтобы мой сын был здоров и счастлив. Меня не волнует, пойдет ли он по моим стопам или нет.

— Я рад это слышать, потому что, судя по их разговору с Джасиндой, твой сын пойдет по стопам твоей жены.

— Синди? Ты имеешь в виду, он станет певцом?

— Нет, художником. Он показывал Джасинде свои рисунки.

— Тори дала ему этот альбом. И теперь он везде его носит с собой. Никогда не забуду, каким счастливым стало его лицо, когда она сказала, что его рисунки больше не «исчезнут».

— Джасинда была впечатлена его работами. И я склонен ей доверять, так как у нее проницательный взгляд. К тому же она упомянула Монтре.

— Школу, что окончила Тори?

— Да.

— Но Бретт не хочет быть врачом, Джотэм.

— Конечно, нет. Монтре — лучшая художественная школа на планете. Если Бретт так хорош, как считает Джасинда, то именно туда ему и следует поступать.

— У нас впереди еще годы... циклы, прежде чем придется беспокоиться об этом.

— Нет. Если он такой же вундеркинд, как его сестра и мать, — Джотэм начал посмеиваться. — Я не завидую тебе, Питер. На Кариниане ты самый востребованный тренер по безопасности, успевший стать легендой. Но твоя жена и оба ребенка, похоже, заткнут тебя за пояс. У некоторых мужчин часто возникают по этому поводу проблемы.

— У некоторых, да, — согласился с ним Питер. — Но не у меня.

* * *

Джасинда молча шла рядом с Джотэмом, пока Деффонд и другие гвардейцы провожали их в Королевское крыло. Когда они с Бреттом вышли из Сада Памяти, то обнаружили Джотэма и Питера, беседовавших чуть дальше по тропинке. Бросив на прощание несколько слов, Питер взял сына за руку и повел домой. Джотэм также взял ее за руку, и они направились в свои покои. Когда они зашли в Королевское крыло, гвардейцы расступились, пропуская их, за исключением Деффонда.

— Ваше Величество, я выполнил Вашу просьбу. К утру он будет уже здесь.

— Спасибо, Деффонд. Иди, отдохни немного. Здесь мы в полной безопасности.

— Ваше Величество?

— Стражники удвоили патрулирование. Их осведомили о статусе Джасинды. Ты не отдыхал с тех пор, как мы прилетели. Иди. Отдохни. Ты мне пока не нужен.

— Да, Ваше Величество, — он коротко кивнул головой. — Мадам Мичелокакис, — еще один кивок в ее сторону, затем он развернулся на каблуках и ушел.

— О моем статусе? — бровь Джасинды скептически приподнялась.

— Как члена королевской семьи.

— Но я не королевских кровей, Джотэм, — одернула она его.

— Ошибаешься, — он легонько провел пальцем по ее родинке, прятавшейся под корсажем платья. — Из-за нее… и потому что ты со мной.

— Это родимое пятно у меня всю жизнь, но это ничего не меняло. К тому же ни одна фаворитка короля не стала членом королевской семьи.

— Ты больше, чем фаворитка, Джасинда. И ты это знаешь. Я люблю тебя.

— Я знаю, — нежно коснувшись его щеки, она отстранилась. — Но от этого мой статус, Джотэм, не меняется.

— Поменяется, если я скажу.

— Джотэм, есть вещи, которые даже ты не можешь изменить.

— Возможно, но когда дело касается твоей защиты, я многое могу, — он предупреждающе поднял руку. — У нас будет возможность поспорить об этом дома, когда вернемся. Но здесь ты со мной, и так как ты важна для меня, то тебя будут охранять, как королевскую особу, — Джасинда открыла рот, собираясь возразить, но он приложил палец к ее губам, заставляя молчать. — Я должен извиниться перед тобой.

— Ты мне ничего не должен, Джотэм.

— Это не так, — грустно улыбнулся он. — Единственным моим оправданием, что я не рассказал тебе о родимых пятнах детей Уильяма, может быть лишь то, что я слишком привык многие вещи держать в секрете.

— Ты король, Джотэм. Естественно, что у тебя будут свои секреты.

— Неужели Стефан..?

— Это совсем другое.

— Почему? Стефан занимал очень важную должность. Он влиял на жизнь целого Дома. Хочешь сказать, он никогда не спрашивал твоего мнения? Совета? — Джасинда молчала, зная, что отрицать это было бы ложью. — Ты доверила мне свой секрет, Джасинда, — он снова коснулся ее скрытого родимого пятна. — А я не сделал того же.

— Мое родимое пятно никогда не было проблемой, Джотэм. Мне было уже восемнадцать, когда оно появилось. И оно было таким крошечным, что не было смысла беспокоиться, что его заметят. Только в последние циклы оно потемнело настолько, что приходится его прятать.

— Потемнело? — нахмурился Джотэм.

— Да.

Он задумчиво покачал головой. Было над чем поразмыслить, но не сейчас. Сейчас у него была более важная тема для обсуждения.

— Ты всегда была честна со мной, Джасинда. Даже если правда была жесткой. А вот я с тобой не был до конца откровенен. В моей жизни есть вещи, о которых ты почти ничего не знаешь. Поступки, которыми я не горжусь. Я молчал о них, думая, что так будет проще. Но сейчас хочу рассказать тебе о них. Если согласишься меня выслушать. Это может в корне изменить твое мнение обо мне, но я не стану винить тебя за это. Я мечтаю о настоящих отношениях с тобой. Таких, где мы делимся... всем. Своими триумфами и поражениями. Как приятными вещами, так и не очень. Я хочу всего этого. С тобой.

— Не представляю, что ты такое можешь рассказать, что это изменит мои к тебе чувства, Джотэм. Но я полностью с тобой согласна. Мы не построим настоящих отношений, если не доверимся друг другу.

Глава 24

— Сначала я хочу рассказать тебе про Рони, — Джотэм заглянул в глаза Джасинде, когда та присела на кушетку, к которой он ее подвел. — Я знаю, что это... многих удивило.

— Скорее, шокировало, — Джасинда не стала ничего смягчать, так как они договорились быть откровенными. — Никто не верил в реальность ваших отношений.

— Потому что их не было.

— Прошу прощения?

— Отношений не было. Ни в буквальном, ни в переносном смысле.

— Я не понимаю. Она же родила от тебя сына, Джотэм!

— Я знаю, но не могу объяснить, как это случилось, — вскочив на ноги, он раздраженно провел рукой по волосам. — Я имею в виду, разумеется, я знаю, как это происходит, но не помню, как это произошло у нас. Я был в стельку пьяным.

— Что?! Не помнишь?!

— Нет, — шумно вздохнув, Джотэм сделал над собой усилие, чтобы открыться женщине, которую любил, и рассказать ей, как умудрился зачать ребенка с той, которую едва знал.

— Мы с Рони встречались пару раз в моем кабинете по поводу программы, что она пыталась начать для сирот членов Коалиции.

— Такая программа уже существовала, — возразила Джасинда.

Она сама была членом того Комитета.

— Да, но Рони собиралась ее расширить.

— Понятно. Но она этого так и не сделала.

— Все произошло в последнюю нашу встречу. Мы задержались, и я не посмел ее выпроводить. Поэтому пригласил присоединиться ко мне за последней трапезой.

— Не сомневаюсь, что она все это подстроила, — Джасинда буквально выплюнула эти слова.

Хотя она лично не знала Рони до того, как та зачала Дадриана, но Палма знала. И ненавидела ее. Весьма красноречивое заявление для ее обычно добродушной сестры. В Академии Рони училась вместе с Латой и Палмой. Заселившись в общежитие, она постаралась выселить Палму из комнаты, утверждая, что дочь члена Ассамблеи не должна жить рядом с простолюдинкой. Хотя ее семья считалась обычной, поскольку ее отец всего лишь работал секретарем советника. Но, как она утверждала, в каком-то далеком прошлом у нее был предок королевских кровей.

— Она согласилась, и мы перенесли встречу в мои личные покои.

— Ты пригласил ее в свою спальню? — Джасинда почувствовала легкую тошноту при мысли, что когда-то Рони лежала в той же постели, что и она.

— Нет! Конечно же, нет. Мы кушали в гостиной, — Джотэм заставил себя не расхаживать по комнате. Ему нужно было встретиться с этим лицом к лицу. — Я действительно ничего не помню, что было потом. Я выпил так много вина, что на следующий день Чесни удивил меня, напомнив, что я звонил ему из личного кабинета, требуя перенести все встречи на следующий день.

— Подожди… что?! — ногти Джасинды впились в ткань дивана. — Ты покидал гостиную?

— Возможно, да. Точно не помню. Все, что я помню… я проснулся на диване с ужасной головной болью.

— Так почему ты считаешь, что выпил слишком много вина?

— Бутылка была пустой. А у меня было похмелье.

Мысли Джасинды впали в ступор.

Джотэму подобное поведение было абсолютно несвойственно.

Даже в те ужасные циклы после гибели Латы он никогда не пил лишнего.

— Надеюсь, ты проверил вино. Так ведь? — с вызовом бросила она, а Джотэм в ответ нахмурился.

— Вина для анализа не было. Я уже говорил тебе. Бутылка была пуста. Рони рассказала мне, что случилось. Я выпил слишком много и... потерял контроль.

— Она утверждала, что ты ее принудил?

— Нет. Она сказала, что все было по обоюдному согласию. Я извинился, и мы договорились забыть об этом.

— Пока не выяснилось, что она беременна. Скажи, ты убедился, что Дадриан был твоим сыном?

— Разумеется, я это сделал! Дадриан был моим.

— Ладно.

— Рони была расстроена не меньше меня, Джасинда.

— О, кто бы сомневался, — ее голос был полон сарказма и презрения.

Она вспомнила, с каким самодовольством смотрела на всех Рони, когда объявили о ее беременности. И как быстро она растеряла свою заносчивость, когда Джотэм отказался сделать ее своей королевой.

— Почему ты не веришь, что для нее это стало неожиданностью? — нахмурился Джотэм.

— Потому что ты ни разу не напивался до беспамятства. Единственной причиной, по которой это могло произойти, был подмешанный в вино дурман.

— Что?!! — Джотэм был по-настоящему шокирован.

— Сам подумай, Джотэм, — она наклонилась вперед, уперев локти в колени. — Ты же помнишь, как оставил Рони в комнате одну. Но после возвращения уже ничего не помнишь. И проснулся с ужасной головной болью. Если бы я сказала тебе, что подобное случилось с Уильямом, какой бы ты сделал вывод?

— Что его одурманили... — прошептал Джотэм.

— Да.

— Но зачем? Зачем ей это было нужно?

— Видимо, она была уверена, что если зачнет твоего ребенка, то ты непременно сделаешь ее своей королевой. Все же ей было обещано... — Джасинда замолчала.

— Продолжай, — приказал Джотэм.

— Твоя мать пообещала ей, что она станет твоей супругой, поскольку в ее родословной затесался «королевский» предок.

— Это Рони тебе сказала?

— Мне? — Джасинда невесело усмехнулась. — Нет, Палме. Когда пыталась уговорить ее помочь разлучить вас с Латой.

— Выходит, моя мать ее поддерживала, — голос Джотэма звучал потрясенно.

— Особенно когда ты ушел служить в Коалицию. Пока тебя не было, Рони всячески доставала Лату, — Джасинда слегка склонила голову набок. — Ты никогда не обращал внимания, что при жизни Латы Рони не показывалась во дворце?

— Нет. Когда была жива Лата, я вообще не замечал других женщин.

— Хороший ответ, — Джасинда понимающе ему улыбнулась.

Наконец Джотэм не выдержал и принялся расхаживать по комнате, лихорадочно соображая. Если Джасинда права, то он не предавал свою супругу и свою королеву. Его обманули, накачав наркотиками… а настоящей жертвой стал Дадриан.

— Это многое объясняет, — тихо сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Рони все время говорила о том, как мы будем вместе растить нашего сына. Как он приведет Дом Защиты к процветанию. Но стоило мне заявить, что я не сделаю ее своей королевой, и она потеряла к нему интерес.

— Могу себе представить.

— Нет, не можешь, — он в изнеможении прикрыл глаза. — Я не хотел этого ребенка, Джасинда. Если бы она сообщила о своей беременности раньше, я бы настоял, чтобы она прервала ее.

— Джотэм...

— Я знаю, что это неправильно. Это шло вразрез с моими жизненными принципами. Но Лата была единственной женщиной, которую я хотел видеть рядом. Позволить ему родиться… на уровне инстинктов это было равносильно предательству.

— Но закон один для всех, — тихо сказала она.

Ее сердце разрывалось от жалости к нему.

— Да. У нее был слишком большой срок, чтобы не счесть это убийством.

— Ты сделал правильный выбор, Джотэм.

— Неужели? Ты еще не знаешь другого моего секрета, Джасинда. Того, где Дадриан предал не только меня и Барека, но и всех жителей Кариниана. По его вине погибли тысячи, а на него даже не возложили ответственность.

— О чем ты говоришь, Джотэм? Ведь Дадриан упал с лестницы в Королевском крыле Дома Защиты... верно?

— Да. Но он упал с нее, когда панически бежал от правосудия. Трусливо сбежал, стоило Уильяму с Кассандрой выяснить, что это он пытался убить Барека.

— Что?! — обычно золотистая кожа Джасинды стала мертвенно-бледной. — Джотэм...

— Кассандра обнаружила это, когда искала виновных в уничтожении Земли.

— Одрик, — подсказала она.

— Да. Кэсси сумела связать переписку Дадриана с Бареком и теми сообщениями, что давали наводку мятежникам для внезапных атак на корабли флота.

— Благодаря которым был уничтожен «Коготь»? И, как все тогда думали, Барек?

— Да.

— Вот почему Кассандра так подозрительно восприняла мои слова о том, что я знала, когда ты переписывался с Латой.

— Да, она сумела взломать коды. Барек благополучно вернулся домой, а Дадриан узнал, что его предательство разоблачено.

— А что с кодами?

— Кассандра позаботилась, чтобы их больше никто не смог взломать.

— Хорошо.

— И это все, что ты можешь мне сказать? «Хорошо»?

— А чего ты ожидал?

— Что ты спросишь, почему я не сообщил Ассамблее о его предательстве. Почему публично не признал свою несостоятельность как отца, так и короля. Я ожидал...

— Джотэм! Прекрати! — Джасинда вскочила на ноги и схватила его за руку, когда он уже собирался отвернуться. — Ты не можешь отвечать за поступки Дадриана. Он был взрослым мужчиной.

— А я был его отцом! Может, если бы я уделял ему больше внимания...

— Не могу точно сказать, помогло бы это или нет, — честно призналась она. — Но одно могу сказать наверняка. Именно благодаря твоему воспитанию Барек стал таким. Твои сыновья росли в одинаковых условиях. Их шансы были равны. А как они использовали то, что дала им жизнь, зависело лишь от них самих.

Затуманенный взгляд Джотэма начал медленно проясняться.

— Ты не осуждаешь меня, что я не сообщил Ассамблее, как положено? Я собирался объявить об этом до Вызова Кассандры, но она и Уилл убедили меня, что это может навредить Бареку. Они уничтожили все улики, связывающие Дадриана с нападениями.

— Что ты, Джотэм, нет! Мне не за что судить тебя. Я лишь сожалею о том, что тебе пришлось пройти через все это в одиночку. Что пришлось все эти циклы нести столь тяжкое бремя. Знаешь, Уилл с Кассандрой были правы. Если бы ты рассказал всем про предательство Дадриана... — Джасинда слегка вздрогнула от этой мысли, — Ассамблея перестала бы доверять тебе, Бареку и Дому Защиты в целом. Кассандра, возможно, никогда бы не стала королевой. Одрику удалось бы сохранить контроль над Домом Знаний, а Валериан остался бы Верховным адмиралом. Наш мир сейчас был бы совсем другим. И я не уверена, что хотела бы жить в нем.

Джотэм почувствовал, как его глаза наполнились слезами. Он даже не пытался остановить их. Лишь прижался лбом к лбу Джасинды. Ее непоколебимая уверенность и поддержка тронули его до глубины души. Ведь он боялся, что потеряет ее, когда поведает об отступничестве Дадриана и о своем решении скрыть это от общественности.

— Предки, Джасинда, — обхватив ее руками, он притянул ее к себе и впился в ее губы страстным поцелуем. — Как же я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — она осторожно стерла следы его слез и одарила его сексуальной улыбкой. — Отведи меня в постель, Джотэм.

Он с радостью подчинился.

* * *

Проснувшись, Джотэм лег на бок и, залюбовавшись спящей Джасиндой, непроизвольно стал накручивать на палец прядь ее длинных шелковистых волос.

Вчера, как только они добрались до спальни и оказались в постели, Джотэм без промедления взял ее, и они всю ночь любили друг друга. Сейчас только-только взошло первое солнце, поэтому Джасинда продолжала мирно спать у него под боком, а ее дыхание сопровождалось крошечными облачками между губ.

Джотэму не верилось, что можно испытывать такое удовольствие, просто лежа рядом с женщиной и смотря на нее. Это ощущалось так естественно, так правильно, что он точно знал, что сделает все возможное, чтобы она навсегда осталась рядом.

Уголок его рта слегка дернулся, когда его коммуникатор выдал голос Барека.

Уильям оказался прав: сын связался с ним до рассвета.

Откатившись от Джасинды и спустив ноги с кровати, он взял портативный комм.

— Барек, ты в курсе, сколько сейчас времени? — возмутился он вместо приветствия.

— Уже должно было взойти первое солнце. В это время ты обычно уже на ногах. Я хочу знать, почему меня отозвали.

— По моему приказу.

— Это и так понятно, — проворчал Барек. — Меня интересует причина.

— Кое-что произошло, о чем ты должны узнать в первую очередь. Это затронет не только тебя, но и весь Дом Защиты.

— Что такое?

— Я хочу обсудить это с тобой лично, Барек. Это очень важно. Ты должен вернуться на Кариниан.

— Папа... ты болен?

— Нет! Почему все сразу думают именно об этом? — заметив смущенный взгляд сына, Джотэм нахмурился. — Барек?..

— Ты работаешь без передышки, папа! Посмотри, как быстро ты ответил на мой звонок. Похоже, у тебя запланирована встреча до восхода второго солнца.

— А вот и нет, — протянув руку, Джотэм погладил под одеялом голую ногу Джасинды, зная, что Барек не видит ее на коммуникаторе. — Я ответил на твой звонок так оперативно лишь потому, что знал, тебе не терпится получить ответы. Ты нужен мне здесь, Барек.

Глаза Барека на экране комма изумленно расширились.

Еще ни разу отец не говорил, что нуждается в нем. О, отец часто говорил, что любит его, уважает, гордится им… но что нуждается…

— Я прилечу, как только все улажу.

— Спасибо, Барек.

— Тебе не нужно благодарить меня, папа. Достаточно было попросить.

— Теперь я это понимаю... и Барек...

— Да?

— Ты больше не вернешься на флот.

* * *

Джасинда проснулась, когда Джотэм ответил на звонок.

Интересно, этот мужчина когда-нибудь согласится, что ему не следует вставать с первыми лучами солнца? Не желая его отвлекать или сообщать о своем присутствии в его постели тому, с кем он разговаривал по комму, она начала осторожно потягиваться. А когда проснулась настолько, что до ее сознания наконец дошли слова Джотэма, а его ладонь принялась ласкать ее ногу, замерла в растерянности под одеялом.

Он говорил с Бареком...

О возвращении сына на Кариниан... навсегда.

Неужели Джотэм действительно готов доверить ему часть своих обязанностей? Неужели он принял сердцем ее желание? Неужели ради нее готов изменить свою жизнь?

— Джотэм? — окликнула она, приподнявшись на локтях, когда он отключил связь.

— Доброе утро, — уронив коммуникатор, Джотэм повернулся и прижался к ее губам нежным и в то же время крепким поцелуем.

Затем лег на нее, устроившись между ее бедер и придавив к кровати.

— Доброе утро, — прошептала она в ответ и обхватила его руками и ногами, когда он уткнулся носом в ее шею. — Джотэм? — снова позвала она, когда его эрекция прижалась к ее лону.

— М-м-м?..

— Барек действительно возвращается? — Джотэм поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз. — Навсегда?

— Не думала, что я сделаю это?

— Думала, для такого решения тебе потребуется время. Все как-то слишком быстро.

— Я когда-нибудь был нерешительным, Джасинда? — он шевельнул бедрами, и головка его члена прижалась к ее влажной щелочке, отчего у нее перехватило дыхание.

— Нет, это одна из твоих сильных сторон, — прошептала она.

— Следовательно, ты в курсе, что стоит мне что-то решить, как я остаюсь твердым до конца, — он толкнулся и полностью заполнил ее собой.

— Да! — воскликнула Джасинда, выгибаясь всем телом.

— И если я наметил курс, то не отклонюсь от него ни при каких обстоятельствах, — он начал медленно двигаться, убеждаясь, что отыскал то местечко, что сводит ее с ума.

— Да!

— Но если ты знала это, то почему усомнилась, что я сделаю все, чтобы ты была счастлива? — он толкнулся резче и сильнее.

— Я просто не ожидала, что ты будешь двигаться так быстро, — воскликнула она.

— Ты хочешь, чтобы я делал это медленно? — движения его бедер замедлились, отчего головка его члена стала поглаживать чувствительные стенки ее лона, припухшие после их страстной ночи.

— Джотэм!

— Или ты все же предпочитаешь быстро? — он начал резко входить в нее, зная, что приближает ее этим к кульминации.

— И быстро! И медленно! Мне все равно! Только не останавливайся!

— О, я и не собирался! — прорычал он ей в губы. — Ты моя, Джасинда! Я никогда не перестану любить тебя!

* * *

— Уилл. Кассандра, — Джотэм решил подождать, пока на него обратят внимание.

Первая трапеза прошла в довольно приятной атмосфере. Дети весело болтали. Сидевшие рядом Синди с Джасиндой о чем-то дружелюбно переговаривались. Сабах пока оставалась в своей комнате.

Как только мальчики покинули столовую, Джотэм заговорил:

— Думаю, вам придется пересмотреть свое решение назначить меня крестным отцом Сабах.

Все присутствующие в шоке уставились на него, включая Джасинду.

— Что?! — собиравшийся встать Уильям с глухим стуком рухнул обратно. — Но, Джотэм, почему?

— Джасинда теперь часть моей жизни, — он перевел взгляд с друга на Кассандру. — Наиважнейшая часть. Причем навсегда. Если случится худшее, мы оба сделаем все

необходимое, чтобы дать Сабах наилучшее воспитание. Но, учитывая ваше отношение к Джасинде, вам следует пересмотреть свое решение по выбору второго отца.

— Джотэм, — Джасинда положила руку ему на предплечье. — Ты не должен отказываться. Ты идеальный крестный отец для Сабах. Кассандра, может, и стала королевой, но она не сильна в воспитании наследницы. Она никогда не сможет понять того давления, которое ее дочь будет испытывать, попав с самого рождения в центр всеобщего внимания. Даже Уилл не вполне осознает это. Только ты и Барек можете помочь Сабах преодолеть все это. Я не хочу, чтобы произошедшее здесь негативно отразилось на будущем этой маленькой девочки. Только не из-за меня.

— Ты не хуже меня знаешь, Джасинда, что любое принятое нами решение влияет на будущее. Мое же решение основано на том, что ты для меня значишь много больше, чем желание стать крестным отцом для одного из детей Уилла, — за столом воцарилась гробовая тишина. Кассандра, не говоря ни слова, оттолкнулась от стола и покинула трапезную. — Мне очень жаль, Уилл, — Джотэм взглянул на своего старого друга с надеждой, что его решение не изменит их дружбы.

Уилл же, не сводя глаз с двери, в которую вышла Кассандра, предупреждающе поднял руку, вынуждая всех молчать. Его супруге не потребовалось много времени, чтобы вернуться, неся в руках ворочающуюся Сабах.

Она подошла к месту, на котором все еще сидела Джасинда.

— Это наша дочь Сабах, — поцеловав малышку в лобик, Кассандра наклонилась и отдала ее в руки Джасинды, которая тут же прижала к груди драгоценный сверток.

Малышка замерла, почувствовав незнакомые руки. Ее сверкающие голубые глаза внимательно изучали Джасинду с нехарактерным для младенца умом. Но тут она выдула большой слюнявый пузырь, и Джасинда от души рассмеялась.

— Ну разве ты не прелесть? — она наклонилась и потерлась носом о носик Сабах. — Держу пари, твой папочка уже волчком крутится вокруг этого мизинчика, — она подняла названный крошечный пальчик и поцеловала его.

— Так и есть, — подтвердила Кассандра, вернувшаяся на свое место. — Стоит ей лишь глянуть в его сторону, и Уилл уже рядом, — она бросила на супруга неодобрительный взгляд. — А если заплачет, то он зовет целителя.

— Все папы ведут себя так со своими дочурками, — Джасинда ворковала с Сабах, отчего малышка радостно хихикала. — Им это только на пользу. Это поможет им вспомнить все те крамольные мысли о девочках, что не давали им покоя, пока они сами росли. Да, так и было, — проворковала она. — А в один прекрасный момент до них вдруг дойдет, что вскоре появится мальчик, который будет думать об их дочери точно в таком же ключе и делать столь дерзкие вещи, как пробираться к ней в душ. И это будет сводить их с ума, — Джасинда подняла глаза и увидела, как побледнели Уильям с Джотэмом, переводившие растерянные взгляды с нее на невинную кроху в ее руках.

Она переглянулась с Синди и Кассандрой, и они дружно рассмеялись.

Питер громко фыркнул.

— Лукасу повезло, что моя дочь уже была влюблена в него, когда мы с ним встретились. Иначе ему пришлось бы познакомиться с моими кулаками.

— Питер! — Синди в шоке повернулась к мужу. — Лукас замечательный парень!

— Согласен. Он единственный, кому я могу доверить нашу Тори. И тем не менее, мне бы хотелось заставить его потрудиться, чтобы доказать это.

— Уильям заявил, что позволит Сабах встречаться... когда ей стукнет тридцать.

Питер с легкой ухмылкой взглянул на Уильяма.

— Удачи тебе с этим. Надеюсь, ты помнишь, что она Чемберлен? — взгляд Питера метнулся между Кассандрой и Синди. — Они, как правило, делают то, что считают нужным.

— Сабах Зафар, — горделиво напомнил ему Уилл.

— Верно, но она к тому же Чемберлен и Квес. Боюсь, Уильям, с этими тремя именами ты уже облажался.

— Заткнись, Питер, — Уильям швырнул в него салфетку, попав прямо в лицо.

Услышав голос отца, Сабах повернула голову. Ее глазки начали искать его, и как только нашли, она принялась визжать и извиваться, а ее маленькие ручки тут же потянулись к нему.

— Видишь, о чем я говорила? — бросила Джасинде Кассандра, когда Уильям немедленно поднялся, чтобы взять дочь.

— Стефан реагировал также, — ответила ей Джасинда, передавая малышку отцу. — Даже на малейший писк, если тот не был связан с грязными подгузниками.

— Уильям, похоже, тоже не любит иметь с ними дело.

— Как и Питер.

Все три женщины дружно посмотрели на своих мужчин.

— Эй, не смотри на меня так, — Джотэм поднял руки в притворной капитуляции. — У меня никогда не было дочери.

— Хочешь сказать, Бареку грязные пеленки ты менял сам? — с вызовом спросила Джасинда.

— Я... ну... просто я сейчас не помню.

— Это значит, что ты никогда этого не делал, — решительно заявила Синди. — Иначе бы не смог забыть.

Джасинда с Кассандрой согласно кивнули.

* * *

— Итак, Джасинда, сегодня днем ко мне приедет Киа. Ты решила, какое платье хочешь сшить себе? — спросила Кассандра.

— Платье? — Джасинда в замешательстве уставилась на нее. — Зачем оно мне?

— Для Королевского Бала в следующем месяце.

— О нет, я не пойду туда, — Джасинда пренебрежительно махнула рукой, возвращая свое внимание Уильяму и Сабах.

— Еще как пойдешь, — возразил Джотэм.

— Джотэм, этот Бал только для королей и королев Кариниана и их советников.

Королевский Бал проводился лишь раз в пять циклов и каждый раз устраивался в другом Доме. Это позволяло данному Дому проявить себя наилучшим образом. А также у членов Ассамблеи всех Домов появлялась возможность встретиться и пообщаться.

На этот раз Бал готовил Дом Знаний.

— И ты будешь со мной, — Джотэм бросил на нее тяжелый взгляд.

Джасинда несколько долгих мгновений молча смотрела ему в глаза.

В них она видела твердую решимость.

Если они вместе пойдут на Бал, то не понадобятся никакие дополнительные объявления. Новость вмиг разлетится по всей планете, подобно лесному пожару.

Если они это сделают, то пути назад уже не будет.

— Ты уверен, Джотэм? — тихо спросила она. — Я не обижусь, если ты поедешь один. Мы договорились, что не станем спешить с официальным заявлением.

— Мы также договорились, что будем открыто проводить время вместе. Я хочу, чтобы ты пошла со мной, Джасинда.

Она медленно кивнула.

— Хорошо, но мне нужно будет заранее предупредить своих детей.

— Я тоже скажу об этом Бареку, когда он прилетит на планету, — Джотэм наклонился и поцеловал ее. — Все будет хорошо, Джасинда.

Она помолилась предкам, чтобы его слова сбылись.

Глава 25

Приехав во дворец, чтобы обсудить платье, в котором их королева собиралась посетить Королевский Бал, Киа была удивлена, застав там Джасинду. Но еще больше удивилась, когда ей сообщили, что Джасинде тоже нужно платье.

— Ты пойдешь на Бал с Дантоном? — нахмурившись, спросила Киа.

Она никогда не слышала, чтобы этот Бал могла посетить мать члена Ассамблеи, даже если была вдовой бывшего советника.

— Нет, — поспешила ответить Джасинда, не позволяя Кассандре вмешаться в разговор. — Надеюсь, ты не будешь возражать, если я посмотрю твой альбом с фасонами, пока ты занята с Кассандрой? Я только что узнала, что приглашена на Бал, поэтому мне нужно время, чтобы определиться, чего я хочу.

— Без проблем. Ваше Величество, Вы не против? — Киа вопросительно посмотрела на Кассандру.

— Все в порядке, Киа. Мои пожелания мы с тобой уже обсудили. Через тридцать минут у меня встреча. Ты привезла ткани?

— Да, Ваше Величество.

Джасинда полностью отключилась от их разговора, сосредоточившись на том, какое платье хотела бы надеть. Со Стефаном она всегда старалась выглядеть элегантно, стильно, но немного сдержанно. Ведь ее желанием было поддержать супруга, а не затмить его.

Перелистывая страницы, она, к сожалению, не нашла ничего подходящего.

— Джасинда. Джасинда! — повысила голос Кассандра, чтобы привлечь ее внимание.

— Прости, задумалась.

— Я вижу, — улыбнулась ей Кассандра. — Просто хотела сказать, что с меня довольно. Киа пробудет здесь столько, сколько понадобится. И Джасинда...

— Да?

— Джотэм весьма уверенный в себе человек. Он знает себе цену и свое место в этом мире. Если ты собираешься встать рядом с ним, то советую преподнести себя в таком же свете, — с этими словами Кассандра покинула комнату.

— Джотэм? — Киа потрясенно уставилась на Джасинду. — Ты пойдешь на Королевский Бал с королем Джотэмом? — при этой мысли у нее аж голова закружилась.

— Да, — просто ответила Джасинда.

— С королем Джотэмом? С королем Дома Защиты? — уточнила Киа, желая убедиться, что не ослышалась.

— Да, Киа.

— Тогда, подруга, твое платье должно быть шикарным! Ведь все будут смотреть только на тебя. Ты будешь той, о ком все будут судачить. Кассандра прошла через это, когда появилась на своем первом Балу. А рядом с королем ты должна стоять с высоко поднятой головой. Гордо и уверенно.

Джасинда глубоко вздохнула, задаваясь вопросом, готова ли она к этому.

— Только так, — Киа присела с ней рядом. — Джасинда, я имею честь знать тебя много циклов и все это время считаю тебя своей подругой, ведь ты поддержала нас с Пазелом, когда все отвернулись. Разумеется, у тебя безупречный вкус, но, по правде сказать, и я надеюсь, ты поймешь меня правильно, ты никогда по-настоящему не блистала. Ты всегда старалась держаться на втором плане, только как поддержка.

— Это была моя роль, — согласилась с ней Джасинда.

— Возможно, для жены члена Ассамблеи это прекрасно. Но сейчас тебе предстоит сопровождать на Бал короля. Самого уважаемого на Кариниане. Ты должна заявить о себе, как о равноценной ему, хотя и будешь Джотэму поддержкой. Так же, как и

Верховный адмирал для Кассандры. Если ты доверяешь мне, то, думаю, я смогу создать для тебя идеальное платье.

— Киа, я в твоих руках.

Киа достала свой блокнот и принялась быстро рисовать в нем.

Конечно же, верх платья будет фиолетовым, в цвет Дома Защиты. А вот нижняя юбка предполагалась черного цвета для усиления насыщенности фиолетового. Фасон платья был приталенным и без рукавов. Облегающий фигуру лиф переходил в пышную юбку и заканчивался коротким шлейфом, раскрывающимся при ходьбе. Их мнения полностью совпадали, пока они не добрались до отделки, украшавшей лиф, талию и шлейф.

— Ты сказала, что это платье должно представлять меня. Что я должна в нем сиять.

— Да, — согласилась Киа.

— Тогда отделка должна быть золотом Дома Исцеления, — Джасинду не смутило изумление в глазах Киа. — Я родилась в этом Доме. Благодаря ему я именно та, кто есть.

— Только Кассандра осмеливается смешивать цвета Домов.

— Ну что ж, теперь нас будет двое. Если ты не сможешь это сделать, Киа, я найду того, кто сможет. Я отказываюсь идти на поводу у пуристов. Мои корни принадлежат Дому Исцеления. И я буду представлять это своим платьем.

Киа, задумчиво смотревшая на нее, вдруг поняла, что их мир вот-вот изменится.

— Да, Ваше Величество.

— Киа, я не из королевской семьи, не надо так ко мне обращаться.

— Может, еще и нет, но у меня такое чувство, что скоро будешь.

* * *

— Мама?

Услышав голос дочери, Джасинда обернулась и широко заулыбалась, когда Стефани подлетела к ней. После бурных обсуждений с Киа, ей захотелось немного проветриться. Она связалась с Деффондом и сообщила ему, что собирается погулять по Общественному крылу. Последний раз в Доме Знаний она была очень давно, еще при Якире, и ей захотелось увидеть те изменения, что произошли с правлением Кассандры.

— Стефани! — радостно воскликнула Джасинда.

— Мама, — схватив за руку, Стефани отвела ее в сторону. — Что ты здесь делаешь?

Джасинда нахмурилась.

— Ну, в данный момент я осматриваю Общественное крыло, чтобы увидеть, какие изменения внесла Кассандра.

— Кассандра? — Стефани изумило то, с какой легкостью ее мать назвала королеву по имени, словно они были подругами. — Ты имеешь в виду королеву Кассандру?

— А что, здесь есть еще кто-то с таким именем?

— Мама! — прошипела Стефани. — Пожалуйста, скажи, что ты здесь не для того, чтобы контролировать меня!

Джасинда была шокирована подозрениями дочери.

Стефани стукнуло тридцать четыре. И хотя Джасинда не переставала беспокоиться о ней, но прекратила контролировать дочь, как только той исполнилось восемнадцать.

— Ты действительно думаешь, что мне большем нечем заняться, как следить за тобой? Давно пора понять, что у меня тоже есть своя личная жизнь.

— Мне бы очень хотелось в это верить, но сегодня утром я столкнулась с тетей Палмой, и она сообщила мне, что ты здесь и хочешь поговорить со мной.

Джасинде захотелось хлопнуть себя по лбу, а потом еще стукнуть по лбу сестру.

У нее не было времени объяснить Палме, зачем она здесь и с кем. Поэтому Стефани решила, что она прилетела сюда именно из-за нее.

— Мое пребывание здесь не имеет к тебе никакого отношения, Стефани. С тобой это никак не связано, поверь мне.

— Тогда зачем ты здесь? И где ты остановилась? — подозрительно спросила Стефани. — Не у тети Палмы, это точно.

— Нет, не у нее, — Джасинда понимала, что рано или поздно ей придется рассказать детям о своих отношениях с Джотэмом, но думала, что у нее есть еще в запасе немного времени, чтобы решить, как лучше им это преподнести. Похоже, она зря надеялась. Глубоко вздохнув, она выдала дочери правду. — Я остановилась во дворце. В Королевском крыле.

— В Королевском крыле? — нахмурилась Стефани. Ее мысли лихорадочно метались. — Но сейчас там находится король Джотэм.

— Да, так и есть, — не стала она отрицать очевидное.

— Но как вы оба оказались там? Как ты вообще туда попала? Ты же не королевская особа.

— Разумеется, нет, — Джасинда не стала ничего объяснять, ее дочь не была глупой, и ей не потребуется много времени, чтобы все понять.

— Но... — глаза Стефани расширились, и она, спотыкаясь, сделала шаг назад. — Нет, — прошептала она. — Этого не может быть.

— И почему же?

— Ты не можешь быть… — Стефани на пределе слышимости выдохнула последнее слово, — с королем Джотэмом.

— Почему нет? — Джасинда вопросительно приподняла бровь.

— Потому что он король! — эти слова Стефани выкрикнула в сердцах, отчего многие головы повернулись в их сторону.

— Говори тише! — резко одернула ее Джасинда. — Я знаю, что он король, Стефани. Но нельзя забывать, что он к тому же мужчина. Мужчина, который мне очень дорог.

— Но... но... как же отец?

— Хотел бы, чтобы я продолжала жить и снова обрела счастье. Точно так же, как я желала бы того же ему, если бы оказалась на его месте.

— Но это все разрушит! — Стефани сердито провела рукой по волосам. — Если об этом узнают, то мои шансы попасть в королевскую гвардию будут равняться нулю.

— Так вот что тебя беспокоит? — Джасинда даже не пыталась скрыть своего шока и разочарования. — Что мои отношения с Джотэмом повлияют на твою карьеру?

— Мама, а ты как думала? Я шла к этому все эти циклы. Я стольким пожертвовала...

— Хочешь сказать, я не жертвовала?!! — возмутилась Джасинда. — Ты и представить себе не можешь, чем мне пришлось жертвовать. Ради тебя, ради твоих братьев, ради твоего отца. Но ради твоей карьеры я не стану жертвовать Джотэмом.

— Мадам Мичелокакис, какие-то проблемы? — к ним приблизился Деффонд, но его лицо оставалось бесстрастным, когда он переводил взгляд с нее на Стефани и обратно.

— Нет, капитан. Спасибо. Мы тут с дочерью немного поспорили, но, в принципе, уже закончили. Не могли бы вы проводить меня в Королевское крыло?

— С удовольствием, мадам, — бросив на Стефани тяжелый взгляд, Деффонд подал локоть Джасинде и повел ее к Королевскому крылу.

Дождавшись, когда они покинут Общественное крыло, Джасинда заговорила:

— Ты следил за мной, Николас?

— Разумеется, — не стал отнекиваться он.

— Но я же не покидала дворец.

— Нет.

— И сообщила тебе, куда направляюсь.

— Да.

— И тем не менее ты почувствовал необходимость следовать за мной?

Деффонд немного помолчал, а затем подвел Джасинду к тихой нише.

— Все те циклы, что я служу Джотэму, я никогда не видел его таким счастливым. И все это благодаря тебе. Я хочу быть уверенным, что он таким и останется. А это значит, ты должна быть в безопасности. Тебе придется с этим смириться.

— О, и это не подлежит обсуждению? — Джасинда воинственно выгнула бровь.

— Нет, — ни капли не дрогнул Николас. — Только так. Джотэм ясно дал понять, что твоя безопасность в приоритете. Когда мы вернемся в Печору, у тебя будет своя личная охрана. Пока мы тут стоим, ее уже отбирают. Джотэм не станет рисковать, чтобы потерять еще одну женщину, которую любит, — Джасинда открыла было рот, чтобы возразить, но капитан опередил ее. — Если бы на твоем месте была другая женщина, ты вряд ли бы стала спорить.

Джасинда, глядя на него, прищурилась. Как же ее раздражала его правота.

— Мне это не нравится, но ты все же прав, Николас.

— Я знаю, — он взял ее под руку, и они снова пошли.

— Не будь таким самодовольным, — фыркнула Джасинда.

— Самодовольный? Я? Мадам Мичелокакис, понятия не имею, о чем вы.

— Все ты прекрасно понимаешь. Так за мою охрану будешь отвечать ты?

— Да, мадам.

— Хорошо, но есть кое-какие правила, с которыми тебе придется считаться.

— Если они не будут мешать твоей безопасности, это не проблема.

* * *

Вечером Джасинда гордо стояла рядом с Джотэмом в Саду Памяти и молча слушала, как духовник произносит древние слова над Сабах, лежавшей на руках у Джотэма, которые должны были навсегда связать их жизни. Сапфирово-голубые глаза Сабах были широко раскрыты, но она молчала, словно понимала важность происходящего.

— Пусть предки присматривают за тобой и направляют тебя в этом жизненном путешествии. Пусть в момент, когда придет твое время покинуть этот мир, ты будешь лучше, чем когда вошла в него. И пусть тебя в этой жизни сопровождает любовь, — на этой позитивной ноте церемония подошла к концу.

Сабах тут же принялась громко лепетать и радостно хлопать в ладоши.

А все присутствующие одобрительно засмеялись.

— Спасибо, Джотэм, — Уильям подошел к другу, но впервые с момента рождения дочь не спешила тянуться к нему.

— Для меня это честь, Уилл, — Джотэм поднял Сабах вверх и, поцеловав ее в пухлую щечку, вдохнул тот удивительный аромат, что присущ только детям.

Затем передал ее родному отцу, зная, что Уилл нуждается в ней.

Обернувшись, он увидел Джасинду, которая тут же шагнула в его объятия, поддержав его понимающей улыбкой. Он прикрыл глаза и, положив подбородок ей на макушку, вдохнул аромат роз, который, казалось, всегда сопровождал ее.

Затем от всего сердца возблагодарил предков за столь бесценный дар.

— Это было потрясающе, Джотэм, — тихо проговорила Джасинда, спрятав лицо у него на груди и слушая ровное биение его сердца. — Я видела, как крепнут узы между тобой и Сабах, — слегка отстранившись, она с благоговением посмотрела на него. — Дом Защиты и Дом Знания теперь навсегда связаны.

— Так и есть, — согласился Джотэм, запечатывая свои слова поцелуем. — Так ты расскажешь мне, о чем ты спорила со Стефани в Общественном крыле?

— А кто сказал, что мы спорили? — Джасинда приподняла бровь.

— Деффонд, — взяв с подноса проходившего мимо слуги два бокала вина, Джотэм один протянул ей.

— О, правда? — она взяла бокал, но вино даже не пригубила.

— Это входит в его обязанности, Джасинда, — Джотэм знал этот непримиримый взгляд и понимал, что лучше побыстрее объясниться.

— Неужели? Выходит, его работа заключается в том, чтобы информировать тебя о моих личных беседах с детьми? Я думала, его задача — моя безопасность.

— Так и есть. Но с тобой все не так просто.

— Почему именно со мной?

— Потому что Николас заботится о тебе. Он считает себя твоим другом. А также знает, что я люблю тебя. Он будет докладывать мне, если решит, что кто-то или что-то тебя расстроило.

Сделав глоток вина, Джасинда задумалась над его словами.

Она понимала их беспокойство. И оно ей даже немного импонировало. И все же кое-что стоило уточнить. Сделав глубокий вдох, она заговорила:

— Я приму, Джотэм, все меры безопасности, что ты возложил на Деффонда с одной лишь поправкой. Мои личные разговоры не будут обсуждаться за моей спиной. Я сама расскажу тебе... то, что посчитаю нужным.

— Ты собираешься что-то скрывать от меня? — нахмурился он.

— Нет, я не собираюсь от тебя ничего утаивать, но хочу сама решать, что и когда тебе сказать. Как, например, о конфликте с дочерью, что действительно меня расстроил.

Теперь настал черед Джотэма шумно вздохнуть.

Глянув через ее плечо, он увидел, что Уильям внимательно слушает, что говорит ему Кассандра, а Синди что-то горячо обсуждает с Питером.

Пары. Пары, как правило, все обсуждают и прислушиваются к мнению друг друга.

Как же много времени прошло с тех пор, когда он сам был в паре.

Казалось, все его навыки уже напрочь атрофировались.

— Ты права, — Джотэм заглянул ей в глаза. — Мне, правда, жаль. Я немного отвык быть частью пары. Привык требовать информацию и мгновенно получать ее.

— Хочешь сказать, что тебя разбаловали, — Джасинда рассмеялась, когда Джотэм состроил оскорбленное лицо.

— Я бы не сказал, что меня слишком уж баловали, но...

— Разбаловали, — закончила она и, протянув руку, погладила его по щеке. — Как я уже говорила раньше, хорошо, что ты такой милый. В противном случае мне, скорее всего, пришлось бы пересмотреть свои чувства к тебе.

— Что, правда? — обняв за талию, Джотэм прижал ее к себе и крепко поцеловал в губы, не собираясь разрывать поцелуй, пока она не забудет обо всем на свете.

— Эй, вы двое, прекращайте! Здесь дети! — дразнящий голос Уильяма вынудил Джотэма с неохотой оторваться от сладких губ, но при виде затуманенного взора Джасинды, он признал, что оно того стоило.

— Подумай об этом еще раз, — прошептал он и, поцеловав ее в кончик носа, отступил назад, любуясь вспыхнувшим на ее щеках нежным румянцем.

Оглядевшись, Джасинда обнаружила, что взгляды всех присутствующих в Саду Памяти, включая мальчиков, устремлены на них с Джотэмом, и почувствовала, как запылало ее лицо. Смущенно закашлявшись, она сделала глоток вина.

Джотэм приобнял ее за талию.

— Пойдем немного погуляем, — и тут же обратился к остальным: — Увидимся завтра перед отъездом, — попрощавшись со всеми, он вывел ее из Сада Памяти.

— Определенно избалованный, — поддразнила Джасинда, обнимая его за талию и наслаждаясь его близостью.

— Возможно, — уклончиво ответил он.

Несколько минут они шли, не нарушая уютной тишины и любуясь закатом третьего каринианского солнца.

— Ты поделишься со мной, чем тебя так расстроили слова Стефани?

Джасинда тяжко вздохнула, понимая, что не сможет избежать этой темы.

— Стефани вчера столкнулась с Палмой, и та сказал ей, что я в Кисурри.

— Не понял. Палма не одобряет наши отношения?

— Я даже не успела ей рассказать о них. Мы обе были так потрясены пением Синди, что все остальное вылетело у нас из головы.

— Тогда что она сказала Стефани?

— Только то, что я хочу поговорить с ней. А Стефани почему-то решила, что я прилетела сюда, чтобы проконтролировать ее.

— С чего бы ей так думать?

— Честно говоря, не знаю. Она очень много работала, чтобы оказаться там, где она сейчас. И хотя со времени моей службы в Коалиции отношение к служащим женщинам сильно изменилось, все еще остаются области, где даже самые выдающиеся женщины лишены шанса занять должность.

— Джасинда, ты должна понимать, что есть области, где требуется мужская сила.

— Не все ситуации требуют чрезвычайной силы, Джотэм. Иногда интеллект и мастерство гораздо важнее.

— Это правда.

— Вот почему Стефани была так воодушевлена, когда ее приняли в класс Питера. Она увидела в этом прямое подтверждение, что сможет в своей карьере подняться на новый уровень. Теперь же она боится, что из-за наших отношений потеряет свой шанс.

— Почему она так думает? Я не имею отношения к назначениям Коалиции.

— Не напрямую, нет. Но мы оба знаем, что твое мнение имеет вес.

Джотэм ничего не ответил, потому что это было правдой.

— Стефани боится, что из-за нашей связи не сможет претендовать на должность, о которой мечтала многие циклы.

— И что это за должность? — когда Джасинда подняла на него глаза, в глубине которых плескались боль и сомнение, он почувствовал, что его сердце забилось сильнее. *«На какую должность собирается претендовать Стефани?»* — Джасинда?..

— Я не уверена, что имею право говорить тебе.

— Джасинда, — он нежно погладил ее по щеке. — Ты должна знать, что можешь говорить мне все. Я не сделаю ничего, что может помешать мечтам твоей дочери.

— А если я сама этого хочу? — прошептала Джасинда, признавшись себе наконец в том, что на самом деле боялась, что попросит Джотэма вмешаться.

— Джасинда? — он нежно обхватил ее щеки ладонями, не позволяя отвернуться. Ему не нравилось видеть ее такой расстроенной. — Скажи мне. Доверься.

— Стефани хочет стать первой женщиной, принятой на службу в королевскую гвардию... в твою королевскую гвардию, — глаза Джасинды наполнились слезами.

— Ш-ш-ш. Не плачь, любимая, — он обнял ее, даря утешение.

— Я всегда поощряла своих детей следовать своим мечтам. Поддерживала все их начинания. Какая же я мать, если надеюсь, что у нее ничего не получится?

— Беззаветно любящая свою дочь и беспокоящаяся о ее судьбе, — не задумываясь, ответил Джотэм. — Дай ей немного времени, Джасинда.

— Я просто... — она слегка отстранилась, не мешая слезам течь по щекам.

— Что просто?

— Я просто надеялась, что они поймут меня. Мои дети. Я знала, что им будет нелегко принять это, но думала, что в большей степени это затронет Дантона.

— Потому что он член Ассамблеи.

— Да, наши отношения напрямую связаны с ним, но Стефани...

— Не факт, что это отразится на ней, Джасинда. Она права в одном — в королевской гвардии никогда не было женщин. Вполне возможно, никогда и не будет.

— Почему? Почему нет?

— Потому что ни одна королева не захочет, чтобы рядом с ее королем днем и ночью находилась другая женщина.

— Если это так, то почему саму королеву охраняют мужчины?

— Так было всегда, — Джотэму хватило такта выглядеть смущенным. — Я, честно говоря, никогда не рассматривал женщин в качестве своей охраны. Но в свою защиту скажу, что ни одна из них ни разу не претендовала на это место.

— Ты в этом уверен? Я думала, охраной занимается Деффонд.

— На начальном этапе, да. Но, отобрав наиболее квалифицированных претендентов, он посылает их ко мне для окончательного утверждения.

— Выходит, ты можешь не знать, что женщина подавала заявку.

— Я... ну, думаю, такое возможно, — Джотэм осторожно вытер большими пальцами дорожки от ее слез. — Все будет хорошо, Джасинда. Вместе мы найдем способ, как это исправить.

Глава 26

Когда утренняя трапеза закончилась, Джасинда с неподдельным интересом открыла большую папку, что застенчиво подал ей Бретт.

Сверху лежал большой цветной рисунок, на котором они с Джотэмом, изображенные по пояс на фоне Сада Памяти, смотрели друг на друга влюбленными глазами. Удивительно как мастерски Бретт смог передать их чувства. Через пальцы Джотэма, которые, казалось, ласкали ее талию. И через едва заметную улыбку доверчиво льнувшей к нему Джасинды.

Опустившись на колени, она порывисто обняла мальчика.

— Это потрясающе, Бретт.

— Тебе действительно нравится? — спросил он недоверчиво.

— Очень. Вот только нужно кое-что исправить.

— И что же? — взволнованно прошептал он.

— Ты не подписал свою работу, — мягко улыбнулась ему Джасинда. — Сделаешь это для меня? Я покрою рисунок лаком и вставлю в рамку. Я даже знаю, куда его повешу.

— Правда?! Ты повесишь его на стену?

— Даже не сомневайся. Так ты подпишешь его для меня?

— Я не знал, что нужно... — он нахмурился, глядя на рисунок. — А где?

— Ну, большинство художников ставят свою подпись в нижнем углу. Чтобы ее было видно, но не сильно бросалась в глаза. Так что тебе решать, где ее поставить.

— Мамочка? — Бретт посмотрел на Синди, моля взглядом о помощи.

— Поставь подпись вот здесь, — она приложила палец примерно в дюйме от нижнего правого угла. — Так ее будет видно, даже когда рисунок вставят в рамку.

— Свое имя и фамилию? — уточнил он.

— Да, малыш, — подтвердила Синди.

Отодвинув посуду и бережно взяв из рук Джасинды портрет, Бретт положил его на стол. Затем достал свои драгоценные цветные карандаши и, немного подумав, выбрал подходящий цвет. Все присутствующие с интересом наблюдали, как он, прикусив нижнюю губу, старательно выводит свое имя «Бретт Чемберлен».

— Так хорошо? — обеспокоенная детская мордашка повернулась к Джасинде.

— Замечательно, Бретт. Спасибо, — она наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

Мальчик зарделся от удовольствия и посмотрел на отца.

— Можно мне пойти поиграть с братьями?

— Конечно, — улыбнувшись, разрешил Питер.

Бретт не теряя времени аккуратно сложил все свои художественные принадлежности в сумку и, перекинув ее через плечо, убежал.

— Спасибо тебе, Джасинда. Ты сделала его счастливым, — Синди сжала ее руку.

— А он меня. Не могу дождаться, когда займусь этим. Вы просто обязаны найти сыну хорошего учителя рисования.

— Уже нашли, — заверила ее Синди. — Кассандра связалась с министром Метаксасом, и тот порекомендовал своего сотрудника. Он придет уже сегодня.

После череды дружеских прощаний и пылких объятий, они с Джотэмом направились к своему шаттлу, чтобы вылететь домой.

* * *

— Бретт действительно очень талантливый мальчик, — разглядывая их портрет, сказал Джотэм. — Ты уже решила, куда повесишь его?

— О да! Над той тумбой, что стоит между гостиной и кухней, — Джасинда уже определилась с тем, какой лак и какая рамка ей понадобятся.

— На стену между гостиной и кухней? — Джотэм нахмурился, пытаясь вспомнить место, о котором шла речь, и что там уже висело. — Но ведь это самая проходимая часть твоего дома. И там уже висят портреты. Твоих детей. Твой и Стефана.

— М-м-м, — задумчиво промычала она, рассеянно глядя на рисунок. — Для них я найду другое место. Мне всегда хотелось, чтобы там висел лишь один портрет. Но у меня не было подходящего и достаточно большого по размеру. Этот подойдет идеально.

— А те снимешь?! — Джотэм даже не пытался скрыть своего потрясения. — Портрет Стефана?! И повесишь один… со мной?

— Да, — нахмурилась Джасинда. — Почему тебя это так шокирует?

— Не знаю. Наверное, просто не ожидал, что ты решишь заменить мной Стефана.

— Нееет, — возразила Джасинда, повернув к нему лицо. — Ты никак не можешь заменить его, Джотэм. Не хочу тебя обидеть, но Стефан был моим спутником жизни почти тридцать циклов. Мы родили с ним троих детей. Он навсегда останется важной частью моей жизни. Моего прошлого. Частью, которую я всегда буду с гордостью демонстрировать и рассказывать о ней. Но это не значит, что в моем сердце нет места для тебя. Ты часть моего будущего. И я безмерно горжусь этим.

Джотэм заметил, как от ее слов у него пересохло в горле.

Ни разу в жизни он не чувствовал себя настолько ценным и значимым, насколько и покоренным. Джасинда освободила для него место не только в своем сердце, но и в своем доме. В своей семье. В своих воспоминаниях. Она собиралась открыто показать всем, насколько он для нее важен, не умаляя при этом значимости Стефана.

Джотэм никогда не думал, что такое возможно.

А она опять доказала ему, как он ошибался.

— У меня просто нет слов, — он склонился к ней для поцелуя. — За исключением того, что я люблю тебя и буду вечно благодарить предков за столь ценный подарок.

* * *

Джасинда, закрыв за собой входную дверь, с облегчением выдохнула.

Наконец-то она освободилась от королевского сопровождения.

Джотэм не хотел, чтобы она возвращалась домой. Хотел оставить ее во дворце, подле себя. Несмотря на то, что до десяти вечера будет занят на совещании, выясняя положение дел за время своего отсутствия. Они немного поспорили, но в конце концов он согласился, что ей все же лучше съездить домой. При условии, что Деффонд сопроводит ее, а она, прежде чем зайти, позволит ему проверить дом.

Джасинда же дала согласие лишь после того, как ей позволили предупредить Маишу о появлении королевского гвардейца. Иначе бы та напугалась до смерти.

— Я так понимаю, все прошло удачно? — спросила Маиша вместо приветствия.

— И да, и нет, — выдала короткую версию Джасинда, без сил рухнув на диван.

— Не надейся, что тебе удастся избежать подробностей, Джасинда Мичелокакис, — Маиша протянула ей бокал вина, которое налила, узнав, что Джасинда уже выехала.

Она хорошо знала привычки своей подруги-работодательницы, которая после таких дальних поездок предпочитала первым делом расслабиться с бокалом вина.

— Да благословят тебя предки, Маиша, — прежде чем начать свой рассказ, Джасинда сделала маленький глоток. — Ну что ж, слушай. После крайне неудачного старта мы все же смогли в конце концов найти с Кассандрой общий язык.

— Королева тебя невзлюбила?! — ощетинилась Маиша.

Джасинда улыбнулась подруге, до глубины души оскорбившейся за нее.

— Я бы не сказала, что это была неприязнь. Если быть точной, Кассандра вела себя с прохладцей и долей опаски. Все же я для нее чужачка, попавшая в святая святых ее семьи. А тут еще я подлила масла в огонь. Вывезла ее невестку Синди из дворца... никого не предупредив. И без королевской охраны.

Миша поперхнулась вином, которое только что отхлебнула.

— Без королевской охраны? Джасинда! О чем ты только думала?!!

— О Палме, — призналась она. — Мне нужно было познакомить ее с Синди.

— Но зачем?

— На Земле, еще до рождения Виктории, Синди была профессиональной певицей.

— Правда? — Маиша была заинтригована. — И насколько хорошей?

— Если сейчас ее голос, который она считает хриплым, производит неизгладимое впечатление, то, уверена, тогда она была просто уникальной.

— Палма тоже так считает?

— О да!

— Я никак не могу поверить, что ты была настолько беспечна. Покинуть дворец без королевских гвардейцев?! Хвала предкам, Джасинда, ведь она принцесса!

— Да знаю я, знаю. Кассандра из-за этого чуть меня не съела. Но поездка, слава предкам, себя оправдала. Синди уже договорилась о встрече с Биргином, а потом она познакомит его со своим сыном Бреттом, — Джасинда предвкушающе улыбнулась, жалея о том, что не сможет увидеть реакцию Биргина на рисунки Бретта.

«Надо не забыть позвонить ему и все выяснить».

— Зачем Биргину знакомиться с Бреттом?

Вместо ответа Джасинда открыла папку, которую до этого положила на кофейный столик, и подвинула ее к подруге.

— О... мои... предки... — прошептала та с благоговением и, отодвинув бокал с вином подальше, склонилась над портретом. — Я думала, Бретт совсем ребенок.

— Ему недавно исполнилось девять, — уточнила Джасинда.

— Девять?! — недоверчивый взгляд Маиши метнулся к ней, и она кивнула, подтверждая верность своих слов. — Потрясающий рисунок.

— Это точно. Хочу попросить Касмиру обработать его и вставить в рамку.

— Но ведь Касмира реставрирует произведения искусства.

— Я знаю, Маиша. Но ведь этот портрет — настоящий шедевр. Убеждена, первый из многих, что сделают в свое время имя Бретту Чемберлену. И я хочу, чтобы с ним обращались должным образом с самого начала.

— Хорошо, что Палма твоя сестра и никому не расскажет о твоей поездке.

— Да, это так. Но меня это, в принципе, мало волнует. Рано или поздно об этом бы все равно узнали... уже узнали.

— О чем ты говоришь? — вздрогнула Маиша. — Я никому ничего не рассказывала!

— О, Маиша. Нет! Я и не говорю, что это ты. Я никогда не сомневалась в твоей порядочности. Нет, речь идет о Стефани.

— Стефани?

— Да. Палма, случайно встретив Стефани, сообщила ей, что я в Кисурри и хочу с ней повидаться. Дочь нашла меня в Общественном крыле и... скажем так, не очень хорошо восприняла мое пребывание во дворце с Джотэмом.

— Она придет в себя, Джасинда, — Маиша потянулась к ней и легонько сжала ее руку. — Просто для нее это было слишком неожиданно. Ты же знаешь, Стефана она боготворила. Поэтому то, что ты сблизилась с другим мужчиной, даже если это сам король, равносильно для нее предательству. Дай ей время.

— В том-то и проблема, что у нас его нет, — Джасинда, глубоко вздохнув, посмотрела в глаза подруге. — Я собираюсь пойти на Королевский бал... с Джотэмом.

— Джасинда... — Маиша в шоке прикрыла рот ладонью. — Прибытие королевских семей на этот бал будет транслироваться не только по всей планете, но и на всем флоте! И ты появишься там под руку с Джотэмом...

— Вот именно. Мне нужно сообщить об этом Дантону с Итаном. Они должны быть готовы, — вздохнув, она допила вино и встала. — Займусь этим незамедлительно. Маиша...

— Я распакую вещи. Не беспокойся.

— Спасибо тебе, родная, — Джасинда повернулась, чтобы уйти, но остановилась. — Маиша, как думаешь, ты справишься с этим? Со всеми этими нововведениями? Джотэм настоял, чтобы меня охраняли. Теперь гвардейцы будут постоянно наблюдать за моим домом. А также проверять всех приходящих и уходящих, в том числе и тебя.

— Ничего страшного, Джасинда, я привыкну, — Маиша, задумавшись, склонила голову набок. — Знаешь, а вот мадам Нитцшке станет реальной проблемой.

— О, хвала нашим предкам! — прикрыв глаза, рассмеялась Джасинда. Правда, в ее смехе не было ни капли веселья. — Я о ней совсем забыла.

— Да, лучше заранее предупреди свою охрану. Если эта старушенция доберется до кого-нибудь из них, боюсь, им самим понадобится охрана.

* * *

— Молодой человек! Молодой человек!

Лейтенант Грин, оторвавшись от разговора со своим подчиненным, хмуро глядел на идущую к ним по тротуару пожилую женщину. Она не представляла для них угрозы, если, конечно, не считать эстетического шока, полученного при виде ее наряда. Из-за ярких контрастных цветов в ее одежде и перенасыщенности геометрическими узорами у него до рези зарябило в глазах.

— Молодой человек, я требую, чтобы вы удались отсюда! Это респектабельный район! Я не позволю вам слоняться здесь целыми днями, — она вознамерилась свернуть на подъездную дорожку, но Корт перегородил ей путь.

— Прошу прощения, мадам, но я не могу позволить вам пойти туда.

— Позволить мне?! — взвизгнула мадам Нитцшке. — Мне что, требуется чье-то разрешение? Это мой район, молодой человек! Да ты знаешь, кто перед тобой?

Корт не собирался признаваться, что понятия не имеет, кто она такая.

Последние несколько дней были суматошными. По приказу короля Джотэма в срочном порядке отбирали лучших охранников для мадам Мичелокакис. И до сих пор шел сбор информации о ее семье, друзьях и соседях.

— Мадам Нитцшке, — окликнула соседку вышедшая из дома Джасинда, услышав, что та набросилась на лейтенанта Грина. — Как ваше здоровье?

— Я жутко расстроена, разве не видно? Джасинда, как ты смеешь?! Это респектабельный район, а у тебя перед домом мужчины выстраиваются в очередь!

Грин в шоке уставился на склочную женщину.

«Она правда думает, что мы здесь собрались для свиданий?»

А вот Джасинда на эти обвинения никак не отреагировала.

— Мадам Нитцшке, — она досадливо поджала губы. — Хочу представить вам лейтенанта Корта Грина. Если вы обратите внимание на его форму, то поймете, что он из королевской гвардии короля Джотэма.

— Хочешь сказать, это нормально, что он и все эти гвардейцы, — она резко раскинула руки в стороны, — без дела слоняются вокруг твоего дома?!

— Мы здесь не бездельничаем, — Корт загородил собой Джасинду. Ему надоело слушать брюзжание этой старой девы. — Мы охраняем мадам Мичелокакис.

— Охраняете?! Что на этот раз ты натворила, Джасинда? — заверещала склочница и попыталась обойти преградившего ей путь лейтенанта. — Молодой человек, уйдите с дороги!

— Нет, — твердо сказал Грин, пронзив ее суровым взглядом.

Несколько гвардейцев подошли к ним, дабы поддержать своего командира.

— Лейтенант, — Джасинда мягко положила руку на плечо Кора. — Пропустите меня. Я знаю мадам Нитцшке много лет. Она не представляет угрозы... разве что для тех, у кого есть чувство стиля, — последнюю фразу она произнесла совсем тихо.

Мужчины дружно фыркнули, но она продолжала вопросительно смотреть на Грина. И когда тот наконец кивнул, обошла его и обратилась к соседке:

— Мадам Нитцшке, мне очень жаль, что я не смогла заранее предупредить вас о том, что теперь мой дом находится под охраной. Я всегда ценила вашу бескорыстную заботу о безопасности и благополучии соседей.

Женщина сердито фыркнула, но тут же расправила плечи, став немного выше.

— Кто-то же должен это делать.

— Согласна, и вы прекрасно с этим справляетесь. Но теперь лейтенант Грин, — она указала себе за спину, — будет охранять мой дом со своими людьми.

— Зачем?

— Прошу прощения, но причина этого не имеет к вам никакого отношения. Просто примите факт, что они будут находиться здесь, и не беспокойтесь об этом, — натянуто улыбнулась ей Джасинда. — А теперь прошу меня извинить. Мне нужно идти. Приятного вечера, мадам Нитцшке, — она развернулась и направилась к дому.

Корт наблюдал, как мадам Нитцшке еще раз окинула подозрительным взглядом его и его людей, а затем, развернувшись на каблуках, удалилась с гордо поднятой головой. Он обернулся и увидел, что Джасинда подошла к своему транспорту.

— Мадам Мичелокакис! — поспешил он догнать ее. — Что вы намерены делать? Куда вы собрались?

— Мне нужно кое-куда съездить, лейтенант.

— Но вы не сообщали мне о предстоящей поездке.

— Ну, теперь у вас есть эта информация.

— Мадам Мичелокакис, так нельзя. Вы должны заранее уведомлять меня о своих решениях, а я определю, насколько они целесообразны.

— Послушайте, лейтенант, — Джасинда так резко повернулась, что мужчина непроизвольно отступил назад. — Я понимаю, что это ваша работа, но у меня есть своя жизнь, и я никому не позволю что-то решать за меня. Прямо сейчас я еду в Коморин, в дом моего младшего сына Итана, чтобы поужинать с его семьей. Вы можете либо сесть в мой транспорт, либо следовать за мной на своем, либо вообще остаться здесь. Мне абсолютно все равно. Я уеду в любом случае, — она седа за руль и захлопнула дверцу.

Корт не теряя времени оббежал ее транспорт, влез на пассажирское сиденье, и быстро раздал указания своим людям: кто последует за ними, а кто останется на месте.

— Итак, лейтенант, — заговорила Джасинда, как только выехала на дорогу. — Нам нужно обсудить некоторые основные правила.

— Основные правила?

— Да. Во-первых, меня зовут Джасинда. Я понимаю, что в большинстве ситуаций вам придется обращаться ко мне «мадам Мичелокакис», но вот наедине я предпочитаю

просто «Джасинда». Во-вторых, я постараюсь… подчеркиваю слово «постараюсь»… заранее уведомлять вас о том, куда и когда намерена поехать. Меня никогда прежде не охраняли, поэтому прошу вас быть снисходительным и терпеливым.

— Мадам Мичелокакис... — лейтенант запнулся, когда она, оторвавшись от дороги, бросила на него недовольный взгляд, и мгновенно исправился. — Джасинда, в мои обязанности входит охранять вас любой ценой.

— Я понимаю это, Корт. Могу я называть вас по имени?

— Я... Да, конечно, — неуверенно ответил он.

— Отлично. Теперь вернемся к главному вопросу. Я, разумеется, собираюсь считаться со спецификой вашей работы, но хочу, чтоб ты знал. У меня нет врагов, желающих навредить мне.

— На вашем месте я бы не был столь категоричен. Особенно теперь, когда король выбрал вас. Обязательно найдутся недовольные его выбором.

Джасинде не нужно было долго думать, чтобы признать его правоту.

Кое-кто, узнав, что они с Джотэмом вместе, наверняка придет в ярость. Ведь по мнению пуристов ее место в Доме Исцеления. И она просто не имеет права быть с кем-то из Дома Защиты. Тем более с королем!

— Замечание принято, Корт.

Глава 27

— Ох, Джасинда, я так рада тебя видеть! Проходи, — обняв свекровь, Касмира потянула ее в дом.

Джасинду она просто обожала, хотя поначалу все было не так радужно.

В первое время Касмира, честно говоря, побаивалась свекровь, так как та была не только матерью мужчины, которого она безумно любила, но и женой влиятельного члена Ассамблеи. А также светской красавицей. Правда, очень скоро она поняла, что при всем этом, Джасинда сумела остаться просто любящей своих детей женщиной. И, разумеется, желавшей им счастья.

Тогда-то они и сблизились.

— Итан опаздывает. Ты же знаешь, как это бывает, — она уже собиралась закрыть дверь, когда увидела остановившегося возле крыльца мужчину... в форме королевской гвардии. — А... Джасинда?..

— Что? — оглянулась та. — Ой, Корт, это моя невестка Касмира Мичелокакис. Касмира, это лейтенант Корт Грин из королевской гвардии.

— Мэм, — Корт коротко кивнул Касмире.

— Лейтенант, — ответила та. — Прошу, не желаете ли войти?

— Нет, спасибо, мадам Мичелокакис. Мы останемся снаружи, — слегка поклонившись ей, он повернулся и пошел по дорожке.

Касмира медленно закрыла дверь и вопросительно взглянула на Джасинду.

— Да, знаю, что должна все объяснить. Поэтому я здесь. Но прежде, где мои внуки?

— Они в гостях с ночевкой. Извини. Они уже ушли, когда ты позвонила, что приедешь. Мне забрать их?

— Нет, — Джасинда была немного разочарована, но быстро поняла, что, вероятно, это к лучшему. — Пусть остаются. Все слишком сложно. Не хочу расстраивать еще и их.

— Джасинда?.. — схватив за плечо, Касмира озабоченно посмотрела ей в глаза. — С тобой все в порядке?

— Все нормально, — Джасинда ободряюще сжала ее руку. — Просто есть кое-какие новости, которые я должна сообщить вам с Итаном.

— Хорошо… — Касмира не выглядела убежденной. — Пойдем в гостиную. Итан должен скоро прийти.

— Может, лучше пойдем в твою мастерскую?

— В мастерскую?..

— Да, я тут кое-что захватила. Хочу, чтобы ты это довела до ума, — она подняла руку, демонстрируя большую папку, что принесла с собой.

— Ладно.

* * *

Касмира с неподдельным изумлением рассматривала лежавший перед ней портрет.

У нее не было слов, чтобы выразить то, что она сейчас чувствовала.

Ее разум говорил, что перед ней обычный рисунок, сделанный карандашом. Именно таким он и был. А вот чувства видели гораздо большее. Каждая линия, нанесенная на бумагу, идеально отражала жесты, мимику и эмоции пары, отчего портрет казался живым.

И это было потрясающе. Настоящий шедевр!

Портрет Джасинды и короля Джотэма...

Касмира не знала, как на это реагировать. А как воспримет это Итан?

— Художник Бретт Чемберлен.

— Чемберлен? — Касмира с трудом оторвала взгляд от рисунка, чтобы взглянуть на подпись в нижнем углу…

Нет, не подпись, а аккуратно выведенное, казалось, детской рукой имя.

— Да, племянник королевы Кассандры. Ему девять.

— Девять?! — Касмира перевела взгляд с подписи на Джасинду, затем снова на рисунок и тут же обо всем забыла, сосредоточившись на поразительном мастерстве, что потребовалось, как она знала, для создания непередаваемой красоты обычными линиями.

— Девять. Бретт нигде не учился, но вскоре это изменится. Он подарил мне этот портрет, и я хочу, чтобы он выглядел как шедевр, которым и является.

— Я тебя прекрасно понимаю, — кивнув, Касмира подняла глаза. — Но Джасинда...

— Привет! Где все? — голос Итана эхом разнесся по дому.

— Пойдем, — Джасинда взяла невестку за руку. — Нужно встретить Итана, а потом я расскажу вам, что происходит.

* * *

Обстановка во время приема пищи была несколько натянутой.

Итан хмурился, переводя недоуменный взгляд с жены на мать и обратно.

— Скажите, что происходит? — наконец не выдержал он. — Что случилось?

— Ничего страшного, — Джасинда отодвинула тарелку. — Я уже заверила Касмиру, что со мной все в порядке. Просто есть кое-что, о чем я должна рассказать. Но сначала ответь мне на один вопрос.

— Ладно, — Итан откинулся на спинку стула.

— Что тебе известно о корпорации «Сокол»?

— О корпорации «Сокол»? — Итан с отвращением отшвырнул салфетку. — Ты имеешь в виду, помимо того, что советник Паяри у них на поводке, и поэтому они выигрывают все госзаказы?!!

— Да, — подтвердила Джасинда. — А что еще? Ты что-нибудь слышал о нарушениях технологий, приводивших к несчастным случаям?

— Немало, — Итан нахмурился. — Мама, а почему ты спрашиваешь?

— Из-за Нуги, — ответила Джасинда.

— Нуги? Ты имеешь в виду произошедший там взрыв? — Итан глянул на жену. — Я думал, в этом виноваты мятежники.

— Нет, они тут ни при чем. Но эта информация пока под грифом «секретно», — Джасинда посмотрела на сына тем многозначительным взглядом, что был хорошо знаком ему с детства и предупреждал о важности этого заявления.

— Хорошо, — кивнул он, давая понять, что ее слова не выйдут за пределы этой комнаты.

— Взрыв в шахте произошел из-за того, что не были вовремя проведены текущий ремонт и модернизация. Управляющий солгал о выполнении норм безопасности.

— Что?! — Итан не смог скрыть потрясения. — Но зачем ему это?

— Чтобы прикарманить отведенные на это средства.

— Но ведь за состояние шахты отвечает «Сокол», — возразил Итан.

— Я знаю.

— Откуда?

— Твой отец перед смертью возглавлял Комитет, занимавшийся расследованием деятельности «Сокола».

— Правда? Почему я ничего об этом не слышал?

— Не знаю. А также не знаю, что случилось с этим Комитетом после смерти Стефана. Я вспомнила об этом только после взрыва.

— Мама... ты же не думаешь, что это как-то связано со смертью отца. Или..?

— Что? Нет! — возразила Джасинда, абсолютно уверенная в обратном. — Твой отец, Итан, умер от обширного инфаркта. С «Соколом» это никак не связано.

— Хорошо, тогда почему тебя сейчас это интересует?

Джасинда глубоко вздохнула, не зная, как отнесется сын к ее признанию.

— Потому что я была в Кисурри, когда выяснилась причина взрыва.

— Не понял, — нахмурился Итан.

— Меня пригласили в Кисурри на церемонию крестного отца принцессы Сабах.

— Тебя? — сын был явно шокирован. — Зачем? Кто пригласил?

— Джотэм, — просто ответила Джасинда.

— Джотэм?.. Король Джотэм?!

— Да.

— Король Джотэм пригласил тебя на церемонию крестного отца принцессы Сабах?! А кто им стал?

— Джотэм.

— А почему ты называешь короля по имени?

— Потому что я летала туда с Джотэмом, Итан, — Джасинда увидела, как в глазах сына промелькнуло понимание, наряду с недоверием и шоком.

— Нееет! — Итан резко вскочил, и его стул с грохотом упал на пол. — Нет, это невозможно.

— Итан, успокойся, — Касмира, поднявшись, погладила мужа по плечу.

— Ты знала об этом? — обратился он к ней.

— Я узнала об этом перед самым твоим приходом, — тихо сказала она.

— Я... Я не понимаю. Как это возможно? Как такое могло произойти?

— Сядь, Итан, — мягко попросила продолжавшая сидеть Джасинда. — Пожалуйста. Я знаю, что для вас это полная неожиданность, но столь бурной реакции от тебя, если честно, не ожидала. Я хотела бы объясниться.

— Объясниться? А что тут объяснять?!

— Успокойся, милый. Это все же твоя мама. Давай сядем и послушаем ее.

Джасинда с благодарностью посмотрела на невестку, когда Итан наконец-то сел.

— Я знаю Джотэма много циклов. Еще со времен Академии. А ты знаешь, что Лата с твоей тетей Палмой были соседками по комнате.

— Да, но я никогда не знал, что у вас с ним были отношения.

— Нет, — тут же возразила Джасинда. — Не было. Никогда. С того момента, как Джотэм увидел Лату, она стала для него единственной. Точно так же, как для меня существовал лишь твой отец.

— Тогда как...

— Все течет, Итан, все изменяется *(прим. «Все течет, и ничто не остается на месте» (греч. античный фразеологизм)*. Близкие умирают, но жизнь продолжается, — Джасинда глубоко вздохнула. — Несколько месяцев назад Джотэм связался со мной. Неважно по какой причине. Но после этого мы стали... общаться и иногда видеться. У нас с ним много общего: учеба в Академии, общие друзья, взгляды на жизнь. И вот тогда, вполне естественно, мы прониклись чувствами друг к другу.

Итан молча смотрел на мать, говорившую все это абсолютно спокойно.

В ее словах был смысл, но… Зная свою маму, о таком он и подумать не мог.

— Это произошло неожиданно, Итан. Ни он, ни я не искали новых отношений. Но порой жизнь делает нам подарок. Я не собираюсь от него отказываться.

— И тебя не волнует мнение твоих детей по этому поводу?

Джасинда открыла рот… и тут же его закрыла, не зная, что ответить.

* * *

— Итан, думаю, ты должен кое-что увидеть, — поднявшись, Касмира протянула руку мужу, которого любила всем сердцем. — Уверена, ты сразу все поймешь.

— Что может... — начал он.

— Пожалуйста, поверь мне, это поможет, — ласково попросила Касмира.

Мгновение подумав, он взял супругу за руку и позволил ей отвести себя в мастерскую. Увидев на ее рабочем столе большой рисунок, он поначалу недоумевал, что такого важного он мог в нем увидеть. Конечно, благодаря своей супруге он стал больше разбираться в искусстве, но как оно могло помочь ему «понять» свою мать, если честно, не представлял.

— Касмира... — начал он.

— Взгляни на этот портрет, Итан. На тех, кто изображен на нем. На их чувства.

Там была его мать с королем Джотэмом.

Итан не знал, в каком месте их рисовали, но фон сейчас не имел никакого значения. А вот чувства, что буквально преобразили ее лицо…

У него перехватило дыхание.

Впервые с тех пор, как умер отец, ее глаза искрились.

Она была поистине счастлива. И... влюблена.

Его мама была влюблена...

Взглянув на ее кавалера, он увидел человека, который ассоциировался у него лишь с титулом. Это лицо он хорошо знал, так как видел его на протяжении всей своей жизни. Но здесь оно выглядело как-то иначе. Менее суровым. Возможно, более расслабленным. Правда, Итан не знал короля так хорошо, чтобы быть уверенным на все сто. Но все же.

Затем его взгляд метнулся к рукам Джотэма, обнимавшим его мать.

Невозможно было усомниться ни в его нежности, ни в его собственнической заботе. Невооруженным взглядом было видно, что он любит женщину, которую сжимает в своих объятиях.

Его мать...

Подняв глаза, Итан увидел, что она в нерешительности замерла в дверях, ожидая его вердикта.

— Ты любишь его, — прошептал он. — Джотэма. Ты действительно его любишь.

— Да, — призналась Джасинда.

— Тогда у вас все получится.

Джасинда подошла к нему, улыбаясь сквозь слезы, и они обнялись.

* * *

— Так вот почему тебя сопровождают королевские гвардейцы, — сказала Касмира, когда они сидели в гостиной с бокалами вина.

— Королевские гвардейцы? — нахмурился Итан, глядя на жену. — Но я никого не видел.

— Ну, в этом же и есть их специфика, верно? — подколола его Касмира, чем вызвала улыбку Джасинды.

— Да, Джотэм настоял на них, но мы пока еще на стадии обсуждения деталей.

— О, я, в принципе, рад, что он принял меры предосторожности. Как только об этом узнает общественность, поднимется невообразимая шумиха.

— Я знаю, — тяжело вздохнула Джасинда. — Именно поэтому я решила оповестить вас заранее. Не то чтобы мы планировали скрывать наши отношения. Нет. Просто не хотели делать это общественным достоянием. Честно говоря, кроме нас и наших семей это никого не касается.

— Так почему вы решили открыться? — обнимавший жену Итан откинулся назад.

— Из-за Стефани и Королевского Бала.

— Не понял... Подожди, Стеффи тренируется в Кисурри.

— Да. Увидев меня там, она... расстроилась. Подумала, что я ее проверяю. Поэтому я сказала ей правду, — взгляд Джасинды замер на бокале с вином. — Она не очень хорошо восприняла это. Если честно, я удивлена, что она до сих пор не связалась с тобой.

— Я действительно получил от нее сообщение, что она хотела бы поговорить со мной. Но когда Касмира позвонила и сказала, что ты приедешь к вечерней трапезе, решил, что вряд ли там что-то срочное, и этот разговор может подождать.

— Ну, теперь ты все знаешь.

— А что ты говорила о Королевском Бале? — спросила Касмира.

— Джотэм попросил меня пойти с ним.

— С ним? В смысле, с ним? Прибыть вместе с ним?! — глаза Касмиры с каждым вопросом становились шире.

— Да, — Джасинда понимала, что ее так шокировало. — Киа уже шьет мне платье.

— Это значит, что весь Кариниан узнает… — прошептала Касмира.

— Да, поэтому я и сказала вам все заранее. Нужно еще предупредить Дантона.

— Ему будет сложнее всех принять это. Ты должна это понимать, мама, — Итан бросил на нее сочувственный взгляд.

— Да, я просто надеюсь... — стук в дверь заставил ее замолчать.

Нахмурившись, Итан встал и пошел встретить гостя.

— Слушаю вас.

— Простите, мистер Мичелокакис, могу я поговорить с вашей матерью?

— Корт? — Джасинда подошла к сыну сзади. — Итан, это лейтенант Корт Грин. Он отвечает за мою охрану.

— А ты хорош в своем деле? — потребовал Итан, а Корт на это приподнял бровь.

— Да. Я лучший, — без промедления ответил он.

— В твоих интересах, чтобы так оно и было. Если с моей мамой что-то случится… я убью тебя.

— Итан! — Джасинда не могла поверить, что ее младший сын мог сказать подобное.

— Не думаю, что у вас будет такая возможность, мистер Мичелокакис. Король Джотэм первым снесет мне голову.

— О, это точно! — раздраженно дернула плечом Джасинда. — Ну, хватит вам, мальчики. Что ты хотел, Корт?

— Надвигается буря. Нам лучше выехать до того, как она разразится.

Именно в этот момент раздался оглушительный раскат грома.

Джасинда хотела возразить, но вспомнила, при каких обстоятельствах погибла Лата, и поняла, что Джотэм будет сходить с ума, если она попадет в эпицентр бури.

— Хорошо, Корт, — она обернулась и, увидев недоумение в глазах сына, пожала плечами. — Не хочу, чтобы Джотэм волновался. Касмира…

— Я все понимаю, — подойдя ближе, она обняла свекровь. — Мы так и не определились, как ты хочешь оформить портрет.

— Он будет висеть в гостиной, Касмира. Я хочу, чтобы рамка была такой же, как у портрета Стефана, если, конечно, пройдет по размеру. Я полностью доверяю твоему суждению. Ты знаешь мои вкусы.

— Сделаю все в лучшем виде. Береги себя, и до скорой встречи.

— Увидимся.

* * *

— Ты не будешь против сесть за руль, Корт? — спросила Джасинда, когда они шли к ее транспортному средству, и поймала его удивленный взгляд.

— Конечно, нет, мадам Мичелокакис.

Джасинда подождала, пока они тронутся, и только тогда спросила:

— Ты удивлен, что я попросила тебя сесть за руль?

Прошло долгое мгновение, прежде чем Корт ответил:

— Да, удивлен. Ты была категорична в этом, когда мы ехали сюда.

— Верно, и в обычной ситуации я бы никому не позволила сесть за руль своего транспорта. Даже в угоду приближающейся буре. Но я также знаю, что Джотэм, узнав об этом, будет волноваться. Пока ты за рулем, я смогу спокойно ответить на его звонок.

— Думаешь, король Джотэм свяжется с тобой?

— Да, потому что, уверена, ты сообщил ему, где я.

— Разумеется, я это сделал.

— Кто бы сомневался. А вот когда ему сообщат, что в этом районе штормит... а кто-нибудь обязательно это сделает... он начнет волноваться и позвонит.

В этот момент зазвонил ее личный комм.

Сунув руку в сумку, она вытащила его и, глядя на Корта, приподняла бровь.

— Привет, Джотэм.

— Джасинда, где ты?

— Еду домой в своем транспорте.

— В сторону Коморина движется ураган.

— Да, Корт сообщил мне, поэтому мы выехали чуть раньше. Корт сейчас за рулем.

— Хорошо, он отличный водитель.

— Ну, расскажи, как прошел твой день?

— В суете. Такое ощущение, что я уезжал на весь лунный цикл. Сейчас у меня перерыв между встречами. Буду работать допоздна.

— Кто бы сомневался, что так и будет.

— Ты знала? — поддразнил ее Джотэм.

— Да. Так было всякий раз, когда Стефан возвращался из поездки, — она улыбнулась в коммуникатор. — Ничего нового для меня, Джотэм. Все хорошо, не переживай. Завтра мне все равно нужно будет поговорить с Дантоном, поэтому сегодня лучше останусь дома.

— Это не то, чего бы мне хотелось.

— Я знаю, дорогой, но так будет лучше. Мы почти в часе езды от Печоры, а мне еще нужно распаковать вещи. К тому времени, когда я закончу, будет уже очень поздно. Так что мне в любом случае придется остаться дома.

— Я все прекрасно понимаю, но мне это все равно не нравится. Я уже привык просыпаться с тобой в моих объятиях.

— Знаю. Я тоже жду этого с нетерпением. Как думаешь, твое расписание позволит нам завтра провести вечернюю трапезу вместе? В разумное время?

— Я позабочусь об этом. А ты готовь сумку, — это прозвучало как приказ.

— Хорошо.

— Позвони мне из дома, когда вернешься. Хочу знать, что с тобой все в порядке.

— Обязательно, — пообещала она, зная, что это для него важно.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Глава 28

— Мама! — позвал Джасинду старший сын, когда она на следующее утро, после работы в саду, пила кофе.

— Я вернулась, Дантон, — сказала она, мягко улыбнувшись. — Доброе утро. Как раз собиралась тебе позвонить.

— Не сомневаюсь, что ты бы так и сделала! Во имя предков, что происходит? — вместо приветствия потребовал сын.

— Доброе утро, Дантон, — вошедшая в комнату Маиша подала ему чашку кофе. — Вот, возьми. Тебе это, похоже, необходимо.

— Спасибо, Маиша, — постарался вежливо ответить Дантон.

— Не за что. Джасинда, я хочу съездить к внукам.

— Хорошо, обними их за меня.

— Непременно. А ты, молодой человек, — Маиша ткнула пальцем в Дантона, — держи под контролем свои эмоции. Ты еще не настолько взрослый, чтобы я не могла тебя выпороть, если ты нашкодишь.

— Да, мэм, — смутился Дантон, и его щеки потемнели.

Джасинда, с трудом сдержав улыбку, расслабилась. Она всегда восхищалась тем, как Маиша буквально двумя словами могла вернуть ее серьезного, уверенного в себе тридцатидевятилетнего сына обратно к застенчивым пяти циклам.

Дождавшись, когда за Маишей закроется входная дверь, она заговорила:

— Итак, Дантон, с кем ты успел поговорить?

— Мадам Нитцшке вчера вечером прислала сообщение, разглагольствуя о том, почему королевские гвардейцы держат тебя под домашним арестом. А сегодня утром, едва рассвело, со мной связалась Стефани и сообщила, что ты была в Доме Знаний и ночевала в Королевском крыле с королем Джотэмом!

— Что ж, мадам Нитцшке, — Джасинда скептически покачала головой, — еще раз доказала несостоятельность своих преждевременных выводов.

«Домашний арест? Серьезно? Ведь старая летучая мышь видела, как я уезжала».

— А слова Стефани?

— Она сказала правду.

— Мама! — Дантон в растерянности опустился на диван напротив нее. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты все прекрасно понял, Дантон.

— Но... — его взгляд метнулся к висевшему над камином портрету отца. — Этого не может быть.

— Почему?

— Почему?!.. Ну... это просто невозможно! — он вскочил на ноги. — Мама, ты не можешь быть с Джотэмом! Он король Дома Защиты!

— Я в курсе, Дантон. С Джотэмом я знакома большую часть своей жизни. А еще он просто мужчина.

— Он использует тебя! Как всех своих женщин!

— Каких женщин, Дантон? Назови хотя бы одну.

— Рони! — выплюнул сын.

— Дантон, ты серьезно? Это было более тридцати циклов назад. Еще кто?

— Я... э-э-э...

— Тут нечего вспоминать, так как больше не было никаких женщин.

— Это не имеет значения, мама. И ничего не меняет. А вот когда все узнают... что тогда будет?

— Не знаю, Дантон. Я просто люблю его. Так же сильно, как любила твоего отца. Понимаю, нам всем будет непросто. В особенности тебе и Стефани. Именно поэтому я и хотела поговорить с тобой сегодня утром. Чтобы ты подготовился.

— Подготовился?! Как мне подготовиться к тому, что я стану посмешищем в Ассамблее? Никто и никогда не станет воспринимать меня всерьез! Все решат, что меня избрали лишь потому, что моя мать… с королем!

— Ты же знаешь, что это не так.

— Это не имеет значения!

— Еще как имеет! Только истинное положение вещей имеет значение! А вот мнение людей, Дантон, мы изменить не в силах. И ты это прекрасно знаешь.

— Мама, ты должна покончить с этим, прежде чем все выйдет наружу. Иначе мне придется отказаться от своей мечты стать членом Ассамблеи.

— Отказаться от своей мечты… — Джасинда аккуратно отставила чашку и встала.

— Да. Ты знаешь, что я с детства мечтал служить в Ассамблее!

Она медленно подошла к дивану и, взглянув на портрет Стефана, вцепилась в подлокотник так, что побелели костяшки пальцев. Ее сердце и разум пребывали в хаосе.

Всю свою жизнь Джасинда поступала в интересах тех, кого любила.

Даже если это было вовсе не то, чего ей хотелось.

Ради Стефана она покинула свой Дом и на протяжении всего их союза гордо стояла рядом, терпя постоянные попреки, замечания и оскорбления. Потому что любила. Она даже позволила Стефану трудиться в Совете дольше, чем он обещал... так как знала, что это мечта всей его жизни. Его первая любовь...

Джасинда всем сердцем хотела, чтобы ее супруг был счастлив.

А теперь Дантон требует, чтобы она отказалась от Джотэма ради его служения в этом проклятом Совете. Из-за страха перед чужим мнением.

«Смогу ли я? Должна ли?..»

— Нет, — тихий протест, слетевший с губ, зазвучал сильнее: — Нет!!

— Что «нет»?

— Я и так многим пожертвовала ради этого треклятого Совета. С меня хватит! — она резко повернулась к сыну. — Я не откажусь от Джотэма. Ни ради тебя, ни ради Стефани. Мне жаль, если моя любовь к Джотэму затруднит осуществление твоей мечты. Но, по правде сказать, я никогда не видела, чтобы ты отступал от вызова лишь потому, что задача оказалась сложной.

Джасинда перевела дыхание.

— В твой первый рабочий день, когда мы были в твоем офисе, я предупредила тебя, что быть членом Ассамблеи непросто. Что многие, попав на это место, очень быстро забывают о его сути и начинают верить, что их собственные желания и потребности важнее нужд других людей. Я говорила тебе, что впереди будет немало испытаний. И что жизнь не всегда черно-белая. Но, похоже, ты меня совсем не слушал.

Джасинда увидела, как побледнел от этих слов ее сын.

— Я попрошу тебя уйти, Дантон. Сейчас.

— Мама... — поднявшись, он замер, не зная, что делать.

Его мама никогда прежде с ним так не говорила.

С таким разочарованием… с такой болью в голосе и в глазах.

— Уходи, Дантон, пока мы не наговорили друг другу лишнего.

Сильный, уверенный в себе мужчина, пришедший в дом матери, кипя от «праведного» гнева, уходил в полном смятении. В его голове крутился лишь один вопрос: когда он превратился в того, кем клялся никогда не становиться?

* * *

Ноги Джасинды дрожали, когда она села на диван.

Разумеется, она знала, что эта новость шокирует ее детей, и им понадобится время, чтобы свыкнуться с этим. Но ей даже в голову не приходило, что они могут потребовать порвать с Джотэмом.

«Когда я перестала понимать собственных детей?»

Поднявшись, она оглядела комнату и почувствовала, как стены сжимаются вокруг нее. Нужно было срочно выбраться из дома, чтобы прийти в себя. Зайдя в спальню, Джасинда побросала все необходимое в сумку, написала Маише записку и направилась к входной двери.

* * *

— Ваше Величество, — тихо обратился склонившийся к нему Чесни, и Джотэм повернул голову, чтобы выслушать его, в то время как присутствующие на собрании советники продолжали обсуждение. — Мадам Мичелокакис только что приехала во дворец. Грин сообщил, что она… необычайно рассеяна.

Джотэм нахмурился, гадая, в чем дело.

— Спасибо, Чесни. Господа, давайте сделаем небольшой перерыв. Чесни обеспечит вас всем необходимым, — с этими словами Джотэм покинул зал, дабы выяснить, что же случилось.

Как только он вошел в Королевское крыло, к нему подошел Грин.

— Мадам Мичелокакис в саду, Ваше Величество.

— Ты в курсе, что случилось?

— Нет, сир. Утром к ней домой приезжал советник Мичелокакис. Но как только он ушел, она сообщила, что хочет приехать сюда.

— Хорошо. Спасибо, Грин, — собравшийся уже уйти Джотэм снова повернулся к лейтенанту. — И спасибо, что доставил вчера Джасинду домой в целости и сохранности. Она рассказала, каким сильным был ливень.

— Это честь для меня, Ваше Величество. Она на самом деле необыкновенная.

— Да, — кивнул Джотэм и отправился на поиски этой особенной женщины.

* * *

Джасинду он нашел в центре сада. Она стояла, обхватив себя руками, и смотрела на розовый куст Латы. Подойдя к ней сзади, Джотэм обнял ее и притянул к себе.

Спустя мгновение она, расслабившись, прижалась к нему с глубоким вздохом.

— Что случилось? — спросил он и, склонившись, уткнулся носом в ее ушко.

— Прости, что прервала твое совещание.

— Не вини себя, все нормально, — он поцеловал нежную кожу за ее ухом.

— Но ты планировал сегодня встречи одну за другой, чтобы высвободить нам вечер.

— Это неважно. Ты единственное, что имеет значение. Теперь ответь на мой вопрос.

— Я просто не думала, что мои дети воспримут наши с тобой отношения в штыки. Нет, я, конечно же, знала, что они будут поражены, даже шокированы, но...

— Но..? Что сказал Дантон?! — потребовал Джотэм.

— Откуда ты знаешь, что это был Дантон? — Джасинда, повернувшись, обняла его за талию и, запрокинув голову, заглянула в глаза.

— Ты сама сказала, что тебе нужно с ним поговорить.

— Грин сообщил тебе, что он приезжал ко мне утром, — это был вовсе не вопрос.

— Да, — честно ответил Джотэм. — По всей видимости, Дантон плохо отреагировал на известие, что его мать сблизилась с посторонним мужчиной.

— Знаешь, мне кажется, такое ему даже в голову не приходило. Но больше всего его шокировало то, что этим мужчиной стал ты. Дантон беспокоится, что это может изменить к нему отношение советников… и это отразится на его карьере, — слезы боли, которые Джасинда до этого сдерживала, заполнили глаза. — Я попросила Дантона уйти. Но не смогла там больше оставаться. Поэтому приехала сюда, к тебе.

Джотэм, несмотря на то, что в груди полыхал гнев на Дантона, с трепетной нежностью вытирал слезы, стекавшие по щекам его возлюбленной. Если бы это ему рассказал кто-то другой, он бы ни за что не поверил, что сын Стефана способен так обидеть свою мать. Возможно, он ошибся, считая молодого советника очень порядочным человеком.

— Я рад, что ты приехала. Ты же знаешь, я всегда тебе рад.

— Знаю, — слабо улыбнулась Джасинда. — Потому и пришла. Но я не хотела нарушать твое расписание. Думала прогуляться по твоему саду и немного прийти в себя.

— Я, правда, очень рад. Ты захватила сумку? — погладив ее по спине, Джотэм обнял ее и прижал к себе, а Джасинда в ответ так сексуально улыбнулась, что его сердце забилось в два раза чаще.

— Разумеется, — пропела она и, дразня, потянулась к его губам. — Советую тебе вернуться к работе, чтобы мы могли провести этот вечер вместе.

— Так и сделаю. Останешься в саду?

— Если ты не возражаешь.

— Какие тут могут быть возражения? — кроме тех, что ему нестерпимо хотелось быть неотлучно рядом. — Если тебе что-нибудь понадобится, свяжись с Чесни. Но имей в виду, дворец в твоем полном распоряжении. Никаких ограничений. Поняла?

— Я... Да. Спасибо. Не волнуйся за меня.

* * *

Во дворец Аделаида Паяри вошла с самодовольной улыбкой на лице.

Ей потребовались циклы, чтобы осуществить желаемое. Циклы страданий и жертв, чтобы вернуть свой род туда, где ему должно быть. На престоле Дома Защиты! На сегодняшний день ни одна женщина здесь не была столь же влиятельна, как Аделаида.

Ну, кроме Эвадны Тервиллиджер. Но и ее время подходит к концу.

Аделаиде пришлось нелегко. Уж себе-то она в этом могла признаться.

Джасинда Мичелокакис в Совете была серьезным препятствием. Но, к счастью, после смерти мужа влияние этой плебейки из чужого Дома закончилось, полностью перейдя в ее руки. О, если бы Аделаида знала, что смерть Стефана Мичелокакиса избавит ее от Джасинды, она нашла бы способ покончить с ним намного раньше. Как жаль, что ее муж, Эллиот, оказался слабаком, не способным это понять и вовремя ей подсказать.

И все же, если бы Стефан не встретил предков до Вызова Кассандры, она расправилась бы с ним, как Одрик с Вейном, любовью всей жизни королевы Якиры.

Что ж, зато ее не будет мучить совесть. К тому же Аделаида была в шаге от того, чтобы стать самой могущественной женщиной Дома Защиты. Как только Шоша завоюет внимание Барека и «случайно» зачнет, она, Аделаида Паяри, будет править этим Домом.

В соответствии со своей родословной!

Прямо сейчас ее муж вместе с некоторыми членами Ассамблеи присутствовал на экстренном совещании с королем Джотэмом, который пригласил его лично, так как понимал, насколько Эллиот значим. Ну, разумеется, не без ее участия.

«А вот это королю знать не обязательно. Как же мужчин легко дурачить... — Аделаида повернулась, и ее улыбка вмиг растаяла, когда она увидела появившуюся из Общественного сада Джасинду. — *И что тут делает эта выскочка?!»*

Поспешно направившись к ней, Аделаида преградила ей путь.

— Джасинда Мичелокакис, тебе здесь не место! — возмущенно воскликнула она. — Ты из другого Дома! Немедленно покинь дворец!

Джасинда не видела Аделаиду, пока та не загородила ей дорогу. Злобный выпад этой старой карги ничуть ее не задел, чего не скажешь о Корте, который незаметно следовал за ней. Отведя руку за спину, она показала жест «стоп», надеясь, что лейтенант поймет ее.

— О, Аделаида. Здравствуй. Что ты здесь делаешь? — спросила Джасинда предельно любезным тоном.

— Я?! Здесь мое место! Чего не скажешь о тебе!

— И почему же, Аделаида?

— Ты родом из Дома Исцеления! Там и должна быть!!

— Да неужели? — скептически приподняла Джасинда бровь. — Король Джотэм ясно дал понять, что считает объединение Домов благом.

— Да, но это убеждение ошибочно.

— Хочешь бросить вызов королю?

— Нет, конечно же! Просто констатирую известный факт, — Аделаида выделила интонацией последнее слово.

— Известный кому?

— Любому, кто имеет должное воспитание, — рявкнула Аделаида. — А вот у тебя его никогда не было.

— Правда? Ты действительно веришь, что мизерная капля королевской крови, влитая в твой род много поколений назад, дает тебе право распоряжаться мной? У тебя даже нет родимого пятна.

— В любом случае это больше, чем у тебя, — ехидно усмехнулась Аделаида. — Уходи, пока я не вызвала охрану.

Молчавший во время этой перепалки Корт все же решил вмешаться.

— Леди, у вас все в порядке?

Аделаида бросила на него холодный пренебрежительный взгляд, но тут заметила его униформу.

— Отнюдь, лейтенант. Этой... женщине... не место во дворце. Она может представлять реальную угрозу. Как жена члена Ассамблеи и верная сторонница короля Джотэма я требую, чтобы вы выпроводили ее.

— На этот раз, Аделаида, ты перешла все границы, — возмутилась Джасинда.

— Я еще даже не начинала.

— Лейтенант, — Джасинда повернулась к Корту. — Думаю, мне лучше уйти.

— Да, мадам, так будет лучше, — согласно кивнул он.

— Верно, лейтенант! Выведите ее отсюда. Это приказ! — улыбка Аделаиды превратилась в хищный оскал, пока она провожала взглядом удаляющуюся фигуру той, которую ненавидела всей душой.

Она так упивалась своим воображаемым триумфом, что даже не заметила, как Корт повел Джасинду не к выходу из дворца, а, наоборот, в его охраняемую часть.

* * *

— Надо было позволить мне поставить ее на место, — сказал Корт, сопровождая Джасинду в Королевское крыло.

— Она жена члена Ассамблеи, Корт. Ты хоть представляешь, чем для тебя это могло закончиться? И как к скандалу отнеслись бы члены этого Дома?

— Но вы же королевская...

— Фаворитка, — закончила за него Джасинда. — К сожалению, меня в этом Доме никогда не признавали полноправной гражданкой. Ни тогда, ни сейчас. Аделаида Паяри не сказала ничего такого, о чем не думают остальные. А теперь, если позволишь, мне бы хотелось побыть одной.

* * *

— Джентльмены, думаю, я понял суть вопроса. Предлагаю на этом закончить, — оглядев присутствующих, Джотэм заметил мелькавшее на лицах недоумение, пока советники собирали свои бумаги и покидали его кабинет.

— Ваше Величество, — Чесни протянул ему листок. — Расписание на завтра.

Его помощник замер в ожидании каких-либо поправок.

Джотэм, пробежавшись по списку, кивнул.

— Все в порядке, Чесни. Спасибо.

— Ваш ужин будет готов примерно через час. Хотите, я организую его в саду? Сегодня подходящая температура.

Джотэм на мгновение задумался.

Джасинда любила сад, но ему хотелось большего уединения.

— На веранде.

— Я сообщу об этом Морвену, сир.

— Спасибо, Чесни. Увидимся завтра. Доброй ночи, — поднявшись, Джотэм отправился на поиски Джасинды.

— И вам доброй ночи, Ваше Величество, — мягко улыбнулся в ответ помощник.

Ему очень нравились пришедшие с Джасиндой перемены.

* * *

— Вот ты где, — голос Джотэма заставил Джасинду оторваться от книги, которую она читала, сидя в его гостиной на диване, притулившись и поджав под себя ноги.

Даже в этой позе она выглядела невероятно красивой и грациозной.

— Я здесь, — улыбнулась она, закрывая книгу. — Ты уже закончил?

— Да, — сев рядом с ней, Джотэм, как только Джасинда развернулась к нему, устроил ее босые ноги у себя на коленях.

— И как сильно ты их удивил?

— Их?..

— Тех, с кем ты встречался. Я имею в виду, сейчас лишь начало седьмого. Бьюсь об заклад, советники были уверены, что встреча закончится поздно. О-очень поздно.

— Да, похоже, я их шокировал. Но им придется перестроиться. Теперь у меня есть личная жизнь. Благодаря тебе, — наклонившись, Джотэм нежно поцеловал ее в губы.

Эти слова, пока они целовались, целительным бальзамом пролились на ее израненное сердце, и Джасинда каждой клеточкой души осознала, что ее место рядом с Джотэмом. А еще то, что она никому не позволит разлучить ее с ним.

Ни своим детям. Ни Аделаиде Паяри. Ни кому-то еще.

«Разве не это я говорила Дантону сегодня утром? Возможно, пришло время подтвердить свои слова действиями».

— Я люблю тебя, Джотэм.

— Я тоже люблю тебя, — протянув руку, он заправил ее выбившуюся прядку ей за ушко. — Чем занималась все это время?

— Ничем особенным. Бродила по дворцу, заново знакомясь с ним. И знаешь, была удивлена, что за последние десять циклов он совсем не изменился.

— Разве это плохо? — слегка нахмурился Джотэм.

— Ну, если честно, я ожидала увидеть хоть какие-то перемены. Особенно в Общественном крыле.

— Почему именно там?

— Ну, Общественное крыло по своей сути является отражением всего Дома Защиты. И его посещает большая часть населения. Поэтому оно должно не только представлять наше прошлое, но и отражать настоящее совместно с будущими перспективами.

— По-твоему, там этого нет?

— О, история Дома Защиты представлена наилучшим образом. А вот где работы современных художников? Почему не выставлены экспонаты наших последних достижений? Таких как «Хранитель»? Молодые люди приходят сюда, чтобы, приобщившись к истории своего народа, внести посильный вклад в его будущее. А вот старшее поколение... ради воспоминаний.

— Не понял, — нахмурился Джотэм. — Что значит «ради воспоминаний»?

— Ты никогда не замечал тех, кто, придя туда, просто сидит перед каким-либо экспонатом? Например, возле экспозиции «Битва при Файале»?

— Я... Нет. Думаю, что нет.

— Каждый цикл на годовщину этой битвы в Зал Памяти приходит мадам Линдгрен и тихонечко сидит там весь день. В этой битве она потеряла отца, брата и мужа.

— Откуда ты знаешь?

— Однажды я увидела ее там и подсела к ней. Она рассказала мне, как сильно ее отец любил ее маму. Что ее брат с мужем были лучшими друзьями. И вместе вступили в Коалицию. Что все трое мужчин служили на одном корабле, и их тела не были возвращены на Кариниан. Мадам Линдгрен сказала, что пребывание возле экспозиции в этот день приносит ей некоторое утешение, так как там она ощущает их близость.

— Понятно. Ты предлагаешь это заменить?

— Предки, нет! — изумленно воскликнула Джасинда. — Только обновить. Сделать экспозицию более интерактивной благодаря свидетельствам очевидцев. Рассказать о роли этой битвы в нынешнем благоденствии жителей Кариниана и о тех людях, кто потерял там, как и мадам Линдгрен, своих родных. Нужно сделать экспонат более реалистичным для тех, кто видит в нем только далекое прошлое.

— Потрясающая идея!

— Мы обсуждали это с Эвадной, когда председательствовали в комитете, ответственном за Зал Памяти. Странно, что она до сих пор этого не сделала. Я думала, она продолжает возглавлять этот комитет.

— Я не знаю точно, кто там сейчас председательствует. Но убежден, что именно ты со столь прогрессивными идеями должна занять это место.

— Нет, я не могу! — решительно возразила Джасинда.

— Конечно, можешь. У тебя есть потрясающие идеи, и ты занималась этим раньше.

— Нет, Джотэм. Дело не в том, что я боюсь не справиться. Просто на эту должность всегда назначали только жен членов Ассамблеи. По крайней мере, после смерти Латы.

— Хочешь сказать, Лата занималась этим?

— Да, — нахмурила брови Джасинда. — Это входило в обязанности королевы. Разумеется, она собирала комитет из жен советников, которые выполняли всю работу. Но мы считали это наивысшей честью.

— И Лата выбрала тебя.

— Вместе с другими женами.

— Понятно. Я выясню, кто сейчас председательствует, и узнаю его планы, — Джотэм наклонился и нежно поцеловал ее. — Как тебе идея поужинать на веранде?

— Звучит весьма заманчиво.

* * *

Джасинда, поставив пустой бокал на стол, откинулась на спинку стула.

— Все было потрясающе вкусно.

— Я передам Саффорду, что тебе понравилось, — Джотэм наполнил ее бокал. — У тебя есть какие-либо пожелания для первой трапезы?

Жалобно застонав, Джасинда погладила свой живот.

— Сейчас я даже думать об этом не могу. Мне подойдет то, что ты обычно ешь. Главное, чтоб там был кофе.

— Кофе Питталуге.

— Ты запомнил? — ее брови удивленно изогнулись.

— Конечно. Это ведь важно для тебя. Хотя, если честно, я находился в таком же неведении, что и Уилл. Я не знал, что мистер Питталуге продает свою особую смесь. По всей видимости, ты, Джасинда Мичелокакис, очень дорога ему, — откинувшийся на спинку стула Джотэм заметил, как покраснели ее щеки. — О-о-о, а теперь ты должна поведать мне, что означает этот румянец.

— Ничего такого, — небрежно отмахнулась Джасинда, поднимаясь из-за стола. — Может, прогуляемся после такой чудесной трапезы?

— Не возражаю, — они пошли по тропинке, и Джотэм, обняв за талию, притянул ее к себе. — И все же я настаиваю.

— Там нет ничего интересного, правда.

— Расскажи мне, прошу.

Джасинда задумалась, решая, что ему сказать.

— Кофейня Питталуге не всегда находилась там, где сейчас.

Джотэм нахмурился, вспоминая.

— Разве нет?

— Нет, сорок циклов назад она была на самой окраине района Истины.

Эта информация сказала Джотэму о многом.

Сорок циклов назад район Истины не относился к благополучным районам. Да и сейчас, честно говоря, не был таковым. Джотэм с сожалением осознал, что не уделял этому вопросу должного внимания.

«Как только Барек возьмет часть моих обязанностей, сразу же займусь этим».

— Я обнаружила кофейню Питталуге вскоре после вступления в союз со Стефаном. Я исследовала Печору, чтобы поскорее здесь освоиться, и, уловив запах его чудесного кофе, не смогла пройти мимо.

— Ты гуляла по району Истины? Одна?! — рука Джотэма, лежавшая на ее талии, напряглась, словно он собирался ее защищать.

— Но я ничего о нем не знала. А вот у мистера Питталуге оказался лучший кофе, который я когда-либо пила. Потом он предупредил меня, что их район небезопасен, поэтому мне не следует ездить туда. И даже проводил до моего транспорта, дабы убедиться, что мне не причинят вреда. Вернувшись домой, я рассказала об этом Стефану. Думала, он сочтет это забавным. Но он пришел в ярость.

— Все правильно, — Джотэм полностью разделял чувства ее супруга, а при мысли, *что* там с ней могли сделать, позвоночник окатило ледяной судорогой. — Черт возьми, Джасинда, о чем ты только думала?

Она изумленно уставилась на него, ведь Джотэм никогда при ней не ругался.

Видимо, ее рассказ его неимоверно взволновал.

— Но я ни разу не слышала ничего плохого. И ранее не посещала Печору. А так как была из Дома Исцеления, то меня не стали просвещать об опасностях этого района.

— Но ведь ты была женой советника! — возразил Джотэм.

— К которой королева Джоанна относилась с неприкрытой неприязнью. А в ее окружении не было глупцов, готовых лишиться ее расположения.

— Предки, Джасинда, мне так жаль.

— Тебе не за что извиняться, Джотэм. Прошло уже сорок циклов. Да и ты к этому не имел никакого отношения, — не давая ему вставить ни слова, она добавила: — В любом случае, все обернулось к лучшему.

— Как ты можешь так говорить?

— Потому что я познакомилась с мистером Питталуге и влюбилась в его кофе, — она мечтательно улыбнулась, вспоминая. — И он, чтобы я не ездила туда, сам доставлял свою уникальную смесь. Вот только спустя несколько циклов его кафе сгорело.

— В районе Истины такое случается постоянно.

— Да, Стефан объяснил, что это происходит, когда предприниматель отказывается платить за покровительство.

— Так и есть.

— Так вот, когда Стефан узнал о пожаре, он предложил мистеру Питталуге купить у него участок земли в центре Печоры с пустующим многие циклы домом.

— «У Питталуге».

— Да, до сего дня. Поэтому мистер Питталуге продает мне свою особую смесь.

— Я бы назвал эту причину весомой.

— Пф-ф-ф, — Джасинда небрежно махнула рукой. — Дом просто пустовал, не принося никакой пользы. Мистеру Питталуге пришлось немало попотеть, чтобы это место стало таким чудесным, каким является сейчас. Мы б его все равно не использовали.

— Не думаю, что мистер Питталуге разделяет твое мнение.

— Но мы лишь отплатили ему за его доброту.

— Ты сделала намного больше. Ты дала ему шанс добиться успеха.

* * *

Джотэм не мог с уверенностью сказать, был ли у него такой приятный вечер, когда он мог, забыв о делах, полностью расслабиться. Нагулявшись в саду, они вернулись на веранду, и, устроившись в шезлонге, потягивали вино, наблюдая за третьим закатом.

Их уединение ни разу не было прервано. Хотя это казалось невозможным.

— Как же здесь красиво, Джотэм.

— Знаешь, я уже и забыл, когда последний раз любовался третьим закатом.

Джасинда ничего не ответила, лишь еще крепче прижалась к его боку. Она прекрасно знала причину. Он не видел закатов, так как все вечера проводил на совещаниях. Стефан в свое время тоже многое упустил. Но не так много, как Джотэм.

Неожиданно для себя Джасинда шумно зевнула.

— Ой, прости, — сказала она и поспешно прикрыла рот ладонью.

— Думаю, тебе пора в кроватку. В мою постель. На всю ночь, — собственнические нотки в его голосе и предвкушение удовольствия были очевидными.

— А тебе, похоже, импонирует сама мысль, верно? — лукаво улыбнулась она.

— В самую точку, — поднявшись, Джотэм подхватил ее на руки и шагнул в открытые двери. — Прошлой ночью я почти не спал. Все время тянулся к тебе, пытаясь обнять, а тебя там не было.

— Ну, теперь-то я вся твоя, — она прильнула к его груди, обняв за шею.

— Да. И я собираюсь сполна воспользоваться этим, — его многообещающая улыбка сказала ей, что этой ночью у нее поспать тоже не получится.

— Мне повезло, — проворковала она, целуя его в шею.

Глава 29

Джасинда, вытянув над головой руки, потянулась, разминая затекшие мышцы.

На ее лице расплылась блаженная улыбка.

Эта ночь в постели Джотэма была удивительной.

Ночь любви, наполненная нежным шепотом, смехом и ласковыми прикосновениями.

Желая начать новый день с позитива, она повернулась, чтоб прижаться к нему, но, как оказалось, его в постели уже не было. Нахмурившись, она села и глянула в окно, пытаясь определить время.

Первое солнце уже взошло, а вот второе лишь слегка поднялось над горизонтом.

«Да, Джотэм, конечно, встал рано, но не так рано, как обычно. Мы определенно делаем успехи».

Выбравшись из самой удобной постели, в которой она когда-либо спала, Джасинда накинула халат и отправилась на поиски своего мужчины.

«Мой мужчина... Я снова не одинока», — эти мысли вызвали у нее счастливую улыбку.

— Джотэм, я чувствую запах кофе Питталуге, — игриво пропела она, входя в гостиную, и… застыла на месте.

«О предки! Что я натворила!»

* * *

Джотэм поднялся с первыми лучами солнца, дабы убедиться, что до Саффорда дошло его распоряжение о кофе Питталуге. А сам Питталуге в курсе, что это для Джасинды. Все было сделано как надо, и теперь дымящийся кофейник и накрытый шикарным завтраком стол ожидали ее пробуждения.

Услышав стук в дверь своих личных апартаментов, Джотэм нахмурился, так как приказал его не беспокоить. Подойдя к двери, он рывком распахнул ее.

— Барек?! Как ты здесь оказался?

Взгляд Джотэма метнулся к закрытой двери спальни.

— После твоего звонка Лукас высадил меня на космической станции Беринг. Не было смысла лететь с ним до границы, чтоб тут же вернуться назад. Верховный адмирал прислал за мной «Стрелу». Я только что прилетел и сразу же примчался к тебе. Оу, ты уже трапезничаешь! А я умираю с голоду, — Барек кинулся наливать себе кофе, но тут заметил, что стол накрыт на двоих, и недоуменно нахмурился. — Я думал, ты не в курсе, что я уже прилетел.

— Барек...

— Джотэм, я чувствую запах кофе Питталуге.

Обернувшись, Барек уставился на выпорхнувшую из спальни Джасинду Мичелокакис в шелковом халате. Было очевидно, что она только что покинула постель.

Увидев его, она замерла.

— Барек... — потрясенно прошептала она, переводя взгляд на Джотэма, и ее щеки стали пунцовыми.

Джотэм мгновенно оказался рядом.

Он нежно обнял ее, давая понять, что ее появление не создало ему проблем.

— Все в порядке, не волнуйся.

— Так вот зачем ты вызвал меня домой? Поэтому отозвал из Коалиции? Сказать, что ты теперь с Джасиндой? — Барек был в растерянности.

— Нет! — живо возразил Джотэм и тут же поправился: — Не совсем так.

— Тогда зачем?

— Я, наверное, пойду, а вы пока поговорите, — Джасинда попыталась вывернуться из его объятий, но Джотэм еще крепче прижал ее к себе.

— Нет. Я почти всю жизнь беседую один. Не хочу так больше. Идем за стол. Выпьем кофе. Тебе привет от Питталуге.

Барек молча наблюдал, как отец, отодвинув для Джасинды стул, помог ей сесть и сам налил ей кофе. И только потом повернулся к нему.

— Я приказал тебе вернуться, потому что намерен передать тебе часть королевских обязанностей.

— Что?! — Барек медленно опустился на свободный стул. — Ты же сказал, что не болен.

— Я не болен, — поспешил заверить его Джотэм. — Просто хочу проводить больше времени с Джасиндой. К тому же не хочу, чтоб ты столкнулся с теми же проблемами, что и я, когда неожиданно потерял родителей.

— Ты хочешь, чтоб я взял на себя дела Ассамблеи, то есть фактически занялся управлением Дома? — в голосе Барека звучало недоверие… и надежда?

Джотэм коротко кивнул.

— Да.

— Наконец-то, — тихо выдохнул Барек с каким-то непонятным выражением на лице, и, наклонившись, пристально посмотрел ему в глаза.

Джотэм непонимающе нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, говоря «наконец-то»?

— Я не был уверен, что ты когда-нибудь мне это позволишь. Думал, не сочтешь меня достойным.

— Что?! — оторопел Джотэм. — С чего ты это взял?! Я всегда гордился тобой, Барек.

— Тогда почему поручал мне только самые простые роли на церемониях? Почему позволил служить в Коалиции дольше, чем полагается наследнику?

— Я думал, тебе нравится эта служба. А еще...

— Что «еще»?

— А еще мне нужно было чем-то заполнять пустые дни и ночи. Делать то, что хоть немного придавало моей жизни смысл после утраты твоей матери.

— Так ты не считал меня неспособным?

— Предки, нет! С твоими знаниями, Барек, и опытом службы в Коалиции ты станешь самым выдающимся королем, который когда-либо был у этого Дома.

— Ты, правда, так считаешь?

— Разумеется!

— И ты готов позволить мне набраться опыта в моем предназначении?

У Джотэма сжалось сердце.

«Неужели сын думает, что я не желаю уступать ему трон?»

— Именно.

— Слава предкам, — Барек перевел взгляд на Джасинду. — Спасибо тебе, Джасинда.

* * *

Джасинда молча завтракала, прислушиваясь к разговору Джотэма с сыном.

Для Барека были тут же доставлены все необходимые столовые приборы.

Поначалу Джасинда чувствовала себя крайне неловко. Во-первых, она никогда не садилась за стол в халате. А во-вторых, Барек стал свидетелем того, что она провела ночь с его отцом. Правда он — в отличие от ее детей — не выглядел разочарованным. Когда же разговор перешел к тем обязанностям, что ему предстояло взять на себя, Джасинду удивил его нескрываемый энтузиазм.

Она никогда не видела его таким взволнованным.

Глянув на Джотэма, она поняла, что он тоже это заметил.

Именно так и выглядело бы общение Стефана, если б тот был жив, с Дантоном. Ее супруг в первую очередь раскрыл бы сыну все нюансы и сложности деятельности Ассамблеи. И они, стремясь разложить все по полочкам, обсуждали бы это с таким же воодушевлением и рвением, как сейчас Джотэм с Бареком.

— Джасинда? — вопрос Джотэма вырвал ее из задумчивости.

Переведя взгляд с него на Барека и обратно, она поняла, что Джотэм, похоже, какое-то время пытается привлечь ее внимание.

— Прости. Что ты сказал?

— Я рассказал Бареку о том, что Стефан вел расследование по корпорации «Сокол». И попросил его продолжить это.

— Ох, точно. Я поинтересовалась у Итана, что он знает о «Соколе», — Джасинда, вытерев не спеша губы салфеткой, отложила ее в сторону. — Его первые слова «у Киану Сокола в рукаве есть козырь в лице советника Паяри, гарантирующий ему самые выгодные госконтракты».

— Но это неправильно, — возмутился Барек.

— Правильно это или нет, но такова реальность. Элиот Паяри возглавляет комитет по контрактам, так что последнее слово всегда за ним. Итан также рассказал мне про многочисленные слухи о произошедших по вине «Сокола» несчастных случаях, — она перевела взгляд на Джотэма. — Дома я заглянула в рабочий сейф Стефана и нашла там файлы с доказательствами. Я привезла их с собой. Сейчас принесу.

Пока Джасинда выходила из гостиной, Джотэм наслаждался видом ее призывно покачивающихся бедер, понимая, что если б не Барек, то он бы кинулся вслед за ней.

— Папа, ты должен научиться прятать свои чувства, — посоветовал сын, качнув сочувствующе головой.

— Думаешь? — Джотэм не сводил глаз с Джасинды, пока та не зашла в спальню, и тут же повернулся к сыну. — И зачем мне это?

— Как зачем? Ведь тогда все узнают о ваших отношениях.

— Я не намерен их скрывать. Поэтому планирую появиться на Королевском балу под руку с Джасиндой.

— Серьезно? — взгляд Барека стал цепким. — Ты же знаешь, это вызовет волнения и суматоху. Особенно среди пуристов. Одно дело, просто иметь связь с женщиной из другого Дома. Но вот публично признать ее...

— Как бы то ни было, я не собираюсь считаться ни с чьим мнением.

— Однако они могут сделать жизнь Джасинды и ее детей невыносимой.

— Тогда им придется иметь дело со мной, — взгляд Джотэма стал жестким.

— Да, если Джасинда тебе об этом расскажет, — заметив его недоумение, Барек пояснил: — Судя по тому, что я видел, она очень независимая женщина. И никогда не побежит к тебе жаловаться, если ей кто-то нахамит. Скорее, сама с этим разберется.

Джотэм не успел ответить, так как в гостиную вошла Джасинда с папкой в руке.

— Вот эти документы.

* * *

Джасинда без труда нашла прихваченную из дома папку и тут задумалась: может, все же стоит переодеться? Но решила не заморачиваться. Приблизившись к открытой двери, она услышала слова Барека и замерла на месте.

— Ты же знаешь, это вызовет волнения и суматоху. Особенно среди пуристов. Одно дело, просто иметь связь с женщиной из другого Дома. Но вот публично признать ее...

— Как бы то ни было, я не собираюсь считаться ни с чьим мнением.

— Однако они могут сделать жизнь Джасинды и ее детей невыносимой.

— Тогда им придется иметь дело со мной.

— Да, если Джасинда тебе об этом расскажет. Судя по тому, что я видел, она очень независимая женщина. И никогда не побежит к тебе жаловаться, если ей кто-то нахамит. Скорее, сама с этим разберется.

— Вот эти документы, — сказала, войдя в гостиную, Джасинда, делая вид, что ничего не слышала. — В этой папке множество файлов, я не стала их просматривать, — она положила папку перед Бареком.

— Я изучу их и тогда решу, что мне делать дальше. Говоришь, Итан в курсе?

— Да. Он теперь управляет корпорацией своего тестя «Чжао».

— Они ведь тоже производят горнодобывающее оборудование, верно?

— Помимо всего прочего.

— А он согласится обсудить это со мной? Ответит на вопросы?

— Несомненно. Его очень расстроила гибель людей на Нуге.

— А Дантон? Как думаешь, Стефан мог говорить с ним об этом?

— Я... даже не знаю. Они многое обсуждали. Но Стефан умер, когда Дантону не было и тридцати. Поэтому не уверена, стал бы он обсуждать с ним ход расследования.

— Ладно, я сам поговорю с ним, — Барек поднялся и взял папку. — Джасинда, я по-настоящему рад, что ты вошла в нашу жизнь, — он наклонился и чмокнул ее в щеку. — Дай знать, если этот старикан будет усложнять тебе жизнь. Я разберусь с ним.

— Старикан?! — притворно возмутился Джотэм, заставив ее рассмеяться.

* * *

Джотэм наблюдал за Джасиндой, прислонившись к дверному косяку ванной комнаты, и размышлял о том, что никогда не имел желания присутствовать при женских утренних процедурах. Как правило, в это время он был поглощен собственными делами.

Когда ему позвонил Чесни, Джасинда незаметно выскользнула из гостиной. А к тому времени, как они закончили, она уже приняла душ и, обернув тело полотенцем, втирала лосьон в свою влажную золотистую кожу. Ее великолепные длинные волосы были собраны в пучок на макушке, позволяя любоваться изящным изгибом ее шеи.

Поставив ногу на бортик большой ванны — он не любил ею пользоваться, — Джасинда не спеша водила ладонями от стопы к бедру. Затем проделала все это с другой ногой. Джотэм, казалось, никогда не видел ничего более эротичного, чем вид скользивших по золотистой шелковой коже женских пальчиков. А когда они проникли в ложбинку между грудей, он тихонько застонал, разрываясь между желанием обхватить их ладонями и наблюдением за интимными действиями своей женщины.

«Интересно, куда эти ладошки двинутся дальше?»

Он узнал об этом, когда пальчики Джасинды, скользнувшие к плечам, пробежались по рукам, дабы в следующее мгновение переключиться на спину.

— Позволь, я помогу тебе.

Услышав его голос, она вздрогнула и резко повернула голову. Ее глаза были расширены. Видимо, его присутствие стало для нее полной неожиданностью.

— Я думала, ты все еще разговариваешь по связи.

— Все. Теперь я полностью твой.

Взяв с полочки флакон, Джотэм щедро вылил в ладонь его содержимое.

Аромат роз, что всегда ассоциировался с ней, заполнил его чувства.

Медленными движениями он принялся растирать розовый лосьон по мягкой коже на плечах. Затем также медленно двинулся вниз, пока не добрался до барьера из полотенца. Потянув на себя, он распахнул его, обнажая хрупкую спину, и неторопливо провел большими пальцами вдоль позвоночника.

Повинуясь его желанию, руки скользнули к внешним изгибам ее пышной груди и, обласкав ребра, погладили стройную талию. Затем заскользили вниз, желая уделить внимание округлым бедрам.

Бедрам, что слегка изогнулись, отвечая на его ласку.

— Ты знаешь, что со мной делаешь? — спросил Джотэм, пока его ладони медленно двигались назад к ее плечам. — Стоит мне увидеть, как ты идешь, и я не в силах оторвать глаз ни от плавных, грациозных движений твоего тела, ни от мягкого покачивания твоих бедер. Это делает меня твердым, — и в подтверждение своих слов он, не сдержавшись, прижался к ее ягодицам жесткой эрекцией. — Даже Барек заметил это.

— Что? — спросила, задыхаясь, Джасинда, с трудом понимая, о чем он говорит.

— Барек поймал меня на любовании твоей сочной попкой, когда ты отправилась за папкой в спальню, — его руки непроизвольно спустились вниз и слегка помяли упомянутую деталь. — Он предупредил, что если я не буду сдерживаться, то наши отношения сразу же станут достоянием общественности.

— И что ты ему ответил? — спросила она, теснее прижимаясь к его рукам.

— Сказал, что планирую открыто заявить о них. Я не собираюсь скрывать свои чувства к тебе, Джасинда. Ни то, как много ты для меня значишь, — его щедро смазанные лосьоном ладони легко скользнули к ее грудям. — Ни то, как сильно хочу тебя.

Джасинда откинула голову ему на плечо.

— Предки, Джотэм! Какие потрясающие ощущения!

— О, сейчас станет еще лучше, — пообещал он, вновь сжав ее пышные полушария, чтобы буквально в следующее мгновение, огладив животик, коснуться мягких завитушек на развилке ее бедер.

Он прижался к ней пахом, и его сдерживаемый тканью член вжался в ее ягодицы.

— Я помогу тебе с этим, — повернув к нему голову и подняв руку, она обхватила его шею, притянула голову к себе и впилась в его губы страстным поцелуем.

Джотэм развернул ее в своих объятиях и, приподняв, усадил на туалетный столик, заставив вскрикнуть от ощущения прохлады.

— Джотэм! — охнула она, обхватывая ногами его талию.

— Я никогда не откажусь от тебя, Джасинда, — высвободив ноющий член, он прижал его к ее влажным складочкам. — Никогда не потеряю тебя, — он медленно вошел в нее, с трудом сдерживая вспыхнувшую страсть. — Ты моя!

— Да, Джотэм! — крепче сжав его бедра, она приняла его в себя. — Твоя!!

Закричав, они вместе оказались в раю.

* * *

Барек хмурился, перечитывая файлы Стефана Мичелокакиса.

Как это могло оставаться незамеченным так долго?

Итан был прав, говоря о сроках сбора этой информации. При жизни Стефана «Сокол» заключал все самые крупные контракты на протяжении более десяти циклов. С того времени прошло еще десять… Неужели такое возможно?

Необходимо было это выяснить.

Поднявшись, Барек направился к единственному человеку, способному помочь ему разобраться с этим, — к личному помощнику короля Чесни.

— Доброе утро, мистер Чесни, — поздоровался Барек, входя в приемную отца.

— Принц Барек! — радостно подскочил тот. — Я не знал, что вы на планете.

— Теперь навсегда, Чесни.

— Прошу прощения?

— Мой отец не сказал тебе? Я оставил Коалицию, чтоб разделить с ним управление нашим Домом.

— Правда?.. Нет, король ничего не говорил об этом.

Губы Чесни расплылись в довольной улыбке.

Видимо, Джасинда оказала на их короля гораздо большее влияние, чем он думал.

— Ну, значит, еще скажет. А сейчас мне нужна твоя помощь.

— Конечно, принц. Что я могу для вас сделать?

— Мне нужно связаться с Итаном Мичелокакисом, а у меня нет его кода.

— Ясно, я найду его для вас.

— Спасибо, Чесни. А еще мне нужен список всех контрактов на добычу полезных ископаемых за последние десять циклов. Сможешь отправить его на мой комм?

— Последние десять циклов? — Чесни не смог скрыть своего удивления.

— Да. Кроме того, теперь мне понадобится собственный помощник.

— Я составлю список претендентов, и вы сможете побеседовать с ними.

— Отлично. Спасибо, Чесни. Можешь вернуться к своей работе.

* * *

— Я... м-м-м...

Войдя в свой офис, Итан нахмурился, услышав, что его секретарша Ханикатт — самый невозмутимый человек из всех, кого он знал, — заикается, разговаривая по комму.

Что могло выбить эту женщину из колеи?

Правда, как только она его увидела, в ее глазах вспыхнуло облегчение.

— Он только что вошел в кабинет, сир. Если вы подождете минутку, я переведу вас на его линию, — отключившись, она прижала руку к сердцу. — Слава предкам, что вы пришли.

— Что случилось? — потребовал Итан.

— С вами хочет поговорить принц Барек.

— Принц Барек?

— Да, — прошептала она. — Идите в кабинет и ответьте на звонок!

Ханикатт, проработавшая в этой компании более двадцати циклов, сумела заслужить безоговорочное доверие, поэтому Итан позволял ей по отношению к себе некоторые вольности.

— Ладно. А теперь, успокойся, Ханикатт.

— Успокоиться?! Вы когда-нибудь встречались с принцем? — мечтательно вздохнув, она принялась обмахивать лицо ладонью. — Шикарный мужчина!

Итан был шокирован. По возрасту его секретарь годилась принцу в матери.

Видимо, он озвучил эту мысль вслух, так как Ханикатт недовольно пробурчала:

— Это не значит, что у меня нет глаз. Все, идите, — махнула она рукой.

Войдя в свой кабинет, Итан сел за письменный стол.

Глубоко вздохнув и собравшись с мыслями, он нажал кнопку соединения.

— Принц Барек, прошу прощения за задержку. Чем могу помочь?

— Сегодня я впервые завтракал с твоей мамой, — сразу перешел к делу Барек.

Итан удивленно приподнял бровь.

Утро только началось, еще не было и восьми. Барек, скорее всего, был во дворце. И как он мог завтракать с его мамой? Она что… во дворце?

— Джасинда рассказала мне про ваш разговор о корпорации «Сокол».

— Да… — уклончиво ответил Итан.

— Ознакомившись с собранной твоим отцом информацией, я проверил, как обстоят дела сегодня. Результат мне, если честно, не понравился.

— Король лично подписывал все эти контракты, — сухо парировал Итан.

— Мы оба знаем, что мой отец руководствуется мнением комитета, который проводит анализ и выбирает лучшего претендента на каждый проект.

— Да. Так должно быть по протоколу.

— Так почему ты ни разу не обратил внимание Совета на эти нарушения?

— А к кому я мог обратиться, принц? К возглавлявшему этот комитет советнику Паяри? Он бы сделал все, чтоб уничтожить нашу компанию. Заблокировал бы нам все контракты и на каждом углу кричал бы, что мы не выполняем обязательств. В нашей корпорации более тысячи человек, и у всех у них есть семьи. Их бюджет полностью зависит от моих решений и действий. Я не могу оставить их ни с чем. Поэтому поддерживаю эту игру, подавая на законных основаниях регистрационную заявку, хотя знаю, что ее никогда не примут, а потом подаю следующую.

Барек несколько мгновений молча смотрел на лежавшую перед ним папку.

— Ты утверждаешь, что подавал заявки на все контракты? — нахмурился он.

— Да. Если этого не делать, то от Паяри не дождешься и крошки. После моего союза с Касмирой корпорации «Чжао» приходится совсем туго.

— После твоего союза?.. А какое отношение имеет к нему советник?

— Паяри считает, что я не принадлежу Дому Защиты. Поэтому у меня нет права заключать эти контракты.

— Но ведь ты родился в этом Доме, как и твой отец?

— По мнению Паяри, я принадлежу тому Дому, откуда родом моя мать.

— Ну он и загнул, — возмутился Барек столь откровенной предвзятостью члена Ассамблеи. — Уверяю тебя, ни я, ни мой отец так не считаем.

— Приятно это слышать.

— У тебя есть копии ваших заявок? — вернулся к основной теме Барек.

— Тех, что мы подавали для участия в тендерах? — растерянно спросил Итан.

— Да.

— Разумеется. Но зачем они вам?

— Просмотрев все заявки за последние десять циклов, я не нашел ни одной от корпорации «Чжао».

— Что?! Это невозможно! Я лично подавал каждую советнику Паяри.

— Это требование касалось всех или только тебя?

— Только меня.

— И твой отец допустил это? — Барек не мог в это поверить.

— Я никогда не говорил ему. Это была моя ответственность.

— Ты очень похож на свою мать, верно?

— Прошу прощения?

— Твоя мама удивительная женщина. Независимая. Сильная. Построившая жизнь на своих условиях. Думаю, быть воспитанным ею… весьма увлекательно.

— Ей было непросто с нами.

— Догадываюсь. Но ты ведь понимаешь, что сейчас ей предстоит самое сложное испытание… рядом с моим отцом.

— Выходит, ты знаешь, — взгляд Итана стал цепким.

— Знаю, и всей душой «за». Перемены, что я наблюдаю в своем отце, поистине потрясающи. Я никогда не видел его таким счастливым и настолько расслабленным, — когда Итан ничего не ответил, Барек нахмурился. — Ты против?

— Признаюсь, когда мама рассказала мне, я был в шоке, — Итан откинулся на спинку стула, глядя Бареку прямо в глаза. — Мама утверждает, что любит твоего отца, но мне, если честно, это не нравится.

— Почему?

— Да потому, что именно на нее ляжет вся тяжесть этих отношений. Это ее будут критиковать и осуждать… и не только пуристы. Эти нападки будут ее расстраивать, но она ни за что не признается. Я не желаю ей этого. Она — моя мать.

— Она будет под защитой, Итан.

— Ты не хуже меня знаешь, что от обывательских пересудов невозможно защититься. Она будет первой фавориткой холостого короля. Никто не станет соблюдать правил приличия.

— Об этом я как-то не подумал, — нахмурился растерянно Барек.

— Могу вас заверить, принц, моя мама прекрасно знает, что ее ждет. И ее это не остановит. Когда она любит, то готова двигать горы.

Глава 30

Джасинда, отступив назад и скрестив на груди руки, довольно улыбнулась.

Идеально, как она и рассчитывала. Касмира проделала потрясающую работу, придавая рисунку Бретта законченный вид. И ей не терпелось показать его Джотэму.

— Это настоящий шедевр, Джасинда, — сказала стоявшая рядом Маиша.

— Да, Бретта ждет удивительное будущее.

— Не сомневаюсь. О, — вспомнила ее экономка, — звонила Палма. Просила, чтоб ты перезвонила, как освободишься.

— Отлично, — еще раз глянув на портрет, Джасинда взяла свой личный коммуникатор и вышла в сад.

День был чудесным, и ей хотелось немного понежиться на солнышке.

Палма ответила после второго гудка.

— Джасинда Крочетти Мичелокакис! Я тут сгораю от любопытства, а тебе, как я вижу, на это плевать!!

Джасинда, глядя на пылающее «праведным гневом» лицо сестры, тихонько рассмеялась. Она ей так и не позвонила, в то время как для Палмы неделя ожидания была верхом долготерпения.

— Привет, сестренка. Я тоже рада тебя видеть.

— Джасинда, не смей говорить со мной таким учтивым тоном. Он никогда не помогал маме, так что не поможет и тебе.

— Врунишка.

— Ладно, у мамы это работало, — улыбнулась ей Палма. — Но не пытайся сменить тему! Я требую объяснений!!

— Надеюсь, ты сидишь, о моя любимая сестричка.

— Причем единственная! — поддакнула ей Палма. — И да, я уже сижу.

— Это должно остаться между нами, — мягко попросила Джасинда. — По крайней мере, ближайшее время.

— Джасинда... — тон Пальмы «я-недовольна-своей-старшей-сестрой» мгновенно сменился искренним беспокойством. — Что случилось?

— Я сблизилась с королем Джотэмом.

Ответом ей стало молчаливое изумление, длившееся несколько долгих секунд.

— Уточни термин «сблизилась», — тихо потребовала Палма.

— Ну, мы теперь пара.

— Пара... — потрясенно выдохнула та. — Джасинда...

— Я люблю его, Палма.

— Я... — всмотревшись в лицо сестры, Палма поняла, что та не лукавит. Джасинда действительно была влюблена. — Я тебе верю. А Джотэм?

— Он тоже любит меня, — не мешкая ответила она.

— Так ты поэтому распечатала снимки для Барека?

— Нет! Я же говорила тебе, зачем я это сделала. Тогда мы с Джотэмом еще не встречались. К тому же я, разозлившись, что он лишил Барека фотографий Латы, недолго думая высказала все это ему в лицо.

— Ты отчитала самого короля?! — брови Палмы взлетели вверх, а сама она разразилась звонким смехом. — О предки, Джасинда... только ты...

— Что «только я»? — невозмутимо спросила та.

— Только у тебя хватает смелости не церемониться с Его Величеством.

— Ну да, — Джасинда, будучи тактичным человеком, слегка покраснела. — Ты ж меня знаешь.

— Да, — Палма перестала смеяться, и ее взгляд стал серьезным. — Ты всегда отстаивала то, что считала справедливым. Во что верила. Кого любила. Меня в тебе всегда это восхищало, Джасинда. Хочу, чтоб ты знала это. И знай, что я всегда на твоей стороне… ну, если тебе когда-нибудь захочется выговориться, или просто уйти, или просто... да что угодно. Ты моя семья. Мы держимся вместе.

— Спасибо, Палма. Боюсь, мне уже сейчас требуется твоя поддержка.

— Да? В чем дело?

— Я иду на Королевский бал с Джотэмом.

— Ты... Джотэм... Королевский бал... — глаза Палмы с каждой сказанным словом становились шире.

— Да. Так что уже через несколько недель все будут знать о нас.

— Предки, Джасинда. Ни одна королевская фаворитка не присутствовала на таком балу. Раз Джотэм берет тебя с собой... ты много для него значишь... очень много.

— Я знаю, — мягко улыбнулась ей Джасинда. — А теперь скажи, что Биргин думает о Бретте.

От Палмы не укрылось желание сестры сменить тему. На что-то более комфортное.

Стоило ли возражать?

— О предки, Джасинда! Он настоящий самородок! Биргин в предвкушении!

Счастливо улыбаясь, Джасинда откинулась на спинку кресла, слушая сестру.

* * *

Идущий по коридору Палаты Собраний Барек увидел вышедших из офиса членов Ассамблеи и направился к тому, ради кого пришел сюда.

— Принц Барек! — воскликнул Эллиот Паяри, когда тот подошел ближе. — Я не знал, что вы сегодня будете здесь.

Разумеется, он был в курсе, что принц вернулся на Кариниан. Об этом знали все. Однако никто не знал причины. А ведь «Хранитель» только-только ушел в рейд.

— Ну, хоть это не было запланировано, я рассчитывал поговорить с...

— Да, да, конечно, — оборвал его Паяри. — Прошу в мой кабинет, — он оглянулся и смерил своих коллег самодовольным взглядом. — Я попрошу своего помощника освободить окно в моем расписании.

— С советником Мичелокакисом, — озвучил свое намерение Барек и резко повернулся к Дантону, успев заметить, как удивленно расширились глаза Паяри.

— Вы хотели поговорить со мной? — голос Дантона прозвучал так холодно, что вызвал недоумение у остальных советников.

— Если у вас есть свободное время, — так же холодно ответил Барек. — Я понимаю, явиться без предупреждения не совсем корректно с моей стороны.

Несколько мгновений они молча буравили друг друга взглядами, пока Дантон наконец не осознал, что их молчаливое противостояние привлекает излишнее внимание.

— Думаю, я смогу уделить вам несколько минут, принц Барек. Мой кабинет, — указал он на нужную дверь, — здесь.

Барек, по правде говоря, и без этого знал, где находится его кабинет.

— Джентльмены, — коротко кивнув советникам, он двинулся вслед за Дантоном.

Молодой советник, пропустив Барека вперед, жестом указал ему на стул, а затем прошел и сел за свой рабочий стол.

— Так что вы хотели, принц Барек?

Барек, окинув его оценивающим взглядом, отметил его напряженную позу и явную отчужденность, говорившие о наличии внутреннего конфликта, связанного, вероятней всего, с его матерью.

Не имея привычки уклонятся от вызова, Барек принял его с открытым забралом.

— Похоже, у вас ко мне личные претензии, советник Мичелокакис?

Дантон — надо отдать ему должное — на такое обвинение даже не моргнул.

— Я, принц Барек, не имею к вам никаких претензий.

— Выходит, твоя холодность вызвана отношениями наших родителей.

— Что вам нужно, принц Барек? — одернул его Дантон.

— Думал, тебя заинтересует дело, начатое твоим отцом, и ты поможешь мне с ним разобраться. Однако, как я вижу, с отцом у тебя ничего общего, а твоя мать тебя слишком идеализирует. Доброго дня, советник Мичелокакис. И удачи. Боюсь, без нее столь узколобому человеку просто не обойтись.

Резко поднявшись, Барек решительно направился к двери.

* * *

Дантон, провожая взглядом уходящего принца, пребывал в замешательстве.

На самом деле всю неделю после ссоры с матерью его чувства и мысли находились в полнейшем раздрае: он никак не мог примириться с тем, что узнал о ней. Да и о себе тоже.

Всю свою жизнь он стремился соответствовать критериям родителей, которых считал идеальной парой. Его отец — очень красивый и видный мужчина — был весьма влиятельным советником. А мать — потрясающей красоты женщина — идеальной спутницей жизни действующего члена Ассамблеи. Но главной причиной их моральной стойкости и неподдельного оптимизма была трепетная, самозабвенная любовь друг к другу, проявлявшаяся в каждом взгляде, в каждом слове и в малейшем прикосновении.

В глубине и искренности чувств родителей Дантон никогда не сомневался.

А вот теперь… заколебавшись, потерял покой, так как разочаровал свою маму.

Причем и сам разочаровался в себе, не оправдав доверия своего отца.

— Твоя мама, Дантон, — сказал ему однажды отец, — удивительная женщина, способная творить невероятные вещи. Своей беззаветной любовью она изменила мой мир, сделав его более красочным и насыщенным. Поэтому я частенько задумываюсь о том, что было бы, если б она полюбила не меня, а, как надеялись ее родители, своего короля. Представляешь, как в таком случае изменилась бы жизнь целого Дома?

«Может, пришло время это выяснить?..»

— Подожди!! — подскочил как ужаленный Дантон, и Барек медленно повернулся к нему. — Я вовсе не узколобый, просто мне сложно принять их отношения.

— Почему?

— Почему?! Речь идет о моей матери! А для меня это значит, что она любила и любит *моего* отца! *Только* моего отца!!

— О, она по-прежнему его любит. Но это не мешает ей испытывать чувства к моему отцу. К тому же он наиболее подходящая партия.

При последних словах Барека у Дантона перехватило дыхание.

Казалось, эти слова стали продолжением мыслей Стефана, и появилось чувство, будто сам отец обращается к нему с наставлением.

«Очевидно, мне придется смириться с этим».

— Мужчины всегда обращали на нее внимание, — собравшись с мыслями, выдохнул Дантон. — Мы можем начать наш разговор заново? Прошу тебя. Моя мать и так на меня сердится. А если прознает, что я был груб с тобой, то примирение мне не светит.

— Узнав твою маму, я бы не был столь категоричен, — Барек вернулся на прежнее место перед его столом. — Она весьма великодушная женщина.

— Так и есть, — согласился Дантон. — Только если это не касается ее личного кредо «отстоять свою точку зрения можно не применяя грубости».

— Конечно, можно. Однако грубость иногда приносит удовлетворение.

— Это точно, — добродушно хмыкнул Дантон. — Но если надумаешь сообщить об этом моей матушке, я буду все отрицать.

Барека рассмешил факт, что сорокалетний мужчина боится разочаровать свою маму. Правда, тут же осознал, что по отношению к отцу чувствует себя точно так же.

* * *

— Тебя это заинтересовало? — спросил Барек после того, как объяснил причину своего прихода и позволил Дантону просмотреть принесенные им файлы.

— Естественно! Я займусь этим. Не могу поверить, что эта информация прошла мимо меня. Итан даже вскользь не упоминал об этом. Видимо, при следующей встрече с младшим братишкой придется выбить из него эту дурь!

— Он считает, что должен сам разобраться, — тихо сказал Барек.

— Ничего подобного! Мы семья и должны держаться вместе! Семья всегда оказывает поддержку. Особенно в трудные времена.

— Надеюсь, это правило распространяется и на Джасинду. После того, как она появится на балу под руку с моим отцом, все станет намного сложнее.

— Что? О чем ты говоришь? — недоуменно нахмурился Дантон.

— Королевский бал… Она тебе не сказала? — искренне удивился Барек.

— Мы не обсуждали ее отношения с твоим отцом, — неохотно признался тот.

— Понятно. Она будет сопровождать его на Королевском балу в Доме Знаний.

— Он готов предать их отношения огласке?

— Отец, как я понял, не собирался делать из этого тайну. Лишь некую приватность.

— Королевская жизнь не совместима с приватностью, — возразил Дантон.

— Ты бы удивился, — буркнул, вспомнив Дадриана, Барек. — Отец намерен обеспечить себя и Джасинду личным пространством. Я ушел с флота, дабы частично принять королевские обязанности, и они смогли больше времени проводить вместе.

— Ты... — Дантон понял, что изменения ждут не только их семью.

В Ассамблее намечаются глобальные перемены!

— Конечно, я пока некомпетентен в некоторых вопросах деятельности Совета, но постараюсь побыстрее наверстать упущенное. А вот с подобным, — он указал на лежащую на столе Дантона папку, — пора покончить.

* * *

— Что происходит, Эллиот? — ворвалась в кабинет мужа Аделаида, проигнорировав попытку его помощника остановить ее.

Ее «личный информатор» в Палате сообщил, что принц Барек предпочел беседовать с Дантоном Мичелокакисом, а не с ее мужем.

— Аделаида, что ты здесь делаешь? — повернулся к ней Эллиот, сбросив вызов на коммуникаторе.

— Что *я* здесь делаю? Что здесь делает принц Барек?! И почему он общается с Дантоном Мичелокакисом, а не с тобой?!!

— Не знаю. Похоже, Дантон был удивлен не меньше меня.

— Что-то намечается… — раздраженно фыркнула она, усаживаясь в кресло.

— Аделаида, ты как всегда слишком подозрительна, — пренебрежительно отмахнулся ее муж.

— Приход принца сюда не случаен! — огрызнулась она. — Тебе не кажется странным, что Барек остался на Кариниане, хотя должен быть на «Хранителе», рядом с

нашей дочерью? И чего вдруг заинтересовался новым членом Ассамблеи? И не кем-то, а Дантоном Мичелокакисом! Неужто снова придется иметь дело с этими выскочками! Мало того, что его избрали в Совет, так он еще и мать притащил на бал! Вопиющее нахальство!! Вынудить принца и короля чувствовать себя обязанными танцевать с ней!

— Думаешь, они это спланировали?

— Естественно! Что еще это может быть? Я тебе говорила, что на прошлой неделе столкнулась с Джасиндой в Общественном крыле?

— Нет, не говорила, — Эллиот откинулся на спинку кресла.

— Так вот, я приказала королевскому гвардейцу выпроводить ее из дворца, — губы Аделаиды растянулись в самодовольной улыбке, когда она вспомнила, как подчинившийся ее приказу страж порядка увел Джасинду.

Слишком долго все закрывали глаза на то, что эта особа не из Дома Защиты. Можно подумать, союз с действующим членом Ассамблеи мог компенсировать столь существенный изъян.

— Гвардеец тебе подчинился? — недоверчиво переспросил Эллиот.

— Разумеется! Он же знал, кто я. Но вернемся к принцу Бареку. Что тебе известно?

— Я слышал лишь то, что король Джотэм приказал сыну вернуться на Кариниан, а Верховный адмирал посылал за ним «Стрелу».

— Интересно, что все это значит?.. — мысли Аделаиды лихорадочно метались.

— Я уже закинул удочку. Думаю, скоро узнаем.

— Хм-м-м, как же все не вовремя. На носу Королевский бал. Если Барек пойдет на него, то необходимо срочно вернуть Шошу домой и обеспечить приглашением на бал.

— Аделаида, я не смогу выдернуть Шошу с «Хранителя» после того, как задействовал все свои связи, чтоб пристроить ее туда. К тому же она никак не сможет попасть на бал. Ты прекрасно знаешь, что там будут только члены Ассамблеи с женами.

— Ее пропустят, если она пойдет с Бареком.

— С Бареком?.. — Эллиот резко отодвинул стул. — Аделаида, ты совсем рехнулась?

— Не смей говорить со мной подобным тоном, Эллиот! — лицо Аделаиды налилось краской. — Никогда, слышишь, не смей мне так говорить! Без меня б ты ничего не добился. Ни-че-го!!! Слышишь?! Лишь благодаря мне тебя избирают каждый раз! И лишь благодаря моим усилиям тебя назначают в самые престижные комитеты! Даже тот факт, что фамилия Паяри вызывает у людей благоговение и зависть, целиком моя заслуга!!

— Хочешь сказать, я к этому непричастен? — медленно поднявшись из-за стола и опершись на него руками, Эллиот всем телом подался вперед. — Это ведь я, Аделаида, председательствую в тех комитетах, а не ты! Это у меня авторитет и власть. А ты всего лишь моя супруга!

— Всего лишь супруга?!! — взвизгнула она. — Не более того?!! Глупый фоабхор! Без меня ты НИКТО! Пустое место! Ничтожество!!

— Какое счастье! — съехидничал он. — А теперь убирайся из моего кабинета, Аделаида. Иди, купи себе что-нибудь. Или сделай несчастным кого-либо другого. А меня ждет работа!

Аделаида, одарив мужа убийственным взглядом, резко развернулась и пулей выскочила в приемную. Помощник Эллиота поспешил убраться с ее пути, дабы не попасть под горячую руку разъяренной женщины. В таком состоянии Аделаида Паяри, как известно, набрасывалась на всех без разбору.

Эта взбалмошная дамочка была абсолютно неадекватной.

* * *

— Деффонд, я собираюсь покинуть дворец, — предупредил капитана Джотэм.

— Да, Ваше Величество. Могу я узнать время и цель поездки?

— Пикник с Джасиндой, как только Саффорд приготовит все необходимое.

— Хорошо, Ваше Величество. Я сообщу Грину, что мы скоро прибудем. Полагаю, вы намерены пообедать в саду Джасинды.

— Да.

— Я прослежу, чтоб охрана была наготове.

— Спасибо, Деффонд, — отключив связь, Джотэм поднял глаза и увидел вошедшего в кабинет сына.

— Не можешь прожить без нее ни минуты? — добродушно усмехнулся Барек.

Надо же, как все изменилось за последние несколько недель.

Его отец все это время был расслабленным и постоянно улыбался. По-настоящему улыбался, искренне. И даже смеялся! Нет-нет, к своим обязанностям он по-прежнему относился с полной ответственностью. Однако теперь это были… просто обязанности, а не вся жизнь, как прежде.

И все это благодаря Джасинде.

— Мы вчера с ней не виделись, — принялся объяснять смутившийся Джотэм. — У нее была какая-то встреча в Печоре, которая затянулась, и гостья осталась у нее на ночь.

Барек обескураженно покачал головой.

Смущенный король?.. Это нонсенс!

— Выходит, ты решил сделать ей сюрприз.

— Да. Правда, предупредил об этом Маишу. Что ты хотел?

Барек, присев на стул, мгновенно стал серьезным.

— Я собрал и проанализировал все контракты корпорации «Сокол».

— И..?

— Они получили их незаслуженно. Во-первых, сделали намного меньше обещанного, да еще и с нарушением технологий и некачественными материалами.

— А Паяри, несмотря на это, объявлял их лучшими.

— Да. Это полный трындец, папа! Нуга — это лишь первая ласточка. У нас еще не менее дюжины объектов в подобном состоянии, а то и хуже.

— Мне нужно полное расследование, Барек! Предки! — вскочив на ноги, Джотэм принялся нервно расхаживать по кабинету. — Под угрозой тысячи жизней!

— Знаю. Я уже занялся этим. Не только «Соколом», но и Паяри.

— Без огласки?

— Разумеется. Я также связался с Итаном Мичелокакисом и предложил его компании помочь нам разобраться с этим беспорядком.

— И что он?

— Более чем готов при условии, если сам будет распоряжаться наймом рабочих, их увольнением и инспектированием выполняемых работ.

— Зачем ему это?

— Не только «Сокол», но и некоторые наши инспектора исчерпали его доверие. Чтобы довести объекты до ума, ему потребуются люди, которым он сможет полностью доверять. И это вполне оправданно. Особенно после всего, что натворил «Сокол».

— Согласен.

Также Барек упомянул о том, что Паяри — вразрез всем правилам — заставлял Итана лично приносить заявки от своей компании. И Джотэм буквально вскипел от ярости, ведь дело касалось сына Джасинды.

— Что-то еще?

— Я поручил Дантону опросить остальных членов Ассамблеи.

— Может, зря? — вопросительно приподнял бровь Джотэм. — Вдруг кто-то из них доложит об этом Паяри?

— Возможно. Но так как Дантон лишь недавно вступил в эту должность, его вопросы о работе различных комитетов и о процедуре принятия окончательных решений должны выглядеть вполне естественно.

— Верно. Отличная идея, сынок!

В ответ на похвалу Барек улыбнулся, а Джотэм принял вызов коммуникатора.

— Слушаю.

— Ваше Величество, Саффорд доложил, что ваш ланч готов и доставлен в лимизин.

— Спасибо, Чесни, — Джотэм немедленно поднялся. — Что-то еще, Барек?

— Нет. Ты сегодня вернешься во дворец?

— К сожалению. Вечером у меня несколько встреч. Поужинаешь с нами?

— С удовольствием.

* * *

— Я открою, Маиша, — крикнула Джасинда, направляясь к входной двери. Открыв ее, она счастливо улыбнулась. — Джотэм!!

Он наклонился и, поцеловав ее улыбающиеся губы, зашел в дом с большой корзиной в руках.

— Я принес с собой ланч.

— Правда? — она перевела взгляд на корзину.

— Да. Предлагаю устроить пикник в твоем саду.

— Чудесно!

— Я уже накрыла в саду стол для вас, — сообщила подошедшая к ним Маиша, вытирая о фартук руки. — Позвольте, я отнесу все туда, Ваше Величество.

— Спасибо, Маиша. И, Маиша…

— Да, Ваше Величество? — откликнулась та, забирая у него корзину.

— Пожалуйста, зови меня Джотэм.

Щеки Маиши покрылись румянцем.

— Я... хорошо, Ваше В... Джотэм, — пробормотала, заикаясь, женщина и поспешила сбежать от них.

Джасинда, укоризненно покачав головой, проводила взглядом торопливо удаляющуюся экономку, давно ставшую ей подругой. А когда вновь подняла глаза на Джотэма, в них блеснули лукавые искорки.

— Ты ужасный человек, Джотэм Тибулл. Флиртуешь у меня на глазах с другой женщиной, да еще и в моем собственном доме.

Освободившийся от корзины Джотэм притянул ее, обняв, к себе.

— Ты единственная женщина, с которой мне нравится флиртовать.

Сказав это, он подарил ей глубокий жаркий поцелуй.

— Хм-м-м, — промурлыкала Джасинда, когда он оторвался от ее губ. — Мне нравится твой «флирт», Джотэм, — в ее взгляде читалось ответное желание.

— И я люблю тебя, — он чмокнул ее в кончик носа. — Может, сначала глянем, что приготовил нам Саффорд?

— Непременно! — развернувшись в его объятиях, Джасинда потянула его за руку на выход, но Джотэм внезапно замер на месте. — Джотэм?..

— Ты его оформила, — кивнул он на висевший на стене рисунок Бретта.

— Да, — мягко улыбнулась Джасинда, глядя на него с любовью. — Касмира проделала с ним потрясающую работу, правда?

— Бесспорно, — не задумываясь ответил Джотэм, пораженный тем, как гармонично смотрелся рисунок на этом месте, а вот отображенные на нем мужчина и женщина, казалось, изначально принадлежали друг другу. — Спасибо тебе, Джасинда.

— За что? — спросила она, смотря на него снизу вверх.

— За то, что впустила меня в свою жизнь. За то, что не стала делать из этого тайну.

— А по-другому и быть не могло, — она протянула руку и нежно коснулась его щеки. — Пойдем кушать?

— Идем.

* * *

Оставшись один в своем кабинете, Джотэм откинулся на спинку кресла.

Его взгляд замер на портрете Латы. На том, что он снял со стены Королевского крыла вскоре после ее гибели. Тогда у него не было сил смотреть на него в присутствии других людей. И он не мог спокойно ходить мимо, зная, что ее больше нет с ним.

Смерть Латы опустошила его.

Перевесив тогда портрет в свой кабинет, Джотэм завесил его на целый цикл, пока не смог смотреть на него без сердечной боли. А вот теперь задумался, не пора ли его вернуть на заслуженное Латой почетное место.

Поднявшись, он подошел к портрету.

— Время пришло, любовь моя, — протянув руку, Джотэм нежно погладил ее по щеке, а затем осторожно снял портрет со стены. — Чесни!

— Да, Ваше Величество? — оторвав взгляд от монитора, Чесни с недоумением уставился на портрет в его руках.

— Свяжись с Бареком, пусть встретит меня в коридоре перед Королевским крылом.

— Я... да, Ваше Величество... сию минуту, Ваше Величество.

Джотэм покинул приемную, и Чесни не глядя нажал кнопку связи.

* * *

Вышедший из Королевского крыла Барек непонимающе нахмурился, когда увидел, что король стоит, разглядывая стену.

— Отец! Чесни передал, что ты хотел, чтоб я тебя здесь встретил.

По лицам стоящих на страже гвардейцев было видно, что те испытывают некоторую неловкость. А брошенный в дверной проем взгляд зацепился за торопливо идущего к ним Деффонда, которому, очевидно, сообщили, что король покинул резиденцию.

— Я подумал, ты захочешь мне помочь, — тихо сказал Джотэм.

— В чем? — опустив взгляд, Барек заметил… по всей видимости портрет, просто тыльной стороной к нему.

Взгляд тут же метнулся к прогалу на стене, и его пульс участился.

Неужели это то, о чем он всегда мечтал? Отец наконец-то решился на это?

— Вернуть портрет твоей матери на прежнее место.

Барек с трудом сглотнул образовавшийся в горле ком.

— Для меня это большая честь.

Стоявший рядом с охранниками Деффонд с внутренним трепетом рассматривал впервые увиденный им портрет королевы Латы, который Джотэм повесил рядом со своим. На нем совсем юная девушка в королевском одеянии и с короной на голове гордо стояла со скипетром в одной руке. Другая же мягко покоилась на ее животе.

Ее взгляд был абсолютно спокоен, однако в глубине глаз таились озорные искорки.

Королева Лата была прекрасна!

— Ну вот, наконец-то ты вернулась на свое законное место, — грустно улыбнулся Джотэм, делая шаг назад, однако в его словах слышались горделивые нотки. — Прости, что так долго, любовь моя.

Его щеки коснулся легкий ветерок, и его глаза наполнились слезами.

Еще одно подтверждение, что Лата простила его.

— Мама была настоящей красавицей, — тихо сказал Барек.

— Она была прекрасна не только внешне, но и внутренне. И очень сильно любила тебя, Барек... — повернувшись к сыну, Джотэм посмотрел ему прямо в глаза. — Она бы гордилась тем, кем ты стал

— Надеюсь, это так.

— Никогда не сомневайся в этом, Барек. Будь верен себе, и мы оба всегда будем гордиться тобой, — Джотэм снова взглянул на портрет, теперь уже искренне улыбнувшись, а затем вновь повернулся к сыну. — Думаю, в сей торжественный момент стоит выпить по бокальчику эля.

— Согласен.

* * *

Добравшись до своего кабинета и разлив эль по бокалам, Джотэм протянул один сыну, и они одновременно посмотрели на теперь уже пустое место на стене.

— За твою мать! — поднял он вверх свой.

— За маму! — отсалютовал своим бокалом Барек и сделал большой глоток хорошо выдержанного эля.

— Я должен тебе кое в чем признаться, сын. Хотя знаю, ты разозлишься, — приняв его молчание за согласие, Джотэм продолжил: — Тебя не удивило, что после стольких циклов я вдруг начал встречаться с Джасиндой?

— Ну, я, конечно, думал об этом, — подняв бокал, Барек сделал глоток. — Но предположил, что это как-то связано со Стефаном.

— Нет, не с ним. Я попросил Джасинду встретиться со мной по поводу тебя... и Амины Мичелокакис.

— Что?! — Барек резко опустил бокал. — О чем ты говоришь?

— На церемонии союза Виктории и Лукаса я заметил твой интерес к Амине и забеспокоился, так как совершенно не знаю эту девушку. А когда вспомнил, что она родственница Стефана Мичелокакиса, связался с Джасиндой и попросил ее помочь мне.

— Ты заставил Джасинду шпионить за Аминой? — Барек почувствовал, что его лицо наливается краской гнева.

— Не утрируй, Барек! Я просто хотел, расспросив Джасинду, убедиться, что Амина достойна.

— Достойна… — выплюнул тот сквозь стиснутые зубы.

— Да. Ты наследник престола, Барек! И ты не можешь выбрать своей королевой первую встречную!

— Ты не имеешь права! Тебя это не касается! Это только мой выбор!

— У меня есть такое право, — схватив Барека за руку, Джотэм не позволил ему отвернуться. — Я не только твой отец, но и король! Это мой долг...

— Долг?! Я для тебя всего лишь долг?! — взорвался тот. — Не могу поверить, что Джасинда согласилась на подобное!

— Она не только не согласилась, — тихо возразил Джотэм, — а буквально преисполнилась ярости и даже не пыталась скрыть этого, — он медленно отпустил руку сына. — Сидя в этом кабинете, она так отчитала меня, как никто и никогда. Даже Лата, — Джотэм бросил взгляд на стену, где раньше висел портрет его спутницы жизни.

— Джасинда тебе отказала? — в голосе Барека звучало явное неверие.

— Категорически. Она заявила, что это твой личный выбор, а я не имею права вмешиваться. И в своем гневе дошла до обвинения, что твоя мать устыдилась бы моего поступка. А ведь она права. Лата бы мне такого не простила.

— Мама бы возмутилась?

— О да, твоя мать разозлилась бы не на шутку. И не успокоилась бы, пока я не осознал своей ошибки. К моему величайшему сожалению, от своих родителей я, похоже, перенял куда больше, чем хотелось бы.

— О чем это ты?

— Благодаря беседе с Джасиндой я кое-что узнал о них...

— Что именно?

— Они были пуристами, Барек, — не скрывая досады, ответил Джотэм.

— Что? Нет... не может быть.

— Мне жаль, но это так. Я, если честно, и подумать о таком не мог, пока Джасинда не рассказала мне о письме.

— Письме… о каком письме?

— От короля Кадо Стефану с требованием сделать выбор между женой и карьерой.

— Что?.. — во взгляде Барека читалось откровенное неверие.

— Тогда я отреагировал точно так же. Я ей не поверил. Поэтому попросил своего помощника просмотреть архив. И Чесни нашел доказательство. Письмо Стефану, написанное рукой моего отца и содержащее требование немедленно определиться.

Ощутив потребность срочно присесть, Барек поспешно опустился на стул.

— Мне трудно в это поверить, папа. Как мог...

— С твоей матерью, Барек, мои родители обошлись не лучше.

— Что ты имеешь в виду?

— Об этом я тоже ничего не знал… а может, просто не хотел знать, я уже не уверен. Палма еще тогда поведала Джасинде, что королева Джоанна, несмотря на то, что я объявил Лату своей избранницей, не предоставила ей должную подготовку и поддержку.

— Они надеялись, что ты передумаешь, пока будешь служить на флоте.

— Именно.

— Выходит, они не знали тебя настоящего, — усмехнулся Барек и, прочитав вопрос в глазах отца, пояснил: — Ты никогда не меняешь своих решений.

— Крайне редко, — поправил его Джотэм. — К сожалению, даже короли не застрахованы от ошибок. И вот тут необходим кто-то очень-очень смелый, дабы вовремя остановить своего монарха.

— Такой, как Джасинда, — уточнил Барек.

— В точности такой же, как Джасинда, — подчеркнул Джотэм.

— А Амина? — взгляд Барека стал непроницаемым.

— Я не буду вмешиваться... как король. Но как твой отец… ничего не обещаю. Ты мой сын. Я люблю тебя и хочу для тебя самого лучшего.

— То, что ты сочтешь лучшим, не обязательно будет таковым для меня. Точно так же, как интерес твоих родителей когда-то не совпал с твоим.

— Согласен, — взгляд Джотэма стал тверже. — Вот только для меня, Барек, важней всего, чтоб ты обрел настоящую любовь и истинное счастье. Как это было у меня с твоей матерью. Как то, что я вновь испытал с Джасиндой. Корона, которую ты рано или поздно наденешь, не станет непомерной тяжестью, если твоя жизнь будет наполнена любовь.

Глава 31

— Паяри, что, *твою мать*, происходит?!!!

— О чем ты говоришь, Киан? — спросил Эллиот, глядя на раскрасневшееся, разъяренное лицо своего самого большого финансового сторонника через свой комм.

— О расследовании, которое ведется в отношении моей компании!

— Киан, я предупреждал тебя, что это произойдет после взрыва на Нуге.

— Ты сказал, что они будут расследовать *Нугу*! А не то, что они будут расследовать *все* мои контрактные объекты. Тем более ты не сказал мне, что расследование будет проводить корпорация «Чжао». Итаном Мичелокакисом! Лично!

— Что? — Эллиот не мог сдержать шок на своем лице. — Это *невозможно*! В расследованиях последнее слово во всем должно быть за мной.

— Я так и думал! Это то, за что *я* тебе плачу! Но Итан Мичелокакис появился в моем Центральном участке с приказом, подписанным принцем Бареком!

— Подписанным Бареком? Но у Барека нет никакой реальной власти, не как у наследника. Джотэм никогда не давал ему никаких полномочий.

— Ну, теперь, похоже, дал! Тебе лучше *исправить* это, Паяри, или я найду кого-нибудь другого, кто окажет мне поддержку! — с этой угрозой Киан отключился.

Эллиот откинулся в кресле, его мысли метались. «*Что, черт возьми, происходит? Барек подписывал приказы? Этого не может быть. Барек скоро вернется на флот... разве нет*?» Нажав кнопку на своем комме, он связался со своим помощником.

— Да, сэр?

— Соедини меня с Дворцом! — приказал он. — Сейчас же!

— Есть, сэр!

***

— Офис короля Джотэма, — ответил Чесни.

— Это член Ассамблеи Паяри, соедините меня с королем Джотэмом.

— Мне жаль, член Ассамблеи, но король Джотэм сейчас недоступен. — Чесни едва сдержал удовлетворение от того, что смог сказать это самонадеянному человеку. — Могу ли я передать ему сообщение?

— Да, передайте королю, что мне нужно поговорить с ним о корпорации «Сокол», — приказал Паяри.

— Если вы имеете в виду текущее расследование, то вам нужно поговорить с принцем Бареком, поскольку он отвечает за него.

— Принц Барек? — глаза Паяри расширились.

— Да. Хотите, я переведу вас на его помощника?

— У Барека есть помощник?!!!

— Конечно. Так вы хотите, чтобы вас перевели?

— Да.

— Одну минуту, — сказал ему Чесни и, нажав кнопку, перевел звонок.

***

— Офис принца Барека.

— Это член Ассамблеи Паяри, — сказал Эллиот лицу человека, которого он никогда раньше не видел, надеясь запугать его. — Мне нужно немедленно поговорить с принцем Бареком.

— Сейчас я посмотрю, свободен ли он, сэр. — Он перевел Паяри в режим ожидания, прежде чем тот успел сказать еще хоть слово.

Барек улыбнулся своему новому помощнику. Он прекрасно справился с Паяри. Барек ожидал этого звонка. Правда, это заняло немного больше времени, чем он думал, но он был уверен, что это потому, что «Сокол» пожурил Паяри за задницу.

— Продержите его на линии еще несколько минут, затем переведите звонок на меня.

— Да, сэр.

***

— Член Ассамблеи Паяри, что я могу для вас сделать?

— Принц Барек, простите за беспокойство, но помощник вашего отца сообщил мне, что мне нужно поговорить с вами по поводу корпорации «Сокол». Я уверен, что он ошибается.

— Чесни никогда не ошибается. Почему вы спрашиваете о «Соколе», член Ассамблеи?

— Я... Мне позвонил Киан Сокол, владелец и президент корпорации «Сокол». И он был весьма... расстроен... когда Итан Мичелокакис появился на одной из его шахт с подписанным вами разрешением на исследование объекта.

— Я уверен, что он расстроен, и он будет расстроен еще больше, когда поймет, что *все* объекты, на которые он получил правительственный контракт, находятся под следствием.

— Что?! Но... но я возглавляю комитет, который решает, кто будет под следствием.

— Мне сообщили. — Барек пристально посмотрел на Паяри и увидел, что тот начал потеть.

— Тогда как...

— Как что, член Ассамблеи?

— Тогда как это происходит, если *я* этого не утверждал?

— Это происходит потому, что мой отец дал *мне* полное право расследовать то, что произошло на Нуге, и сделать так, чтобы это никогда не повторилось. Нигде.

— Конечно, конечно. То, что произошло на Нуге, было ужасной трагедией, и это должно быть расследовано, но есть определенные процедуры, которые должны быть соблюдены, принц Барек, чтобы доверие народа могло быть восстановлено.

— Я полностью согласен, член Ассамблеи Паяри.

— Сэр, это невозможно сделать, если вы начнете то, что не собираетесь здесь закончить.

— Почему вы думаете, что я не собираюсь это закончить? — холодно спросил Барек.

— Потому что такие вещи часто становятся долгими, затяжными и сложными для расследования. Я знаю, потому что участвовал во многих из них, а с вашим возвращением на…

— Я не вернусь на «Стражи», член Ассамблеи. Я официально сложил, свои полномочия и теперь буду постоянно служить на стороне моего отца.

— Я... Я не был поставлен в известность об этом, сэр.

— А должны были? — Барек позволил Паяри услышать свой сарказм. — Это было частное, личное дело между мной и моим отцом. Теперь у меня будет достаточно времени, чтобы расследовать то, что произошло на Нуге.

— Да, конечно. Я согласен и могу отправить на Нугу группу доверенных инспекторов всего через несколько дней. Я потребую от них немедленных ответов, чтобы Нуга была отремонтирована и функционировала нормально. Нет необходимости в том, чтобы расследование шло дальше этого.

— Я не согласен, член Ассамблеи. Я изучил все контракты, заключенные с корпорацией «Сокол», и в них всегда указаны одни и те же поставщики, один и тот же персонал и много раз идентичные результаты испытаний... — Барек остановился на

мгновение. — Из-за этого я считаю, что коррупция и бесхозяйственность, которые привели к взрыву на Нуге, распространяются не только на Нугу. Поэтому каждый объект, которым управляет «Сокол» и который получил контракт от Дома Защиты, будет проверен теми, кому *я* доверяю.

— Но, сэр, Итан Мичелокакис... Он конкурент корпорации «Сокол». Он заявит, что есть проблемы там, где их нет.

— Почему вы так считаете?

— Потому что, как я уже говорил, он так и не смог заключить с нами крупный контракт.

— Почему это? Я просмотрел его предложения, и во многих случаях они были более выгодными, чем предложения «Сокола».

— При заключении контракта нужно смотреть не только на итоговую сумму, сэр. Есть репутация и, конечно, то, как они выполняли прошлые контракты.

— Репутация корпорации «Чжао» безупречна, член Ассамблеи Паяри.

— Когда компанией руководил Харбин Чжао, да, но последние десять циклов она была утрачена, когда ею руководил его зять. Итан Мичелокакис.

— Вы сомневаетесь в этике Итана Мичелокакиса? С таким отцом, как Стефан? Член Ассамблеи, с которым вы служили?

— Да, Стефан был хорошим человеком, но он не был идеальным и сделал несколько больших ошибок в суждениях, насколько я понимаю. Его сын — просто продукт этого.

— Продукт чего? Член Ассамблеи Паяри? — тон Барека стал смертельно холодным, но Паяри, казалось, этого не заметил.

— Продукт смешанной кровной линии. Когда такое происходит, неудивительно, что ребенок не имеет понятия о том, что такое истинная принадлежность к Дому, и, следовательно, не имеет лояльности.

— Просто чтобы я был уверен, что понимаю, член Ассамблеи Паяри. Вы считаете, что Итан Мичелокакис *не* является членом этой Палаты, хотя он родился здесь, и его отец *был* из этой Палаты.

— Но его мать — *нет.*

— Джасинда Мичелокакис могла родиться в Доме Исцеления, но она вышла замуж за человека из Дома Защиты, она живет здесь уже почти сорок циклов.

— Это все равно не делает *ее* членом этого престижного Дома!

— И на *этом* основании вы считаете, что Итан солгал?

— Конечно, и тем самым он опорочит доброе имя истинного и верного члена этого Дома.

— Понятно.

— Хорошо, тогда я сообщу, Кину, что он может отстранить Итана любым способом, который сочтет нужным.

— Нет. — Хотя это слово было произнесено тихо, все застыло, как будто Паяри был оглушен.

— Нет? — переспросил Паяри.

— Нет. Видите ли, член Ассамблеи Паяри, *я* полностью доверяю Итану Мичелокакису. Он — *мой* выбор на эту должность, и он будет подчиняться непосредственно *мне*. Вы можете сообщить, Кину Соколу, что если я услышу, что он

каким-либо образом вмешивается в работу Итана и расследование, которое он проводит от *моего* имени, то он будет привлечен к ответственности по обвинению в грубой халатности в связи со смертью почти пятисот человек.

— Я... — глаза Паяри выпучились на Барека.

— Хорошего дня, Паяри.

***

— Нет! Ни в коем случае! — слова Джотэма были тверды и сказаны королем.

— Джотэм... — слова Джасинды были мягкими, как будто она имела дело с расстроенным ребенком.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала без меня.

— Это всего на несколько дней раньше, Джотэм, чтобы Киа могла сделать последние изменения в моем платье. — Она положила руку на его руку. — Для меня важно, чтобы это платье хорошо отражалось не только на мне, но и на *тебе*.

— Меня меньше всего волнует, что оно «отражает», Джасинда. Я знаю, — он поднял руку, когда она открыла рот. — Я знаю, что это неправильные слова, но это правда. Я никогда не видел тебя на каком-либо мероприятии, где бы ты ни выглядела потрясающе, Джасинда. На тебе может быть тряпка, и ты все равно затмишь всех остальных женщин в комнате.

— Джотэм... — глаза Джасинды смягчились.

— Меня беспокоит то, что ты будешь далеко от меня. Через полмира, и неважно, что ты будешь жить в Королевском крыле Дома Знаний. Я все равно буду волноваться, потому что я не с тобой. Киа сможет внести изменения, когда *мы* приедем.

— Киа будет по уши занята переделками для Кассандры и других. Она уже сделала мне одолжение, сшив платье в такой короткий срок. Это меньшее, что я могу сделать, чтобы работать по ее графику.

— Джасинда...

— К тому же это даст мне шанс, надеюсь, поговорить со Стефани.

Джотэм услышал беспокойство в ее голосе.

— Она все еще не отвечает на твои звонки? — он знал, как Джасинда расстроена этим, хотя она и пыталась это скрыть.

— Нет. Поэтому я решила, что на этот раз попробую встретиться с ней лицом к лицу.

Джотэм глубоко вздохнул. Он знал, что ей нужно это сделать, и он должен был позволить ей. Но это не значит, что ему это должно нравиться.

— Хорошо, но ты возьмешь мой личный шаттл, полную охрану, и будешь *использовать* их. — Взгляд его глаз сказал Джасинде, что спорить не стоит. — Все время, Джасинда.

— Хорошо, — согласилась она.

— И ты будешь звонить мне. Каждый день. Каждую ночь.

— Буду.

— И...

— Джотэм. — Она нежно провела пальцами по его губам, останавливая его слова. — Все будет хорошо. Я буду в безопасности. Я не буду рисковать.

— Поклянись, — приказал он.

— Я клянусь.

***

Грин вошел в кабинет Деффонда и сел. Он знал, что Джасинда планировала остаться во дворце этой ночью *после* того, как убедит Джотэма отпустить ее в Кисурри пораньше, без Джотэма. Он не мог не улыбнуться, потому что знал, что она *убедит* короля. Он уже приказал своим людям собираться и быть готовыми к отъезду.

— Что вызвало эту улыбку на твоем лице, Грин? — потребовал Деффонд, оторвавшись от отчета, который он читал.

— Джасинда. Она хочет уехать в Кисурри пораньше. — Его улыбка усилилась. — Без Джотэма.

— О, это будет не очень хорошо. — Деффонд отложил свой отчет в сторону.

— Нет, но она убедит его.

— Верно. Я лучше сообщу своим людям, что мы тоже уходим рано.

— Ты думаешь, Джотэм изменит свое расписание и поедет с ней?

— Нет, у него есть несколько встреч, которые он не может пропустить. Но я думаю, что после ее отъезда он изменит свой график и будет работать допоздна, чтобы приехать раньше. — Деффонд уже собирался забрать отчет, когда на лице Грина появилось выражение, которое не понравилось Деффонду. — Что случилось?

— Кое-что произошло несколько недель назад. Я все жду, что Джотэм спросит меня об этом, но он не спрашивает. Я не думаю, что Джасинда рассказала ему.

— Что рассказала? — спросил Деффонд.

— Вскоре после того, как Джасинде была назначена охрана, она шла в Общественное крыло, когда жена члена Ассамблеи Паяри столкнулась с ней.

— Столкнулась с ней? Что значит «столкнулась»? — потребовал Деффонд.

— Мадам Паяри разглагольствовала о том, что Джасинда не должна там находиться, что ее туда не пускали, и что ее нужно выпроводить из дворца.

— Она *что*?!

— Джасинда просто стояла и терпела. Она не позволила мне вмешаться, кроме как выпроводить ее. Мадам Паяри даже не заметила, что я проводил ее *вглубь* дворца, а не вывел *из* него.

— Эта женщина — угроза, — пробормотал Деффан.

— Согласен. Но больше всего меня потрясло то, что Джасинда сказала мне, что именно этого она и ожидала, что когда до них дойдет, что она «компаньонка» короля, то ей и о ней будут говорить еще больше, и что так оно и есть.

— Джотэм никогда этого не допустит.

— Допустит, если не будет знать об этом.

— Так почему же ты ему не сказал?

— И чтобы Джасинда расстроилась из-за *меня*? Ни за что. Я отчитываюсь перед *тобой*. Ты обязан сообщить королю, и тогда Джасинда может обидеться на тебя.

— Большое спасибо, Корт. Вот я даю тебе должность мечты, а ты идешь и бросаешь меня под транспорт.

— Должность мечты. Да, точно. Джасинда — это кошмар безопасности. Она передвигается больше, чем Джотэм, и чаще всего это происходит в самый неподходящий момент.

— И ты любишь вызов.

— Люблю, — согласился Корт. — Не волнуйся, Ник, она не будет злиться на тебя слишком долго.

***

— Привет, Стефани. — Джасинда смотрела, как напряглась ее дочь, и знала, что она повернулась бы и ушла, если бы не Питер Чемберлен, идущий рядом с ней. Питер сообщил ей, что они будут идти этим путем, и Джасинда воспользовалась этим.

— Мама, — холодно признала Стефани. — Что ты здесь делаешь?

— Я подумала, что мы должны поговорить. — Джасинда обратила свое внимание на Питера. — Привет, Питер.

— Здравствуй, Джасинда, — улыбнулся Питер. — Увидимся ли мы сегодня за последним ужином?

— Боюсь, что нет. Сегодня я ужинаю у своей сестры.

— Бретт будет разочарован. У него есть еще несколько рисунков, которые он хочет тебе показать.

— Я бы с удовольствием их посмотрела, — честно призналась ему Джасинда. — Может быть, если будет не слишком поздно, когда я вернусь, я могла бы позвонить ему?

— Это было бы прекрасно. — Питер переключил свое внимание на Стефани. — Лейтенант, жду вас в учебном зале через пятнадцать минут.

— Да, капитан, — немедленно ответила Стефани.

Джасинда подождала, пока они останутся одни, прежде чем заговорить.

— Ты не ответила ни на один из моих звонков.

— Я не хотела с тобой разговаривать.

— Я это поняла, но игнорирование проблемы не избавляет от нее, Стефи.

— А разговор об этом? — потребовала Стефани.

— Не так, как ты хочешь, но это может помочь тебе смириться с этим.

— А если я не хочу с этим смириться, как ты говоришь?

— Тогда у нас возникнет проблема.

— Я не могу поверить, что ты это делаешь, мама! — шипела Стефани. — А как же папа!

— И как же он?

— Если бы он был жив...

— Если бы твой отец был *жив*, ничего бы этого не случилось. Я любила твоего отца, Стефани, до сих пор люблю его, всегда буду любить. Но теперь я также люблю Джотэма, и я бы не отказалась от него так же, как от твоего отца.

— Но... — Стефани нахмурилась, выглядя смущенной.

— Но что?

— Как... ты всегда говорила, что отец — твой спутник жизни.

— И он был, есть, но это не значит, что я не могу любить кого-то другого. Это не то же самое, что любовь, которую я испытываю к твоему отцу, Стефани. Она другая, но

это не делает ее неправильной. Я уже не та женщина, которой была, когда вышла замуж за твоего отца и стала женой. Это изменило меня, так же как изменило меня, когда я стала матерью, так же как изменило меня, когда я стала вдовой. Мне жаль, если это тебя расстраивает. Я знаю, что из всех моих детей ты была ближе всех к своему отцу, потому что ты была его маленькой девочкой. Ты боготворила его гораздо больше, чем Дантон или Итан, и я знаю, что ты считаешь это предательством по отношению к нему, но я так не считаю. Я вижу в этом дань уважения. Любовь твоего отца была настолько истинной, что я знаю, он не хотел бы, чтобы я осталась одна, даже если бы я снова полюбила.

— Ты не можешь быть в этом уверена, — отрицала Стефани, но в голосе ее не было уверенности.

— Я могу, потому что это то, чего бы я хотела для него, если бы ситуация изменилась.

— Я... мне нужно идти, мама. Я не могу опоздать на тренировку.

— Я понимаю. Но, пожалуйста, Стефани, подумай о том, что я сказала, потому что через несколько дней все узнают.

— Что ты имеешь в виду? — потребовала Стефани. — Джотэм собирается сделать официальное объявление?!!!

— В некотором смысле. Я здесь, потому что буду присутствовать на королевском балу вместе с ним.

— Что?!!! — Стефи сделала спотыкающийся шаг назад.

***

— Держи руки *поднятыми*, Мичелокакис! — предупреждение Питера запоздало, и Стефани снова оказалась на мате, а Вудроу жестоко ухмылялся, глядя на нее. Она ненавидела Уортэма Вудроу. Он не скрывал, что считает, что женщинам не место в службе безопасности, а поскольку Стефани была единственной оставшейся женщиной в этой программе, она была его любимой мишенью.

— Всем передохнуть! Мичелокакис! В мой кабинет! — приказал Питер, крутанувшись на пятке.

Вудроу усмехнулся, когда пошел за водой.

— Что у вас в голове творится, лейтенант? — потребовал Питер, захлопывая дверь и направляясь к своему столу.

— Ничего, сэр, — ответила она, застыв на месте.

— Я вижу это. Иначе Вудроу не смог бы свалить вас таким простым ходом.

— Да, сэр.

Питер откинулся в кресле, окинув ее внимательным взглядом.

— Вы, лейтенант, самый талантливый новобранец, которого я когда-либо тренировал.

— Что? — Стефани бросила на него шокированный взгляд.

— Вы умны, быстро учитесь и адаптируетесь, и понимаете, что грубая сила редко является решением.

— Я... Спасибо, капитан.

— Именно поэтому ваше сегодняшнее выступление так раздражает. Теперь я хочу знать, в чем причина.

— Сэр, простите, это семейное дело. Но я клянусь вам, я больше не позволю этому влиять на мои тренировки.

— Ты расстроена из-за отношений твоей матери с королем Джотэмом. — Питер не думал, что это возможно, но Стефани стала еще жестче, ее глаза пронзили его так же, как глаза ее матери.

— Сэр, хотя я отношусь к вам с уважением, *это* не ваше дело.

— Обычно я бы согласился с этим утверждением, но в данном случае это касается одного из моих стажеров. Поэтому, если вы не хотите быть исключенной из этой программы, вы будете отвечать.

Стефани молчала несколько мгновений, взвешивая, что для нее важнее всего, и понимая, что если она провалит эту программу, то это будет ее собственная вина.

— Да. У меня проблема с... отношениями моей матери с королем Джотэмом.

— Почему?

— ПОЧЕМУ?!!! — Стефани посмотрела на него как на сумасшедшего. — Она моя *мать*, а он...

— Просто мужчина.

— Это неправда! Он король, предводитель людей, он и мой отец...

— Он и твой отец?

— Они были друзьями. Я часто пробиралась в кабинет отца и слышала, как они с Джотэмом разговаривают. Я никогда не подслушивала, *что* они говорят, но то, *как* они это говорили. Даже когда они спорили, было видно, что они уважают друг друга.

— И ты думаешь, что Джотэм каким-то образом нарушил эту дружбу, это уважение, полюбив твою мать.

— Он не любит ее, — мгновенно опровергла Стефани.

— Любит, — тихо сказал ей Питер.

— Он не может.

— Почему?

— Потому что если бы он любил, то сделал бы ее своей королевой, а не компаньонкой. — Наконец-то она сказала то, что ее действительно беспокоило. Ее мать никогда не была предназначена для того, чтобы быть «компаньонкой».

— Возможно, он так и сделает.

— Нет. Он всегда говорил, что Лата будет его единственной королевой.

— Кому?

— Моему отцу. Отец хотел, чтобы он однажды встретил кого-то. Вы можете в это поверить? Мой отец пытается свести короля с женщиной? Джотэм тогда сказал, что для него всегда будет только одна женщина, одна королева, и она умерла.

— Люди меняются, Стефани, время меняет нас, и жизнь меняет нас. Я не знаю, сделает ли Джотэм Джасинду своей королевой, но я знаю, что он любит ее. Чтобы понять это, достаточно увидеть их вместе. — Когда Стефани не ответила, он задал ей вопрос. — Позволь спросить тебя, если бы ситуация была обратной. Если бы ты влюбилась в мужчину, хорошего мужчину, мужчину, который любит тебя и хочет разделить с тобой свою жизнь. Если бы это случилось, и твоя мама почувствовала, что тебе нужно отказаться от него, потому что он может вмешаться в *ее* жизнь. Ты бы так поступила?

— Конечно, нет! Она же моя мать! Она всегда хотела только моего счастья.

— Но ты не хочешь этого для нее. Она должна была умереть вместе с твоим отцом?

Стефани побледнела от обвинения.

— Нет!

— Тогда позволь ей жить, Стефани. Позволь ей любить и быть частью этого, быть с ее дочерью.

— Это не так просто.

— Это так, если ты позволишь. Семья — это очень ценная вещь, Стефани. Я знаю это лучше, чем кто-либо другой. Ты не хочешь потерять *свою* из-за своего эгоизма.

— Я... я подумаю над вашими словами, капитан.

— Сделай это. А теперь возвращайся туда и не дай Вудроу снова тебя сбить.

— Да, сэр. — Повернувшись на каблуке, она вышла из комнаты.

***

— Король Джотэм?

Джотэм поднял глаза от компьютера в своем кабинете и увидел стоящего там Деффонда, который выглядел немного не в своей тарелке.

— Деффонд, я остаюсь на ночь, — сказал он ему.

— Да, Ваше Величество, я знаю. Я надеялся, что смогу переговорить с вами.

— Конечно, — Джотэм откинулся в кресле. — Что я могу для тебя сделать?

— Я... кое-что дошло до моего сведения, о чем, как мне кажется, вы должны знать.

— Хорошо. — Он не думал, что когда-либо видел Деффонда настолько неловким.

— Это касается Джасинды.

Джотэм немедленно поднялся на ноги.

— С ней что-то случилось? Она ранена? — она уехала только накануне вечером, решив, что будет проще, если она отдохнет во время полета на Кисурри, чтобы проснуться свежей и начать свой день. Ему было неприятно видеть, как она садится в его шаттл без него, неприятно знать, что следующие несколько ночей он будет спать один.

— Нет! Нет, Ваше Величество! Я никогда не хотел на это намекать!

— Тогда что?! — потребовал Джотэм, его сердце все еще колотилось от страха.

— Были сделаны некоторые замечания о Джасинде, *в* адрес Джасинды, о которых, как мне кажется, вы не были осведомлены.

— Замечания? — Джотэм медленно сел. — Какого рода замечания? Сделанные кем?

— Мадам Аделаидой Паяри.

Джотэм застонал. Он знал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Что случилось?

— Очевидно, мадам Паяри столкнулась с Джасиндой в Общественном крыле, заявив, что ей там не место, и потребовала, чтобы ее выпроводили из дворца.

— Она что?

Голос Джотэма стал холоднее и смертоноснее, чем Деффонд когда-либо слышал.

— Грин следовал за Джасиндой, согласно вашему приказу, и был свидетелем всего происходящего. Когда он вмешался, мадам Паяри решила, что он пришел *ей* на помощь, поскольку она жена члена Ассамблеи. Прежде чем Грин успел ее поправить, Джасинда попросила его вывести ее из комнаты.

— И он это сделал?

— Непосредственной задачей Грина было увести Джасинду от возможной угрозы. Я вернулся и просмотрел записи. Мадам Паяри вела себя неадекватно.

— И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Грин полагал, что Джасинда расскажет вам об этом и что вы пришлете четкую и подробную директиву о том, как следует поступать в подобных ситуациях с вашей...

— С моей? — спросил Джотэм.

— С компаньонкой, Ваше Величество, — тихо ответил Деффонд.

— Компаньонкой! — Джотэм снова вскочил со стула. — Грин назвал Джасинду моей *компаньонкой*?!

— Нет, Ваше Величество, — немедленно опроверг Деффонд. — Джасинда назвала себя так и сообщила ему, что ему придется привыкнуть к этому, потому что как только станет известно, что вы двое связаны, комментариев будет больше.

— Черт! — Джотэм сердито провел рукой по волосам и начал вышагивать за своим столом, его взгляд устремился на пустое место, где была Лата. Почему он не подумал об этом? Да, были королевские особы, как мужчины, так и женщины, которые имели то, что вежливо называлось «компаньонами», потому что многие из этих союзов были политически мотивированными, как у Якиры, а не любовными. И хотя компаньонов часто видели на небольших частных встречах, когда супруга не присутствовала, их никогда не признавали на публике. Но у Джотэма не было супруги, поэтому он не считал это проблемой.

— Она не сказала ни слова, — прошептал Джотэм.

— Я понял это, как и Грин, по прошествии нескольких недель.

— Так почему же Грин не сказал мне? — Когда Деффонд снова почувствовал себя неловко, Джотэм нахмурился. — Деффонд?

— Грин знал, что Джасинда расстроится, когда вам сообщат, и он не хотел, чтобы она расстраивалась из-за *него*.

Губы Джотэма дернулись при мысли, что один из его королевских гвардейцев боится расстроить Джасинду.

— Значит, он хочет, чтобы она обиделась на тебя.

— Похоже на то, — согласился Деффонд.

— Спасибо, что обратил на это мое внимание. Я позабочусь об этом.

— Я... да, Ваше Величество.

— Ты хочешь сказать что-то еще, Деффонд?

— Я... я просто хочу сказать, что очень уважаю Джасинду. Она действительно добрая женщина, и...

— И?

— И если кто-то сделает неуместный комментарий о ней или в ее адрес в моем присутствии, мне все равно, кто он, я его больно заткну. — Глаза Деффонда сверкнули при этой мысли.

Теперь Джотэм улыбнулся.

— Я дам тебе медаль и за это. Спасибо, Николас, и я обещаю, что *никто* не будет делать неуместных замечаний о Джасинде.

Глава 32

— Джасинда, большое спасибо, что пришла раньше, — подошла Киа, ее руки летали, пока она говорила.

— Это не было проблемой, Киа, не тогда, когда ты не жаловалась на то, что сшила мне платье.

— Как будто я могу. Одевать тебя — одно удовольствие. Как получилось, что после всех этих циклов твои размеры почти не изменились?

Джасинда рассмеялась:

— О, Киа, ты так полезна для моего самолюбия.

— Ты так полезна для моего бизнеса. Достаточно одного взгляда на тебя в этом платье на балу, и все женщины планеты будут ломиться ко мне в дверь. Пойдем. Давай убедимся, что все идеально.

— О, Киа, — прошептала Джасинда несколько мгновений спустя, глядя на свое отражение в зеркале. — Это потрясающе.

Киа стояла позади нее с довольным выражением лица, критически оглядывая платье. На этот раз она действительно превзошла себя. Платье изменилось, выросло с момента первоначального рисунка месяц назад. Это было то же самое облегающее платье без рукавов, которое облегало ее фигуру. Аппликация начала жить своей жизнью. Как только Киа начала наносить бисер, она поняла, что нужно быть смелой или «идти домой». Вместо того чтобы украсить бисером только подол, она заполнила нижнюю четверть водопадом бисера, который струился вокруг ног Джасинды и был расположен таким образом, что фиолетовый цвет Дома защиты сиял, как королевская корона. После этого верхняя половина платья потребовала большего, и Киа ответила. Она продолжила тему короны на лифе, зная, что Джасинда сможет это воплотить. Затем, по прихоти, она перевернула дизайн, чтобы подчеркнуть изгиб ее бедер. Это действительно была одна из лучших работ Киа.

— Пройдись, — приказала она, внимательно наблюдая за движением платья. — Тебе нужны каблуки повыше. Зи! — Киа хлопнула в ладоши, и прибежала ассистентка. — Четырех дюймовые каблуки.

Кивнув, Зи поспешила за туфлями.

— Киа, четыре дюйма? Ты уверена?

— Платье будет лучше держаться, и тебе не придется беспокоиться о том, что ты наступишь на подол, даже когда будешь танцевать. — Она посмотрела на Джасинду и поняла ее беспокойство. — Джотэм все равно будет выше тебя на несколько дюймов, Джасинда.

— Ты уверена?

— Да. Вы двое вместе... Я буду приклеена к своему комму, наблюдая, как потрясающе вы будете выглядеть вместе.

Джасинда покраснела:

— Спасибо, Киа.

— Не стоит благодарности. Теперь, — сказала она, когда Зи вошла в комнату, — подними ногу. — Как только Джасинда сделала это, Киа поменяла ей туфли. — Теперь попробуй еще раз.

Джасинда попробовала и убедилась, что Киа была права, как обычно, платье лучше струилось, и было достаточно высоко от пола, чтобы она не боялась наступить на него.

— Ты была права.

— Конечно, была, — рассеянно ответила Киа, не отрывая глаз от платья. — Поворот. Хорошо. Стоп. — Киа подошла ближе, осматривая бисеринки, которые струились по задней части бедра. — Здесь бисеринки немного распустились. Я починю его и завтра лично доставлю во дворец.

— Хорошо. — Джасинда повернулась и бросила последний взгляд на себя в зеркало, не в силах поверить, насколько красивым было платье. — Спасибо, Киа, оно мне очень нравится.

— Всегда пожалуйста, Джасинда.

***

Джотэм сидел в своей гостиной и смотрел на бархатную шкатулку, которую он положил на стол перед собой. Он лично отправился в королевское хранилище, чтобы достать этот особый предмет, не желая, чтобы кто-то еще знал о нем. Он не был уверен в своих чувствах, глядя на шкатулку. Он никогда не планировал использовать ее снова. Он полагал, что следующим будет Барек, но вот он здесь.

Протянув руку, он открыл передние защелки, которые удерживали коробку закрытой. Затем, раздвинув края, открыл ее, чтобы показать обручальный браслет для Дома Защиты. Это был знак того, что она охотно приняла на себя ответственность и обязанности, связанные с ее союзом с наследником. Или, в данном случае, с королем.

Это была простая вещь, особенно по сравнению с короной, которую каждая королева создавала для себя сама. Это была единственная вещь, которую они *все* носили, сделанная из золота, добытого много тысячелетий назад, и усыпанная крупными фиолетовыми драгоценными камнями квадратной огранки, из которых Дом Защиты черпал свой цвет. Оно сияло, пока лежало в своем бархатном доме, но он знал, что оно засияет еще больше, когда Джасинда наденет его.

Он думал об этом еще до того, как Деффонд сообщил ему, что случилось с Аделаидой Паяри. Однако они с Джасиндой хотели не торопиться, хотя он и настаивал, чтобы она присутствовала на балу вместе с ним. *Он* не подумал о том, чего ей будет стоить это согласие, а *она* подумала и *все же* согласилась. В тот момент, когда он перенес портрет Латы на прежнее место, он знал, что попросит Джасинду стать его *следующей* королевой. Не для того, чтобы заменить Лату, а чтобы стать его королевой на ее собственных условиях. По крайней мере, на ее условиях, как только она примет его, потому что они не появятся на Королевском балу, пока она не наденет этот браслет.

Он знал, что найдутся те, кто будет протестовать против союза, потому что Джасинда не была рождена в Доме Защиты, но прецедент уже был создан с союзом Кассандры. Только *наследник* престола должен был заключить брак в пределах своего Дома. Он хотел Джасинду и собирался получить ее в жены и королевы.

Закрыв шкатулку, он пошел и положил ее в свой багаж. Он хотел быть с Джасиндой. Он скучал по ней, и в этот раз он собирался поставить свои потребности на первое место. Подойдя к своему комму, он связался с Чесни.

— Сообщи всем, что мы отправляемся на Кисурри, как только мой шаттл будет готов.

— Да, Ваше Величество. Я сделаю необходимые звонки.

***

Джотэм был потрясен, когда менее чем через два часа все члены его туристического персонала вместе с охраной были на борту шаттла, и ни один из них не выглядел взволнованным.

— Деффонд!

— Да, Ваше Величество? — Деффонд тут же оказался рядом с ним.

— У тебя не было проблем с тем, чтобы доставить сюда всю охрану?

— Нет, Ваше Величество. — На недоверчивый взгляд Джотэма, лицо Деффонда расплылось в улыбке. — Мы все были собраны и готовы к отъезду с момента отъезда Джасинды, Ваше Величество. Я действительно выиграл в бильярд.

— Бильярд? — переспросил Джотэм.

— Мы все поставили на то, сколько времени пройдет после отъезда Джасинды, прежде чем вы последуете за ней. — Деффонд бросил на него непримиримый, самодовольный взгляд.

— Неужели я стал настолько предсказуем?

— Только в том смысле, что ты ненавидишь разлуку с ней. Я надеюсь однажды стать таким же предсказуемым. — Выражение лица Деффонда снова стало нейтральным. — Было ли что-нибудь еще, Ваше Величество?

— Нет, Николас, и спасибо тебе за все. Я прослежу, чтобы Джасинда не оставалась «расстроенной» слишком долго.

— Очень признателен, Ваше Величество.

***

— Мой рисунок *действительно* висит на стене в вашем доме? Как один из этих? — Бретт указал на шедевры, висевшие на стенах, пока они ели первый ужин.

— Это *действительно* так, — сказала Джасинда Бретту. — Моя невестка красиво оформила ее в рамку. Ты должен будешь приехать в гости, чтобы увидеть его.

— Можно, мам? Мы можем пойти в дом Джасинды? — Бретт обратил взволнованные глаза к матери.

— Мы должны посмотреть. Но ты понимаешь, что если мы пойдем, ты пропустишь уроки с мистером Джонсом.

— Ох да, мне они нравятся, — нахмурился Бретт, явно испытывая противоречие.

— Может быть, когда будут каникулы, ты и твои родители могли бы приехать в гости, — предложила Джасинда.

— Мама?

— Посмотрим, Бретт. Сейчас тебе нужно идти, иначе ты опоздаешь на занятия.

— Хорошо. — Собрав свои вещи, Бретт выбежал из комнаты. — О, прости, король Джотэм! Я опаздываю, — сказал он, когда его сумка столкнулась с Джотэмом, только что вошедшим в комнату.

— Ничего страшного, Бретт. Хорошего дня. — Но он говорил с пустым пространством.

Джасинда повернулась на своем стуле при звуке голоса Джотэма.

— Джотэм! Ты не должен был быть здесь до вечера! — она тут же поднялась и оказалась в его объятиях.

— Ну, я прибыл раньше. — Наклонившись, он захватил ее губы в крепкий поцелуй. — Я скучал по тебе.

Джасинда почувствовала, что ее глаза затуманились.

— Я тоже скучала по тебе. Ты уже поел? Думаю, немного осталось.

— Верно, после того, как эти четыре маленьких монстра закончили? Удачи тебе. — Улыбнулся Уилл Джотэму. — Я свяжусь с Хуту и скажу, чтобы он прислал еще одну тарелку. Как обычно, Джотэм?

— Вообще-то, все хорошо. Я поел на шаттле. — Он окинул Уилла тяжелым взглядом. — У тебя есть немного времени?

— Конечно. Здесь или в моем кабинете?

— Здесь хорошо, я думаю, Джасинда хотела бы это услышать. Кассандра тоже.

— Мне нужно идти к моим стажерам. Уилл, ты введешь меня в курс дела позже? — спросил Питер, поднимаясь из-за стола.

— Да.

— У меня встреча с директором Метаксасом, если я вам не нужна здесь. — Синди тоже поднялась.

— Я не вижу причин для того чтобы ты осталась, — сказал Джотэм.

— Пойдем, Пикси, я провожу тебя до твоего лимизина.

— Знаешь, я могу дойти сама, — поддразнила Синди.

— Да, но тогда я не смогу смотреть на твою милую попку, пока ты идешь.

— Питер Чемберлен! Что мне с тобой делать? — Питер не успел ответить, как они ушли.

— Приятно видеть их такими счастливыми, — тихо сказал Уилл. — Во многом мы обязаны этим тебе, Джасинда.

— Вы бы и сами догадались. Я просто ускорила процесс.

— Было бы приятно так думать, но я не уверен. — Он посмотрел на Джотэма. — Давай хотя бы выпьем кофе. Мне он нужен. Кажется, у Сабы прорезался первый зуб, и она хотела, чтобы только я держал ее.

— И ты наслаждался каждой минутой, — бросила Кассандра, входя в комнату.

— Да, но мне все еще нужен кофе. Кофе Питталуге.

— Ты полностью испортила его, Джасинда. Когда я его встретила, Уильям пил осадок. А теперь... или кофе Питталуге, или ничего.

— Мне очень жаль, — ответила Джасинда без намека на раскаяние в голосе.

— Да, я вижу. — Подхватив поднос с кофе, прежде чем Уильям успел налить чашку, Кассандра отнесла его в зону отдыха с видом на сад.

— Я мог бы это сделать, Кассандра, — запротестовал Уильям.

— До или после того, как ты выпил половину чашки? — спросила она.

Уильяму хватило приличия покраснеть.

— Я так и подумала. Джасинда? — Кассандра посмотрела на нее.

— Я бы с удовольствием. Спасибо, Кассандра.

— Джотэм?

— Пожалуйста.

— Кассандра....

— Сначала гости, Уильям. — Медленно, очень медленно Кассандра налила Уильяму чашку столь желанного напитка, затем протянула ее ему, смеясь. — Ты такой плохой, Уильям Зафар.

— Я покажу тебе, какой я плохой, — сказал он ей, сделав длинный глоток кофе. — Позже, когда мы останемся одни.

Кассандра только покраснела в ответ.

После нескольких минут, когда все наслаждались кофе, Уильям, наконец, заговорил.

— У меня есть кое-какие новости относительно тех передач между Паяри и Станником.

— Передач? — Джасинда вопросительно подняла бровь на Джотэма.

— Да, ты знаешь, что Рог Станник, член Ассамблеи Дома Знаний, был арестован.

— Да, но в основном все было довольно тихо, — признала Джасинда.

— Он хотел моей смерти, — прямо заявила Кассандра. — Моей и всех моих детей.

— Я... — Джасинда потрясенно посмотрела на Кассандру, а затем перевела взгляд на Уильяма. — Почему он все еще жив?

Джотэм начал хихикать.

— Я не знал, что ты такая кровожадная, любовь моя.

— Я не такая. Обычно нет, но Станник всегда был чертовым маленьким фоабхором. Я просто никогда не думала, что он дойдет до такой крайности.

Молчание встретило искреннее заявление Джасинды.

— Что? — спросила она, глядя на три шокированных лица.

— Где ты только выучила такую фразу? — спросил наконец Джотэм.

— О, пожалуйста, — Джасинда пренебрежительно махнула рукой. — Я училась в той же Академии, что и вы, *и* служила в Коалиции. Не то чтобы я не слышала или не говорила этого раньше.

— Да, но обычно ты такая... вежливая и... тактичная, — сказал Уильям.

Кассандра фыркнула, заставив Джасинду посмотреть на нее, и молчаливый взгляд, которым они обменялись, сказал:

— «Мужчины!»

— Итак, вернемся к этой передаче? — спросила она.

— После просмотра его комма выяснилось, что он регулярно общается с кем-то из Дома Защиты.

Джасинда даже не колебалась:

— Паяри.

Все в комнате снова потрясенно посмотрели на нее.

— Что *теперь*? — потребовала Джасинда.

— Как ты могла это знать?! — потребовал Уильям.

— Потому что они оба пуристы. Они считают, что любой, кто не принадлежит к «чистой» родословной, ниже их.

— Это просто смешно! — насмехался Уильям. — Не существует такой вещи, как «чистая» родословная, даже их собственная.

— Я бы не пыталась им это говорить. — Джасинда посмотрела на него долгим взглядом. — Итак, я предполагаю, что сообщения были связаны с Бареком и тем, кого он выберет своей королевой.

Уильям посмотрел на Джотэма.

— Зачем мы вообще беспокоились? Мы потратили впустую последний лунный цикл, когда все, что нам нужно было сделать, это спросить Джасинду.

— Лунный цикл? — Джасинда в шоке посмотрела на Уильяма. — Ты хочешь сказать, что работаешь над этим с тех пор, как мы уехали?

— Да, — на этот раз заговорила Кассандра. — Передачи было сложно отследить.

— Я уверена, что так и было. Паяри может быть фоабхором, но он умный фоабхор. По крайней мере, теперь у тебя есть доказательства.

— Да, — согласился Уильям.

— Почему ты была так уверена, что эти передачи связаны с Бареком? — спросил Джотэм, бросив на нее вопросительный взгляд.

— Потому что Аделаида Паяри так же уверена, что ее дочери суждено стать королевой, как и мне.

— Твоя мать считала, что тебе суждено стать королевой? — спросил Джотэм, замирая.

— О да. Она и королева Риа были уверены, что мы с Юсуфом идеально подходим друг другу. Это одна из причин, почему я так настаивала на поступлении в Академию, чтобы уехать от них и от *него*.

— Юсуф должен быть как минимум на шесть циклов моложе тебя, — сказал Джотэм.

— Девять. Можешь себе представить? Они пытались свести меня с *пяти*-цикловым. Да еще с сопливым и избалованным. — Джасинда содрогнулась от воспоминаний.

— Сейчас его нет, — тихо сообщил ей Джотэм, его лицо было пустым, и Джасинда бросила на него странный взгляд.

— Верно, но меня это не интересовало тогда и не интересует сейчас. Единственный мужчина, который меня интересует, — это *ты*. — Наклонившись, она поцеловала его.

— Хорошо. — Когда Джасинда отстранилась, Джотэм обхватил ее за шею и прижал к себе, покусывая ее губы, кофе смешался с ее уникальным ароматом. Наконец, после того как Уильям во второй раз прочистил горло, Джотэм отпустил ее. Приятно было видеть, что ее лицо раскраснелось от желания.

— Ладно, вы двое, вы можете сделать это позже, вернемся к текущему вопросу, — поддразнила Кассандра.

— Если мы должны, — нехотя ответил Джотэм. — Итак, Аделаида считает, что Барек должен заинтересоваться Шошей. — Настала очередь Джотэма вздрогнуть. — У моего сына вкус получше.

— Это точно, — согласилась Джасинда, понимая, что он говорит об Амине.

— Эллиот Паяри все же связался с Бареком, — сказал им Джотэм. — Похоже, Сокол набросился на него, когда Итан явился осмотреть его Центральную площадку.

— Итан? — Джасинда резко посмотрела на Джотэма, мягкое выражение ее глаз исчезло. — *Мой* Итан?

— Ммм... ну да, — осторожно сказал ей Джотэм.

— О-о-о, у Джотэма неприятности, — голос Кассандры, поющий не в лад, заставил Джасинду и Джотэма уставиться на нее, а Уильям сморщился, когда она попыталась подхватить мелодию.

— Кассандра, возможно, сейчас не самое подходящее время.

— Ты объяснишь мне, что *именно* один из моих сыновей делает рядом с Кианом Соколом! Он хуже Паяри, потому что только притворяется пуристом. Все, о чем он заботится, — это его кредиты.

— Вообще-то, — Джотэм решил, что ему лучше все рассказать Джасинде. — Дантон тоже замешан.

Тишина, заполнившая комнату, была оглушительной после того, как Джотэм бросил эту бомбу.

— Простите? — лед, прозвучавший в словах Джасинды, охладил всех присутствующих в комнате.

— Джасинда, Дантон имеет право помочь закончить то, что начал его отец. Итан тоже. Они оба хотят быть частью этого. Частью того, чтобы *их* Дом был безопасен для *всех*, кто в нем живет и работает.

Джасинда встала и вышла на балкон, держась за перила и глядя на сад. Она понимала, о чем говорил Джотэм. Она даже понимала, что ее сыновья захотят принять в этом участие, особенно Итан. Он не думал, что она знает о том, что ему и семье Чжао пришлось пережить из-за того, что Касмира вышла за него замуж. Это была одна из причин, по которой она не стала жаловаться, когда Стефан сказал ей, что собирается возглавить еще один комитет. Она понимала, но это не означало, что ей это должно нравиться.

— Джасинда? — Джотэм вышел и встал прямо за ней. Наклонившись, он положил свои руки поверх ее, окружая ее своим теплом и защитой.

Наклонившись назад, она впитывала все это.

— Я в порядке. Не счастлива, но в порядке. — Медленно она повернулась в его объятиях, увидела беспокойство в его глазах и прижалась к его щеке. — Правда, Джотэм. Я понимаю, почему мальчики хотят быть вовлеченными, так же как я понимала, почему Стефан был вовлечен. Сокол и такие, как он, должны быть остановлены. Он как Одрик, который убил спутника жизни Якиры, Вейна, чтобы жениться на ней. Ему было все равно, кто пострадает или что ему придется делать, лишь бы получить то, что *он* хотел.

— Барек и твои сыновья остановят его.

— Скажи Бареку, чтобы он был осторожен, Джотэм. Чтобы никогда не встречался с Кианом без охраны.

— Ты думаешь, Сокол настолько безумен, чтобы напасть на наследника престола? — Джотэм не мог скрыть своего потрясения.

— Валериан был достаточно безумен, чтобы попытаться убить Кассандру, не так ли?

Уильям обнял жену за плечи, притягивая ее к себе, вспоминая тот ужасный момент, когда Валериан стрелял в Кассандру, и они вышли вслед за другой парой на балкон.

— Ты права, — сказала Кассандра, заставив Джотэма и Джасинду посмотреть на нее. — Никогда не знаешь, что сделает тот, кто жаждет власти. Барек здесь, не так ли? — ее взгляд устремился на Джотэма.

— Да.

— Хорошо. Мы позаботимся о том, чтобы его охрана была усилена. — Кассандра полностью перешла в режим королевы. — Итан все еще в Печоре?

— Исследует центральный сайт «Сокола», — сказал ей Джотэм.

— Вам нужно усилить его охрану. Я полагаю, Дантон на шаттле с другими членами Ассамблеи? — Джотэм кивнул в знак согласия. — Он остановился у вашего эмиссара?

— Нет, — ответила Джасинда. — Он остановился у моей сестры, Палмы.

— Я прослежу, чтобы охрана в том районе была усилена. Если кто-то спросит, это потому, что Биргин работает с моей невесткой и племянником.

— Спасибо, Кассандра, — улыбнулась Джасинда.

— Не стоит благодарности, Джасинда. Ты теперь не только друг, но и часть моей семьи. Это делает твою семью и моей тоже, и я защищаю то, что принадлежит мне.

***

Аделаида ерзала на своем сиденье. Она ненавидела эти рейсы Ассамблеи. Ненавидела быть окруженной столькими людьми, которые были «ниже» ее, но Эллиот отказался предоставить им частный шаттл или попросить Киана воспользоваться своим, заявив, что по прибытии они должны восприниматься как «единое» собрание.

Ей это показалось комичным, ведь они не были «одним целым». Были те, кто имел значение, и те, кто не имел. Она была одной из тех, кто имел значение. Дантон Мичелокакис был одним из тех, кто не имел значения.

Небрежно обернувшись, она посмотрела назад и улыбнулась: Дантон сидел в последнем ряду, где ему и место. Похоже, он что-то читал на своем комме. Она была уверена, что это неважно. Как будто он почувствовал ее взгляд, его глаза внезапно поднялись, и он встретил ее пристальный взгляд.

На мгновение Аделаида почувствовала беспокойство. Как будто Дантон мог видеть ее мысли и знал все ее секреты. Мысленно встряхнувшись, она слабо улыбнулась ему, а затем снова посмотрела вперед.

— Эллиот, — тихо потребовала она. Когда он не ответил, она резко обернулась и увидела, что он смотрит в окно шаттла, видимо, погрузившись в раздумья. — Эллиот! — шипела она на этот раз громче.

— Хм? — рассеянно ответил он, прежде чем его взгляд сфокусировался на жене. — Что ты хотела, Аделаида?

***

Эллиот погрузился в приятные мысли о своей компаньонке, Биби. Да, он знал, что она не самая умная из женщин, но она не была требовательной и искренне заботилась о нем. Она уже была в Кисурри, остановившись в удивительном отеле, который они обнаружили во время одного из своих многочисленных визитов.

Аделаида ненавидела жару Кисурри и редко сопровождала его сюда. Единственная причина, по которой она сопровождала его сейчас, заключалась в том, что это был Королевский бал, а она никогда бы не пропустила такое важное событие.

Сегодня вечером, сказав, что ему нужно обсудить дела с другими членами Ассамблеи, Эллиот встретится с Биби, и они вместе поужинают, а затем займутся потрясающим сексом. О да, он не мог дождаться, когда приедет в Кисурри.

Раздражающий голос Аделаиды прервал его приятные мысли.

— Что ты хотела, Аделаида? — спросил он раздраженно.

Глаза Аделаиды сузились от тона Эллиота, но она знала, что не может устраивать сцену. Не здесь, когда их окружают члены Ассамблеи и их жены. Но как только она останется с ним наедине, она заставит его заплатить за то, что он так с ней разговаривал.

— Ты когда-нибудь узнавал, почему Барек встречался с Дантоном, — тихо шипела она.

Эллиот потер подбородок, собираясь с мыслями и решая, что сказать, а что не сказать Аделаиде. Он многое узнал от Барека, но ничего из этого не касалось Дантона. Он не рассказал ей о проблемах с Соколом, потому что знал, как она отреагирует, и не хотел с этим разбираться. Пока он не решил, как лучше поступить в этой ситуации.

Он сознательно солгал Соколу, что никогда не было хорошо, сказав ему, что он справится с ситуацией. Он сказал ему, что, хотя Сокол должен допустить инспекторов, он позаботится о том, чтобы отчеты никогда не увидели свет. Конечно, этого не произойдет, но он выиграл немного времени. Все начинало рушиться. Как только они обнаружат всю степень его коррупции, Палата лишит его власти и положения, и имя Паяри навсегда будет ассоциироваться с коррупцией.

Он не сомневался, что однажды это произойдет, особенно после того, как Стефан Мичелокакис вел против него расследование. Злодеяния Эллиота уже были бы раскрыты, если бы Стефан не умер. Тогда он начал готовиться. Он открыл тайный фонд, о котором Аделаида ничего не знала, и с этого фонда началась его следующая жизнь. В которой будет Биби и только Биби. Вчера он привел в действие свои планы, чтобы «исчезнуть».

Аделаида могла позаботиться о себе сама, что же касается их дочери... Он почувствовал легкое раздражение по поводу Шоши, но оно быстро прошло. Шоша всегда была больше дочерью Аделаиды, чем его. Она делала то, что говорила ей мать. Он надеялся, что она переживет последствия, но что касается Аделаиды... Ему было все равно. Эта женщина становилась все более неуравновешенной по мере прохождения циклов, и он не мог дождаться, когда она навсегда исчезнет из его жизни.

Что же он должен был сказать Аделаиде? Это должно было быть что-то такое, что отвлекло бы ее от настоящей проблемы.

— Нет, но я узнал, что Барек сложил свои полномочия в Коалиции и теперь будет постоянно находиться на планете.

— Что?!! — воскликнула Аделаида, и все головы повернулись, чтобы посмотреть на нее.

— Ты хочешь, чтобы все узнали, Аделаида? — спросил Эллиот, уже зная ответ. — Или ты предпочитаешь быть единственной?

Аделаида сразу же успокоилась, а затем огляделась вокруг, чтобы обнаружить, что они стали центром внимания.

— Мне очень жаль, — сказала она, изо всех сил имитируя искреннюю улыбку. — Эллиот просто сообщил мне неожиданную новость. Все в порядке.

Она подождала, пока возобновится негромкий гул разговоров, и снова повернулась к Эллиоту.

— Это невозможно! Кто тебе это сказал?

— Принц Барек сам сообщил мне о своем решении. Он посчитал, что из-за моего положения я должен знать. — Ложь вырвалась из его губ легко, как будто он делал это уже несколько циклов.

— Но Шоша на «Хранителе»! — Аделаида указала на очевидное.

— Потому что именно там *ты* хотела ее видеть.

— Тогда *ты* должен что-то сделать, чтобы вернуть ее домой! — приказала она. — Шоша должна быть на планете, если она хочет привлечь внимание Барека и стать следующей королевой.

— Очень мало шансов, что Барек когда-нибудь выберет Шошу, Аделаида.

— Это неправда! Шоша молода, красива, у нее влиятельные родители, и она из чистокровной семьи. Ни одна другая женщина даже близко не имеет всего этого.

— Возможно, Барек ищет не это, — поддразнил Эллиот, зная, что это разозлит его жену. — Возможно, он больше похож на своего отца, чей союз был ради любви.

— Любовь — это для идиотов! — презрительно бросила Аделаида. — Важно то, что имена Паяри и Тибуллов навсегда связаны друг с другом. Верни Шошу на планету, Эллиот. Мне все равно, что тебе придется сделать, а *я позабочусь* о том, чтобы все остальное произошло.

Глава 33

— Дантон! Я так рада тебя видеть. Клянусь, это было *циклы* назад! — Пальма обняла своего племянника. — Честное слово, ты вырос на целый фут с тех пор, как я видела тебя в последний раз.

— Ты говоришь это каждый раз, когда видишь меня, тетя Пальма, — поддразнил Дантон, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку. — Я был бы по меньшей мере тридцати футов ростом, если бы это было правдой каждый раз.

— Ах, ты. — Пальма ущипнула его за щеку и потянула в дом. — Оставь свои сумки в прихожей, Биргин в гостиной.

Дантон улыбнулся и бросил свои вещи. Он всегда любил приходить в дом своей тети Пальмы. Она была такой открытой и счастливой. Не то чтобы дом, в котором он вырос, не был таким, но здесь все было по-другому. Здесь он не был первым сыном члена Ассамблеи, он был просто Дантоном, по крайней мере, был им раньше.

— Дантон, рад тебя видеть. — Биргин поднялся со своего места, чтобы пересесть и пожать ему руку. — Не желаешь ли стакан эля?

— С удовольствием. Это был долгий полет.

— Могу себе представить. — Биргин повернулся, чтобы взять напиток. — Целый день путешествовать на шаттле с кучей душных членов Ассамблеи и их женами. — Биргин преувеличенно вздрогнул.

— Эй! — Дантон запротестовал, принимая напиток, который протягивал Биргин. — Я теперь один из этих «душных» членов Ассамблеи, и на самом деле все было не так уж плохо. Поскольку я недавно избранный и неженатый член Ассамблеи, меня усадили в последнем ряду. Что дало мне возможность немного поработать.

— Ты никогда не заставишь меня поверить в это. — Биргин передал Пальме бокал вина, и они все сели.

— Итак, Дантон. Ты собираешься рассказать мне, почему ты хотел остаться здесь, а не в Доме Эмиссара Защиты с другими членами Ассамблеи? — спросила Пальма, потягивая свое вино.

— Разве я не могу просто захотеть провести время с тетей и дядей?

— Можешь, но я слишком хорошо тебя знаю, Дантон Мичелокакис. По какой-то причине ты не хочешь оставаться в Эмиссаре. — Пальма пристально посмотрела на него. — Это потому, что твоя мать живет в Королевском крыле?

— Вы знаете об этом?

— Конечно, Джасинда ужинала здесь вчера вечером.

— Она ужинала здесь?

— Да, и я хочу знать, что происходит между вами двумя.

— Пальма... — Биргин предостерегающе положил руку на руку своей жены.

— Не смей называть меня «Пальмой», Биргин Метаксас. — Она пристально посмотрела на мужа. — Ты тоже это заметил, и я хочу получить ответы. — Взгляд Пальмы снова устремился на Дантона. — Так скажи мне, Дантон. Почему твоя мать выглядит такой печальной, когда упоминается твое имя?

— Правда? — Дантон обнаружил, что ему приходится тяжело сглатывать, чтобы убрать комок, внезапно образовавшийся в горле.

— Да, и хотя она говорит все правильные слова о том, как она гордится тобой и тем, как усердно ты работаешь, ее сердце не участвовало в этом. Это не похоже на мою сестру. Она *всегда* восторгалась своими детьми. Ох, она никогда не считала вас идеальными, но она всегда поддерживала любой ваш путь. Так что же произошло, чтобы это изменилось?

Дантон отставил свой напиток в сторону.

— У нас были... разногласия.

— Разногласия? — недоверчиво спросила Пальма.

— Спор... большой спор. — Он поднял руку и потер напряженные мышцы на шее.

— Что у вас может быть... — Пальма запнулась, внезапно поняв, в чем проблема. — Джотэм.

— Да. Я не... не очень хорошо отреагировал, когда она мне сказала, тетя Пальма. — Он посмотрел на нее опустошенными глазами. — Совсем не хорошо. Она попросила меня уйти из дома. С тех пор мы не разговаривали.

— О, Дантон... — Пальма поднялась и села рядом с ним, взяв его за руку. — Ты знаешь, что она все еще любит тебя.

— Я не уверен в этом.

— А я уверена. Ты ее ребенок. Она твоя мать. Она всегда будет любить тебя, но, Дантон... ты должен понять, что она не только это. Она также женщина. Удивительная женщина, у которой была удивительная жизнь. Она прожила свою жизнь на своих условиях. Я знаю, что вы, дети, можете так не думать, но это правда. Она точно знала, с чем ей придется столкнуться, когда согласилась стать женой Стефана. Мы все знали, поэтому и пытались отговорить ее, в том числе и я. — Пальма кивнула на недоверчивый взгляд Дантона.

— Она стояла на своем, Дантон, говорила нам всем, что Стефан более чем достоин этого. Что любовь, настоящая любовь, это дар, и она не отвернется от него только потому, что это будет трудно. То же самое она чувствует и к Джотэму. Предки подарили ей вторую любовь. Ты действительно понимаешь, какая это редкая вещь?

— Я был таким эгоистом, тетя Пальма, думал только о том, как это повлияет на *меня* и *мою* жизнь, тогда как должен был радоваться за нее. Что же мне делать?

— Ты действительно сожалеешь, Дантон? Ты действительно сможешь принять то, что Джотэм теперь важная часть жизни твоей матери?

Дантон глубоко вздохнул.

— Да, со всем этим, потому что ты права. Моя мать — удивительная женщина, и она заслуживает любви.

— Тогда скажи ей это, Дантон, и я гарантирую, что она простит тебя, потому что она тоже тебя любит.

***

Джотэм наклонился и поцелуем стер влагу с изгиба шеи Джасинды, а затем поднял голову, чтобы встретиться с ее удивительными глазами в зеркале.

— Тебе не о чем волноваться, любовь моя.

— Так говорит король, — сказала она ему, мягко улыбаясь.

— Так говорит мужчина, который любит тебя. А теперь мне лучше уйти отсюда и оставить тебя одну, иначе никто из нас не сможет одеться. — Поцеловав напоследок ее плечо, Джотэм неохотно повернулся и вышел из комнаты.

Джасинда смотрела на себя в зеркало и видела нервозность в своих глазах. «*Так не пойдет*». Сделав глубокий вдох, она расправила плечи и подумала о главном. «*Сегодня на королевском балу будут присутствовать не люди. Это будет Джотэм и его семья*». Ее сердце немного болело от того, что ее семья не будет стоять рядом с ней сегодня вечером. Она до сих пор не получила от Дантона никаких известий и не надеялась увидеть его вечером в другом конце зала. Она не знала, что решила Стефани. Итан и Касмира были единственными из ее семьи, кто, как она знала, поддерживал ее решение, но сегодня их здесь не было.

Зная, что с этим ничего нельзя поделать, она взяла щетку и начала готовиться к вечеру, который наверняка будет насыщен событиями.

***

Дантон вошел в Общественное крыло Дома Знаний, зная, что пришел очень рано. Он планировал позвонить матери вчера вечером, но потом понял, что это должно произойти с глазу на глаз. Он причинил боль своей матери, чего никогда не думал, что сделает в миллионном цикле. Он отреагировал, не подумав, и поступил эгоистично. Этого нельзя было исправить по внутренней связи.

Посмотрев в сторону охраняемых дверей, которые, как он знал, вели в Королевское крыло, где его мать жила с Джотэмом, он сделал глубокий вдох и направился к ним.

— Я член Ассамблеи Дантон Мичелокакис из Палаты защиты, и я хотел бы, чтобы меня отвели к моей матери.

Оба охранника молча смотрели на него несколько мгновений, прежде чем один опустил взгляд на планшет, который держал в руках.

— Вас нет в нашем списке, — сообщил он Дантону.

— Да, я знаю это. Я все же хотел бы увидеть свою мать, Джасинду Мичелокакис. Она остановилась в Королевском крыле.

— Мне очень жаль, член Ассамблеи Мичелокакис. Без соответствующего разрешения мы не можем вас пропустить.

— Здесь какая-то проблема?

Слова прозвучали сзади Дантона. Он повернулся и увидел, что позади него стоит человек, по крайней мере, на пять дюймов ниже его самого. Он был одет в форму Дома Знаний.

— Нет, капитан, — быстро сообщил охранник.

— Нет, есть, — возразил Дантон. — Я член Ассамблеи Дантон Мичелокакис, и я хотел бы увидеть свою мать, Джасинду Мичелокакис.

— Она знает, что вы пришли? — спросил мужчина пониже ростом.

— Она знает, что я здесь, но не знает, что я хочу поговорить с ней.

— Мадам Мичелокакис сейчас готовится к королевскому балу. Как член Ассамблеи, вы также будете присутствовать на балу. Вы сможете поговорить с ней тогда.

Когда капитан повернулся, чтобы уйти, Дантон положил сдерживающую руку на его руку.

— Теперь посмотрите сюда, капитан. Кем вы себя возомнили?

— Я капитан Питер Чемберлен, и вы уберете свою руку, или я уберу ее за вас.

Дантон сразу же понял, что, хотя этот человек меньше его ростом, он гораздо более смертоносен. Он был наслышан о Питере Чемберлене и о его удивительных способностях. Именно поэтому Стефани так хотела прийти сюда. Дантон быстро убрал руку.

— Капитан Чемберлен, я прошу прощения, но мне крайне важно поговорить с матерью перед балом. Пожалуйста.

Питер несколько мгновений молча смотрел на него, и то, что он увидел на лице Дантона, должно быть, убедило его.

— Я отведу вас к принцу Бареку. Он решит, разрешить ли вам видеться с Джасиндой. — Питер повернулся к охраннику: — Сообщите принцу Бареку, что мы уже в пути.

— Так точно, капитан.

***

— Дантон, что ты здесь делаешь? — потребовал Барек, открывая внешнюю дверь королевского крыла.

— Мне нужно поговорить с матерью, Барек, *перед* балом.

— Ты еще не сделал этого? — Барек не мог в это поверить.

— Нет, — признался Дантон, — а мне нужно. Она должна знать, что я люблю ее и поддерживаю во всех ее решениях. Так же, как она всегда поддерживала меня.

Барек несколько мгновений молчал, пытаясь решить, верить ли Дантону. Тем не менее, в конце концов, он понял, что это зависит не от него. Это зависело от Джасинды.

— Следуй за мной. Они находятся в своих личных жилых помещениях. Отец просил, чтобы их не прерывали, пока не придет время, уходить, но я думаю, что Джасинда захочет тебя увидеть.

— Спасибо, Барек, — искренне ответил Дантон.

— Не благодари меня пока, — Барек окинул его тяжелым взглядом. — Если ты расстроишь ее, тебе придется иметь дело с *двумя* разъяренными людьми Тибуллов.

— Я буду ждать здесь, чтобы проводить его обратно, — сказал Питер Бареку.

— Я попрошу Деффонда сделать это. Я знаю, у тебя и так много дел. Спасибо, Питер, что привел его сюда, — сказал ему Барек.

— Не благодари меня пока. Если он расстроит Джасинду, ему придется иметь дело с двумя очень недовольными людьми Чемберлен. — Бросив на Дантона последний тяжелый взгляд, Питер крутанулся на пятке и вернулся к своим обязанностям.

***

Джотэм смотрел на коробочку в своих руках, удивляясь тому, как сильно он нервничает. Не то чтобы он не делал этого раньше, но по какой-то причине все было по-другому. Это была Джасинда, и он хотел сделать все правильно. Он должен был исправить свое легкомыслие, не понимая, что все будут думать о ней, говорить ей и как они будут вести себя по отношению к ней. Никто и никогда не причинит ей вреда, пока он жив. Теперь ему нужно было только заставить ее сказать «да».

Стать его королевой.

Действительно ли она готова сделать это и взять на себя всю ответственность, которая с этим связана? Он знал, что просит от нее многого. Просит ее изменить не только свою жизнь, но и жизнь своих детей. Ведь это коснется и их тоже.

Стук в дверь их личной гостиной заставил Джотэма нахмуриться. Он сказал Деффонду, что не хочет, чтобы его беспокоили. Нетерпеливо подойдя к двери, он открыл

ее и увидел по другую сторону Дантона и Барека. Ни один из них не выглядел счастливым.

— Что?! — потребовал Джотэм.

— Я хотел бы поговорить с матерью, — сообщил ему Дантон.

Джотэм пристально посмотрел на Дантона. Он не хотел, чтобы Джасинда расстраивалась перед балом. Он знал, что это все еще тяготит ее, реакция Дантона на их отношения и его отказ взять ее комм. Теперь она была под его защитой, и он защитит ее. Даже если это будет от ее собственной семьи.

— У тебя был шанс поговорить с ней до этого.

— Я знаю, но то, что я должен сказать, должно быть сказано лично.

— Дантон, что ты здесь делаешь?

При этих словах Джасинды все трое мужчин повернулись к ней, ошеломленные видением, вошедшим в комнату.

***

Джасинда как раз проверяла свое платье в зеркале во весь рост, когда услышала голоса во внешней комнате, и один из этих голосов звучал как голос Дантона. Оторвавшись от своего образа, она пошла, узнать, в чем дело. Открыв дверь в гостиную, она обнаружила там не только Дантона, но и Барека.

— Дантон, что ты здесь делаешь? — потребовала она, входя в комнату и не подозревая, какой эффект произведет ее появление. Она в замешательстве переводила взгляд с Дантона на Барека и Джотэма, когда никто ей не ответил. Джотэм первым пришел в себя.

— Ты выглядишь просто потрясающе, — сказал он ей, медленно приближаясь и рассматривая каждый дюйм великолепного платья, в которое она была одета. Это было идеальное сочетание фиолетового цвета Дома Защиты и золотого цвета Дома Исцеления, надетых так, как умела только Джасинда.

— Ты уверен, что все в порядке? — Джасинда позволила ему увидеть ее сомнения.

— Оно прекрасно, как и ты. Мне хочется одновременно, и похвастаться тобой, и не выпускать тебя из этой комнаты. — Наклонившись, Джотэм глубоко поцеловал ее.

— Кхм, — Барек незаметно кашлянул в руку, чтобы напомнить им, что они не одни.

С неохотой Джотэм прервал поцелуй. Он повернулся лицом к Дантону, но остался рядом с Джасиндой, показывая Дантону, что они одно целое.

— Дантон, что ты здесь делаешь? — спросила Джасинда, ее лицо все еще раскраснелось от поцелуя Джотэма.

— Мне нужно было поговорить с тобой перед балом. — Дантон позволил своим глазам пробежаться по матери. — Предки, мама, я никогда не видел тебя красивее. Влюбленность тебе к лицу.

— Это так, — мягко ответила она ему.

— Возможно, нам стоит оставить вас наедине... — начал Барек, но Дантон его прервал.

— Нет. Я должен сказать это моей матери и вам обоим, чтобы вы тоже это услышали. — Дантон сделал глубокий вдох, затем сфокусировал взгляд на матери. — Мне очень жаль, что я так отреагировал, мама. У меня нет оправданий, и ты имеешь полное право злиться на меня... разочароваться во мне. Думаю, это больнее всего — знать, что я разочаровал тебя. Ты всегда поддерживала меня, несмотря ни на что, и в тот единственный раз, когда я тебе понадобился... Ты, как никто другой, имеешь право быть счастливой, и даже такой идиот, как я, видит, что король Джотэм делает тебя счастливой.

Взгляд Дантона обратился к Джотэму.

— Спасибо тебе за то, что ты снова сделал мою мать счастливой. За то, что любишь ее. Я знаю, что мой отец одобрил бы это. — Его взгляд вернулся к матери. — Все остальное уладится, потому что мы семья, семья, в которой теперь на два члена больше. Более того, скоро Стефани одумается. Она просто самая упрямая из нас троих.

— Правда? — спросила Джасинда, выгнув бровь, хотя ее глаза наполнились согласием сына. — Я думаю, Стефи сказала бы, что *ты* самый упрямый. — Подавшись вперед, она обняла сына.

— Она ошиблась бы, — Дантон обхватил мать руками и позволил ее любящим объятиям залечить все раны, как это было всю его жизнь. — Я люблю тебя, мама.

— Я тоже тебя люблю, Дантон. Спасибо, что приехал сюда. Я знаю, что тебе было тяжело.

— Нет, это... Не плачь, мама! — воскликнул Дантон. — Ты хочешь, чтобы меня убили?

— Что? — Джасинда отпрянула назад, чтобы нахмуриться на него. — Дантон, никто не собирается тебя убивать!

— Ладно, может, и не убьет, — поправил Дантон. — Но мне будет больно утром, если я расстрою тебя.

— О чем ты говоришь? — Джасинда перевела вопросительный взгляд на Барека и увидела, что он невинно смотрит в потолок. Тогда она перевела взгляд на Джотэма. — Джотэм?

— Скажем так, мужчины Дома Защиты защищают своих женщин, — сказал он ей.

— Но он мой сын! — Джасинда бросила на него острый взгляд.

— Это не имеет значения. Ты моя, Джасинда, — глаза Джотэма стали жесткими. — И *никому* не позволено обижать или расстраивать тебя.

— О, пожалуйста, — закатила она на него глаза. — Ты можешь быть королем, но даже *ты* не сможешь остановить это.

— Я могу сделать все, что в моих силах, чтобы попытаться, поэтому... — отвернувшись от нее, он подошел к столу, на который положил шкатулку. Открыв ее, он достал браслет и медленно подошел к ней. — Я планировал сделать это, когда мы будем одни, но думаю, сейчас самое время.

— Джотэм? Что ты... — слова Джасинды замерли, когда Джотэм внезапно опустился перед ней на одно колено.

Джотэм посмотрел на нее, затем медленно поднял руки, обнажая обручальный браслет.

— Джасинда Крочетти Мичелокакис, я люблю тебя. Ты будешь последней женщиной, которую я когда-либо полюблю. Окажешь ли ты мне величайшую честь в моей жизни, став моей женой? Моей королевой? Я знаю, что нам еще многое предстоит преодолеть, что это будет нелегко для нас и наших семей, но я не хочу провести еще один день, которым меня благословили предки, без тебя рядом со мной. Это было бы бессмысленно.

— Я... — Джасинда не могла заставить свое горло работать. Она не ожидала этого, никогда не ожидала. Лата всегда должна была быть единственной королевой Джотэма. Она смирилась с этим. — Я... я не знаю, что сказать...

— *Скажи да*! — воскликнули Дантон и Барек в унисон, и когда Джасинда посмотрела на них, то обнаружила, что они оба ухмыляются, как дураки, как и в той картине, сделанной так давно. Оглянувшись на Джотэма, все еще стоявшего на коленях в ожидании, она кивнула.

— Да. Да! Я с радостью стану твоей женой, Джотэм.

Джотэм медленно поднялся, его глаза все еще были устремлены на нее.

— А моей королевой?

— Если ты действительно этого хочешь, то да, — согласилась она, кивнув.

Не говоря больше ни слова, Джотэм надел ей на голову браслет, который должен был объявить всему Кариниану, что *она* — будущая королева. Как только его руки освободились, он поднял ее на руки, прижал к своей груди и впился в ее губы глубоким, искренним поцелуем.

***

— Знаешь, один из нас должен их разлучить, иначе они никогда не попадут на бал, — слегка наклонившись, сказал Барек Дантону, стараясь сохранить прямое лицо.

— Я подчиняюсь тебе, о могущественный принц, — ответил Дантон, широко ухмыляясь. — Вы, в конце концов, наследник. Не похоже, что вас могут приговорить к смерти за то, что *вы* «расстроили» короля и будущую королеву. — Глаза Дантона были полны юмора, когда он смотрел на Барека. — С другой стороны, я всего лишь скромный член Ассамблеи, здесь только для того, чтобы служить. О, и еще тот факт, что технически я теперь твой старший брат, так что подлизывайся и вливайся.

Глаза Барека расширились от шока, затем сузились, но не из-за слов Дантона, а из-за истинной привязанности, стоящей за ними. Вот каким должен был быть брат. Но он не собирался сдаваться без боя.

— Действительно, так ты считаешь, что возраст важнее звания?

— В семье — да. — Дантон сильно подтолкнул его плечом вперед. — Так что приступай к делу.

— Хмпф, я вижу, что нам придется установить некоторые основные правила, — пробормотал Барек.

— Удачи с этим. Итан и Стефани пытаются уже несколько циклов.

— Ты знаешь, что твоя сестра может надрать тебе задницу, верно? — спросил Барек, даже подавшись вперед.

— Она может попытаться. — Дантон только скрестил руки и усмехнулся.

***

Барек и Дантон тихо разговаривали, проходя через Королевское крыло.

— Ты уверен, что не хочешь войти на Бал вместе с нами? — спросил Барек. — Теперь ты член семьи.

— Спасибо, но я думаю, что будет лучше, если я останусь с другими членами Ассамблеи. Это даст мне возможность найти и рассказать Стефани, а также понаблюдать за реакцией Паяри. Он что-то задумал с тех пор, как ты с ним поговорил.

— Правда? Что? — потребовал Барек.

— Много переводов кредитов. Он думает, что скрытничает, но у меня есть друг со времен Коалиции, который знает толк в таких вещах.

— Простите, принц Барек. — Оба мужчины повернулись, не заметив, что Деффонд подошел к ним сзади.

— Да, Деффонд? — спросил Барек.

— Зачем члену Ассамблеи Мичелокакису идти с вами на бал?

Барек усмехнулся Деффонду, зная, что тот может ему ответить.

— Потому что мой отец только что сделал предложение Джасинде, и она согласилась. У Дома Защиты появилась новая королева. — Деффонд не ухмыльнулся в ответ.

— Что?! Почему мне не сообщили? Черт! — Деффонд тут же включил свой комм. — Грин! Мне нужно, чтобы ты и вся твоя охрана были вооружены и находились за пределами Королевского крыла через *пять* минут! — Его взгляд снова устремился на Барека. — Кто-нибудь уже сообщил Чемберлену?

— Не думаю, поскольку это только что произошло, — сообщил ему Дантон, когда Барек только нахмурился на Деффонда.

— Что тебя так беспокоит, Деффонд? — спросил Барек.

— Было решено, что только королевская гвардия будет сопровождать вас на балу, так как стажеры капитана Чемберлена будут помогать охране Дома Знаний. Но я отказываюсь доверять безопасность моей будущей королевы кому-либо, кроме наших собственных людей. Мне также нужно убедиться, что у члена Ассамблеи Мичелокакиса есть защита вместе со Стефани.

— Я буду в порядке, а Стефани — стражник, — сказал ему Дантон.

— Вы больше не *просто* член Ассамблеи, сэр. Вы теперь напрямую связаны с королевской семьей. Если пуристы плохо отреагируют на это, они могут напасть на вас. Моя работа — следить за тем, чтобы этого не произошло. Привыкайте к этому.

— Барек, — Дантон повернулся к нему в поисках помощи.

— Он прав, Дантон. Хотя большинство наших людей отреагируют на это положительно, есть и те, кто не отреагирует. Никто не приблизится к Джасинде, кроме тебя. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что твоя мать будет потрясена, если тебе причинят вред.

Дантон тяжело вздохнул:

— Хорошо, но я не хочу, чтобы они приближались ко мне, пока ты не войдешь на бал. Это вызовет у всех подозрения.

— Я ничего не обещаю, — сказал ему Деффонд. — А теперь, если вы меня извините, мне нужно сообщить Питеру об этой перемене и Грину. Принц Барек, вы останетесь в Королевском крыле до нашего отъезда? — Хотя Деффонд сформулировал это как вопрос, ни один из мужчин не сомневался, что это был приказ.

— Да, — сказал ему Барек.

— Хорошо, тогда член Ассамблеи Мичелокакис, если вы последуете за мной, я прослежу, чтобы надлежащая охрана сопроводила вас обратно в Общественное крыло.

***

Глаза Аделаиды расширились, когда она смотрела, как Дантон Мичелокакис выходит из тщательно охраняемой двери, которая, как она знала, вела во внутреннее крыло Дома Знаний. Туда, куда ни ей, ни Эллиоту никогда не разрешалось входить. За ним шли несколько королевских гвардейцев Дома Защиты.

— Эллиот! — зашипела она. — Ты видишь то, что вижу я?

— Хм? — глаза Эллиота обежали комнату, быстро заметив то, что так расстроило его жену, а его собственные глаза расширились. — Да, вижу.

— Что, по-твоему, это значит? — потребовала Аделаида.

— Понятия не имею. Почему бы тебе не пойти и не спросить Дантона? — коротко сказал ей Эллиот, подумав, что, похоже, ему придется отложить свои планы по «исчезновению» с Биби.

— Я серьезно, Эллиот. — Аделаида бросила на него острый взгляд.

— Я тоже. Если ты так сильно хочешь знать, иди и спроси его. — Впервые в жизни Эллиот Паяри не собирался подчиняться своей жене. Скоро она будет самостоятельной, но не так скоро, как ему хотелось бы.

— Что на тебя нашло, Эллиот Паяри?! Ты же знаешь, я не могу просто подойти и *спросить*.

— Почему нет? — насмехался он. — Дантон просто может рассказать тебе.

— Такие вещи нужно делать тонко. Неужели ты ничему не научился за все те циклы, что мы были женаты?

— О, я многому научился, Аделаида. Очень многому. Ты можешь быть удивлена.

— Сомневаюсь, — нелепо фыркнула она. — Ты никогда в жизни не «удивлял» меня, Эллиот.

— Все меняется, Аделаида. Теперь, ты хочешь пойти на бал или просто стоять здесь и спорить?

Аделаида бросила на него острый взгляд. Она не была уверена, что с ним происходит, но он был прав. Люди начали бросать на них странные взгляды.

— Пойдем, — приказала она и протянула руку, чтобы он мог проводить ее на бал.

***

Джасинда стояла перед зеркалом, поправляя браслет, чтобы он надежно сидел в волосах, но при этом был на виду. Она все еще не могла поверить, что он у *нее* на голове.

— Ты прекрасно выглядишь. Ты всегда так выглядишь. — В зеркале перед ней возник образ Джотэма, его глаза были полны любви. — Мне жаль.

— За что? — спросила она, поворачиваясь к нему лицом.

— За то, что не понимал, что люди считают тебя моей компаньонкой. Что *ты* считаешь себя моей компаньонкой. Это никогда не было моим намерением.

— Это не имело значения, Джотэм. *Ты* был тем, что имело значение.

— Нет. *Ты* и есть то, что важно. Ты должна была рассказать мне, что сказала тебе Аделаида.

— Как ты узнал? — глаза Джасинды сузились. — Грин.

— Нет, но то, *как* я узнал, не имеет значения. Важно то, что ты мне не сказала. Как бы *ты* отреагировала, если бы это случилось со мной, или Бареком, или одним из твоих детей, а *тебе* никто не сообщил?

— В ярости, — призналась она со вздохом. — Это было просто...

— Нет. Джасинда, нет никакого «просто». У нас впереди будет достаточно проблем; нам не нужно добавлять еще больше, скрывая друг от друга важные вещи.

— Ты прав. Мне жаль. Я должна была сказать тебе. — Она обхватила его за талию и посмотрела на него снизу вверх. — В следующий раз скажу.

— Не будет никакого «следующего» раза. Если кто-то скажет тебе что-то, Джасинда, а я имею в виду *любого*, ты имеешь право ответить *так,* как захочешь. Ты всегда так делала, являясь моей королевой или нет.

— Я знаю, и обычно я бы не позволила Аделаиде оставить за собой последнее слово, но это был ужасный день, и я просто хотела уйти. Позволить ей думать, что она главная, было самым простым способом.

— Готова показать ей, кто на *самом деле* главный? — Джотэм наблюдал, как улыбка расцветает на ее лице, делая его еще более сияющим.

— О, да. Не могу дождаться, когда увижу выражение ее лица.

— Тогда пойдем и покажем жителям Кариниана самую красивую женщину на планете и ту, которая владеет моим сердцем.

***

Стефани просто ошеломленно смотрела на Питера, не решаясь заговорить. Она забеспокоилась, когда он отозвал ее в сторону, решив, что отстраняет ее от охраны, но она ни на секунду не подумала, что это может быть сделано для чего-то подобного.

— Не могли бы вы повторить? — тихо спросила она.

— Твоя мать согласилась стать женой Джотэма. В связи с этим мне нужно отстранить тебя от охраны.

— Нет! Я должна быть именно там, — возразила она.

— Лейтенант...

— Нет, сэр, я серьезно. Я знаю, *что* мне нужно быть именно здесь. Это чувство росло весь день. Пожалуйста, я понимаю, что вы говорите, но не отстраняйте меня от охраны. Вряд ли кто-то вообще знает, что я здесь. Они будут сосредоточены на маме и Дантоне. Пожалуйста.

Питер посмотрел на нее задумчиво. Его собственная интуиция не раз спасала его. Ему нужно было довериться Стефани.

— Хорошо, но если я увижу, что кто-то проявляет к тебе чрезмерный интерес, я тебя заберу. Без вопросов. Согласна?

— Согласна. — Повернувшись на каблуке, Стефани вернулась на свой пост вдоль стены позади членов Дома Защиты, и хотя ее глаза были острыми и ясными, ее разум был в смятении.

***

Дантон стоял и разговаривал с членом Ассамблеи Тервиллигером и его женой Эвадной, когда начали прибывать первые королевские особы. На таких мероприятиях никогда не было установленного порядка, кто и когда прибывает. За исключением того факта, что дом, принимающий бал, всегда прибывал первым, чтобы иметь возможность официально поприветствовать других королевских особ.

— Итак, Дантон. Как тебе твой первый королевский бал? — спросила Эвадна. спросила Эвадна, отпивая глоток из своего бокала вина.

— Могу сказать честно, что это был опыт, изменивший мою жизнь, — простодушно ответил Дантон.

— Это может быть так, не так ли? — согласилась Эвадна. — Я просто обожаю это событие. Хотелось бы, чтобы оно происходило чаще, чем раз в пять циклов.

— Я не уверен, что наш мир сможет это выдержать. — Загадочный ответ Дантона заставил Эвадну бросить на него острый взгляд.

— Конечно, мы могли бы, — Эвадна пропустила резкий взгляд мужа мимо ушей. — Твоя мать тоже любила это событие. О, как бы я хотела, чтобы она была здесь. Мы всегда замечательно проводили время вместе на таких мероприятиях, а ее платья всегда были потрясающими. Королева Кассандра — единственная, кто смог превзойти твою мать. Только представь, каково это будет, если они обе будут здесь вместе. Это может заставить кого-то, — ее взгляд обратился к Аделаиде, — наконец-то понять, что у нее нет чувства стиля.

Дантон незаметно посмотрел туда, куда устремился взгляд Эвадны, и чуть не подавился своим напитком, когда увидел, во что была одета Аделаида Паяри. Хотя она была одета в фиолетовый цвет Дома Защиты, это было единственное хорошее, что можно было о ней сказать. Платье, которое, как он предполагал, должно было подчеркнуть ее костлявую, похожую на птицу фигуру, вместо этого свисало с нее, как сорняки, наброшенные на забор. Волосы, которые она откинула назад с резких черт лица, только усиливали ее птицеподобный вид.

После тех циклов, когда он наблюдал, как его мать одевается для этих мероприятий, и знал, как она гордится тем, что находится рядом с отцом, *поддерживает* его, Аделаида, стоящая рядом с Эллиотом, была оскорблением его чувств.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — наконец ответил Дантон Эвадне.

Эвадна не успела ответить, как сменилась музыка, возвещающая о прибытии королевы и короля. Все головы повернулись, чтобы посмотреть на прибытие Кассандры и Уильяма, и они не разочаровали. Верховный адмирал был одет в форму Коалиции, и хотя он был королем Дома Знания, его брюки все еще были темно-фиолетового цвета с черной полосой по штанине, представляющей Дом Защиты. На воротнике его пиджака, белоснежного формального костюма, который носили все члены Коалиции, было написано его звание, а на груди красовались все заработанные им медали.

Рядом с ним, слегка опираясь на его руку, шла Кассандра. Ее платье было глубокого сапфирово-синего цвета, что подчеркивало ее глаза, а по лифу были пришиты фиолетовые кристаллы, показывающие, что она поддерживает своего мужа и *его* Дом. На голове у нее была небольшая королевская корона, которую она выбрала для этого события из-за ее веса, и короткая королевская мантия, которую она накинула на плечи, чтобы она каскадом ниспадала по спине и доходила до пола.

Они на мгновение остановились у входа, чтобы все увидели их, и вежливые аплодисменты стихли. Затем они двинулись сквозь толпу, изредка кивая знакомым, пока не достигли официальной «королевской» зоны, где приветствовали остальных.

Один за другим прибывали другие Дома. Сначала Дом Веры, затем Дом Роста, за ним Дом Исцеления. Все двинулись к Кассандре и Уильяму, чтобы их официально приветствовали в Доме Знания. Негромкий гул начал заполнять комнату, пока все ждали прибытия последнего Дома, Дома Защиты. Некоторые удивлялись, почему он прибыл последним, хотя обычно он был одним из первых. Джотэм любил уходить раньше, так как у него не было королевы, но, возможно, это было связано с тем, что Барек будет сопровождать его в этом цикле. Его первый королевский бал.

Дантон чувствовал, как нарастает его собственное напряжение: приближался момент, который изменит не только *его* жизнь, но и жизнь всего их мира. Ранее он видел Стефани, стоящую на посту позади него, и взгляд, которым они обменялись, сказал ему, что она знает, что произойдет этой ночью. Теперь он сделал небольшой шаг назад, желая увидеть реакцию Паяри на то, что должно произойти.

— Дантон, что-то не так? — спросил Эваднер, заметив его движение.

— Нет, я просто хотел лучше видеть.

— Тогда тебе нужно пересесть поближе, а не подальше. Вот, можешь занять мое место, я вижу это уже несколько циклов.

— Нет, Эваднер, спасибо, но мне и здесь хорошо.

— Ты уверен?

— Да.

В этот момент музыка сменилась, объявив, что прибыл Дом Защиты, и Эваднер обернулась.

***

Барек ждал в общей гостиной Королевского крыла, одетый в свою коалиционную форму — фиолетовые брюки и белую куртку. Он знал, что ему, вероятно, следовало бы надеть более «королевское» одеяние, но сегодняшний вечер был не для *него*, и он хотел быть в состоянии помочь защитить Джасинду, если понадобится. Он не мог двигаться так же хорошо в королевских атрибутах — мантии и короне. Поэтому вместо этого он выбрал это.

— Боже, как ты красив, Барек. — При словах Джасинды он поднял глаза и увидел, что в комнату вошли она и его отец.

— Спасибо.

— Если бы я была на тридцать циклов моложе, ты бы уступил своему отцу в кредитах. — Протянув руку, она инстинктивно поправила одну из медалей на его груди, которая висела криво, как она сделала бы для одного из своих собственных детей. — Ну вот, теперь ты выглядишь идеально.

Барек покраснел от слов Джасинды, и его сердце наполнилось теплом от того, что она нашла время и заботу, чтобы исправить то, что он упустил. Это было то, что, как он понял, сделала бы его собственная мать, если бы она была рядом.

— Спасибо. — Он бросил на отца дразнящий взгляд. — И в любое время, когда ты захочешь потерять старика...

— Прекрати флиртовать с моей женщиной! — потребовал Джотэм, но он улыбался, когда говорил это. — Ты мне еще кредиты отдашь, — проворчал он, оттаскивая ее от Барека так, что ее спина оказалась вровень с его грудью. — Этот мальчик не знает достаточно, чтобы справиться с такой женщиной, как ты.

Джасинда оглянулась через плечо и улыбнулась ему.

— Ты знаешь, что ты единственный мужчина, который мне нужен, Джотэм Тибулл, но это не значит, что я не могу наслаждаться *видом* красивого мужчины. Особенно того, который точь-в-точь как ты.

Джотэм понял, что с этим не поспоришь, и, пробежав глазами по своему первому сыну, почувствовал прилив гордости, которой никогда не было с Дадрианом. Благодаря Джасинде он наконец-то примирился с этим и с тем, что произошло. Теперь пришло время начать жить дальше.

— Знаешь, Барек, — Джасинда потрогала браслет в своих волосах. — Мы никогда не спрашивали, согласен ли *ты* с этим.

— Конечно, я не против! — Барек бросил на нее несколько шокированный взгляд. — Ты сделала моего отца очень счастливым человеком и вернула мою мать не только мне, но и нашему народу. Я знаю, что она одобрила бы это, поэтому я не против.

— Вернула твою мать? — Джасинда в замешательстве смотрела с Барека на Джотэма.

— Я поместил портрет Латы рядом со своим в королевском крыле.

— Правда? — Джасинда почувствовала, что ее глаза смягчились, понимая, чего ему стоило сделать это. — О, Джотэм!

— Это место, где ей всегда было место, — твердо сказал он ей. — Не спрятана и не забыта большинством, и скоро твой портрет будет висеть по другую сторону от моего.

— Но... — портрет короля всегда был ближе всего к двери.

— Это то, чего я хочу, чтобы все видели женщин, которых я люблю, по обе стороны от меня.

— Я... Хорошо... если это то, чего ты хочешь.

— Да.

Стук в дверь заставил всех обернуться, прежде чем она открылась, и вошел Деффонд, а за ним Грин. Зал позади них был заполнен людьми из обеих гвардий.

— Ваши Величества, — поклонился Деффонд всем троим. — Время пришло.

— Почему Корт здесь? — спросила она, глядя на Джотэма. — Он и его люди должны были отдохнуть ночью.

— Это было до того, как нам сообщили об изменении вашего статуса, Ваше Величество, — первым заговорил Деффонд.

— Но...

— Это необходимо, Джасинда, — сообщил ей Джотэм. — Пусть они делают свою работу. Это поможет им почувствовать себя нужными.

Слова Джотэма заставили всех мужчин напрячься.

— Они нужны! — Джасинда тут же встала на защиту стражников. — Они выполняют очень важную и опасную работу!

Барек спрятал улыбку. Он прекрасно понимал, чего добивается его отец. Он не только заставлял Джасинду смириться с присутствием стражников, но и тем, что она защищала их, укреплял их верность ей.

— Тогда о чем мы спорим? — мягко спросил Джотэм и увидел, как Джасинда открыла рот, но тут же закрыла его снова, ее выразительная бровь приподнялась.

— Коварно, любовь моя, очень коварно. Я вижу, что мне придется нелегко с тобой.

— Так и есть, — согласился он. — Ну что, пойдем?

Сделав глубокий вдох, она кивнула:

— Да.

***

Деффонд и гвардия короля шли впереди, а Грин и гвардия королевы следовали позади, окружая королевских особ своей защитой. Джасинда и Джотэм шли впереди, а Барек — слева от нее и чуть позади.

Джотэм чувствовал, как с каждым шагом Джасинды нарастает напряжение, и ее хватка на его руке становилась все крепче.

— Расслабься, любовь моя. Все будет хорошо.

Слова Джотэма привлекли взгляд Барека, и он тоже заметил ее напряжение. Ему это не понравилось, и он перевел взгляд на отца, но обнаружил, что Джотэм остановился и повернул Джасинду к себе, заставив всех остановиться.

— Мы не обязаны делать это прямо сейчас, если ты хочешь, чтобы у тебя было больше времени, чтобы ты смогла спокойно ко всему отнестись, прежде чем мы объявим о нашей помолвке, — сказал ей Джотэм. — Я просто подумал, что так будет проще всего. Прости меня. Я должен был сначала посоветоваться с тобой. Барек может представлять Дом Защиты. Руки Джотэма потянулись к застежке на его мантии, готовые снять ее, чтобы отдать Бареку.

— Нет, — Джасинда накрыла его руку своей, остановив его, ее глаза были полны любви, но в то же время тверды. — Тебе не о чем сожалеть, и сейчас самое подходящее время. Это я прошу прощения. Я не должна так нервничать, ведь рядом со мной ты. — Слегка потянувшись, она нежно поцеловала его в губы. — Давай сделаем это. — Повернувшись, она кивнула Деффонду, и они снова начали идти.

Когда они вышли из более безопасного крыла, Джасинда услышала, как сменилась музыка, возвещающая о прибытии королевской особы, и поняла, что ее жизнь изменится навсегда. Улыбаясь, она знала, что тоже готова к этому.

Глава 34

Охранники расступились и двинулись в сторону и немного позади, когда они достигли входа на бал. Их шаг позволял видеть королевских особ, но они все еще могли быстро среагировать, если бы возникла необходимость.

Аплодисменты, раздавшиеся сразу после того, как стражники разошлись, начали стихать, когда люди поняли, что кто-то стоит *между* Джотэмом и Бареком. По всем Домам и даже по королевским домам прокатился негромкий ропот: люди не только узнали, *кто* стоит между ними, но и поняли, что на ней обручальный циркуль.

Джотэм сделал то, чего никогда прежде не делали при входе короля, повернул Джасинду к себе и поцеловал ее, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что она станет *его* королевой.

Джасинда испуганно положила руку ему на грудь, но ответила на поцелуй со всей искренностью. Ее нервы прошли, и теперь она была готова занять свое место рядом с любимым мужчиной.

Когда поцелуй закончился, Джотэм протянул руку, и Джасинда уверенно положила на нее свою ладонь, позволяя ему провести ее через толпу и направить к новой жизни.

***

— О, мой... — слабо произнесенные слова Эвадны Тервиллигер, казалось, повторяли чувства всего контингента Дома Защиты, особенно тех, кто узнал Джасинду. Никогда еще Дом Защиты не сиял так ярко и не выглядел так царственно, и все это благодаря Джасинде.

Украшения на ее платье напоминали старое золото Дома Исцеления, но в сочетании с фиолетовым цветом Дома Защиты, казалось, олицетворяли нечто большее — исцеление Дома.

Эвадна повернулась, чтобы окинуть Дантона оценивающим взглядом, на что Дантон молча ответил.

— Вам нужно кое-что объяснить, молодой человек.

— Я не думаю, что есть что-то, что нужно объяснять. А вы?

Эвадна обернулась, чтобы посмотреть на Джасинду, идущую к остальным королевским особам, на ее голове сиял свадебный циркуль, и улыбнулась.

— Нет, думаю, нет.

— Нет! — Аделаида задыхалась, не заботясь о том, кто ее слышит. — Нет! Это невозможно!

— И почему же? — спросил Дантон, наблюдая, как лицо Аделаиды Паяри становится почти таким же фиолетовым, как ее несносное платье, когда ее взгляд проследил за продвижением его матери к другим королевским особам.

— Потому что она даже не *из* Дома Защиты, — выплюнула Аделаида, не сводя глаз с Джасинды.

— Я полагаю, что *король* прекрасно осведомлен об этом, — сказала ей Эвадна.

— Тогда он должен знать, что это нарушает закон! — Аделаида набросилась на старшего члена Ассамблеи, но Дантон быстро встал между ними.

— В законе ничего не сказано о том, что *король* должен жениться в своем доме. — Глаза Дантона были жесткими, когда он смотрел вниз на женщину, которая, как он теперь понял, была ядовита для его Дома. — Только то, что *наследник* должен. Это было установлено союзом королевы Кассандры с Верховным адмиралом.

— *Это* не имеет значения! Кроме того, такой, как *ты*, не будет читать *мне* лекции! *Это* Дом Защиты, и этой *женщине,* — она вытянула руку, указывая на Джасинду, — в нем не место.

Глаза Дантона сузились:

— Я уверен, что король будет *рад* услышать ваше мнение о его будущей *королеве,* мадам Паяри, и прежде чем вы скажете что-нибудь еще, позвольте напомнить вам, что она также *моя мать*, и я не потерплю, чтобы вы говорили о ней плохо в моем *присутствии*.

— Как вы смеете! — Аделаида возмущенно выпятила грудь. — Я...

— Жена *члена* Ассамблеи. — Глаза Дантона были жесткими, когда они встретились с ее глазами. — В то время как я — член Ассамблеи. Возможно, вам нужно напомнить о *вашем* месте в этой палате.

— Как вы *смеете*! Эллиот! — Аделаида повернулась к мужу за поддержкой.

— Закрой. Рот. Аделаида. — Эллиот сказал ей короткими, резкими фразами, заставив всех присутствующих посмотреть на него в шоке, включая Аделаиду. — Член Ассамблеи Мичелокакис, я прошу прощения за свою жену. Она была нездорова в течение некоторого времени, и я думаю, что будет лучше, если мы извинимся.

— Думаю, так будет лучше, — согласился Дантон и смотрел, как Эллиот тащит свою сопротивляющуюся жену прочь, а другие члены Ассамблеи расступаются, чтобы дать им возможность быстро уйти.

***

Кассандра не пыталась скрыть свою улыбку, когда Джасинда и Джотэм подошли к ним, хотя она была удивлена не меньше остальных. Она никогда не сомневалась в чувствах Джотэма к Джасинде, но думала, что ему потребуется немного больше времени, чтобы сделать предложение. Похоже, Джотэм был очень похож на Уильяма: как только он находил женщину, которую хотел, он не терял времени и делал ее своей.

— Я, королева Кассандра, и мой король, верховный адмирал Уильям Зафар, хотели бы официально приветствовать Дом Защиты в Доме Знаний. Добро пожаловать, король Джотэм, будущая королева Джасинда и принц Барек. — Кассандра произнесла формальное приветствие, которое было стандартным на королевском балу. Кассандра находила риторику утомительной, и только потому, что рука Уильяма слегка сжала ее талию, она перестала закатывать глаза, пока говорила.

— Спасибо, королева Кассандра. *Король* Уильям. — Губы Джотэма дернулись, когда он произнес титул, который, как он знал, раздражал его друга всей жизни. Единственным ответом Уильяма было легкое сужение его глаз, но это дало понять Джотэму, что он получит по заслугам, когда он произнес требуемый ответ. — От имени Дома Защиты, для меня большая честь быть здесь.

— Спасибо, королева Кассандра. Верховный адмирал Зафар, — Джасинда использовала титул, который использовала Кассандра, зная, что Уилл предпочитает именно его. Когда она машинально склонила голову, тихое шипение Кассандры — «Нет», — остановило ее, и глаза Джасинды метнулись к ее глазам.

— Теперь ты королева, Джасинда, — прошептала Кассандра только для ее ушей. — Ты никому не подчиняешься.

— Она права, — Джотэм наклонился, чтобы прошептать ей на ухо. — Прости, я должен был что-то сказать.

— Королева Кассандра. Верховный адмирал Зафар. Я также хочу поблагодарить вас. — Барек заговорил, привлекая всеобщее внимание, пока его отец тихо разговаривал с Джасиндой. — Для меня большая честь быть здесь.

— Принц Барек, — Кассандра вышла за рамки протокола и одарила его честной, открытой улыбкой. — Это удовольствие полностью наше.

— Спасибо, королева Кассандра, и позвольте спросить, как так получается, что с каждой нашей встречей вы становитесь все прекраснее? — его слова заставили верховного адмирала недовольно хмыкнуть, а Кассандра рассмеялась.

— Вы, принц Барек, действительно неисправимы. Как и некоторые другие мужчины Дома Защиты, которых я знаю. — Кассандра перевела взгляд с Барека на своего мужа.

— Я не думаю, что это только мужчины из Дома защиты, королева Кассандра, — король Юсуф поднялся с места, когда формальные приветствия были закончены. — Мужчины из Дома Исцеления могут быть столь же неисправимы, если им дать шанс. Принц Барек, рад снова видеть тебя.

— Король Юсуф, — поприветствовал Барек.

— Джотэм, — обратил на него внимание Юсуф.

— Юсуф, — ответил Джотэм на приветствие, уже зная, с кем Юсуф хотел поговорить на самом деле.

— Джасинда... — Юсуф позволил своим глазам окинуть ее, задержавшись на ней чуть дольше, чем это было вежливо. — Прошло много времени.

— Да, Юсуф, — признала Джасинда. — Более пятнадцати циклов, если я не ошибаюсь. Когда в Доме Исцеления проходил Королевский бал.

— Да, ты присутствовала на нем вместе со своим мужем. Член Ассамблеи от Дома Защиты?

— Да. Стефан. Он был с предками уже десять циклов.

— Да? — Юсуф нахмурился. — Прости. Я не знал об этом факте.

— С чего бы это? Как ты сказал, Стефан был из Дома Защиты.

— Да, но ты из Дома Исцеления, дочь одного из *наших* ассамблеи. Я должен был знать об этом. В конце концов, наши семьи были близки на протяжении многих поколений. — Юсуф придвинулся на шаг ближе, вторгаясь в личное пространство Джасинды. — Если бы я знал, я бы помог вам в трудную минуту.

Джасинда почувствовала, как Джотэм напрягся рядом с ней, и поняла, что он прекрасно понимает, как Юсуф хотел ей помочь.

— Я *ценю* твои чувства, Юсуф, — Джасинда бросила на него тяжелый взгляд. Она не собиралась позволять никому, будь то король или нет, говорить с ней в таком тоне. — Это излишне и *нежелательно*. Хотя для меня большая честь сказать, что я родилась в Доме Исцеления, моя истинная судьба всегда была связана с Домом Защиты. Там мое место. Стоять рядом с мужчиной, которого я люблю. — Взгляд Джасинды переместился на женщину, которая поднималась, чтобы встать позади Юсуфа. — Здравствуй, Пима, ты выглядишь как всегда прекрасно.

— Джасинда. — Пима положила руку на руку мужа, не принимая комплимента. — Это сюрприз.

— Я тоже рада тебя видеть, — ответила Джасинда, как будто Пима дала соответствующий ответ. — Как ваши дети?

Манеры, наконец, заставили Пиму ответить.

— У них все хорошо. А твои?

— Прекрасно. Просто отлично.

Кассандра подала сигнал к музыке, прежде чем повернуться к Уильяму:

— Я считаю, что мы должны начать бал. Не так ли, любовь моя?

Подняв ее руку, Уильям поцеловал кольцо, которое он надел на нее во время их союза.

— Это будет честью для меня, любовь моя. — С этими словами он повел ее на пол.

— Джасинда? — Джотэм протянул руку.

— Это было бы поистине прекрасно. — Она взяла его руку и позволила ему увести себя.

Вскоре все королевские особы последовали за ней, и бал официально начался.

***

— Что ты делаешь, Эллиот?! — потребовала Аделаида, вырывая свою руку из его руки, когда он вытаскивал ее из комнаты.

— Я не даю тебе выставить себя полной идиоткой. Король Джотэм *точно* знает, что он делает, и это в рамках закона! Ты хочешь, чтобы тебя арестовали за угрозу королю и его будущей королеве?

Мысли Эллиота разлетелись. Ему нужно было выбраться отсюда и исчезнуть. Сегодня же! Теперь все имело смысл. Углубленное расследование деятельности корпорации «Сокол» должно было произойти потому, что Джасинда рассказала Джотэму о расследовании Стефана. Расследование, которое он прекратил после смерти Стефана. Если это правда, то они были гораздо ближе к раскрытию его обмана, чем он мог себе представить.

— Никто не *посмеет* арестовать *меня*, — кричала Аделаида.

— Ты действительно в это веришь, не так ли? — Эллиот посмотрел на нее с недоверием. — Что *король* будет подчиняться *тебе*? Ты сошла с ума, Аделаида. *Никто* не поддержит тебя против короля Джотэма, включая меня.

— Я всегда знала, что ты *слабак*, Эллиот.

— Лучше быть слабаком, чем сумасшедшей, Аделаида. Теперь я ухожу. Ты идешь?

— Нет! Кто-то должен предотвратить это злодеяние. — С этими словами Аделаида ворвалась обратно в Бал.

Эллиот с недоверием смотрел, как Аделаида уходит. Он направился к одному из охранников, чтобы сообщить им, что она может представлять возможную угрозу, но затем остановился. Если он предупредит их, они не дадут ему уйти, а ему нужно было уйти, забрать Биби и убраться с этой планеты.

Повернувшись на пятках, он вытащил из кармана свой комм и покинул Дом Знаний.

***

Джотэм притянул Джасинду к себе, не заботясь о том, какое расстояние считается «правильным». Ему нужно было, чтобы она была в его объятиях, нужно было чувствовать ее тело, прижатое к нему. Слова Юсуфа привели его в ярость. Чтобы этот маленький фоабхор, король или нет, намекал Джасинде на что-то подобное... Что бы он сказал, если бы она присутствовала в качестве его компаньонки, а не его будущей королевы?

— Все в порядке, Джотэм. — Джасинда слегка провела пальцами по его шее, пытаясь снять напряжение.

— Это не так. — Его глаза впились в ее глаза, а рука крепко сжалась на ее бедре. — Он не имел права!

— Его воспитали так, что он считает, что имеет. — Она продолжала ласкать пальцами его шею, пока они безупречно двигались вместе по комнате. — Это одна из тех вещей, которые я сразу заметила в тебе в Академии. Ты никогда не ожидал особого отношения, никогда не требовал его. Ты был первым наследником, которого я когда-либо встречала, и который не вел себя так, как подобает. После встречи с твоими родителями, спустя столько циклов, я должна сказать, что это меня удивляет.

К Джотэму вернулся юмор, и он расслабился от слов Джасинды.

— Этим я больше обязан Уиллу и *его* родителям, чем своим собственным, — сказал он ей. — Я много времени проводил с ними в детстве, особенно летом в их хижине. Мать Уилла была незлопамятной женщиной и относилась ко мне не иначе, чем к собственному сыну. Иногда мне хотелось, чтобы она так поступала, особенно если она ловила меня на попытке украдкой съесть лакомство, когда мне уже сказали «нет».

— Она поставила тебя на место, не так ли? — Джасинда улыбнулась ему.

— Да, ставила. Я искренне горевал, когда она встретилась с предками.

— Жаль, что я не могу с ней встретиться.

— Ты бы ей понравилась, — сказал ей Джотэм. — Она бы тебе понравилась. Она бы отреагировала так же, как ты, когда я попросил тебя помочь мне с Аминой. На самом деле, ты легко отпустила меня по сравнению с тем, что сделала бы со мной Канди Зафар.

— Правда? Мне придется это запомнить, — поддразнила Джасинда. Когда музыка начала стихать, она поняла, что они все это время танцевали и разговаривали на глазах у всех членов Ассамблеи на планете. Не говоря уже обо всех, кто смотрел трансляцию. Медленно они с Джотэмом разошлись, а затем повернулись, чтобы подойти к членам Ассамблеи Палаты защиты.

***

Дантон, как и все остальные люди в комнате, смотрел, как его мать танцует с Джотэмом, словно она была рождена для того, чтобы быть с ним, и, возможно, так оно и было.

Она больше не была просто его матерью.

Она больше не была женой его отца.

Теперь она была королевой и сияла, как королева.

Теперь все видели ее такой, какой она была на самом деле, включая его самого, и он был в благоговении от того, что может называть ее матерью. Повернувшись немного вправо, он поймал взгляд Стефани и увидел, что она думает о том же, и он знал, что Итан, сидящий дома и наблюдающий за происходящим, тоже.

Когда музыка закончилась, его внимание снова переключилось на пол, и он увидел, как Джотэм ведет его мать к оставшимся представителям Дома Защиты.

— Я полагаю, что необходимо объясниться. — Слова Эваднера Тервиллигера вернули внимание Дантона к фронту.

— С каких это пор я должен объясняться с вами, член Ассамблеи Тервиллигер? — потребовал Джотэм, несколько шокированный тем, что Эваднер, как никто другой, противостоит им.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — быстро ответил Эваднер. — Но, при всем уважении, я обращался не к вам. — Он обратил свое внимание на Джасинду. — *Вам*, юная леди, нужно кое-что объяснить. Я знаю вас уже почти сорок циклов... неужели вы не могли предупредить меня заранее?

Джасинда откинула голову назад и рассмеялась. Эваднер был единственным здесь, кому могло сойти с рук называть ее «юной леди» в том родительском тоне, который все помнили из собственного детства.

— О, Эваднер... ты всегда умел меня рассмешить. — Джасинда наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку. — Спасибо.

— В любое время, когда вам понадобится, я всегда к вашим услугам, моя королева.

И с этими словами мужчина, которого Джасинда всегда уважала, отвесил ей глубокий, формальный поклон. Тут же все остальные мужчины из Дома Защиты последовали его примеру, а все женщины сделали глубокий реверанс. Джасинда почувствовала, как ее глаза наполняются радостью от их признания.

— Вы все можете встать, — хрипло сказал им Джотэм, и их немедленное признание Джасинды тронуло и его. — И спасибо вам. Это очень много значит для нас обоих. Теперь это Бал, так что пришло время нам всем повеселиться. — После этого все начали разговаривать и общаться.

— Джасинда! — Эвадна тут же схватила Джасинду за руку и потянула ее в сторону. — Посмотри на себя! Ты светишься!

— Я так счастлива, Эвадна.

— Это видно. Ох! — Эвадна тут же уронила руки Джасинды, когда охранники королевской особы подошли ближе. — Мне так жаль! Я не должна была прикасаться к тебе!

— Эвадна, — Джасинда тут же подняла руки Эвадны обратно и одарила охранников жестким взглядом, который заставил их отступить. — Почти с того момента, как я прибыла в Печору, ты направляла меня, поддерживала, была моим наставником и настоящим другом. Я надеюсь, что так будет и впредь, потому что сейчас, как никогда, мне нужна эта дружба.

— Для меня будет большой честью помочь вам, Ваше Величество. — И снова Эвадна сделала реверанс в ее сторону.

— Матушка. — Дантон подошел к ней и поцеловал ее в щеку. — Могу ли я удостоиться чести потанцевать? Конечно, с вашего разрешения, король Джотэм. — Дантон посмотрел на Джотэма.

— Правда? Ты считаешь, что должен *спрашивать*, можно ли тебе танцевать с твоей *матерью*? — Джасинда подняла бровь на своего сына.

— Сегодня вечером? Да, — ответил Дантон, не обращая внимания на бровь матери. — Сегодня у вас первая ночь, и я хочу начать ее с правильной ноги. Я думаю, мы все хотим.

— Со мной ты всегда будешь на правильной ноге, Дантон, если только не будешь наступать мне на пятки, как когда-то.

Дантон откинул голову назад и рассмеялся.

— Я постараюсь этого не делать. Пойдем? — спросил он, протягивая ей руку.

— С удовольствием.

Джотэм смотрел, как Дантон ведет мать на пол. Он даже не думал, что они заметили, как другие расступились перед ними.

— Мой король, — Джотэм повернулся, когда Эваднер заговорил с ним. — Я понимаю, что мое мнение не имеет значения, но я хотел бы сказать, что никогда не гордился тем, что являюсь членом Ассамблеи от вашей палаты, как сегодня. С Джасиндой Мичелокакис в качестве нашей королевы... — Эваднер почувствовал, что его горло сжалось.

— Она действительно замечательная женщина, не так ли?

— Да, Ваше Величество. Предки действительно благословили наш Дом.

— Я верю в это, Эваднер. Я действительно верю в это.

***

По мере того как продолжалась ночь, Джотэм наблюдал, как каждый мужчина стремился потанцевать с Джасиндой. После Дантона это был Барек, затем Эваднер, а потом Уильям. Но когда вперед вышел Юсуф, с Джотэма было достаточно. Он ни за что не позволил бы этому человеку прикоснуться к своей Джасинде.

— Прошу прощения, Юсуф, но мое терпение иссякло, когда другие танцуют с *моей* королевой. Уверен, ты меня понимаешь. — И с этими словами Джотэм увлек Джасинду на пол для одного из последних танцев этой ночи.

— Спасибо, что спас меня. Я не знала, как вежливо сказать ему, чтобы он отвалил.

Джотэм рассмеялся.

— Может быть, мне стоило подождать еще несколько минут, потому что я бы хотел увидеть выражение лица Юсуфа, когда ты сказал бы ему, куда идти.

— Но это бы не сильно помогло в отношениях между домами.

— Мне все равно. Маленького фоабхора нужно поставить на место. — Джотэм вдруг понял, что уже поздно. — Ты готова отправиться отдыхать?

— Более чем, — сказала она ему.

— Тогда позволь мне сказать Бареку, что мы уходим, и удалиться. Я чувствую потребность заняться любовью с моей королевой.

***

— Я не видел Паяри, а ты? — тихо спросил Барек у Дантона, когда они стояли вместе в глубине зала и смотрели, как танцуют их родители.

— Они уехали вскоре после того, как вы прибыли на бал, — так же тихо ответил Дантон. — Аделаида стала довольно резко выражать свое неодобрение будущей королеве.

— Правда?

— Да.

— И они не вернулись? — спросил Барек.

— Нет, — ответил Дантон.

— Мадам Паяри вернулась, — тихий голос, раздавшийся сзади, заставил обоих мужчин обернуться и увидеть Стефани, стоящую в тени.

— Что? — спросил Барек.

— Мадам Паяри вернулась, — сказала ему Стефания, — но она еще не поздравила королевскую чету. Вместо этого она остается на внешних краях. Наблюдает.

— Она может представлять угрозу, Стефани, — сказал Дантон.

— Для короля? — спросила Стефани.

— Для мамы, — сказал ей Дантон и увидел, как расширились ее глаза.

***

Джасинда улыбалась, когда Джотэм вел ее обратно к Дантону и Бареку, и люди расступались перед ними. Эта ночь была волшебной. Все ее тревоги были напрасны.

— Нет! Я этого не допущу! — внезапно из ниоткуда появилась Аделаида Паяри, прокладывая себе путь сквозь толпу, вырывая путы, которые когда-то удерживали ее волосы, и набрасываясь на Джасинду.

— Нет! — крикнул Джотэм, делая шаг навстречу Джасинде, готовый принять удар, если это спасет его Джасинду, когда их обоих повалили на пол.

***

Джасинда вдруг обнаружила, что лежит на спине на твердом холодном полу, дыхание перехватило, когда Джотэм навалился на нее сверху. Она слышала крики и вопли, наполнявшие комнату, но единственной ее заботой был Джотэм, который не двигался на ней.

— Джотэм! — Она схватила его за плечи, тряся его. — Джотэм!

— Я в порядке, — простонал он, перекатываясь на бок, так что оказался на коленях лицом к ней. — А ты? — Его глаза бешено забегали по ней в поисках каких-либо признаков травмы.

— Я в порядке. У меня просто на минуту выбило дух. — Ее глаза в свою очередь пробежались по нему. — Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Да. Охранник оттолкнул меня с дороги. — Поднявшись, он помог ей встать на ноги. Он не мог поверить, как близко он подошел к тому, чтобы потерять ее, прямо здесь, в комнате, заполненной охранниками. Обхватив ее руками, он притянул ее к себе и почувствовал дрожь, которая пробежала по ее телу, когда она обхватила его за талию.

— Джасинда? — слегка откинувшись назад, он посмотрел на нее, вглядываясь в бледность ее кожи.

— Я в порядке, просто обними меня. — Джасинда впитывала комфорт, который дарили ей руки Джотэма, и благодарила предков за то, что он в безопасности. — Я не могу поверить, что Аделаида могла сделать что-то подобное.

Джотэм оглядел окруживших их охранников и увидел, что Аделаиду сейчас удерживают Грин и его люди.

— Уведите ее отсюда, лейтенант. Я разберусь с ней позже.

— Мама!

— Дантон, я в порядке. — Страх в голосе Дантона заставил Джасинду искать сына среди охранников, но она не могла его найти.

— Мама, ты должна подойти сюда! СЕЙЧАС!

Джасинда вдруг поняла, что страх в голосе сына был не за нее, и сердце Джасинды остановилось. Она тут же вырвалась из объятий Джотэма и протиснулась сквозь окруживших их охранников.

— Шевелитесь! — приказала она, и когда они, наконец, сделали это, Джасинда замерла.

В окружении Николаса, Питера и Дантона, стоявших на коленях, лежала Стефания. Два металлических копья из волос Аделаиды торчали у нее из спины, а ее куртка была пропитана кровью, так как она с трудом дышала.

— Стефани! — душераздирающий крик Джасинды пронесся по наполненной шумом комнате и заставил всех притихнуть.

Джасинда тут же опустилась на колени рядом с дочерью, не обращая внимания ни на кровь, ни на протокол.

— Стефи, детка, это мама. Поговори со мной, детка. — Слезы текли по лицу Джасинды, а ее руки порхали над дочерью, не зная, к чему прикоснуться. Наконец, она схватила бледную руку, которая поднялась к ней.

— Мама? — глаза Стефани на мгновение распахнулись в поисках ее.

— Я здесь, детка. Я здесь. — Джасинда опустила голову к полу, чтобы Стефани было легче ее видеть.

— Ты в порядке? — прошептала Стефани.

— Я в порядке.

— Король Джотэм?

— Я тоже в порядке, Стефани. — Джотэм стоял на коленях рядом с Джасиндой. — Благодаря тебе, мы оба в порядке.

Слабая улыбка на мгновение появилась на губах Стефани, но затем исчезла.

— Я говорила тебе, мама, — слабо прошептала она. — Я говорила тебе, что мне нужно быть здесь.

— Ты говорила, детка. — Джасинда не позволила своему голосу дрогнуть, даже когда слезы текли по ее лицу. Она должна была быть сильной для своей дочери. — И ты была права. Сейчас я расскажу тебе, и *ты* поверишь в то, что *я* скажу *тебе*. С тобой все будет хорошо. Доктор уже в пути, и он позаботится о тебе. Ты слышишь меня, Стефани?! Ты переживешь это!

— Все в порядке, мама. — Она слабо сжала руку матери. — Не плачь. Я не боюсь умереть.

— Стефани Энн Мичелокакис, ты не будешь так говорить! Ты слышишь меня? Ты не собираешься умирать! Я запрещаю это!

— Говоришь как истинная королева…, — и при этих словах все тело Стефани словно обмякло.

— Стефани! — закричала Джасинда.

***

Джотэм беспомощно наблюдал, как Джасинда ходит по комнате, ее красивое платье было в крови и порвано, но она отказывалась оставить своего ребенка. Стефани уже несколько часов находилась в операционной. Доктор Блайант сразу же увез ее, как только увидел, и с тех пор они ничего не слышали.

Все приходили проведать их. Эваднер и Эвадна. Питер и Синди. Кассандра и Уильям. Но им нечего было сказать. Дантон без перерыва разговаривал по своему компу с братом и тетей, информируя их о том, что произошло, а Барек постоянно общался с Грином, который допрашивал Аделаиду. Поднявшись, Джотэм встал на пути Джасинды и обхватил ее руками, успокаивая.

— Джасинда, тебе нужно немного посидеть. Ты не принесешь Стефани никакой пользы, если упадешь от истощения.

— Я...

— Мама, Джотэм прав, — добавил свой голос Дантон к голосу Джотэма, когда тот отключил свой компьютер, на его лице были написаны усталость и беспокойство. — Посиди, хотя бы несколько минут. Пожалуйста, ради меня.

Наконец, она кивнула и позволила Джотэму подвести ее к креслу рядом с Дантоном. Как только она села, она взяла Дантона за руку.

— С ней все будет хорошо, мама. Ты же знаешь, какая Стефи упрямая.

— Знаю, — она сжала его руку. — Она так старалась, чтобы не отстать от вас с Итаном.

— Мы задавали ей такие трудные времена.

— Да, но она не хотела, чтобы было по-другому. Она любила каждую минуту, как любит тебя.

Звонок комма Барека произвел резкий эффект на всех присутствующих в комнате. Посмотрев вниз, Барек нахмурился, прочитав сообщение.

— Полагаю, это касается Паяри и того, что произошло, — сказала Джасинда Бареку.

— Ты можешь сказать ей, — сказал Дантон Бареку, видя, что тот колеблется. — Если ты не расскажешь, она просто будет изматывать тебя, пока ты не расскажешь.

Поверь мне, она может быть..., — он слегка улыбнулся матери. — Настойчивой, когда считает, что имеет право что-то знать.

Барек посмотрел на отца, который кивнул.

— Эллиот Паяри исчез. Похоже, он покинул Бал вскоре после вашего прибытия, оставив свою жену. Возможно, он даже не знает, что это Аделаида напала на тебя, так как трансляция была немедленно прервана при первых признаках неприятностей.

— Я хочу, чтобы его нашли, Барек, — сказал Джотэм своему сыну.

— Кассандра уже занимается этим. Она в ярости от того, что это произошло в ее Доме, и приказала закрыть все границы, пока его не найдут.

— Это не вина Кассандры, — сказала Джасинда, вставая и снова начиная вышагивать. — Я знаю Аделаиду больше циклов, чем хочу вспомнить. Она всегда была немного нестабильной из-за своих «пуристских» идей. Она даже провела некоторое время в Атрато несколько циклов назад. Но даже несмотря на все это, я никогда не думала, что она настолько безумна, чтобы зайти так далеко. Напасть на Джотэма на королевском балу, на глазах у тысяч свидетелей.

— Она пыталась напасть на тебя, мама, — мягко напомнил ей Дантон.

— Я знаю, но Джотэм, шагнув вперед, должен был остановить ее. Она никогда бы не попыталась убить короля. Она слишком сильно хочет, чтобы Шоша вышла замуж за Барека.

— Что?!! — прошипел Барек.

— Это то, что мы обнаружили, исследуя передачи между Паяри и Станником. Они не имели ничего общего с покушением Станника на Кассандру. Вместо этого, они касались того, что они хотят, чтобы их дочь стала следующей королевой, — заявил Джотэм.

— Я даже не знаю их дочь, — ответил Барек.

— Я уверена, что для Аделаиды это не имело значения, — сказала ему Джасинда.

В этот момент двери с другой стороны комнаты открылись, и вошел Блайант, все еще в своем операционном костюме, испачканном кровью, с мрачным выражением лица. Джасинда вслепую протянула руку и схватила Джотэма за руку.

— Мадам Мичелокакис, — начал Блайант. — Мне жаль, что у меня не было времени должным образом представиться вам раньше.

Джасинда пренебрежительно махнула рукой.

— Меня не волнуют манеры, доктор Блайант. Только моя дочь.

— Да, конечно, я все прекрасно понимаю. Ваша дочь — очень сильная и упрямая женщина, мадам Мичелокакис. Повреждения, нанесенные ее спине и легким, убили бы большинство людей. Ваша дочь не допустила этого.

— Значит, с ней все будет в порядке? — потребовала Джасинда, ее пальцы впились в руку Джотэма.

— Я не вижу причин, почему бы и нет, если только не возникнут непредвиденные осложнения, но есть кое-что, о чем вы должны знать.

— Что? — потребовала Джасинда.

— Я не смог спасти поврежденное легкое.

— Что? — Джасинда побледнела, и Джотэм обхватил ее за талию, поддерживая.

— Нападавший, похоже, выкрутил копья, когда наносил удары вашей дочери. Они раздробили легкое. Это была чистая удача, что она поразила только одно. Если бы она ударила обоими, ничто бы не спасло вашу дочь.

— О, мои предки. — Джасинда поднесла дрожащую руку ко рту при мысли о том, как близко она подошла к тому, чтобы потерять Стефи.

— Из-за этого, — продолжил Блайант, — она не сможет поддерживать тот уровень подготовки, который есть сейчас.

— Вы хотите сказать, что она больше не сможет быть стражем?

— Нет, не сможет, — прямо сказал ей Блайант.

— Но в остальном, — наконец заговорил Джотэм, — она сможет жить полноценной жизнью?

— Да, я не вижу причин, почему она не сможет.

— Спасибо, доктор Блайант. — Джотэм кивнул Блайанту.

— Я дам вам знать, когда вы сможете ее увидеть. — Его взгляд вернулся к Джасинде, впервые рассматривая браслет, который она все еще носила. — Она все еще под сильным наркозом, Ваше Величество. Возможно, для нее будет лучше, если она не увидит кровь на вашем платье. Я думаю, что это ее встревожит, а я бы хотел, чтобы она была как можно спокойнее. Ее тело серьезно пострадало, и ему, и ей, потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к одному легкому.

***

— Мне нужно сообщить Итану. — Джасинда провела трясущейся рукой по волосам, с удивлением обнаружив, что все еще носит браслет. — И Пальме, и...

— Мама, — Дантон взял ее за руку, успокаивая, ему не нравилось, что она начала дрожать. — Я все сделаю. Иди переоденься и отдохни немного, пока Стефи не проснулась. Она захочет увидеть тебя. Вас обоих. — Он посмотрел на Джотэма. — Чтобы убедиться, что с вами все в порядке.

— Но...

— Он прав, Джасинда. — Джотэм сжал ее талию.

— Хорошо. — Она слабо улыбнулась Дантону. — Обязательно скажи им, что она полностью поправится.

— Обязательно. Дантон посмотрела на Джотэма поверх ее головы, молча поблагодарив его за поддержку.

— Пойдем, Джасинда. Давай тебя переоденем. — Джотэм повел ее из комнаты.

Как только они вышли из комнаты, оба Стража тут же окружили их. Именно тогда Джасинда заметила кровь на форме Деффонда и вспомнила, как он сразу же оказался рядом со Стефани.

— Спасибо, Николас. — Протянув руку, она сжала его руку.

— Она... — Деффонд обнаружил, что ему нужно прочистить горло.

— С ней все будет хорошо, — заверила его Джасинда.

— Спасибо предкам, — прошептал Деффонд.

— И быстро действующим, хорошо обученным охранникам. — Она окинула взглядом всех присутствующих. — Спасибо вам. Всем вам.

— Капитан, мы идем в Королевское крыло, чтобы переодеться, а затем вернемся. Я хочу, чтобы у комнаты Стефани была выставлена охрана.

— Об этом уже позаботились, Ваше Величество. Капитан Чемберлен лично подобрал людей, чтобы мы могли оставаться рядом с вами.

Джотэм посмотрел на Джасинду и, получив ее одобрительный кивок, снова обратился к Деффонду.

— Это будет хорошо. Я также хочу, чтобы охрана вокруг Дантона и Барека была усилена. Пока мы не узнаем, где находится Эллиот Паяри, я не буду рисковать.

— Да, Ваше Величество. — Он тут же посмотрел на нескольких мужчин, которые кивнули и остались позади.

С каждым шагом, который они делали, Джотэм чувствовал, как дрожь в Джасинде усиливается. Как только они закрыли двери в Королевское крыло и остались одни, Джасинда рухнула в его объятия, отпустив весь свой страх и горе.

— Я держу тебя, Джасинда, — прошептал он ей в волосы, подхватывая ее на руки и неся прямо в ванную. — Я держу тебя. Я люблю тебя. Все будет хорошо. Все будет хорошо.

— Я знаю, — прошептала она, прижимаясь к его шее, когда он позволил ее ногам коснуться пола. — Я знаю. Я просто не могу перестать дрожать.

— Это понятно. — Он осторожно отложил в сторону ее циркуль, затем его руки направились к ее боку, чтобы найти устройство, скрепляющее ее платье. — Ты была такой сильной, пройдя через все это, любовь моя, для всех. Теперь тебе нужно немного времени для себя.

— Я могла потерять ее, Джотэм. Я могла потерять свою дочь. — Она положила голову ему на плечо, пока он раздевал ее. — Я могла потерять *тебя*. — Слезы текли по ее лицу, когда она смотрела на него.

— Но ты не потеряла. — Он вытер слезы с ее щек. — Я в порядке, и Стефани будет в порядке. Мы позаботимся об этом. А теперь пойдем, любовь моя, приведем тебя в порядок. — Джотэм завел ее в душевую кабинку.

— Присоединиться ко мне? — ее глаза умоляли, когда она шагнула внутрь. — Ты мне нужен.

Джотэм сразу же начал раздеваться, не заботясь о том, куда что попадет.

— Я здесь, Джасинда. — Скользнув в душ, он обхватил руками ее блестящую плоть, притягивая к себе. Он нежно провел пальцем по родимому пятну между ее грудей. — Оно наполнилось цветом, — прошептал он.

— Правда? — Свободными руками обхватив его талию, она откинулась назад. Посмотрев вниз, она увидела, что золотые символы, которые раньше были видны только на руке короля, теперь наполнились цветом. — До бала все было не так, Джотэм? — Она подняла на него встревоженные глаза.

— Все будет хорошо, любовь моя.

— Но...

— Таков путь предков, Джасинда. Когда приходит время правителя, его родинка наполняется цветом.

— Я знаю это, но... ни одна женщина никогда не носила символ Дома Исцеления.

— Твои предки носили.

— Верно, но он никогда не наполнялся цветом.

— Ты уверена в этом? — Джотэм осторожно поцеловал каждую метку, прежде чем выпрямиться и запустить пальцы в ее волосы. — Ты там, где тебя хотели видеть предки, Джасинда, в моих объятиях. Остальное мы решим... вместе.

— Я люблю тебя, Джотэм.

— И я люблю тебя. — Он скользнул рукой по ее шее, продлевая поцелуй. — Мы пройдем через это, Джасинда, и все остальное, что подкинет нам жизнь, потому что мы вместе. — Потянувшись вверх, он погладил ее по щеке. — И как только Стефани поправится, я сделаю тебя своей женой и королевой.

— Твоей женой... — Джасинда одарила его поистине блистательной, любящей улыбкой. — Это все, чего я хочу. Ну, и чтобы ты повернулся, чтобы я могла вымыть тебе спину.

— И это все, что ты будешь мыть? — спросил Джотэм, чувствуя, как его ствол начинает удлиняться, когда ее руки коснулись его бедер.

— Ну, я думаю, это зависит от тебя... мой король.

Конец